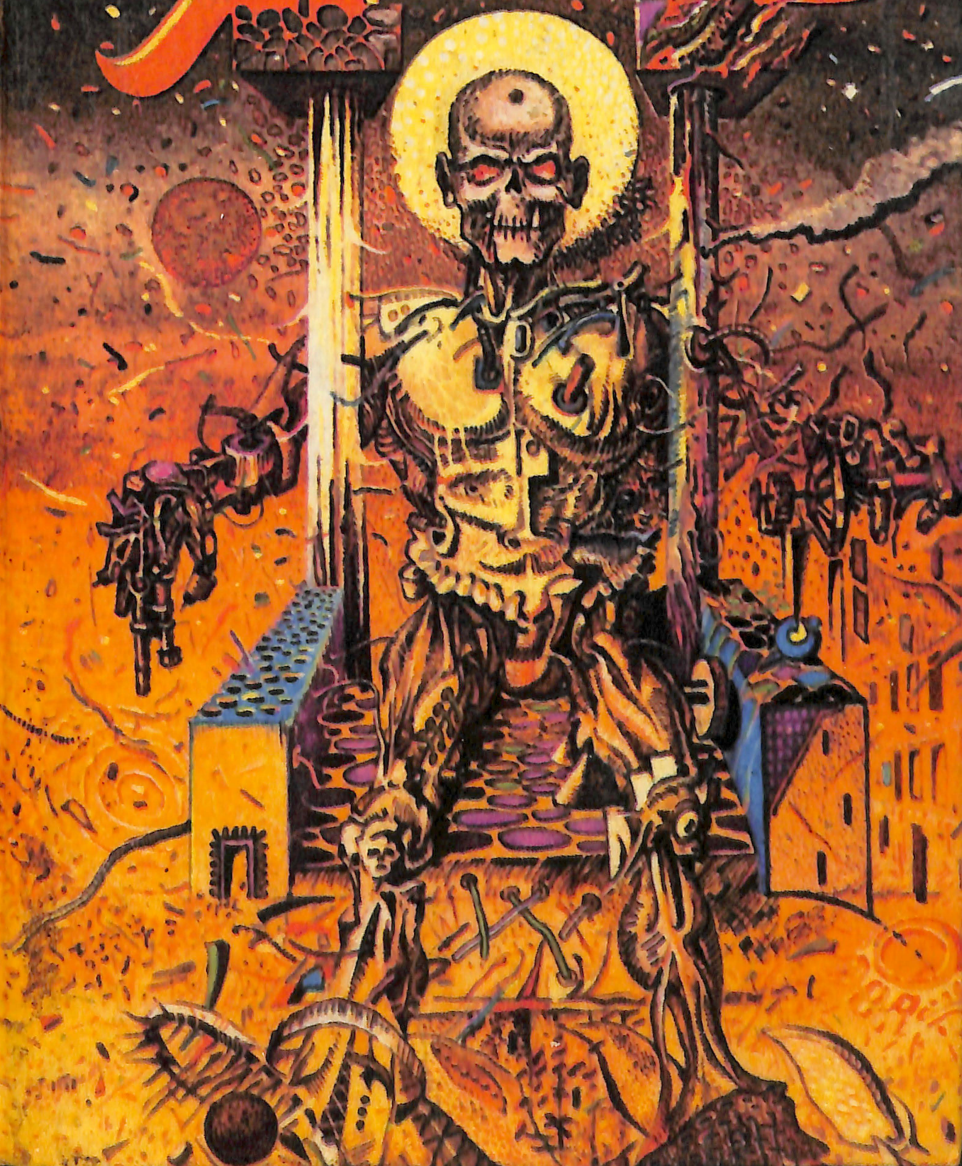

ГЕНРИ КАТТНЕР

ЯРОСТЬ

ЯРОСТЬ

ГЕНРИ КАТТНЕР

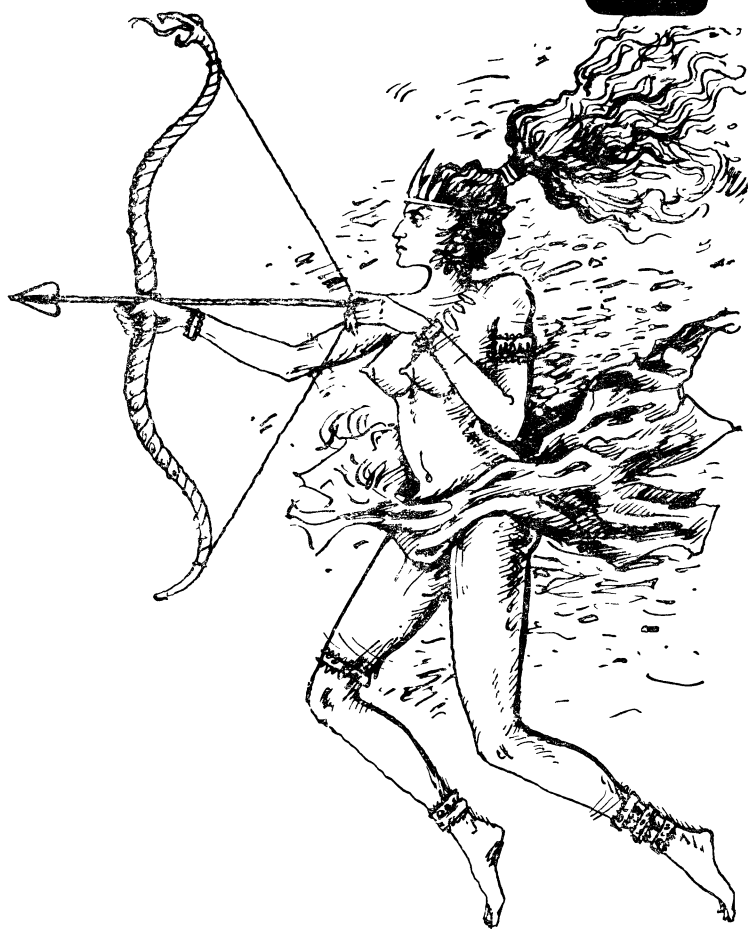

БИБЛИОТЕКА АНТАСТИКИ

2

Генри Каттнер

ТЕМНЫЙ МИР

**ИСТОЧНИК
МИРОВ**

ЯРОСТЬ

**ЗДЕСЬ БЫЛ
ГНОМ**

Романы, рассказ

Серия основана в 1991 г.

Составитель *А. Г. Бобита*

Художник-оформитель *В. А. Рияка*
Художники-иллюстраторы *В. Г. Еременко, И. И. Еременко*

© Составление. *А. Г. Бобита*, 1992

© Перевод на русский язык.
О. С. Ладыженский, Д. Е. Громов,
1992

© Иллюстрации. *В. Г. Еременко, И. И. Еременко*, 1992

© Художественное оформление серии. Издательство «ОКО»,
Харьков, 1992

К 4703040000— Без объявл.

ISBN 5—87022—001—7

ТЕМНЫЙ МИР

Роман

© *Henry Kuttner. The Dark World. N. Y. : Ace, 1965*
© Перевод. О. С. Ладыженский, Д. Е. Громов, 1992
© Литературная обработка. А. Г. Бобита, 1992

I. Огонь в ночи

На севере тонкая струйка дыма, извиваясь, поднималась в темнеющее небо. И вновь я почувствовал непонятный страх, жуткое желание куда-то убежать, которое преследовало меня. Я знал, что на это не было причин. Это был лишь дым, поднимающийся из болот одного запущенного местечка, не далее пятидесяти миль от Чикаго, где люди давно уже победили суеверия стальными конструкциями и бетоном.

Я знал, что это обычный огонь костра, и в то же время я знал, что это не так. Где-то в глубине своей души я осознал, что это за огонь, и кто стоит рядом с ним, глядя в мою сторону сквозь увешанные полками стены с огромным собранием книг моего дяди-коллекционера, опиумными трубками искусной отделки, украшенными серебром, золотые шахматные фигурки из Индии, шпагу...

Страх и тяжелые воспоминания зашевелились внутри меня.

В два шага я оказался рядом со шпагой, сорвал ее со стены и крепко охватил пальцами рукоятку. Не совсем понимая, что я делаю, подошел к окну и вновь уставился на далекий дым. Шпага была зажата в моей руке, но чувство было фальшивое, не успокаивающее, не такое, какое должно быть у человека, держащего нужное ему оружие.

— Спокойно, Эд.

Глубокий голос моего дяди послышался за моей спиной.

— В чем дело? Ты выглядишь немного... дико.

— Не та шпага, — услышал я свой собственный беспомощный голос.

Затем туман в моей голове рассеялся. Я глупо заморгал глазами, глядя на дядю и удивляясь, что такое со мной происходит.

Мои голосовые связки тем временем продолжали говорить:

— Не та шпага. Нужен Меч Огня и Короля Воды. Три великих талисмана — фрукт «хуа», который всегда остается свежим, раттан с цветами, которые никогда не вянут, и шпага Як, охраняющая дух.

Мой дядя уставился на меня сквозь клубы дыма.

— Ты изменился, Эд, — сказал он глубоким мягким голосом. — Ты сильно изменился. Я думаю, это из-за войны, этого следовало ожидать. И ты болен. Но ты раньше никогда не интересовался такими вещами. Мне кажется, ты слишком много времени проводишь в библиотеке. Я надеялся, что отпуск тебе поможет. Отдых...

— Я не желаю отдыхать, — яростно ответил я. — Полтора года я провел, отдыхая на Суматре. Ничего не делал, только отдыхал в этой маленькой вонючей деревне в джунглях, и все ждал, и ждал, и ждал...

...Я видел ее перед глазами, чувствовал ее запах. Я снова ощущал лихорадочную дрожь, которая трясла все мое тело, когда я лежал в хижине, которая была табу.

Ум мой перенесся на восемнадцать месяцев назад, в тот последний час, когда все оставалось на своих местах, когда я еще был нормальным человеком. Вторая мировая война близилась к завершению, и я летел над джунглями Суматры. В войне, конечно, нет ничего хорошего, но до того ослепляющего мгновения в воздухе я был нормальным человеком, уверенным в себе, уверенным в своем месте в жизни, и не мучился тем, чего никак не мог вспомнить.

Затем мгновенно и внезапно все полностью исчезло. Это не могло быть просто попаданием из зенитки. Единственные повреждения, которые я получил, произошли при падении самолета, да и те — простые царапины. Я остался цел и невредим, но слепота и непонимание пришли ко мне.

Дружелюбные батаки нашли меня в покалеченном самолете и выходили от лихорадки и припадков ярости своими странными, грубыми, но эффективными методами. Никогда мне не приходило в голову, что они оказали мне большую услугу, чем спасение моей жизни.

Но у их шамана закрались сомнения. Он что-то знал. Он производил свои загадочные заклинания с веревкой с завязанными на ней узлами и горстью риса, потев от напряжения, которого я не понимал тогда.

Я помню разрисованную уродливую маску, нависающую надо мной из темноты, руки,двигающиеся странными, властными жестами.

— Вернись, о душа, где бы ты ни пряталась, в лесах, в горах или в реке. Смотри, я вызываю тебя, «тоэмба брас», яйцо истины Раджи, «меелиджа», одиннадцать целебных хинных листьев...

Да, они все сначала очень жалели меня. Шаман был первым, кто почувствовал что-то не то — и ко мне начали относиться настороженно. И я чувствовал, как увеличивается эта настороженность, как меняется отношение ко мне. Они боялись не меня — я в этом был уверен — но... чего?

До того, как вертолет прилетел забрать меня обратно в цивилизованный мир, шаман немного рассказал мне. Возможно, столько, сколько осмелился.

— Ты должен прятаться, сын мой. Всю свою жизнь ты должен прятаться — что-то ищет тебя...

Он произнес слово, которого я не понял.

— И оно пришло из другого мира — из страны духов, чтобы охотиться за тобой. Помни — все магические предметы должны быть для тебя табу. А если это не поможет, то, может быть, тебе удастся найти волшебное оружие. Но мы не можем помочь тебе. Наши силы недостаточно могущественны.

Он был рад, когда я улетел. Все были рады.

И после этого я не находил себе места, потому что что-то полностью изменило меня. Лихорадка? Возможно. По крайней мере, я не чувствовал себя тем самым человеком, каким был раньше. Сны, воспоминания — меня что-то преследовало, как будто где-то, когда-то я оставил какую-то жизненно важную работу незаконченной...

Я почувствовал, что могу говорить с моим дядей спокойней.

— С меня как будто спала пелена тумана. Я более ясно стал понимать многое — казалось, все приобрело иной смысл. Со мной происходят вещи, которые казались мне ранее невероятными. Но не сейчас.

— Ты же знаешь, я много путешествовал, но это не помогло. Всегда что-то напоминает мне. Амулет в окне лавки старьевщика, опал, похожий на кошачий глаз, две фигуры... Я постоянно вижу их во сне. А однажды...

Я замолчал.

— Да, — мягко подсказал мне дядя.

— Я был в Новом Орлеане. Однажды ночью я проснулся, рядом со мной в комнате кто-то был. Совсем близко. У меня под подушкой лежал особый пистолет. Когда я его выхватил, она... назовем ее собакой... — выскочила из окна. Только, все-таки, она не совсем напоминала собаку.

Я заколебался.

— В пистолете были серебряные пули, — сказал я.

Мой дядя долгое время молчал. Я знал, о чем он думает.

— А другая фигура? — наконец спросил он.

— Не знаю. На ней был надет капюшон. Мне кажется, что она очень стара. И, кроме этих двух...

— Да?

— Голос. Очень нежный голос. Зовущий. Огонь. И за огнем — лицо, которое мне ни разу не удалось ясно увидеть.

Мой дядя кивнул. В комнате становилось темно, и я с трудом различал черты его лица, а дым снаружи растворялся в тенях ночи... Но слабое мерцание все еще было видно среди деревьев... Или это было только плодом моего воображения?

Я кивнул в сторону окна.

— Я видел этот огонь раньше.

— Что в этом странного? Отдыхающие всегда разводят костры.

— Нет. Это — Огонь Нужды.

— Это еще что такое?

— Это ритуал, — пояснил я. — Как костры шотландцев, которые они разводят в середине лета. Но Огонь Нужды разводится только во время несчастий. Это очень старый обычай.

Дядя отключил свою трубку и наклонился вперед.

— В чем дело, Эд? Ты хоть сам понимаешь, что говоришь?

— Я думаю, что психологически это можно назвать комплексом преследования, — медленно ответил я. — Я... верю в то, что раньше не принимал всерьез. Мне кажется, что кто-то пытается разыскать меня, что он уже разыскал. И зовет. Кто это — я не знаю. Чего от меня хотят — я тоже не знаю. Но недавно я нашел еще одну вещь — шпагу.

Я поднял шпагу со стола.

— Это не то, что мне нужно, — продолжал я. — Но иногда, когда мой ум... блуждает, что-то снаружи заполняет его. Например, необходимость иметь шпагу. Не просто шпагу — а одну-единственную. Я не знаю, как она выглядит, но я сразу узнал бы ее, если б держал в руке.

Я засмеялся.

— И если б я вытащил ее из ножен, я сумел бы задуть этот огонь, как пламя свечи. А если бы я вытащил ее полностью, то всему миру пришел бы конец!

Мой дядя кивнул головой. Через минуту молчания он заговорил:

— Врачи, — спросил он. — Что они говорят?

— Я знаю, что они скажут, если я обращусь к ним, — угрюмо ответил я. — Полное сумасшествие. Если бы я был в этом уверен, мне было бы легче.

Прошлой ночью убили одну собаку. Ты знаешь об этом?

— Конечно. Старого Герцога. Его, видно, загрызла собака с соседней фермы.

— Или волк. Тот самый волк, который проник ко мне в комнату прошлой ночью и стоял надо мною, как человек, и отрезал клоч моих волос.

За окном, далеко, что-то вспыхнуло и вновь ушло в темноту. Огонь Нужды.

Мой дядя поднялся со своего места и стоял в сумерках, глядя на меня. Он положил свою большую руку мне на плечо.

— Думаю, что ты болен, Эд.

— Ты думаешь, что я сумасшедший. Что ж, может быть и так. Но у меня предчувствие, что скоро я это узнаю — так или иначе.

Я выдвинул шпагу из ножен и положил ее себе на колени. Мой дядя опять сел, и мы в молчании сидели долгое время.

В лесу на севере ровно горел Огонь Нужды. Я не мог его видеть. Но его пламя кипело в моей крови — опасно, злобно.

2. Зов рыжей ведьмы

Я не мог заснуть. Нечем было дышать — жаркая духота летнего вечера накрыла меня, как одеялом. В конце концов я не выдержал, встал и отправился в гостиную, беспокойно ища сигареты. Из открытой двери до меня донесся голос дяди:

— Все в порядке, Эд?

— Да. Не могу заснуть. Может быть, почитаю на ночь.

Я взял первую попавшуюся книгу, откинулся в удобном кресле и зажег настольную лампу. Над озером стояла мертвая тишина — не слышалось даже плеска волн на пляже.

Мне чего-то не хватало.

Рука снайпера в трудную минуту всегда будет искать гладкую металлическую или деревянную поверхность несуществующего ружья. Точно также и моей руке хотелось почувствовать что-то, мне казалось, что не ружье и не шпагу. Я не мог вспомнить, что это за оружие, которым я пользовался раньше.

Мой взгляд упал на кочергу, лежащую у камина, и я совсем было подумал, что это то, что нужно: но чувство это мелькнуло на мгновение и сразу же пропало.

Книга оказалась популярным романом. Я быстро пролистывал страницы, просматривая ее. Смутное, далекое биение моего пульса не исчезало. Оно, напротив, нарастало, поднималось из подсознания. Далекое возбуждение, казалось, закипало в моей душе.

Скривив лицо, я поднялся и поставил книгу на место. На мгновение я остановился перед полкой, пробегая глазами по корешкам книг. Повинуясь безотчетному чувству, я достал с полки том, которым не пользовались уже много лет. Это оказался молитвенник.

Он открылся в моих руках, и на глаза мне попалась фраза: «И я пришел, и чудовища окружили меня».

Я поставил книгу на место и вернулся в кресло. Настольная лампа раздражала меня, и я нажал на выключатель. Тут же лунный свет залил комнату, и мгновенно странное чувство ожидания чего-то вернулось ко мне с удвоенной силой, как будто исчез невидимый барьер.

Вложенная в ножны шпага все еще лежала на подоконнике. Я посмотрел мимо нее на небо в легких облачках, среди которых светила Луна, сверкая серебристым светом. Далеко-далеко виднелось слабое сияние — Огонь Нужды все еще горел на болотах.

И он звал.

Золотистый квадрат окна притягивал с гипнотической силой. Я откинулся на спинку кресла, полузакрыв глаза, и чувство опасности холодом обдало мой мозг. Несколько раз я слышал этот зов, призывающий меня, но всегда я находил в себе силы сопротивляться ему.

На этот раз я заколебался.

Локон, срезанный с моей головы — может быть, это он придал моим врагам новые силы? Суеверия. Логика подсказывала мне эту мысль, но глубокое внутреннее убеждение говорило, что старинное колдовство с волосами не было просто болтовней.

С тех пор, как я побывал на Суматре, я стал куда менее скептическим. И с тех пор я занялся изучением.

Это были старинные книги, начиная от белой магии, и кончая сказками о вызывании духов и демонов. Я прочел все это очень быстро.

Было такое впечатление, будто я повторил курс, освежив в памяти то, что давным-давно знал. Только одно тревожило меня — что бы я не читал, я непременно натыкался на ссылки на эту силу.

И этой силой была сама Вечность — которая в фольклоре известна под многими именами: Дьявол, Люцифер, Сатана, Кутчи — австралийский Иерарх, Тунья у эскимосов, Абонсам в Африке и Отрателли в Швейцарии.

Я не занимался изучением дьявола — но у меня и не было в этом нужды. Мне все время снился один сон, который не мог быть ничем иным, как какой-то черной силой, которая представляла собой зло. Я стоял перед золотистым квадратом света, очень испуганный, но стремящийся к какому-то совершенству, которого желал всеми силами. И глубоко внутри сверкающего квадрата начиналось какое-то движение; я знал, что следует сделать определенные церемониальные движения, прежде чем начнется ритуал, но невыносимо трудно было избавиться от ощущения, парализовавшего все мои члены.

Квадрат, похожий на залитое лунным светом окно передо мной — похожий, но не такой же.

Почему-то сейчас меня не охватывал холодный страх. Скорее, тот напев, который я слышал, был мягким, успокаивающим — как женский убаюкивающий голос.

Золотистый квадрат заколебался, затуманился, и маленькие змейки света ударили мне в глаза. Низкое пение очаровывало, лишало сил. Золотистые змейки бегали взад и вперед, как будто в удивлении. Они дотронулись до лампы, стола, ковра — и отступили. Потом они дотронулись до меня.

И сразу зазмеились еще быстрее! Я даже не успел испугаться, а они уже окружили меня, сжали в свои объятия, окутывая золотистым покрывалом сна. Напев стал громче, и я поддавался ему.

Как тело сатира Марсия дрожало при звуках его родных фригийских мелодий! Я знал это... заклинание!

Сквозь золотистый свет исчезающего окна прокралась неземная тень волка с янтарными глазами и лохматой головой.

Голова шевельнулась и вопросительно посмотрела на меня. Затем появилась фигура в плаще с капюшоном, под которым ничего не было. Фигура была маленской-маленькой, как ребенок.

Волк и фигура в капюшоне висели в золотом тумане, наблюдая и ожидая. Тихий напев изменился. Можно было различить звуки

и слова. Эти слова не принадлежали ни одному из земных языков — но я знал их!

— Ганелон! Я зову тебя, Ганелон! Печатью, скрепляющей твою кровь — услышь меня!

Ганелон! Ну, конечно же, это было мое имя. Я так хорошо знал его.

Но кто так меня называл?

— Я звала тебя раньше, но путь был закрыт. Сейчас через пропасть перекинут мост. Приди ко мне, Ганелон!

Вздых.

Волк оглянулся через худое плечо и оскалил клыки. Фигура в капюшоне наклонилась надо мной. Я почувствовал пронзительный взгляд из темноты, и ледяное дыхание коснулось моего лица.

— Он позабыл тебя, Медея, — сказал нежный тоненький голос, похожий на голос ребенка.

Опять вздох.

— Разве ты забыл меня, Ганелон? Неужели ты забыл мои руки, мои губы?

Одурманенный золотым туманом, я ничего не мог сообразить.

— Он забыл, — сказала фигура в капюшоне.

— Пусть он все равно придет ко мне. Ганелон! Огонь Нужды горит. Врата в Темный Мир открыты. Огнем и землей, воздухом и тьмой я заклинаю тебя, Ганелон!

— Он позабыл.

— Несите его. Теперь у нас есть власть.

Золотая пелена стала плотнее. Волк с горящими глазами и фигура в капюшоне подплыли ко мне. Я почувствовал, как меня подняли и понесли против моей воли.

Окно широко распахнулось. Я увидел шпагу в ножнах, готовую к битве. Я схватился за нее, но не мог противиться той стремительной силе, которая уносила меня вдаль. Волк и напевающая тень плыли вместе со мной.

— Огонь. Несите его к огню.

— Он позабыл, Медея.

— К огню, Эдейри, к огню.

Искривленные деревья проплывали мимо меня. Далеко впереди я увидел сияние. Оно становилось все больше и больше. Это был Огонь Нужды.

Отлив нес меня все дальше и дальше. В Огонь...

— Не к Кэр Ллуру!

Из глубины моей памяти появились эти загадочные слова. Волк с янтарными глазами вздрогнул и посмотрел на меня, фигура

в капюшоне плотнее запахла в золотой туман. Я почувствовал поток ледяного воздуха в окружающем меня мареве.

— Кэр Ллур, — детским нежным голосом прошептала Эдейри. — Он помнит Кэр Ллур, но помнит ли он Ллура?

— Он вспомнит! Он несет в себе печать Ллура! И в Кэр Ллуре, дворце Ллура, он вспомнит!

Огонь Нужды возносился в небо уже совсем недалеко от меня. Я сопротивлялся, что было сил, влекущему меня отливу.

Я поднял свою шпагу, откинул ножны прочь и стал рубить золотистый туман, который окутал меня. Старинная сталь разрезала клубящееся марево, и оно стало отступать под ее ударами, потом вновь сомкнулось. В гармоничном напеве наступил на мгновение перерыв, мертвая тишина. Затем...

— Матолч, — вскричал невидимый шепот. — Лорд Матолч!

Волк, оскалив клыки прижался к земле. Я попытался ударить шпагой по его рычащей морде. Он легко уклонился от удара и прыгнул, схватил шпагу за лезвие зубами и вырвал ее из моей руки.

Золотой туман вновь приблизился, обволакивая меня своими теплыми объятиями.

— Кэр Ллур, — шептали они.

Огонь Нужды поднялся вверх алым фонтаном.

Из огня появилась женщина.

Волосы, темные как ночь, мягкой волной спадали до колен. Из-под ровных бровей она бросила на меня взгляд, в котором содержался вопрос и неукротимая воля. Она была сама красота. Темная красота.

— Лилит, Медея, Ведьма Колхиса. И...

— Врата закрываются, — произнес детский голос Эдейри.

Волк, все еще державший в зубах мою шпагу, тревожно прижал уши. Но женщина в Огне не сказала ни слова.

Золотистые облака толкали меня вперед в ее руки. И она снова распахнула мне свои объятия. Волк и фигура в капюшоне прижались к нам. Напев поднялся до тревожного рева, который мог расколоть планету.

— Это трудно, трудно, — сказала Медея. — Помогите мне, Эдейри. Лорд Матолч.

Огонь угасал. Вокруг нас расстилалась серая, не имеющая очертаний пустота, простирающаяся до бесконечности.

И теперь в голосе Эдейри появился страх.

— Медея. У меня нет сил... Я слишком долго оставалась в мире Земли.

— Открой Врата! — вскричала Медея. — Открой их хоть немного, или мы останемся здесь, между миров, навсегда!

Волк пригнулся и зарычал. Я почувствовал, как из его тела выливается стремительный поток энергии. Мозг его не был мозгом зверя.

Вокруг нас стал растворяться золотистый туман. Подкрадывалась серая пустота.

— Ганелон, — сказала Медея, — Ганелон! Помоги мне!

Пелена упала с моего мозга. Бесформенная тень начала заполнять его. Я почувствовал, как она заполняет все мое существо, обдавая мозг черными волнами.

— У него есть власть, — прошептала Эдейри. — Он посвящен Ллуру. Пусть он вызовет его.

— Ллур? Нет. Нет. Я не смею.

Но лицо Медеи было вопросительно повернуто ко мне. У моих ног волк зарычал и весь напрягся, как будто пытаюсь грубой физической силой открыть Врата между мирами.

Теперь я уже весь был погружен в черное море. Мысль моя полетела вперед и натолкнулась на пространство темного ужаса, бесконечного, необъятного, и затем... прикоснулась к чему-то...

Ллур... Ллур!

— Врата открываются, — сказала Эдейри.

Серой пустоты больше не было. Золотистые облака потускнели и исчезли. Вокруг меня, высоко-высоко к потолку, поднимались белые колонны. Мы стояли на небольшом возвышении, на помосте, с нарисованным на нем странным узором. Злая волна, прокатившись по мне, исчезла.

Страдая от ужаса и жалости к самому себе, я упал на колени, прикрывая рукой глаза.

Я вызвал... Ллура.

3. Темные миры

...Я проснулся с болью в каждом мускуле своего тела и лежал неподвижно, глядя на низкий потолок. Воспоминания нахлынули на меня. Я повернул голову и увидел, что лежу на мягкой кровати с горой подушек, в простой меблированной комнате. В конце ее, в нише, было окно. Из него в комнату проникал свет, но за ним я видел лишь туманные отблески.

Рядом со мной на трехногом стуле сидела Эдейри.

Даже сейчас я не видел ее лица — тень, отбрасываемая капюшоном, была слишком глубока. Я почувствовал на себе ее пронизательный, настороженный взгляд и запах чего-то незнакомого, холодного и смертельно опасного. Плащ был плотный, грубый, уродливого серого цвета и создававший безжизненное впечатление.

Приглядевшись, я понял, что это создание было не более четырех футов высоты. И вновь я услышал нежный детский голос, по которому невозможно было определить ее пол.

— Не хотите ли есть, лорд Ганелон? Или пить?

Я откинул шелковое покрывало и сел на постели. На мне была одета тонкая мягкая серебристая туника и брюки из того же материала. Эдейри, по-видимому, не шевельнулась, но внезапно портьеры раздвинулись, и в комнату бесшумно вошел человек с накрытым подносом.

Вид его как-то успокаивал. Это был высокий человек, сильный и мускулистый, из-под его шлема с плюмажем, как у этрусков, на меня смотрело мужественное загорелое лицо. Я думал так до тех пор, пока не встретился с ним глазами. Потому что в двух красивых голубых озерах утонул страх. И это был странный страх, очень знакомый, хотя он и притаился глубоко-глубоко в его взгляде.

Он молча обслуужил меня и молча удалился.

Эдейри кивнула в сторону подноса.

— Ешь и пей. Ты станешь сильнее, лорд Ганелон.

На подносе было мясо, немного странный хлеб и стакан бесцветной жидкости, судя по вкусу — не воды. Я сделал глоток побольше и поставил кубок на место, потом посмотрел на Эдейри.

— Значит, я все-таки не сумасшедший, — сказал я.

— Нет. Душа твоя блуждала. Сам ты был в ссылке — но теперь ты опять дома.

— В Кэр Ллуре? — спросил я, сам не зная почему.

Эдейри шевельнула своим плащом.

— Нет. Ты ведь должен помнить.

— Я ничего не помню. Кто ты? Что со мной произошло?

— Ты знаешь, что твое имя Ганелон?

— Меня зовут Эдвард Бонд.

— И все же, у Огня Нужды, ты почти все вспомнил, — сказала Эдейри. — Это потребует времени. А опасность существует всегда. Кто я? Я — Эдейри, я служу Совету.

— И ты...

— Женщина, — ответила она тем же детским нежным голосом, в котором сейчас звучал смех. — Очень старая женщина, самая

старая в Совете, который сократился от первоначальных тринадцати. В нем, конечно, Медея, лорд Матолч...

Тут я вспомнил волка...

— ...Гаст Райми, который имеет силы больше, чем у каждого из нас, но который слишком стар, чтобы ею пользоваться. И ты, лорд Ганелон, или Эдвард Бонд, как ты себя называешь. Нас осталось всего пятеро. Когда-то нас были сотни. Но даже я не помню этого времени, хотя Гаст Райми все вспомнит, если захочет.

Я обхватил голову руками.

— Великие небеса, я ничего не понимаю, твои слова для меня — пустой звук. Я даже не знаю, где нахожусь!

— Послушай, — произнесла она, и я почувствовал мягкое прикосновение к своему плечу. — Ты должен понять. Просто ты потерял память.

— Это неправда.

— Это п р а в д а, лорд Ганелон. Твои истинные воспоминания были стерты и заменены на искусственные. Все, что ты сейчас считаешь своей жизнью на Земле — ложно. Ничего этого не было. По крайней мере, если и было, то не с тобой.

— На Земле? Я не на Земле?

— Это другая планета, — ответила она. — Но это твоя родина. Ты родился здесь. Повстанцы, наши враги, отправили тебя в ссылку и поменяли твои воспоминания.

— Это невозможно.

— Подойди сюда, — Эдейри шагнула к окну.

Она к чему-то притронулась, и окно стало совсем прозрачным. Я смотрел через ее голову на пейзаж, которого никогда не видел раньше.

Или видел?

Под тусклым красным солнцем лес внизу купался в кровавом свете. Я глядел на него со значительной высоты и не мог рассмотреть детали, но мне показалось, что деревья были странной формы, и что они двигались. По направлению к далеким холмам текла река. Над лесом возвышались несколько белых башен. Это было все. Но вид огромного красного солнца сказал мне достаточно. Это была не та Земля, которую я знал.

— Другая планета?

— И даже более того, — сказала она. — Мало кто в Темном Мире это знает. А я — знаю, и, к несчастью для тебя, узнали и некоторые другие. Во Вселенной существуют вероятные миры, динергентные в потоке времени, но почти идентичные, если, конечно, не расходятся слишком далеко.

— Я ничего не понял.

— Миры, существующие и несуществующие во времени и в пространстве, но отделенные другим измерением, вероятностной вариацией. Этот мир мог бы быть твоим, если бы что-то не произошло давным-давно. Первоначально Темный Мир и Земля были одним неразделенным в пространстве-времени миром. Потом было принято очень важное решение, хотя я не знаю точно, в чем оно заключалось. С этого времени временной поток разделился на две части, и два варианта миров начали существовать там, где раньше был один. Вначале они оставались абсолютно идентичными, за тем исключением, что в одном из них не было принято ключевое решение. А результат получился совершенно различным. Это произошло сотни лет назад, но оба мира еще очень близко один от другого во временном потоке. С неизбежностью они отдаляются все дальше и дальше друг от друга и становятся все меньше похожи один на другой. Пока же они настолько сходны, что человек на Земле имеет своего двойника в Темном Мире.

— Двойника?

— Человека, которым он мог бы быть, если бы ключевое решение не было принято. Да, Ганелон и Эдвард Бонд — двойники.

Я вернулся к постели и, нахмурившись, сел на нее.

— Два мира сосуществуют. Это я могу понять. Но я думаю, что ты хотела сказать больше, чем сказала — что где-то еще существует мой двойник.

— Ты родился в Темном Мире. Твой двойник, истинный Эдвард Бонд, родился на Земле; повстанцы обладают вполне достаточными знаниями, чтобы влиять на переменные времени. Мы сами изучили этот метод значительно позже, хотя когда-то он был хорошо известен Совету.

— Повстанцы сместили переменные и послали тебя — Ганелона — на Землю, чтобы Эдвард Бонд мог появиться среди них здесь. Они...

— Но зачем? — перебил я ее. — Для чего им это понадобилось?

Эдейри повернулась ко мне, и я в очередной раз почувствовал странный далекий холод, когда она уставилась на меня своими невидимыми глазами.

— Для чего им это понадобилось? — отозвалась она своим нежным детским голосом. — Думай, Ганелон. Посмотрим, удастся ли тебе вспомнить.

Я стал думать. Закрыв глаза, попытался расслабиться, чтобы воспоминания Ганелона выплыли на поверхность моего ума. Я все

еще никак не мог привыкнуть к мысли о том, что со мной произошло, хотя это объясняло многое. Это даже объясняло бы — внезапно вспомнил я — и странную потерю сознания в самолете, когда я пролетал над джунглями Суматры, и дальнейшие события, когда все мне казалось каким-то не таким...

Возможно, именно в эту минуту, в самолете, Эдвард Бонд оставил Землю, а Ганелон занял его место — двое близнецов, слишком испуганные и слишком беспомощные, чтобы хоть что-то понимать.

Нет, это было невозможно!

— Нет, не помню! — резко сказал я. — Этого не может быть. Я знаю, кто я. Я знаю все, что произошло с Эдвардом Бондом на протяжении всей его жизни. Ты не можешь доказать мне, что все это только иллюзия. Все слишком ясно, слишком отчетливо.

— Ганелон, Ганелон...

Эдейри подошла ко мне, и в голосе ее зазвучала укоризна.

— Подумай о восставших племенах, Ганелон. Попытайся вспомнить, почему они сделали с тобой это. Лесные жители — непослушные маленькие человечки в зеленом. Ненавистные человечки, которые угрожают нам, Ганелон! Это-то ты помнишь!

Может быть, это был определенного рода гипноз. Я подумал об этом позже. Но в этот момент в моем мозгу вспыхнула картина: я увидел одетую в зеленые одежды толпу, пробирающуюся по лесу, и при их виде почувствовал неожиданную горячую злость. В этот момент я был Ганелоном, великим и могущественным лордом, ненавидящим этих людей, недостойных завязывать шнуры моих ботинок.

— Конечно, ты ненавидишь их, — прошептала Эдейри.

Она, наверное, заметила, как изменилось выражение моего лица. Когда она заговорила, я почувствовал, что сижу в непривычной для себя позе. Плечи мои были горделиво расправлены, грудь выпячена вперед, а губы извивались в презрительной усмешке. Так что, возможно, она и не прочитала моих мыслей. То, что я думал, можно было видеть по моему лицу и осанке.

— И конечно же, ты наказывал их, где мог и когда мог, — продолжала она. — Это было твоим правом и обязанностью. Но они обманули тебя, они оказались хитрее. Они нашли дверь, которая поворачивается на временных осях, и вышвырнули тебя в другой мир. По другую сторону этой двери был Эдвард Бонд, который не питал к ним ненависти. Поэтому они и открыли ему дверь.

Эдейри слегка повысила голос, и я уловил в нем насмешку.

— Фальшивые воспоминания, фальшивые воспоминания, Ганелон.

Вместе с личностью Эдварда Бонда ты приобрел и его прошлое, но он пришел в наш мир таким, каким был, ничего не зная о Ганелоне. Он причинил нам немало беспокойства, друг мой, доставил много хлопот. Сначала мы не поняли, что случилось. Казалось, что Ганелон просто исчез из нашего Совета, а новый Ганелон появился среди повстанцев, организуя их на борьбу против собственного народа.

Она мягко засмеялась.

— Нам пришлось поднять Гаста Райми из его сна, чтобы он руководил нами. Но, в конце концов, изучив метод поворота осей времени, мы попали на Землю, искали тебя и нашли. А теперь перенесли тебя сюда. Это твой мир, лорд Ганелон!

Примешь ли ты его?

Я помотал головой, как во сне.

— Все это нереально. Я остаюсь Эдвардом Бондом.

— Мы можем вернуть тебе настоящую память, и мы это сделаем. На какое-то мгновение истинные воспоминания уже появились на поверхности твоего мозга. Но на все это нужно время. А пока — ты один из Совета, возможно, самый могущественный из всех нас. Вместе с Матолчем вы были...

— Подожди минутку, — прервал ее я. — Я все еще не совсем понимаю. Матолч? Это тот самый волк, которого я видел?

— Да.

— Ты говоришь о нем так, будто он — человек.

— Но он и есть человек — время от времени. Он — ликантроп. Может менять образ по желанию.

— Оборотень? Это невозможно! Это — миф. Какие-то странные суеверия.

— С чего начался миф? — спросила Эдейри. — Давным-давно много Врат были открыты между Темным Миром и Землей. На Земле воспоминания об этих днях сохранились, как суеверия — но корни их уходят в действительность.

— Это суеверия, и ничего больше! — убежденно сказал я. — Вы утверждаете, что существуют оборотни, вампиры и всякие прочие выдумки?!

— Гаст Райми может рассказать тебе о них больше, чем я. Но мы не должны будить его ради такого пустяка. Может быть, я... Ну что ж, слушай. Тело состоит из клеток. Клетки могут приспосабливаться в определенных пределах. Если приспособляемость уве-

личить в еще большей степени, тогда процесс метаболизма ускорится настолько, что возможно появление обратной.

Нежный детский голосок говорил и говорил из-под накинутого капюшона. Я начинал немного понимать. На Земле, когда я проходил в колледже биологию, то видел под микроскопом взбесившиеся клетки, клетки-мутанты и тому подобное. И среди людей было много случаев, когда они зарастали, как волки, шерстью по всему телу.

А если клетки могли приспособиться быстро? Странные вещи могли происходить...

Но кости? Специальная костная ткань, так непохожая на клетки мягких тканей человека. Физиологическая структура, которая могла бы изменяться таким образом, чтобы человек превращался в волка? Она должна быть уникальной!

— Частично это, конечно, иллюзия, — сказала Эдейри. — Матолч обладает вовсе не такой звериной фигурой, как это кажется. И, тем не менее, он может изменять свой облик, и часто это делает.

— Но как? — спросил я. — Откуда у него такая сила?

Впервые за весь наш разговор Эдейри заколебалась.

— Он... мутант. Среди нас в Темном Мире много мутантов. Некоторые из них заседают в Совете, остальные — нет.

— Ты — тоже мутант? — спросил я.

— Да.

— И тоже... можешь менять свой облик?

— Нет, — ответила Эдейри, и, казалось, тонкое тело под плащом задрожало. — Нет, я не могу менять свою форму, лорд Ганелон. Ты не помнишь, что... что я могу?

— Нет.

— И, тем не менее, я обладаю силой, которая может тебе пригодиться, когда повстанцы вновь нападут на нас, — медленно произнесла она. — Да, среди нас много мутаций, и, возможно, именно поэтому произошло наше отделение от Земли много веков назад. На Земле нет мутантов — по крайней мере, такого типа, как у нас. Матолч — не единственный.

— А я — мутант? — очень мягко спросил я.

Она покачала головой в капюшоне.

— Нет. Потому что ни один мутант не может иметь в своей крови печати Ллура. Поэтому ты и был посвящен. Один из Совета должен иметь ключ к Кэр Ллуру.

Холодное дыхание страха вновь на мгновение коснулось меня. Нет, не страха.

Ужаса, смертельного, перехватывающего дыхание, кошмарного ужаса, который всегда охватывал меня при упоминании имени Ллура.

Я заставил себя спросить ее:

— Кто такой Ллур?

Наступило долгое молчание.

— Кто говорит о Ллуре? — раздался позади меня глубокий голос. — Лучше не поднимать эту завесу, Эдейри!

— И, тем не менее, это может оказаться необходимым, — ответила она.

Я повернулся, и на фоне портьеры увидел стройную фигуру человека, одетого, как и я, в тунуку и брюки. Его рыжая борода резко выпирала вперед. Улыбка — оскал полных губ — о чем-то напоминала. В каждом движении его гибкого тела чувствовалась кошачья грация.

Желтые глаза смотрели на меня с удивлением.

— Молись, чтобы в этом не было необходимости, — сказал человек. — Ну, лорд Ганелон, неужели ты забыл и меня тоже?

— Он забыл тебя, Матолч, — ответила Эдейри. — По крайней мере, в этом образе.

Он усмехнулся.

— Сегодня вечером — Шабаш, — сказал он. — Лорд Ганелон должен быть готов к нему. Однако, это дело Медеи, а она интересуется, проснулся ли Ганелон. Раз ты проснулся, то можем пойти к ней прямо сейчас.

— Ты пойдешь с Матолчем? — спросила меня Эдейри.

— Почему же нет?

Рыжебородый опять усмехнулся.

— А ты действительно забыл, Ганелон. В старые добрые времена ты никогда не допустил бы, чтобы я шел за твоей спиной.

— Но ты всегда был достаточно умен, чтобы не вонзить в эту спину кинжал, — ответила Эдейри. — Если бы только Ганелон позвал Ллура, для тебя бы это добром не кончилось!

— Я просто пошутил, — небрежно сказал Матолч. — Мой враг должен быть достаточно силен, прежде чем я стану с ним считаться. Так что я подожду, когда к тебе вернется память, лорд Ганелон. А тем временем Совет приперт к стене, и мы нуждаемся в тебе так же сильно, как и ты в нас. Так ты идешь?

— Иди с ним, — посоветовала Эдейри. — Опасности нет, рычание волка хуже, чем его клыки — даже если он и забыл о Кэр Ллуре.

Мне показалось, что я уловил скрытую угрозу в ее словах. Матолч пожал плечами и отодвинул портьеру в сторону, пропуская меня вперед.

— Мало кто осмеливается угрожать оборотню, — бросил он.

— Я осмеливаюсь, — ответила Эдейри из тени своего капюшона.

И я вспомнил, что она тоже была мутантом, хотя и не ликантропом, как рыжебородый оборотень, который шел рядом со мной по коридору.

Кто же была Эдейри?

4. Матолч и Медея

Я все еще был как в тумане и никак не мог понять — наяву это все творится со мной, или нет. Шок притупил мои чувства, я не мог как следует думать. Самые обыденные мысли переполняли мой мозг, как будто, концентрируясь на своих повседневных чувствах, я мог не обращать внимания на то, что находился не на привычной, твердой, родной Земле.

Но странная вещь. Что-то знакомое было в этих сводчатых залах с бледными стенами, по которым я шел рядом с Матолчем, такое же знакомое, как и в сумеречном лесном пейзаже, простирающемся до горизонта, который я увидел из окна моей комнаты.

Эдейри — Медея — Совет.

Эти слова были важны, как будто я когда-то знал их хорошо на чужом языке, который потом забыл.

Подпрыгивающая, быстрая походка Матолча, легкий размах его мускулистых плеч, свирепая улыбка полных губ из-под рыжей бороды — все это не было ново для меня.

Он пристально наблюдал за мной своими желтыми глазами. Внезапно он остановился перед красной портьерой и, заколебавшись, отодвинул ее в сторону, приглашая войти.

Я сделал шаг и остановился, глядя на него. Он кивнул головой, как будто был чем-то очень доволен. Но лицо его так и не изменило своего вопросительного выражения.

— Значит, ты все-таки кое-что помнишь? Достаточно, чтобы понять, что это не комната Медей? И все-таки ты войдешь сюда на минуту. Я хочу поговорить с тобой.

Следуя за ним по винтовой лестнице, я внезапно понял, что он говорит не по-английски. Но я понял его, так же, как я понимал Эдейри и Медею.

Ганелон?

Мы очутились в застекленной комнате башни. В дымном воздухе неприятно пахло, и угли еще теплились на жаровне треножника, стоявшего в самом центре комнаты. Матолч указал мне на кресло рядом с окном. Сам он небрежно уселся рядом.

— Интересно, много ли ты помнишь? — спросил он.

Я покачал головой.

— Совсем немного. Но достаточно... чтобы не совсем тебе доверять.

— Значит, искусственные воспоминания землянина все еще сильны. Гаст Райми сказал, что рано или поздно ты все вспомнишь, но что на это потребуется время. Фальшивая запись на коре твоего головного мозга сотрется, и через некоторое время старые, истинные воспоминания вернутся.

«Как икона, — подумал я, — одна запись на другой». Но Ганелон все еще был чужим — я оставался Эдвардом Бондом.

— Интересно, — сказал Матолч, медленно поднимая на меня глаза. — Ты много лет провел в ссылке, не поменялся ли ты целиком? Раньше ты всегда... ты ненавидел меня, Ганелон. Скажи, ты ненавидишь меня сейчас?

— Нет, — честно ответил я. — По крайней мере, не знаю. Мне кажется, что я тебе не доверяю.

— У тебя на это есть причины. Если ты вообще хоть что-нибудь помнишь. Мы всегда были врагами, Ганелон, хотя и зависим один от другого нуждами и законами Совета. Должны ли мы быть врагами и дальше?

— Это от многого зависит. Я вовсе не хочу иметь врагов — особенно здесь.

Матолч нахмурил свои рыжие брови.

— О, это не речь Ганелона! В старые добрые времена тебе было все равно, сколько у тебя врагов. Если ты изменился настолько, то всех нас может ждать большая опасность.

— Я мало что понимаю из того, что ты говоришь, — сказал я. — Все это похоже на сон.

— Это хорошо. Если ты снова станешь старым Ганелоном, мы опять будем врагами. Но если ссылка на Земле изменила тебя — мы еще можем быть друзьями. Друзьями быть лучше. Медее это не понравится; не думаю, что и Эдейри будет в восторге. А что касается Гаста Райми...

Он пожал плечами.

— Гаст Райми... стар, очень стар. Во всем Темном Мире, Ганелон, ты имеешь больше всех власти. Или можешь иметь. Но это будет означать, что надо идти в Кэр Ллур.

Матолч остановился и посмотрел мне в глаза.

— Раньше ты понимал, что это означает. Ты боялся, но ты хотел власти. Однажды ты уже был в Кэр Ллуре — и посвятил себя Ему. Так что между вами двумя установилась связь — еще несовершенная. Но ее можно закрепить, если ты этого захочешь.

— Что такое Ллур? — спросил я.

— Молись, чтобы никогда не вспоминать этого, — процедил Матолч. — Когда Медея будет говорить с тобой, бойся, когда она заговорит о Ллуре. Я могу быть твоим другом или врагом, но не ради моего собственного благополучия, а ради благополучия всего Темного Мира — я предупреждаю тебя: не ходи в Кэр Ллур! Как бы ни просила Медея. Или обещала. По крайней мере, подожди, пока твоя память не вернется к тебе.

— Что такое Ллур? — спросил я.

Матолч отвернулся от меня.

— Я думаю, Гаст Райми знает. Я не знаю. И не хочу знать. Ллур это... это зло... он всегда голоден. Но его аппетит может удовлетворить лишь... лишь...

Он замолчал.

— Ты забыл, — произнес он через некоторое время. — Одно меня смущает. Скажи, а как вызвать Ллура, ты тоже забыл?

Я не ответил. В голове моей была давящая пустота, как будто старые воспоминания просились наружу и никак не могли вырваться.

Ллур... — Ллур?

Матолч кинул на жаровню щепотку порошка.

— Можешь ли ты вызвать Ллура? — спросил он вкрадчивым голосом. — Отвечай, Ганелон. Можешь?

Неприятный запах дыма стал еще сильнее. Пустота в моей голове как бы раздвинулась, открывая путь непонятной тени. Я узнал этот смертельный запах.

Я встал, глядя на Матолча. Я сделал два шага и одним ударом ноги опрокинул треножник. Угли рассыпались по каменному полу. Рыжебородый вздрогнул от неожиданности и посмотрел на меня.

Я вытянул руку, схватил Матолча за тунику и потряс с такой силой, что зубы его застучали друг о друга. Жаркая ненависть и еще что-то переполняли меня.

Матолч пытался меня обмануть.

Какой-то незнакомец разговаривал моим языком. Я слышал, как говорю.

— Оставь свои заклинания для рабов и проституток! — зарычал я. — Я скажу тебе то, что желаю сказать — и не больше! Жги свои зловонные травы в другом месте, но не в моем присутствии!

Рыжебородая челюсть сжалась. Желтые глаза пылали пламенем. Лицо Матолча изменилось, его плоть потекла, как вода, еле видная в облаках дыма, поднимающихся от рассыпанных угольев.

Желтые зрачки угрожали мне из серого тумана.

Меняющий форму издал бессловесный шум своим горлом — звук, который мог издать лишь зверь — волчий рык! Морда волка глядела на меня!

Дым рассеялся. Иллюзия проходила. Матолч — обычный человек — расслабился и осторожно высвободился из моего захвата.

— Ты... ты напугал меня, лорд Ганелон, — спокойно сказал он. — Но, думаю, ты ответил на мой вопрос, даже если эти травы, — тут он кивнул на опрокинутый треножник, — помогли тебе освежить память.

Я отвернулся и пошел к двери.

— Подожди, — сказал Матолч. — У меня есть одна твоя вещь, которую я забрал у тебя недавно.

Я остановился.

Рыжебородый подошел ко мне, держа в руках оружие — шпагу без ножен.

— Я забрал ее у тебя, когда мы проходили через Огонь Нужды, — сказал он. — Она твоя.

Я взял оружие и двинулся к закрытому портьерой выходу.

Позади меня раздался голос Матолча.

— Мы еще не враги, Ганелон, — мягко сказал он. — И если ты мудр, ты не забудешь моего предупреждения. Не ходи в Кэр Плур.

Я вышел, держа в руках шпагу, и спустился по винтовой лестнице.

Мои ноги несли меня сами. Оккупант в моем мозгу все еще был силен. Запись на иконе и письмо под ней становилось заметнее, проявляясь как бы под воздействием сильного растворителя.

Верхняя запись — та, из-за которой я потерял память; нижняя — настоящие воспоминания...

...Замок — откуда я знал, что этот Замок был лабиринтом? Дважды проходил я мимо солдат, стоящих на страже, со знакомой тенью страха в глазах — тенью, которая, мне казалось, углубилась при моем появлении.

Я продолжал идти вперед. Торопливо пройдя бледно-янтарный зал, я откинул в сторону золотистую портьеру и ступил в овальную комнату со сводчатым потолком, обитую светлым шелком. Журчал фонтан, и легкий ветерок коснулся моей щеки. За комнатой арка выхода была оплетена ветвями с листьями.

Я прошел сквозь арку и оказался в саду, окруженном стенами — в саду экзотических цветов и причудливых деревьев.

Цветы сверкали, как драгоценные камни, на фоне темной зелени. Рубины и аметисты прозрачные и молочно-белые, серебряные, золотые, изумрудные — цветы расстилались невиданным по красоте ковром. Деревья тоже не были безжизненными.

Искривленные и мохнатые, как дубы — их толстые сучья и ветви были покрыты облаком зеленой листвы.

Зеленый занавес угрожающе зашевелился. Деревья распрямились в ожидании.

Я увидел, как черные сучья искривились и медленно потянулись ко мне.

И расслабились. И снова стали неподвижными. Они узнали меня. Над этим злым садом темное небо резко контрастировало со сверкающим на нем солнцем.

Деревья вновь зашевелились. Какое-то беспокойство охватило зелень. Змеиная ветка изогнулась и быстро выпрямилась — ударила — и вновь стала на место.

В этом месте, где она только что была, показалась фигура человека, бегущего вперед, уворачивающегося и кидающегося из стороны в сторону под страшными ударами, обрушиваемыми на него со всех сторон лесом-сторожем.

Человек в плотно облегающем коричневом костюме бежал ко мне. Его суровое бесстрашное лицо кипело возбуждением, нечто вроде победного выражения было на нем.

В руках у него не было никакого оружия, но к поясу был пристегнут пистолет, или нечто очень похожее на него.

— Эдвард! — произнес он настойчиво, стараясь говорить тише. — Эдвард Бонд!

Я узнал его. Не его именно, конечно. Но я уже видел убегающие, одетые во все коричневое фигуры раньше — и ненависть, которую я уже один раз испытал с Матолчем, волной поднялась внутри меня при виде его.

Враг! Вскочка! Один из многих, кто сумел воспользоваться волшебством против великого лорда Ганелона!

Я почувствовал, как волна гнева залила краской мое лицо, как кровь застучала в висках с такой силой, с такой необычайной,

незнакомой мне яростью... Мое тело напряглось в позе Ганелона — плечи назад, грудь выставлена, презрительная улыбка на губах, высоко поднятый подбородок. Я услышал, как мой голос сыплет проклятия на языке, который я едва помнил. И я увидел, как он отступил назад, и неверие было написано на его лице. Рука его потянулась к поясу.

— Ганелон? — заикаясь, произнес он, пытаюсь поймать своими глазами мой взгляд. — Эдвард, ты с нами, или ты опять стал Ганелоном?

5. Ведьма в алом

В правой руке я все еще сжимал шпагу. Вместо ответа я с ненавистью сделал выпад. Он отпрянул назад, оглянулся через плечо и вытащил свое оружие. Я проследил за его взглядом и увидел другую фигуру, скользящую между деревьев. Она была меньше и изящнее — девушка в тунике цвета земли и леса. Ее черные волосы ниспадали на плечи. Она держалась за свой пояс, лицо ее было повернуто ко мне и искажено ненавистью, а зубы обнажены в страшной улыбке.

Человек, стоящий передо мной, что-то говорил.

— Даже если ты Ганелон, ты помнишь Эдварда Бонда! Он был с нами — он верил в нас! Выслушай нас, пока еще не поздно! Арле сможет убедить тебя, Эдвард. Иди к Арле. Даже если ты Ганелон, разреши мне отвести тебя к Арле!

— Это бесполезно, Эрту, — раздался тоненький голос девушки.

Она боролась с последними из деревьев, чьи ветви обхватили ее и никак не хотели отпускать. Ни один из них теперь и не пытался говорить тише. Они кричали, и я знал, что в любую минуту могут прибежать стражники, а я хотел убить их обоих сам, прежде, чем кто-нибудь отберет у меня это удовольствие. Я жаждал крови этих врагов — и в этот момент имя Эдварда Бонда не было даже воспоминанием.

— Убей его, Эрту, — вскричала девушка. — Убей его или отойди с дороги! Я знаю Ганелона!

Я поглядел на нее и крепче обхватил рукоятку моей шпаги. Да, она говорила правду. Она знала Ганелона. И Ганелон знал ее и смутно помнил, что у нее была причина ненавидеть его. Я видел это лицо раньше, искаженное ненавистью и отчаянием. Я не помнил, где, когда и почему, но она выглядела знакомой.

Человек Эрту неохотно вынул свое оружие. Для него я все еще был, по крайней мере, образом его друга. Я торжествующе рассмеялся и снова взмахнул своей шпагой, слыша, как она со свистом рассекает воздух. На этот раз показалась кровь. Он снова отступил назад, подняв свое оружие так, что я теперь глядел в черное дуло.

— Не вынуждай меня к этому, — произнес он, сжав зубы. — Это пройдет. Ты был когда-то Эдвардом Бондом — ты станешь им вновь. Не вынуждай меня убить тебя, Ганелон!

Я поднял шпагу, видя его как в тумане, сквозь красную пелену ярости, застилавшую мой мозг. Я торжествовал, сам не зная — почему. Перед глазами уже стояла картина фонтана крови, хлещущего из его перерезанных артерий, когда моя шпага опустилась.

Я напряг свое тело для последнего решительного удара — и вдруг шпага стала живой в моих руках. Она дернулась и задрожала.

Невозможно!.. — я даже не могу описать, как это произошло — мой удар возвратился ко мне же. Вся та сила удара, которую я предназначал для противника, внезапно прошла по шпаге, по моей руке, по всему телу! Сильнейшая боль и шок — и мне показалось, что сад вокруг завертелся. Земля тяжело ударила меня по коленям.

...Туманная пелена спала с моих глаз. Я все еще был Ганелоном — но Ганелоном, оглушенным чем-то более могущественным, чем простой удар.

Я стоял на коленях, опираясь о траву одной рукой, чувствуя сумасшедшую боль в пальцах другой руки, державшей шпагу, и глядя на эту шпагу, которая лежала метрах в пятнадцати и светилась.

Это было делом рук Матолча — я знал это! Мне нельзя было забывать, как мало я мог доверять этому хитрому скользкому оборотню! Я применил к нему рукоприкладство в его комнате в башне — и мне следовало знать, что он отомстит. Даже Эдвард Бонд, каким бы мягкотелым дураком он ни был, должен был дважды подумать, прежде чем взять дар из рук оборотня!

Правда, сейчас у меня не было времени злиться на Матолча. Я глядел в глаза Эрту и в дуло его пистолета — и лицо его становилось все решительнее, когда он изучал меня.

— Ганелон! — сказал он почти шепотом. — Истребитель!

Он навел на меня пистолет, надавливая пальцем на курок.

— Подожди, Эрту! — вскричала тонким голосом девушка позади него. — Подожди, дай мне!

Я поднял голову, все еще оглушенный. Все произошло так быстро, что девушка еще не успела выпутаться из обхвативших ее деревьев и освободилась лишь в тот момент, когда я поднял голову.

Она вскинула свое оружие. За черным дулом пистолета лицо ее было белым и искаженным ненавистью.

— Дай мне! — вновь закричала она. — Это будет его долгом мне!

Я был беспомощен. Я знал, что на таком расстоянии она не промахнется. Я видел ярость в ее глазах, увидел как дуло чуть-чуть тряслось, потому что руки ее тоже дрожали от ненависти, но я знал, что она не промахнется. В это мгновение многое пронеслось перед моими глазами — и жизнь Ганелона, и жизнь Эдварда Бонда — отдельными сценами.

Затем шипение — громкое шипение, похожее на вой ветра, послышалось за ее спиной. Деревья стали наступать с быстротой, которой трудно было от них ожидать. Шипение усилилось. Эрту прокричал что-то невнятное, но я думаю, что девушка было слишком разъярена, чтобы что-нибудь слышать и видеть.

Она так и не узнала, что произошло. Она, наверное, успела лишь почувствовать, как ломаются кости от могучего удара ближайшего сука, наклонившегося к ней. Она выстрелила в самый момент удара, и раскаленная молния расплавила торф под моим коленом. Я почувствовал запах горелой травы.

Девушка успела вскрикнуть только один раз, когда ветки обвили вокруг нее. Потом до меня отчетливо донесся хруст, который — я знал — слышал неоднократно в этом саду. Человеческая спина — не более, чем щепка в объятиях могучих веток.

Эрту ошеломенел всего лишь на мгновение. Затем он быстро повернулся ко мне, и на сей раз я знал точно, что он спустит курок без колебаний.

Но время лесных жителей истекло. Он не успел еще полностью повернуться ко мне, как из-за моей спины донесся смех, холодный и изумленный. Я увидел, как страх и ненависть проскользнули по лицу Эрту, и как он отвел от меня свой пистолет, и направил его вверх, на кого-то, стоящего за мной. Но прежде, чем он успел нажать на курок, нечто вроде луча белого света ударило из-за моего плеча в его грудь выше сердца.

Он упал мгновенно: губы его были искривлены в усмешке, глаза смотрели ненавидящим взглядом.

Я повернулся, медленно поднимаясь на ноги. Передо мной стояла улыбающаяся Медея, изящная и прекрасная, в туго обтягивающем ее алом платье. В руке она держала маленькую черную трубку, все еще поднятую. Ее пурпурные глаза встретились с моими.

— Ганелон, — прошептала она бесконечно нежным голосом. — Ганелон...

И, все еще глядя мне в глаза, хлопнула в ладоши.

Безмолвные стражники быстро вошли в сад, подняли безжизненное тело девушки и унесли его. Деревья зашевелились, зашептали и вновь замолкли.

— Ты помнишь, — спросила Медея. — Ты помнишь меня, лорд Ганелон?

Медея, Ведьма Колхиса! Черная, белая и алая — стояла она, улыбаясь мне, и странная ее красота будила старые забытые воспоминания в моей крови. Ни один человек, который знал когда-то Медею, не мог полностью забыть ее. Пока жил.

Но стоп! Я должен вспомнить еще что-то насчет Медеи. Что-то, заставлявшее даже Ганелона относиться к ней с сомнением и осторожностью. Ганелона? Значит, я еще не стал Ганелоном? Стоя перед лесными жителями, я был самим собой, но сейчас опять почувствовал неуверенность.

Воспоминания нахлынули на меня. Но пока прекрасная ведьма стояла и улыбалась мне, все, что сделало меня на короткое время Ганелоном, спало с моего мозга и тела, как разорванный плащ. Эдвард Бонд стоял перед ней в чужой одежде, глядя на сад, с ужасом и отвращением вспоминая все, что здесь произошло.

На мгновение я отвернулся, чтобы Медея не догадалась по моему лицу, что со мной происходит. Знание того, что было куда более ужасным, чем то, что я сейчас сделал, находясь во власти сильной и злой воли Ганелона, всплыло во мне.

Это было тело Ганелона — теперь в этом не было сомнений. Эдвард Бонд вновь был на Земле, на своем старом месте, но его память все еще находилась в моем мозгу, так что у него и у меня была одна душа. А Ганелона не было вовсе, за исключением редких моментов, когда воспоминания, которые принадлежали мне — мне? — по праву, вытесняли Эдварда Бонда.

Я ненавидел Ганелона. Я презирал все его мысли и его самого. Моя фальшивая память — наследство Эдварда Бонда — была сильнее, чем память Ганелона. Я был Эдвардом Бондом — стал им сейчас!

Заботливый нежный голос Медеи прервал мои размышления, повторив вопрос.

— Ты помнишь меня, лорд Ганелон?

Я повернулся к ней, чувствуя, что поток мыслей и чувств, боровшихся во мне, делает выражение моего лица смущенным.

— Меня зовут Бонд, — упрямо сказал я ей.

Она вздохнула.

— Ты вернешься, — проговорила она. — Это займет время, но Ганелон вернется к нам. Когда ты увидишь знакомую тебе обстановку, знакомую жизнь в Темном Мире, жизнь Совета, двери твоего рассудка опять раскроются. Я думаю, ты вспомнишь еще немного ночью, на Шабаше.

Внезапно ее красные губы улыбнулись почти угрожающе.

— С тех самых пор, как я отправилась в мир Земли, ни разу не было Шабаша, — продолжила она. — А это очень долго. Потому что в Кэр Ллуре есть тот, кто уже зашевелился и жаждет своей жертвы.

Она испытующе поглядела на меня, и зрачки ее сузились.

— Ты помнишь Кэр Ллур, Ганелон?

Прежнее болезненное чувство ужаса волной прокатилось по мне при упоминании этого загадочного названия.

Ллур... — Ллур! Темнота — и что-то, шевелящееся за золотым окном. Что-то слишком чужое, чтобы ступать по той же земле, по которой ступает человеческая нога, что-то такое, чего вообще не должно было существовать, пока люди живы. Ступая по той же земле, живя вместе с ними, это что-то отрицало людей! И все же, несмотря на мое отвращение, Ллур был мне ужасно близок!

Я знал! Я вспомнил!

— Я ничего не помню, — коротко ответил я. Потому что именно в эту минуту я понял, что надо быть осторожным. Я не мог доверять никому, даже самому себе — и я понимал, что не должен был этого показывать. Пока я не уяснил, чего они хотят, чем угрожают, я должен был держать про запас это единственное оружие, которое было в моем распоряжении.

Ллур! Мысль о нем... — это укрепило мое решение. Потому что в туманном прошлом Ганелона между ним и Ллуrom существовала страшная связь. Я знал, что они пытаются толкнуть меня на полное соединение с Ллуrom — и я знал, что даже Ганелон боялся этого. Я должен притворяться еще более невежественным, чем я есть, пока все это не прояснится в моей памяти.

Я вновь покачал головой.

— Я ничего не помню.

— Даже Медею? — прошептала она и подошла ко мне плавной походкой.

В ней действительно было что-то колдовское. Мои руки приняли эту алую и белую мякоть, как будто они были руками Ганелона, а не моими. Но губы, ответившие на яростный поцелуй, были губами Эдварда Бонда.

— Даже Медею?

Эдвард Бонд или Ганелон — какая мне была разница? В эту минуту — никакой. Но прикосновение алых губ вызвало перемену в Эдварде Бонде. Какое-то странное, слишком странное чувство зашевелилось в нем — во мне. Я держал в объятиях ее прекрасное и податливое тело, но что-то чужое и неизвестное поднималось во мне при этом прикосновении. Было ощущение, что она сдерживала себя, сдерживала от... от демона, демона, который владел ею — демона, который старался вырваться!

— Ганелон!

Дрожа, она прижала ладони к моей груди и внезапно оттолкнула меня и вырвалась. Крохотные капли пота появились на ее лбу.

— Достаточно! — прошептала она. — Ты знаешь?

— Что, Медея?

И теперь неопикуемый ужас появился в ее пурпурных глазах.

— Ты забыл, — продолжала она. — Ты забыл меня, забыл, кто я такая, что я такое!

6. Поездка в Кэр Сайкир

Позже, в покоях, принадлежавших Ганелону, я ждал часа Шабаша. В ожидании я, не останавливаясь, ходил взад и вперед по комнате. Ноги Ганелона мерили шагами комнату Ганелона, но человек, который ходил по комнате, был Эдвард Бонд. С удивлением я подумал о том, как воспоминания другого человека, наложенные на мозг Ганелона, переменили его.

Подумал о том, смогу ли я теперь вообще когда-нибудь быть уверенным, кто я на самом деле? Теперь я ненавидел Ганелона и не доверял ему. Я должен был знать больше, чем думали о моих знаниях те, кто окружал меня, иначе — я понимал — что и Ганелон, и Бонд могут погибнуть. Медея ничего не скажет мне; Эдейри тоже ничего мне не скажет. Матолч может сказать мне много, но он солжет.

Я почти не осмеливался ехать с ними на Шабаш, который, думал я, будет Шабашом Ллура, из-за этой ужасной связи между ним и мной. Будут принесены жертвы...

Как мог я быть уверен, что не меня собираются положить на алтарь перед... перед золотым окном?

...Затем, на какую-то секунду, Ганелон вернулся, вспоминая обрывки событий, слишком быстро промелькнувшие в моем мозгу,

чтобы я успел разобраться в них. Я почувствовал страх, отвращение и странную безнадежную тягу.

Мог ли я осмелиться пойти на Шабаш?

Но я не мог осмелиться и не идти, потому что если я откажусь, то это будет признанием того, что я знаю больше о том, что угрожает Ганелону, чем это должен знать Эдвард Бонд. И единственным моим оружием против них было слабое знание, которое я припомнил, и которое я держал в тайне. Я должен идти. Даже если меня ждет алтарь, я должен идти...

Оставались еще жители леса. Они были вне закона, и солдаты Совета охотились за ними. Плен означал рабство — я хорошо помнил ужас во взгляде этих живых мертвецов, которые были слугами Медеи. Как Эдвард Бонд, я жалел их, думая, нельзя ли что-нибудь сделать, чтобы спасти их от Совета. Настоящий Эдвард Бонд жил с ними в лесах полтора года, организовывая Сопротивление, борясь с Советом. Я знал, что сейчас, на Земле, он беснуется в ярости, мучимый безнадежной мыслью, что он оставил работу недоделанной, и что его друзья брошены на произвол черной магии.

Возможно, мне придется разыскать лесных жителей. Среди них, по крайней мере, я буду в безопасности, пока моя память полностью ко мне не вернется. Но когда она вернется, тогда Ганелон будет в ярости, очутившись лицом к лицу со своими врагами, в самой их гуще, вне себя от собственного бешенства и унижения. Мог ли я подвергать жителей лесов такой опасности, как лорд Ганелон — когда память его вернется к нему? Мог ли я подвергать себя такой опасности — их мести — потому что их будет много против меня одного?

Я не мог идти и не мог оставаться. Я нигде не мог находиться в безопасности, потому что Эдвард Бонд мог стать Ганелоном в любую минуту. А опасность подстерегала меня повсюду. От повстанцев, лесных жителей, и от каждого члена Совета.

Она могла придти от бесшабашного насмешливого Матолча, или от Эдейри, которая наблюдала за мной своими невидимыми холодными глазами из тени капюшона, или от Гаста Райми, кем бы он ни был. От Арле или от рыжей ведьмы.

«Но скорее всего — от Медеи, — подумал я. — Да, от Медеи, которую я так любил!»

К вечеру пришли две девушки-рабыни, принесли пищу и новую одежду. Я торопливо поел, переоделся в простые полотняные брюки и тунику; накинул себе на плечи королевский голубой плащ, который они держали. Маску из золотистой ткани я нерешительно повертел в руках, когда одна из девушек заговорила.

— Мы проводим тебя, когда ты будешь готов, Лорд, — сообщила она мне.

— Я уже готов, — ответил я и пошел за ними.

Бледный, непонятно откуда идущий свет ярко освещал зал. Меня привели в покои Медеи. Ведьма в алом была неописуемо прекрасна в туго обтягивающем ее фигуру платье. Ее обнаженные плечи матово блестели. На ней был алый плащ; на мне — голубой.

Рабыни незаметно ускользнули. Медея улыбнулась мне, но я почувствовал, что она нервничает — напряженность губ и глаз выдавала ее. Казалось, она все время чего-то ждет.

— Ты готов, Ганелон?

— Не знаю, — сказал я. — Это зависит от того, что ты имеешь в виду. Не забывай, что я ничего не помню.

— Твоя память может вернуться сегодня ночью, по крайней мере, часть ее, — сказала она. — Но ты не примешь участия в ритуале, по крайней мере, до тех пор, пока не будет принесена жертва. Лучше будет, если ты будешь просто наблюдать. Так как ты не помнишь ритуала, то лучше предоставь все сделать остальным членам Совета.

— Матолчу?

— И Эдейри, — добавила Медея. — Гаст Райми не пойдет. Он никогда не покидает замка и не покинет, разве что нужда в нем будет велика. Он стар, очень стар.

Я нахмурился.

— Куда мы идем? — спросил я ведьму в алом.

— В Кэр Сайкир. Я уже говорила тебе, что мы давно не приносили жертвы — с тех самых пор, как я отправилась на Землю искать тебя. Мы и так опоздали.

— Что мне надо будет делать?

Она вытянула свою нежную руку и притронулась ко мне.

— Ничего, до определенного момента. Тогда ты все поймешь сам. Но до того времени ты должен будешь наблюдать — не более того. А теперь надень свою маску.

Она надела на себя маленькую черную маску, в которой нижняя половина ее лица оставалась видна. Я надел золотую маску и проследовал за Медеей к портьеру у входа в арку и прошел сквозь нее.

Мы очутились во дворе. Две лошади стояли там, ожидая нас. Их держали грумы. Медея вскочила на одну, я — на другую.

Наверху небо стало темнеть. В стене открылись огромные двери. За ними виднелась дорога, уходящая к далекому лесу.

Торжественный, сердитый диск красного солнца, горевший тусклым огнем, светил над горными хребтами.

Солнце быстро село. Темнота волной накатилась на небо. Загорелись миллионы белых огоньков. В слабом звездном свете лицо Медеи выглядело нереально бледным. В сгущавшейся темноте глаза ее сверкали.

Издалека я услышал слабый зов трубы. Потом он повторился.

Затем — тишина — и слабый шорох, который постепенно превратился в ритмичный стук копыт.

Мимо нас проскользнула фигура стражника. Он молча смотрел на открытые ворота — оттуда появилось три взвода солдат и группа девственников — девушек-рабынь.

На легком быстроногом скакуне, в зеленом плаще, свисающем с плеч, мимо нас проехал Матолч, бросив на меня быстрый взгляд. В вечернем сумраке сверкнули его желтые глаза.

За ним — крохотная фигурка Эдейри, на пони, тоже маленьком. Позади них скакали еще всадники, но я не смог их увидеть — стало слишком темно.

Мы проехали сквозь ворота в стене, все еще ничем не нарушая молчания — раздавался лишь стук лошадиных копыт. Мы скакали по равнине. Лес надвинулся и вскоре поглотил нас.

Я оглянулся назад. Огромная туча на небе была тем самым Замком, из которого мы только что выехали.

Мы скакали под тяжелыми нависающими ветвями. Это были уже не черные деревья сада — но и эти не выглядели нормальными. Внезапно чувство чего-то чужого нахлынуло на меня со всех сторон.

Прошло довольно много времени, и дорога пошла под уклон. На небе поднялась луна. Под ее золотистым светом в глубокой долине под нами стала видна башня — темная, без окон, почти готическая по своей постройке, как бы сама вылезшая из черной земли, из черного сада старинных и злых деревьев.

— Кэр Сайкир!

Я был здесь раньше. Ганелон из Темного Мира хорошо знал это место. Но я не знал его, у меня просто было неприятное ощущение чего-то знакомого, феномен Дежа-вю, известный всем психологам, — и наряду с этим я перестал ощущать свое тело, свою душу и свой ум.

Кэр Сайкир. Сайкир? Изучая на Земле магию, я где-то наталкивался на это имя. Старинное имя в Гасконии... ну конечно же!

Месса Святого Сайкира!

И человек, которому служат эту Черную Мессу — умирает. Это я тоже помнил.

Будут ли служить сегодня Черную мессу Ганелону?..

Это не было место Ллура — каким-то образом я это знал. Кэр Ллур был в другом месте, а не в башне, которую посещают поклонники. Но сюда, в Кэр Сайкир, как и в другие храмы по всему Темному Миру, Ллура можно вызвать, чтобы он пировал, а если его вызвать на жертвенный пир — он придет.

Будет ли сегодня жертвой Ганелон? Я нервно сжал поводья. В воздухе чувствовалось что-то напряженное, и я никак не мог понять, что. Медея, рядом со мной, была спокойна. Эдейри была спокойна всегда. Матолч, я мог поклясться, просто не знал, что такое нервы. И все же в ночи было что-то нервное, и оно окружало нас со всех сторон.

Перед нами безмолвной и бесшумной массой шли солдаты и девственницы. Кое-кто из солдат был вооружен. Казалось, они вели остальных, но движения их были механическими, как будто они никак не могли проснуться. Мне ничего не сказали о цели, с которой этих мужчин и девственниц вели в Кэр Сайкир. Но даже эти тупые безмолвные массы не волновались. Они слепо шли навстречу судьбе. Нет, напряженность чувствовалась в темноте вокруг нас.

Кто-то, что-то ждало нас в ночи!

7. Люди леса

Из темноты леса неожиданно, пугающе раздался зов трубы. В ту же самую секунду захрустели ветки, раздались крики, и лес осветился тонкими молниями выстрелов. Дорога внезапно оделась фигурами в зеленом, которые врезались в колонну рабов впереди нас. Они схватились со стражниками, окружив безмолвные жертвы со всех сторон.

Моя лошадь испуганно заржала. Я едва смог справиться с ней, чувствуя, как уже знакомая красная пелена ярости затуманивает мой мозг. Ганелон, при виде лесных жителей, изо всех сил пытался взять контроль надо мной. Мне пришлось справляться и с ним тоже. Несмотря на свое удивление неожиданными событиями, я почувствовал, что эта ситуация может пойти мне на пользу. Ударив вставшую на дыбы лошадь, я попытался удержать ее и усидеть в седле.

Рядом со мной Медея поднялась на стременах, посылая молнию за молнией в зеленых человечков впереди нас из трубки, которая дергалась в ее руке после каждого выстрела. Эдейри

отъехала в сторону, не принимая никакого участия в битве. Ее маленькая закутанная в плащ фигурка, скрючившись, сидела в седле, но даже ее неподвижность выглядела устрашающе. У меня было такое чувство, что она в любую минуту может покончить с нападением, если ей этого захочется.

Что касается Матолча, то в седле его не было. Его испуганная лошадь уже убежала, вломившись в кустарник, а сам Матолч кинулся в битву, радостно крича. От этого крика холодные мурашки побежали у меня по спине. Я видел, что зеленый плащ скрывает под собой образ совсем не человеческий, и лесные жители отшатываются от него в разные стороны, когда он прорубается сквозь их ряды к началу колонны.

Лесные жители предприняли отчаянную попытку спасти обреченных рабов и рабынь. Я понял это сразу же. Я также видел, что они не осмеливаются нападать на сам Совет. Все их попытки были направлены на то, чтобы осилить похожих на роботов стражников, чтобы такие же, похожие на роботов, рабы, были спасены от Ллура. И я видел, что они начали проигрывать, потому что жертвы были слишком апатичны для того, чтобы убежать. Если они и имели когда-то волю, то их давно ее лишили. Они подчинялись приказам — вот и все. А у лесных жителей не было вожака. Когда я это увидел, я сразу понял, почему. Это была моя вина. Видимо, Эдвард Бонд спланировал это нападение, но из-за меня не смог участвовать в нем. И битва практически уже шла к концу.

Молнии Медеи убивали одного за другим. Бездумные стражники стреляли, как на параде, глубокое горловое рычание Матолча, пробивавшегося сквозь толпу к своим солдатам, действовало эффективнее любого оружия — нападающие отшатывались от него, как от чумы. Через мгновение я понял, что как только Матолч доберется до своих людей, организованное войско сломает хребет неорганизованному.

Несколько мгновений в моем мозгу тоже происходила битва. Ганелон пытался взять бразды правления в свои руки, а Эдвард Бонд свирепо сопротивлялся. Как Ганелон, я знал, что место мое было рядом с оборотнем: инстинкт толкал меня биться плечом к плечу с ним. Но Эдвард Бонд знал другое. Эдвард Бонд тоже знал, где ему следовало находиться.

Я поднял свою золотистую маску вверх так, что лицо мое стало видно, дал шпоры лошади и заставил ее двигаться за Матолчем. Один только вес лошади давал ей преимущество, которого не было у оборотня. Стук копыт и могучая грудь моего скакуна рас-

чищали путь передо мной. Я поднялся на стременах и закричал глубоким горловым голосом Ганелона:

— Бонд! Бонд! Эдвард Бонд!

Повстанцы услышали этот крик. На мгновение сражение вокруг колонны прекратилось, и каждый из одетых в зеленое людей обернулся, чтобы посмотреть на меня. Когда они увидели своего потерянного вождя, громкий крик прокатился по их рядам:

— Бонд! Эдвард Бонд!

Лес звенел этим криком, и в голосах их появилась угасшая, было, отвага. Дикий рык ярости Матолча был поглощен криками лесных жителей, вновь собравшихся и ринувшихся в атаку.

Память Ганелона услужливо подсказала мне, что надо делать.

Лесные жители убивали стража за стражем, не обращая больше внимания на выстрелы, косившие их ряды — но только я мог спасти пленников. Только голос Ганелона мог вывести их из оцепенения, охватившего каждого раба.

Я прищиприл испуганную лошадь и поскакал вперед, расшвыривая стражников налево и направо. Вскоре я добрался до начала колонны.

— В лес! — закричал я. — Очнитесь и бегите! Бегите скорее!

Рабы на мгновение заколебались, все еще не оправившись до конца от транс своих сновидений, но, послушные голосу члена Совета, стали прорываться сквозь ряды стражников. Весь смысл битвы изменился, когда они устремились в лес, и одетые в зеленое фигуры разомкнулись и пропустили их в темноту под деревьями.

Это был странный побег. Рабы не произнесли ни слова, скрываясь в ночи. Не кричали даже стражники, посылавшие выстрел за выстрелом в уходящую колонну, а лица их были так же безжизненны, как если бы они спали и не видели снов.

Меня бил озноб, когда я смотрел на это зрелище: женщины и мужчины убегали, спасая свои жизни, вооруженные солдаты стреляли и убивали их, а лица тех и других абсолютно ничего не выражали. Они молча бежали и молча умирали, падая после очередного выстрела.

Я повернул лошадь и помчался вслед за хвостом уходящей колонны. Золотая маска сползла в сторону и я сорвал ее, маша ею лесным жителям. Лунный свет блестел на золотом материале.

— Спасайтесь! — закричал я. — Рассыпайтесь и следуйте за мной!

Сзади я услышал яростный вой Матолча, совсем близко. Я оглянулся через плечо, когда моя лошадь пересекла лесную дорогу. Высокая фигура оборотня стояла впереди нескольких своих солдат.

Лицо его было искажено яростью волчьей маски, и, пока я смотрел, он поднял черную трубку, такую же, какой пользовалась Медя. Я увидел, как из нее вырвался луч белого пламени, и низко пригнулся в седле.

Это меня и спасло. Я почувствовал, как воздушная волна толкнула меня в спину и разорвала одежду; луч исчез в глубине темного леса. Моя лошадь тоже ринулась в чащу.

И вот ветви деревьев зашуршали вокруг, а лошадь оступилась и заржала в ужасе, подняв вверх голову. В темноте, рядом со мной, мягкий голос произнес:

— Сюда.

Чьи-то руки схватили уздечку.

Я позволил лесным жителям вести себя в темноту.

Занималась заря, когда наша усталая колонна добралась, наконец, до цели своего путешествия, дойдя до долины между горами, где лесные жители скрывались от солдат. Все мы устали, хотя рабы без всякого выражения на лицах шли за мной ломаной группой, не понимая даже, что ноги их были сбиты долгой дорогой, а тела утомлены до предела.

Жители леса скользили меж деревьев, внимательно следя, не преследуют ли нас. Раненых среди нас не было. Оружие Совета никого не ранило. Куда бы оно ни разило, человек падал мертвым на месте.

В бледном свете луны я никогда бы не принял эту долину за место обитания такого многочисленного клана. Она выглядела обычной долиной, с разбросанными тут и там валунами, совсем немногочисленными, с поросшими мхом склонами и небольшим ручейком, который тек посередине, и который вставшее солнце окрасило в розовый цвет.

Один из лесных жителей взял мою лошадь, и мы вошли в долину пешком; роботы-рабы покорно брели следом. Казалось, мы приближаемся к совершенно необитаемой долине. Но когда мы прошли половину ее, лесной житель справа от меня неожиданно положил мне руку на плечо, и мы остановились — а покорная, бессловная толпа остановилась позади нас. Вокруг меня лесные жители мягко смеялись. Я поднял голову.

Она стояла на высоком валуне, лежащем на берегу ручейка. Одета она была по-мужски, в бархатную зеленую тунiku, перепоясанную ремнем, с которого свисало оружие. Волосы ее сказочной мантией струились вниз по плечам до самых колен, каскадом бледного золота, который волновался, как вода. Корона из бледно-желтых листьев, цвета ее волос, скалывала их, не позволяя

закрывать лицо. Стоя на валуне, она глядела на нас и улыбалась, в особенности мне, Эдварду Бонду.

Лицо ее было прекрасным. В нем сквозила сила, невинность и строгое спокойствие святой, а красные губы излучали тепло и дружелюбие. Глаза ее были того же цвета, что и туника — темно-зеленого, которого я никогда не видел на Земле.

— С благополучным прибытием, Эдвард Бонд, — сказала она мягким, нежным, чуть низким голосом, как будто она столько лет говорила тихо, что сейчас не осмелилась повысить голос.

Она легко прыгнула с валуна, двигаясь с уверенностью дикой кошки, которая всю жизнь провела в лесах, как, наверное, и было на самом деле. Волосы ее колыхались мягко, как паутина, спокойно покоясь на плечах. И когда она шла, то казалось, что вокруг ее головы светится бледно-золотой нимб.

Я вспомнил, что сказал мне лесной житель Эрту в саду Медеи, прежде чем его убила молния из черной трубки.

— Арле убедит тебя, Эдвард! Даже если ты Ганелон, разреши мне отвести тебя к Арле!

Сейчас я стоял перед ней — в этом я был уверен. И если меня и требовалось убеждать в том, что дело лесных жителей было моим делом, то эта девушка с нимбом убедила бы меня своим первым словом. Что же касается Ганелона...

Как я мог знать, что сделает Ганелон?

На этот вопрос он ответил без моего участия. Прежде, чем я успел сказать хоть одно слово, прежде, чем я успел составить план своих дальнейших действий, Арле подошла ко мне, совершенно не обращая внимания на то, что за нами наблюдают. Она положила руки мне на плечи и поцеловала меня прямо в губы.

И этот поцелуй был непохож на поцелуй Медеи — нет! Губы Арле были прохладными и нежными, не похожими на жадные горячие губы повелительницы и страстной ведьмы. Отравления той странной страстью, которую я почувствовал, когда держал Медею в своих объятиях, сейчас не наступило. Было нечто... чистое в Арле, чистое и честное, отчего мне вдруг безумно захотелось домой, на Землю.

Она отступила назад. Ее зеленые глаза встретились с моими в спокойном понимании. Казалось, она ждала.

— Арле, — сказал я после минутного молчания.

И это, казалось, удовлетворило ее. Смутный вопрос, готовый уже сорваться с губ, что ясно читалось по выражению ее лица, так и не был задан.

— Я беспокоилась, — просто сказала она. — Они не причинили тебе вреда, Эдвард?

Инстинктивно я знал, что следует ответить.

— Нет, мы не доехали до Кэр Сайкир. Если бы лесные жители не напали, что ж, тогда жертвоприношение состоялось бы.

Арле протянула руку и приподняла разорванный край моего плаща. Ее тонкие пальчики погладили мягкую шелковую ткань.

— Голубой плащ, — сказала она. — Да, это цвет, который надевает на себя приносимый в жертву. Боги были сегодня на нашей стороне, Эдвард. А от этого ужаса мы должны сейчас изваться.

Глаза ее сверкнули. Она сорвала с меня плащ, разорвала его и бросила на землю.

— Больше ты никогда не пойдешь охотиться один, — добавила она. — Я ведь говорила тебе, что это опасно. Но ты посмеялся надо мной. Могу поспорить, что ты смеялся, когда тебя поймали солдаты Совета! Так это было?

Я кивнул. Очень медленно страшная ярость поднималась во мне. Значит, голубой цвет был цветом жертвы? Вот как! Мои подозрения были обоснованными. В Кэр Сайкир я был бы приношением, слепо идущим навстречу своей судьбе. Матолч, конечно, знал. Представляю себе, как мозг оборотня смаковал эту шутку! Эдейри, думая свои думы под накинутым капюшоном, тоже знала.

А Медя?.. Медя?!

Она осмелилась предать меня! Меня, Ганелона! Открывающего врата! Избранника Ллура, Лорда Ганелона! Она посмела! Черный гром загредел в моем мозгу. Я подумал: «Клянусь Ллуром, они заплатят за это! Они будут ползать у моих ног, как жалкие псы, и умолять о пощаде!»

Ярость открыла все шлюзы в мозгу, и от Эдварда Бонда остались лишь туманные воспоминания, которые спадали с меня так же, как голубой плащ избранника-жертвы спал с плеч — голубой плащ избранной жертвы на плечах лорда Ганелона!

Я слепо моргал глазами, стоя в кругу одетых в зеленое людей. Как я попал сюда? Как осмелились эти лесные жители стоять передо мной в таких вызывающих позах?! Кровь редела в моих висках, все завертелось перед глазами. Когда все закончится, я вытащу свое оружие и изрублю этих выскочек, как дровосек рубит дрова. Но подожди!

Во-первых, Совет, поклявшийся друг другу в дружбе, предал меня. Почему, п о ч е м у? Они были рады видеть меня, когда спасли из этого мира, этой чужой Земли. Лесных жителей я мог

убить в любую минуту, когда только захочу — сейчас предстояло обдумать более важные проблемы. А Ганелон был мудрым человеком. Лесные жители могли понадобиться мне для выполнения задуманной мести. А потом...

Я напряг свою память. Что могло случиться, из-за чего Совет обратился против меня? Я мог бы поклясться, что это не входило с самого начала в намерения Медеи — слишком искренне она обрадовалась тому, что я вернулся. Матолч мог, конечно, подействовать на нее, но опять-таки, почему? Или, может, тут замешана Эдейри, или сам старик Гаст Райми? В любом случае, клянусь Золотым Окном, открывающимся в храме, они еще пожалеют о своей ошибке!

— Эдвард!

Женский голос, нежный и испуганный, донесся до меня как бы издалека. Я взял себя в руки, борясь с обуревающей меня яростью и ненавистью. Я увидел бледное лицо, окруженное нимбом золотистых волос, зеленые тревожные глаза. Я вспомнил.

Рядом с Арле стоял незнакомый человек, чьи холодные серые глаза послужили шоком, вернувшим меня к действительности. Он глядел на меня так, как будто хорошо знал меня, как Ганелона. Но я никогда раньше не видел этого человека.

Это был невысокого роста крепыш, молодо выглядевший, несмотря на седину, затронувшую его бороду. Лицо его загорело так сильно, что цветом своим напоминало коричневую, темную землю. В своем плотно облегающем костюме из зеленой ткани он был идеальным бегуном, скользящим между деревьями, невидимым и опасным. Глядя на мощные бугры мускулов, проступавшие, когда он двигался, я понял, что он будет тяжелым соперником. И в том, как он смотрел на меня, во всей его позе, явно сквозила враждебность.

Белый уродливый шрам пересекал его правую щеку и тонкий рот так, что казалось, лицо его навечно застыло в хитрой иронической улыбке. Однако, его серые глаза были холодны.

И я увидел, как лесные жители отступили назад, окружив нас кольцом и наблюдая.

Бородач вытянул руку и одним движением спрятал Арле за себя. Невооруженный, он сделал шаг вперед по направлению ко мне.

— Нет, Ллорин! — вскричала Арле. — Не трогай его!

— Ганелон, — сказал он.

При звуке этого имени шепот страха и ненависти пронесся по окружавшей нас толпе. Я увидел скрытые движения рук, тянувшихся к оружию на поясах. Я увидел, как изменилось лицо Арле.

Но изворотливость Ганелона пришла мне на помощь.

— О, нет, — сказал я и потер рукой лоб. — Я Бонд. Это была отрава, которую дал мне Совет. Она все еще действует.

— Какая отрава?

— Не знаю, — ответил я Ллорину. — Она была в вине, которое дала мне выпить Медея. И долгое путешествие сегодня ночью утомило меня.

Я сделал несколько неуверенных шагов в сторону и прислонился к валуну, тряся головой, как будто для того, чтобы прояснить мысли. Но я был настороже. Шепот подозрения стих.

Прохладные пальцы дотронулись до моей руки.

— Мой дорогой, — сказала Арле и резко повернулась к Ллорину. — Неужели ты думаешь, что я не отличу Эдварда Бонда от Ганелона? Ллорин — ты дурак!

— Если бы эти двое не были идентичны, нам никогда бы не удалось поменять их вначале, — грубо сказал Ллорин. — Будь уверена, Арле. Очень уверена.

Сейчас шепот опять стал нарастать.

— Лучше быть уверенным, — шептали лесные жители. — Не рискуй, Арле. Если это Ганелон — он должен умереть!

В зеленых глазах Арле вновь появилось сомнение. Она отпустила мои руки и пристально уставилась на меня. И сомнение не исчезло с ее лица.

Я ответил ей взглядом на взгляд.

— Ну, Арле? — сказал я.

Губы ее задрожали.

— Этого не может быть, я это знаю — но Ллорин тоже прав. Ты сам должен знать это, мы не можем рисковать. Если этот дьявол Ганелон вернется после того, что произошло, всем нам придет конец.

«Дьявол, — подумал я. — Дьявол Ганелон». Да, Ганелон ненавидел лесных жителей. Но сейчас у него была другая, более великая ненависть. В час его слабости Совет предал его. Лесные жители могли подождать; его месть — нет. И теперь Ганелон сам разрушит Кер Сайкир и Замок так, что их крушение надолго запомнится членам Совета!

А это означало, что сейчас надо вести себя крайне осторожно.

— Да, Ллорин прав, — сказал я. — Вы сейчас не можете определить, Ганелон я, или нет. Может быть, ты и знаешь это,

Арле, — я улыбнулся ей. — Но... рисковать нельзя. Пусть Ллорин испытает меня.

— Ну? — Ллорин вопросительно взглянул на Арле.

Она нерешительно переводила свой взгляд с меня на бородача.

— Я... ну хорошо, я согласна.

Ллорин коротко рассмеялся.

— Мое испытание может и не удасться. Но есть та, которая может видеть правду. Фрейдис.

— Пусть Фрейдис испытает меня, — быстро ответил я — и был вознагражден тем, что увидел, как Ллорин заколебался.

— Очень хорошо, — сказал он после непродолжительного молчания. — Если я ошибаюсь, то приношу свои извинения прямо сейчас. Но если прав, я убью тебя, или попытаюсь это сделать. Только еще одного человека я убью с большим удовольствием, но оборотень пока не в моей власти.

И вновь Ллорин дотронулся до своей щеки с уродливым шрамом. При мысли о лорде Матолче его серые глаза засветились, загорелись на какое-то мгновение. Я видел, как ненавидят, и раньше. Но никогда не видел такой ненависти, какую Ллорин питал к оборотню.

Ну что ж, пусть он убьет Матолча, если сможет. Было другое, более мягкое горло, в которое я мечтал вонзить свои пальцы. И все ее колдовство не уберегло бы ведьму в алом, когда Ганелон вернется в Кэр Сайкир и сломает Совет, как веточку в своих руках!

И вновь черная пропасть навалилась на меня. Эта ярость уничтожила Эдварда Бонда, но она не уничтожила хитрости Ганелона.

— Как скажешь, Ллорин, — спокойно сказал я. — Пойдем сейчас к Фрейдис.

Он коротко кивнул. Мы двинулись по дороге вперед, окруженные лесными жителями. Ллорин с одного бока, Арле — удивленная и встревоженная — с другого. Покорные рабы шли следом.

Стены каньона скрыли нас. Впереди показалось отверстие входа в пещеру.

Мы расположились неправильным полукругом, глядя на этот вход. Наступила тишина, прерываемая только шелестом листьев на ветру. Красное солнце поднималось над стеной горы.

Из темноты до нас донесся голос, глубокий, вибрирующий и властный.

— Я не сплю, — произнес он. — В чем вы нуждаетесь?

— Мать Фрейдис, мы отбили рабов, захваченных Советом, — быстро сказала Арле. — Они все еще спят.

— Пошлите их ко мне.

Ллорин злобно посмотрел на Арле. Он сделал шаг вперед.

— Мать Фрейдис, — позвал он.

— Я слышу.

— Нам нужно твое ясновидение. Этот человек утверждает, что он — Эдвард Бонд, но я думаю, что он — Ганелон, вернувшийся из мира Земли, куда ты послала его.

Наступило продолжительное молчание.

— Пошлите его ко мне, — наконец произнес голос. — Но сначала пошлите рабов.

По знаку Ллорина лесные жители начали подталкивать рабов ко входу в пещеру.

Они не сопротивлялись. С ничего не выражающими глазами семенили они к пещере и, один за другим, исчезали в ее темноте.

Ллорин поглядел на меня и дернул головой, указывая на вход. Я улыбнулся.

— Когда я выйду, мы опять будем друзьями, как прежде, — сказал я.

Глаза его оставались такими же холодными, как и раньше.

— Это решит Фрейдис.

Я повернулся к Арле.

— Фрейдис решит, — сказал я. — Но бояться нечего, Арле. Помни это. Я — не Ганелон.

Она смотрела на меня испуганным взором, неуверенная, когда я отступил от нее на шаг или два.

Безмолвная толпа лесных жителей уставилась на нас, наблюдая. Они держали оружие наготове.

Я мягко рассмеялся, повернулся и вошел в черное отверстие пещеры.

Тьма поглотила меня.

8. Фрейдис

Это звучит странно, но я был абсолютно уверен в себе, когда шел вперед по полого поднимающейся тропинке внутри пещеры. Впереди, за поворотом, я увидел мерцание света и улыбнулся. Мне было очень трудно говорить с этими лесными беглецами-высочками, как с равными, как будто я все еще был Эдвардом Бондом. Мне трудно будет говорить и с их колдуньей, хотя смешно было

думать, что она сможет обладать такими же знаниями, как Лорд Совета. Кое-что она должна знать, иначе ей никогда бы не удалась замена, которая послала меня в мир Земли, а сюда привела Эдварда Бонда. Но я считал, что запросто смогу обмануть и ее, и всех, кого смогу выставить против меня повстанцы.

Маленькая пещера за поворотом была пустой, в ней никого не было, за исключением Фрейдис. Она стояла на коленях, спиной ко мне, перед небольшим огнем, который, казалось, горел сам по себе, без всякого топлива, в хрустальном блюде. На ней были белые одежды, а ее седые волосы косами свисали по спине. Я остановился, пытаюсь опять чувствовать себя, как Эдвард Бонд, пытаюсь определить, что бы он сказал в эту минуту. Фрейдис повернулась и поднялась на ноги.

Рост ее был поразителен. Мало кто в Темном Мире мог, стоя рядом, смотреть мне в глаза, но ясный взгляд голубых глаз Фрейдис был на одном уровне с моим. Ее широкие плечи и большие гладкие руки были почти так же сильны, как у мужчины, и если она и была преклонного возраста, то это не сказывалось в ее легких движениях и в том не имеющем возраста лице, которое она повернула ко мне. Это отражалось только в ее глазах — и когда я взглянул туда, то понял, что она действительно очень стара.

— Доброе утро, Ганелон, — сказала она глубоким безмятежным голосом.

Я вздрогнул. Она знала, кто я, так же уверено, как будто могла читать мои мысли. И, тем не менее, я был уверен, или почти уверен, что ни один человек в Темном Мире не может этого делать. На мгновение я почти потерял дар речи. Но затем мне на выручку пришла гордость.

— Добрый день, старуха, — сказал я. — Я пришел предложить тебе шанс выжить, если ты будешь повиноваться мне. Ты должна будешь помочь мне в одном важном деле, деле чести.

Она улыбнулась.

— Присаживайся, член Совета, — сказала она. — В последний раз, когда мы мерялись силами, ты поменял один мир на другой. Не хочешь ли ты опять навестить Землю, лорд Ганелон?

Теперь настала моя очередь рассмеяться.

— Ты не можешь этого сделать, а если и сможешь, то не сделаешь, после того, как выслушаешь меня.

Ее голубые глаза пытливо посмотрели на меня.

— Ты чего-то очень сильно, до отчаяния, желаешь, — медленно сказала она. — Одно твое присутствие здесь, и то, что ты предлагаешь мне условия, доказывает это. Я никогда не думала

увидеть лорда Ганелона лицом к лицу, если при этом он будет не в цепях, или не в одном из своих бешеных боевых настроений, когда он ничего не сообщает. Твоя нужда во мне, лорд Ганелон, служит сейчас для тебя цепями. Ты связан этой нуждой и беспомощен.

Она снова повернулась к огню и села одним грациозным движением, великолепно управляя своим большим, сильным телом.

— Садись, Ганелон, — опять сказала она. — Мы поторгнемся. Об одном только тебя прошу: не трать свое время на ложь, потому что я сразу узнаю, правду ты говоришь, или нет, член Совета. Помни это.

Я пожал плечами.

— С какой стати мне лгать такой, как ты? — сказал я. — Мне нечего от тебя скрывать. Чем больше правды обо мне ты будешь знать, тем больше убедишься в искренности моих намерений. Но сначала скажи, где твои рабы, которые вошли передо мной?

Она кивнула головой в глубь пещеры.

— Я послала их внутрь горы. Они спят. Ты же знаешь, как тяжел сон освобожденного от заклятия, лорд Ганелон.

Я уселся, покачав головой.

— Нет, нет, этого я еще не могу вспомнить. Я... ты просила, чтобы я говорил правду, старуха. Тогда слушай. Я — Ганелон, но фальшивые воспоминания Бонда все еще затуманивают мой ум. И пришел я сюда как Эдвард Бонд, но Арле сказала мне одну вещь, которая вернула Ганелона обратно. Она сказала мне, что Совет в час моей слабости одел меня в голубой плащ — плащ жертвы; и я скакал в Кэр Сайкир, когда лесные жители напали на нас. Должен ли я говорить тебе, каково мое самое сокровенное желание?

— Месть Совету, — ответила она гулко, и ее глаза, глядевшие в мои, горели сквозь разделяющий нас огонь. — Ты говоришь правду, член Совета. Ты хочешь, чтобы я помогла тебе отомстить. Что можешь ты предложить лесным жителям взамен, кроме огня и меча? Почему мы должны доверять тебе, Ганелон?

И вновь ее не имеющие возраста глаза жгли меня.

— Мое желание — месть. Каково ваше?

— Конец Ллура. Уничтожение Совета.

Голос ее завибрировал, а старое-старое лицо засветилось, когда она произнесла эти слова.

— Да. Я хочу уничтожить Совет, и я хочу конца... конца Ллура!

Мой язык стал чуть заплетаться, когда я выговаривал последнюю фразу, сам не знаю почему. Правда, однажды, Великим и Страшным ритуалом, я был скреплен печатью с Ллуром, это я

хорошо помнил. Но Ллур и я не были едины. Но могли бы стать, если бы события развивались по-другому. Сейчас я задрожал при мысли об этом.

— Да, сейчас я желаю конца Ллуру — должен желать, если хочу остаться в живых.

Фрейдис проникательно взглянула на меня.

— Да, должен, возможно, что должен. Так что ты хочешь тогда от нас, Ганелон?

Я быстро заговорил.

— Я хочу, чтобы ты поклялась своему народу, что я — Эдвард Бонд. Нет — подожди! Я могу сделать для них сейчас больше, чем мог бы Эдвард Бонд. Скажи спасибо, что я вновь Ганелон, старуха. Потому что только я могу помочь вам. Послушай меня. Твои лесные жители не могут убить меня. Я это знаю. Ганелон бессмертен — за исключением алтаря Ллура. Но они могут схватить меня и держать здесь пленником, пока ты опять не вызовешь Эдварда Бонда своими заклинаниями. А это будет глупо и ненужно, ни тебе, ни мне.

Все, что Эдвард Бонд мог, он уже для вас сделал. Теперь очередь Ганелона. Кто еще может сказать вам, где уязвимое место Ллура, или где Матолч держит свое секретное оружие, или как уничтожить Эдейри? Все это я знаю — или знал когда-то. Ты должна помочь мне вернуть память, полностью. Потом...

И я сурово улыбнулся.

Она кивнула головой. Потом мы некоторое время сидели молча.

— Так чего же ты хочешь от меня, Ганелон? — спросила она наконец.

— Расскажи мне сначала о мостике через миры, — заинтересованно попросил я. — Как тебе удалось поменять меня и Эдварда местами?

Фрейдис утрюмо улыбнулась.

— Не торопись, член Совета! — ответила она. — У меня тоже есть свои тайны. Я отвечу лишь на часть этого вопроса. Мы совершили этот обмен, как ты можешь догадываться, только для того, чтобы избавиться от тебя. Ты должен помнить, как свирепо ты принимал нас, устраивал рейды за рабами, как ненавидел нашу свободу. Мы — гордый народ, Ганелон, и нас нельзя угнетать вечно. Но мы знали, что тебе не грозит смерть, по крайней мере, от нашей руки.

Я знала о мире-близнеце — Земле. Я искала и нашла Эдварда Бонда. И после многих поисков, многих усилий я нашла закли-

ния, которые поместили тебя в другой мир с памятью Эдварда Бонда поверх твоей памяти.

От тебя мы избавились. Правда, теперь с нами находился Эдвард Бонд, и сначала мы тоже ему не доверяли — он был слишком похож на тебя. Но его мы могли, по крайней мере, убить. Но мы этого не сделали. Он сильный человек, член Совета. Мы привыкли доверять ему и полагаться на него. Он дал новые идеи организации военных действий. Это он планировал нападение на будущие жертвы Совета.

— Нападение, которое кончилось неудачей, — заметил я. — Или кончилось бы, если б я не принял вашу сторону. У Эдварда Бонда было земное знание, да. Но его оружие и защита могли бы в лучшем случае потрясти наружные стены Замка Совета. Ты сама должна знать, что есть и другие силы, редко используемые, но никогда не подводящие.

— Я знаю, — согласилась она. — Да, я знаю, Ганелон. Но нам, по меньшей мере, надо было попытаться. И Совет был ослаблен без тебя. Кроме тебя, никто из них не осмелился бы вызвать Ллура. Разве что Гаст Райми.

Она задумчиво уставилась на огонь.

— Я знаю тебя, Ганелон. Я знаю твою гордость, которая горит в твоей душе. И я знаю, что месть, которую ты сейчас задумал, дорога твоему сердцу. И, тем не менее, ты посвящен Ллуру, и ты — член Совета с самого рождения. Откуда я знаю, что тебе можно доверять?

Я ничего ей не ответил. Через мгновение Фрейдис повернулась к закопченной стене. Она откинула занавеску, которую я до сих пор не замечал. Там, в алькове, был Символ, очень старинный Знак, старше, чем цивилизация, старше, чем человеческая речь.

Да, значит Фрейдис была одной из немногих, знавших, что означал этот символ. Как знал это я. Я сделал рукой ритуальный знак, который связывал меня безвозвратно. Это была клятва, которую я не мог нарушить, не будучи проклят, и дважды проклят — в этом мире, и в последующем. Но я не колебался. Я говорил правду.

— Я уничтожу Совет!

— И Ллура?

— Я уничтожу Ллура.

Крупные капли пота появились на моем лбу, когда я говорил это. Сказать такие слова было нелегко.

Фрейдис задержала занавеску. Она казалась удовлетворенной.

— Теперь у меня осталось меньше сомнений, — сказала она. — Ну, что ж, Ганелон, Нори плетут странные нити, определяющие судьбу. Да, судьба существует, хотя мы не всегда можем понять ее. И я не просила тебя поклаться в дружбе лесному народу.

— Это я заметил.

— Ты никогда бы не поклялся, — сказала она. — Да это и не обязательно. После того, как с Советом будет покончено, после того, как Ллур будет уничтожен, я смогу защитить свой народ даже от тебя, Ганелон. И мы еще можем встретиться с тобой в битве. Но до той поры мы союзники. Я назову тебя Эдвардом Бондом.

— Мне этого мало, — ответил я ей. — Весь этот маскарад должен пройти незамеченным.

— Никто не будет сомневаться в моем слове, — сказала Фрейдис.

Свет огня играл на ее фигуре, на старом лице, по которому нельзя было угадать уходящий в глубь веков возраст.

— Я не могу бороться с Советом, если не верну себе память. Память Ганелона. Свою память.

Она покачала головой.

— Видишь ли, — медленно произнесла она. — Я мало чем могу помочь тебе здесь. Кое-что можно сделать, да. Но записи в мозгу — очень тонкая работа, и воспоминания, однажды стертые, нелегко возвращаются назад. Ты все еще обладаешь воспоминаниями Эдварда Бонда?

Я кивнул.

— Да. Мои воспоминания фрагментированы. Я знаю, например, что я был посвящен Ллуру, но не помню никаких подробностей.

— Может быть, тебе сейчас лучше ничего и не помнить об этом, — торжественно изрекла она. — Но ты прав. Тупой нож бесполезен. Слушай.

Недвижимая, как скала, возвышалась она, стоя над огнем передо мной. Голос ее стал еще глубже.

— Я послала тебя в мир, называемый Землей. Я открыла путь сюда твоему двойнику, Эдварду Бонду. Он помог нам, и Арле сразу его полюбила. Даже Ллорин, который доверяет немногим, доверял Эдварду Бонду.

— Кто такой Ллорин?

— Теперь — один из нас. Но так было не всегда. Много лет назад он жил в своем доме в лесу: он был охотником, и мало кто мог выследить добычу так, как Ллорин. У него была молодая жена. Она умерла. Однажды ночью Ллорин вернулся к себе и увидел

смерть, и кровь, и волка с окровавленной пастью. Он боролся с волком, но не смог победить его. Ты видел щеку Ллорина. Все его тело тоже в шрамах, от когтей и зубов волка.

— Волка? — спросил я. — А не...

— Оборотня, — ответила Фрейдис. — Ликантропа, меняющего форму, Матолча. Когда-нибудь Ллорин убьет Матолча. Он живет только ради этого.

— Пусть забирает этого рыжего пса! — презрительно ответил я. — Если он захочет, я отдам ему Матолча, разрезанного на куски.

— Арле, Ллорин и Эдвард Бонд составили план действий, — продолжала Фрейдис. — Они поклялись, что это последний Шабаш, который празднуют в Темном Мире.

Эдвард Бонд показал им новое оружие, которое применяли земляне на Земле. Это оружие было изготовлено, и сейчас хранится в арсенале, в ожидании дальнейших действий. Ни одного Шабаша не было проведено с тех пор, как Медея и ее друзья отправились на Землю искать тебя. Им не на кого было нападать, разве что на Гаста Райми. Сейчас Медея и остальные члены Совета вернулись, и они готовы. Если ты их поведешь, Ганелон, я думаю, что Совет будет уничтожен.

— У Совета есть свое собственное оружие, — прошептал я. — Память моя подводит меня, но мне кажется, что Эдейри может... может...

Я покачал головой.

— Нет, не помню.

— Как может быть уничтожен Ллур? — спросила Фрейдис.

— Я... может быть, я и знал это когда-то. Но сейчас не знаю.

9. Королевство сверхсознания

Я двигался вперед. Передо мной мелькали лица: свирепая усмешка Матолча, закрытая капюшоном голова Эдейри с ее взглядом, от которого становилось холодно, страстная красота Медеи, которую не мог забыть ни один человек, даже в ненависти... Они глядели на меня недоверчиво. Губы их двигались в безмолвном вопросе. С удивлением я понял, что вижу перед собой настоящие лица.

В волшебных заклинаниях Фрейдис я перемещался по какому-то внепространственному мосту, где может обитать только дух, и я встречался с мыслями вопрошающих членов Совета, встречался

с ними глазами. Они узнали меня. Они настойчиво задавали мне вопрос, которого я не слышал.

Смерть была на уме Матолча, когда он повернул ко мне лицо. Вся его ненависть ко мне ярко горела в его желтых глазах. Губы его двигались — и я почти мог его слышать. Черты лица Медеи поплыли передо мной, заслоняя лицо оборотня. Ее красные губы задавали вопрос — все время один и тот же:

— Ганелон, где ты? Ганелон, любимый мой, где ты? Ты должен вернуться к нам! Ганелон?!

Безликая голова Эдейри возникла между Медеей и мной, и я отчетливо услышал ее холодный тихий голос, эхом повторяющий все ту же мысль:

— Ты должен вернуться к нам, Ганелон. Вернуться к нам и умереть!

Злость моя красной пеленой закрыла от меня эти лица.

Предатели, фальшивые убийцы, забывшие клятву, данную Совету! Как посмели они угрожать Ганелону, самому сильному из них всех? Как они осмелились и почему?

— Почему?

Мой мозг напряженно искал ответ. И затем я понял, что одного лица передо мной не было. Эти трое искали меня своими мыслями в астрале, но куда делся член Совета Гаст Райми?

Я намеренно попытался установить контакт с его мозгом, но у меня ничего не получилось. Потом я вспомнил. Я вспомнил Гаста Райми, чье лицо Эдвард Бонд никогда не видел. Старый, старый, старый, стоящий выше добра и зла, выше страха и ненависти, Гаст Райми, самый старый и мудрый из всего Совета. Если бы он пожелал, он мог ответить на мою ищущую мысль. Если же он не желал, ничто не могло заставить его сделать это... это не могло причинить вреда самому Старейшему, потому что он жил только силой своей воли.

Он мог покончить со своей жизнью в одно мгновение. И он был как свет свечи, отклоняющийся в сторону, когда пытаешься схватить его. Жизнь ничего для него не значила. Он не цеплялся за нее. Если бы я попытался схватить его, он выскользнул бы из моих пальцев, как огонь или вода. Он так же может быть мертвым, как и живым. И если он не захочет, он никогда не нарушит своего спокойствия ради мысли, которая должна будет превратить его в бесчувственное тело.

Ни ум его, ни образ его лица не показались, несмотря на мои вопросы. Он не отвечал. Все остальные члены Совета продолжали

взывать ко мне со странным отчаянием: вернись и умри, лорд Ганелон! Но Гасту Райми это было все равно.

Итак, я понял, что это по его приказанию был подписан мой смертный приговор.

И я знал, что мне надо найти его и каким-то образом заставить ответить — его, Гаста Райми, которого вообще невозможно было заставить, потому что любая сила была против него бессильна. И все-таки я должен был заставить его.

Все это промелькнуло у меня в мозгу, пока я без всяких усилий скользил по большому залу Кэр Ллура, подхваченный той волной прилива, которая зародилась глубоко в сознании Ганелона, Избранника Ллура — Ганелона, который в один прекрасный день должен вернуться к нему, тому, Кто Ждет... Как я возвращался сейчас.

Золотое окно сверкало передо мной. Я знал, что это то самое окно, через которое великий Ллур глядит на свой мир, через которое он берет приносимые ему жертвы. И Ллур был голоден. Я почувствовал его голод. Мысли Ллура тоже были в астрале в тот момент, когда я понял, куда двигаюсь, и я почувствовал за золотым окном возбуждение.

Ллур тоже уловил мое присутствие своим сознанием. Он знал своего избранника. Он раскрыл мне свои богоподобные объятия, из которых — я это знал — не было возврата.

Я услышал беззвучный крик Медеи, исчезающий, как клуб дыма из этого плена сознания, когда она в ужасе старалась сейчас ни о чем не думать. Я услышал беззвучный вой Матолча, в котором слышался ужас, и он тоже исчез, Эдейри я даже не слышал, потому что она исчезла так внезапно, как будто вообще никогда ни о чем не думала. Я знал, что все трое сидели сейчас в Замке, стараясь закрыть свой мозг от всех мыслей, в то время как Ллур искал по всем планам своего сознания ту пищу, в которой ему так долго отказывали.

Одна моя часть разделяла ужас членов Совета, но другая помнила Ллура. На мгновение я почти ощутил тот темный экстаз, когда Ллур и я были одним, и воспоминания ужаса и сладкой радости вернулись ко мне, воспоминания о власти над всеми существами.

Все это было мое, стоило мне захотеть — если бы я полностью раскрылся перед Ллуrom. Только один человек в поколении посвящается Ллуру, деля с ним его божественную душу, участвуя с ним в экстазе пожирания человеческих жертвоприношений — и я был этим человеком, если бы решился завершить ритуал, который отдал бы меня Ллуру. Если бы я решился, если бы я осмелился!

Воспоминания о моем гневе вернулись ко мне. Я не должен расслабляться и думать об этой обещанной радости. Я поклялся положить конец Ллuru. Я поклялся старинным Символом покончить с Советом и Ллуром. Медленно, неохотно, мой мозг начал освобождаться от контакта с планами его мыслей.

В момент, когда контакт был прерван, волна ужаса целиком захлестнула меня. Я почти дотронулся до него! Я почти позволил погрузить себя в то, чего не мог понять ни один человеческий мозг. И при страшном прикосновении этого... этого... — ни один язык не дал бы определения тому, чем был Ллур. Но я понял, что происходило в моем уме, когда я был Эдвардом Бондом, и тогда я понял, что жить на той же земле, что и Ллур, делить с ним ту же самую жизнь было наказанием, которое делало жизнь невыносимой, если знать, что Ллур существует.

Я должен положить конец ему. В эту минуту я понял, что я должен буду встать лицом к лицу с существом, которое мы знали, как Ллура, и бороться с ним до конца. Ни одно из человеческих существ пока не находилось с ним лицом к лицу, даже его жертвы, даже его избранники. Но у меня, его убийцы, не было другого выхода — ведь я поклялся убить его!

Весь дрожа, я стал уходить из черных глубин Ллура, выбираясь на поверхность спокойных голубых бассейнов мысли, которые были глазами Фрейдис. Темнота вокруг меня стала светлеть, и постепенно стены пещеры показались перед моими глазами, и горящее пламя, и высокая колдунья, которая погрузила меня в эти глубины силой своих заклинаний.

Я возвращался к действительности, и медленно, медленно знание возвращалось в мой мозг — короткими вспышками, слишком быстрыми, чтобы их можно было передать словами. Я знал, я вспомнил!

Жизнь Ганелона мелькала передо мной в картинах, которые ярко высвечивались в моем мозгу и оставались навеки там запечатленными. Я знал его власть, я знал его тайные силы, его скрытые слабости. Я знал его грехи. Я восхищался его силой и гордостью. Я вновь стал Ганелоном, или почти стал.

Правда, оставались еще вещи, скрытые от моего ума — слишком много воспоминаний было пробуждено во мне, чтобы все могло прийти сразу, одной приливной волной. Оставались невыясненными промежутки — и важные промежутки того, что я не мог вспомнить.

Голубая темнота рассеивалась. Я глядел в чистые глаза Фрейдис сквозь огонь. Я улыбнулся, чувствуя холодную уверенность в своих силах, которая вернулась ко мне.

— У тебя хорошо это получилось, колдунья, — сказал я ей.

— Ты вспомнил?

— Достаточно. Да, достаточно.

Я засмеялся.

— Передо мной два пути, и первый легче второго, хотя он невозможен. Но я пройду его.

— Гаст Райми? — спросила она спокойно.

— Как ты узнала?

— Я знаю Совет. И думаю, хоть и не уверена, что в руках Гаста Райми находятся тайны Совета и Ллура. Но никто не может заставить Гаста Райми что-либо сделать.

— Я найду способ. Да, я даже скажу тебе, какова моя ближайшая цель. Ты узнаешь правду так же, как я сейчас узнал ее. Знаешь ли ты что-нибудь о Маске и Жезле?

Не отрывая от меня взгляда, она покачала головой.

— Скажи мне, может, я смогу тебе помочь.

Я опять засмеялся. Это было так фантастически невероятно — что она и я стояли рядом — заклятые враги враждебных кланов — и планировали совместные действия, чтобы достигнуть одной цели. И все же мне мало что удалось скрыть от нее в тот день, и, я думаю, немного и ей удалось скрыть от меня.

— Во дворце Медеи есть Хрустальная Маска и серебряный Жезл Власти, — сказал я ей. — Что делает этот Жезл, я еще не совсем хорошо помню — пока. Но когда я найду его, мои руки вспомнят. А обладая им, я смогу победить Медею и Матолча со всей их властью. Что же касается Эдейри... — я знаю только одно: маска спасет меня от нее.

Я заколебался.

— Медею я теперь знаю. Я знаю ее странный голод и еще более странную жадность, которая доведет эту ведьму до полного истощения сладострастием. Я знаю теперь, — тут я задрожал. — Почему она не убивала своих пленных, а только оглушала своими молниями.

В Темном Мире, моем мире, мутации странно меняли тело тех, кто начинал свою жизнь обычным человеком. На языках Земли нет этого слова, потому что никогда еще не рождалось там такое существо, как Медея. Но есть приближение. В действительности — возможно, в легендах — всегда есть существа, немного похожие на нее, которые были известны на Земле. Их называли вампирами.

Но Эдейри... — нет; я не мог вспомнить. Может быть, даже Ганелон этого не знал. Я только знал, что когда наступит такая необходимость, Эдейри покажет свое лицо.

— Фрейдис, — сказал я, и опять заколебался. — Кто такая Эдейри?

Она покачала головой, и седые косы качнулись в такт за ее спиной.

— Я никогда этого не знала. Я только изредка проникала в ее мозг, когда мы встречались, как и ты с ней сегодня, на разных планах сознания. Я имею большую власть, Ганелон, но я всегда отступала от того холода, которым веяло от ее капюшона. Нет, я не могу тебе сказать, кто она такая.

Я опять засмеялся. Теперь мною владело бесшабашное чувство.

— Забудь Эдейри, — сказал я. — Когда я заставлю Гаста Райми сделать то, что мне надо, я встану лицом к лицу с Ллуром, с оружием, которое прикончит его. Зачем мне бояться Эдейри? Хрустальная Маска защитит меня — это я знаю. Пусть она будет другим чудовищем, каким только пожелает — Ганелон не боится ее.

— Значит, против Ллура тоже есть оружие?

— Меч, — ответил я. — Меч, который... не совсем меч — как мы понимаем оружие. Тут мой мозг все еще в тумане. Но я знаю, что Гаст Райми может сказать мне, где он находится. Это оружие — и все же не оружие. Меч под названием Ллур.

На какое-то мгновение, когда я произносил это имя, огонь между нами заколебался, будто тень легла на пламя. Мне не следовало произносить этого имени вслух! Эхо его прокатилось по мысленным планам сознания и, возможно, в Кэр Ллуре сам Ллур зашевелился за своим золотым окном, зашевелился и выглянул.

Даже здесь почувствовал я на мгновение чувство голода, исходящее из отдаленного купола. И внезапно я понял, что я натворил — Ллур проснулся!

Я уставился на Фрейдис широко раскрытыми глазами, видя, как и ее голубые глаза тоже расширяются. Она, должно быть, почувствовала это шевеление, прокатившееся непонятной волной по всему Темному Миру. Я знал, что в Замке Совета тоже почувствовали это, возможно, что сейчас и они смотрели друг на друга с тем же ужасом, который на мгновение промелькнул между мной и Фрейдис. Ллур проснулся!

И я разбудил его! Я мысленно прошел по сверкающему коридору и стоял перед самым Окном, за которым он жил. Ничего удивительного, что он после этого совсем проснулся.

Возбуждение переполняло меня.

— Теперь они должны что-то предпринять, — радостно сказал я Фрейдис. — Ты добила даже большего, чем хотела, когда дала моим воспоминаниям вернуться ко мне. Ллур проснулся и сейчас голоднее, чем когда-либо. Уже долгое время не было Шабаша, и Ллур требует своей жертвы. Скажи мне, ведьма, твои шпионы наблюдают сейчас за Заком?

Она кивнула.

— Хорошо. Тогда мы узнаем, когда рабов вновь соберут для жертвы на Шабаш. Это будет скоро. Это должно быть скоро! И Эдвард Бонд поведет своих людей на Замок, пока Совет будет в Кэр Сайкире. Там будет Маска и Жезл, старуха!

Мой голос звучал торжественно, как заклинание.

— Маска и Жезл для Ганелона — и Гаст Райми один в Замке. Он ответит мне, если сможет! Нори борются на нашей стороне, Фрейдис!

Она посмотрела на меня долгим взглядом, не произнеся ни слова.

Потом хмурая улыбка осветила ее лицо и, наклонившись, она протянула руку ладонью вниз к пламени. Я увидел, как огонь лижет ее пальцы. Она медленно сжала его, даже не поморщившись.

Огонь мигнул и погас. Хрустальное блюдо стояло на пьедестале пустым, а вокруг нас потемнело. В этих сумерках она казалась мраморной статуей, возвышающейся надо мною.

Я услышал ее глубокий голос.

— Нори с нами, Ганелон, — повторила она. — Смотри, чтобы ты тоже боролся на нашей стороне, как велит тебе твоя клятва. Или тебе придется отвечать богам и мне. И клянусь богами...

Она хрипло рассмеялась.

— Клянусь богами, если ты предашь меня, мне не понадобится другой силы, чтобы раздавить тебя, кроме вот этой!

Я увидел в темноте, как она подняла свои большие руки.

Мы поглядели друг другу в глаза. Она — могучая волшебница, и я не был уверен, смогу ли я победить ее в простой драке, если возникнет такая необходимость. И в волшебстве, и в простой физической силе я узнал равную себе, и наклонил голову.

— Да будет так, колдунья, — сказал я, и мы пожали друг другу руки, там, в темноте. И я почти надеялся, что мне не придется предавать ее.

Рука об руку пошли мы по коридору к выходу из пещеры.

Полукруг лесных жителей все еще ожидал нас. Когда мы вышли из пещеры, все головы повернулись в нашу сторону. Я остановился, уловив движение многих рук, потянувшихся к оружию на поясе или к лукам. Лесных жителей явно охватила паника.

Я стоял прямо, наслаждаясь этим моментом ужаса среди них, зная, что я — Ганелон. Я — их судьба, которая рано или поздно отплатит им за все — тогда, когда придет время. Когда придет мое время!

У моего плеча раздался глубокий голос Фрейдис:

— Я говорила с этим человеком, — сказала она. — Это Эдвард Бонд.

И недоверие исчезло с их лиц, слова Фрейдис убедили их. Шпаги против Совета!

Израгиль-корень пробудился от своей зимней спячки, и нечеловеческие стражники дерева судьбы поднялись, чтобы служить мне. Три Нори — создатели Судеб — я молился им!

Урдур, которая правит прошлым!

Она рассказала мне о членах Совета, об их силе и их слабостях: о Матолче, оборотне, чьи припадки гнева были самым большим его недостатком, слабым местом, в которое я мог ударить, когда ярость лишала его звериной хитрости; о ведьме в алом, и об Эдейри, и о старом Гасте Райми. Врагах, которых я могу уничтожить с помощью определенных талисманов, о которых я сейчас знал.

Вердайли, которая правит настоящим!

Эдвард Бонд сделал все самое лучшее, на что он был способен.

Повстанцы показали мне оружие, хранящееся в пещерах, грубые ружья и гранаты, газовые бомбы и даже несколько самодельных воспламеняющихся патронов. Они пригодятся против рабов Совета. Насколько бесполезны они будут против самих членов Совета, знал только я один. Возможно, еще Фрейдис.

Да, Арле и Ллорин, и их последователи были готовы воспользоваться этим земным оружием, очень странным для них, в отчаянной попытке штурмовать Замок. И я мог дать им этот шанс, как только шпионы принесут весть о приговорах к Шабашу. Это будет скоро, потому что Ллур проснулся; сейчас он — жаждущий, голодный — за Золотым Окном, которое было его дверью в миры человеческие.

Скульд, которая правит будущим!

Скульд я молился больше всех. Я хотел, чтобы Совет отправился в Кэр Сайкир прежде, чем наступит новая заря. К тому времени я хотел, чтобы повстанцы были готовы.

Эдвард Бонд хорошо вымуштровал их. У них появилась даже военная дисциплина — в определенной степени. Каждый прекрасно знал свое оружие, и каждый в совершенстве знал лес. Мы составили план, — Арле, Ллорин и я — и хоть я не сказал им всего, что намеревался сделать — группа за группой повстанцы исчезли в лесу, направляясь к Замку.

Они не будут нападать. Они не покажутся на глаза, пока не будет дан сигнал. Они будут просто ждать, скрываясь среди кустарника и деревьев вокруг Замка. Но они будут готовы. Когда придет время, они подскочут к Большим воротам в стене. Гранаты помогут им справиться с делом.

Не казалось удивительным и то, что мы будем сражаться с магией гранатами и ружьями. Потому что я начал понимать все больше и больше, с возвращением памяти, что Темный Мир управляем не только по законам волшебства.

Для земного мозга такие существа, как Матолч и Медея, показались бы сверхъестественными, но у меня было две памяти, потому что, как Ганелон, я мог пользоваться и воспоминаниями Эдварда Бонда, как рабочий пользуется инструментом.

Я ничего не забыл из того, что когда-то знал о Земле. И применяя ее логику к Темному Миру, я начал понимать то, что раньше принимал за аксиому.

Ключ был в мутациях. В человеческом мозгу есть такие глубины, которые никогда не были открыты, такие силы, которые потеряны; атрофированные чувства — старинный третий глаз — а человеческий организм — самый сложный механизм из плоти, который когда-либо существовал.

Каждый зверь лучше человека вооружен клыками и когтями. У человека есть только его мозг. Но, как плотоядные выпускают свои когти, так и человек и его мозг развивались постепенно. Даже на Земле уже появились медиумы, телепаты, эксперты по психометрии и многие другие. В Темном Мире мутаций было много, и они поддерживали равновесие, в котором, возможно, не будет нужды миллионы лет.

И такие умы, обладающие новыми силами, нуждались в орудиях, которыми смогли бы пользоваться. Жезлы. Даже я, не будучи ученым, мог понять принцип их действия. Наука пытается использовать простые решения: класстрыон и магнит — не более, чем металлические стержни. И все же при определенных условиях,

снабженные энергией и устройством, ее направляющим, они — могущественные орудия.

Жезлы использовали неисчерпаемые запасы электромагнитной энергии планеты, которая, в конечном итоге — не более, чем грандиозный магнит. Что же касается направленности, то тут уж дело было всего лишь в тренировке мозга.

По-настоящему превращался Матолч в волка или нет, я не знал, хотя думаю, что нет. Гипноз был частью ответа. Разъяренный кот выгибает спину, шерсть его встает дыбом, и он кажется чуть ли не в два раза больше своей настоящей величины. Кобра самым настоящим образом гипнотизирует свою добычу. Зачем? Чтобы сломить сопротивление своего врага, разоружить его, ослабить его целеустремленность, что так важно в любой стычке. Нет, возможно, Матолч и не превращается в волка, но те, кто находится под влиянием его гипноза, думают, что это так, и, в конце концов, это одно и то же.

Медea? Та же самая параллель. Есть заболевания, при которых переливания крови необходимы. То, что Медea пила кровь, было нужно ей лишь для удовлетворения своей жажды страсти. Но питательная нервная энергия — такая же реальность, как и лейкоциты, и хоть она была ведьмой, ей не требовалась магия, чтобы удовлетворять свои нужды.

С Эдейри я не был так уверен. Какие-то смутные воспоминания клочками тумана клубились в моем мозгу. Когда-то я знал, кем она была, какие ужасные леденящие силы были спрятаны в темноте ее капюшона. И это тоже не было магией. Хрустальная Маска предохранит меня от Эдейри, но большего я пока не знал.

Даже Ллур — даже Ллур!

Он не был богом — это я хорошо знал. Но чем он был, я пока еще не мог догадаться. Рано или поздно я собирался выяснить это, и Меч под названием Ллур, который был необычным мечом, должен был помочь мне в этом.

А тем временем мне предстояло играть свою роль. Даже после утверждения Фрейдис я не имел права давать повстанцам ни малейшего повода для сомнений. Я уже сказал им, что яд Медеи сделал меня слабым и потрясенным. Это могло помочь объяснить им те небольшие ошибки, которые я еще сделаю. Любопытно, что Ллорин без колебаний принял меня после слов Фрейдис, в то время как в поведении Арле я заметил слабое, почти неуловимое сопротивление. Я не думал, что она догадывается, в чем дело. А если и так, то она явно не хотела признаваться в этом, даже самой себе.

И я не мог допустить, чтобы это подозрение росло.

Сейчас в долине кипела лихорадочная деятельность. Много произошло с тех пор, как я пришел сюда на заре. Я испытал достаточно и физической, и эмоциональной нагрузки, чтобы обычный человек свалился на неделю, но Ганелон только еще начал свою битву... За то, что наш план нападения был составлен так быстро, надо благодарить Эдварда Бонда, и в какой-то степени я был рад, что не пришлось выяснять личных отношений с Арле и Ллорином.

Это и помогло скрыть мое невежество во многих вещах, которые должен был знать Эдвард Бонд. Много раз мне приходилось добывать сведения хитростью, много раз я ссылался на то, что плохо помню какие-то детали из-за яда Медеи. Но к тому времени, как наш план был полностью разработан, мне показалось, что даже Арле стала относиться ко мне менее подозрительно.

Я знал, что мне придется сделать так, чтобы эти подозрения полностью исчезли.

Мы встали из-за большого стола, на котором была расстелена карта. Все мы устали. Я увидел, как Ллорин ухмыльнулся мне своими губами, пересеченными шрамом. Он думал, что улыбается человеку, с которым они были близкими друзьями — и я заставил лицо Эдварда Бонда тоже улыбнуться в ответ.

— На сей раз у нас все получится, — уверенно заявил я. — Мы обязательно выиграем!

Улыбка его внезапно превратилась в гримасу, а в глазах зажегся странный свет.

— Помни, — прорычал он. — Матолч — мой!

Я вновь поглядел на карту на столе, очень искусно вычерченную Эдвардом Бондом.

Темно-зеленые холмы с их странным полуживым лесом, каждый ручеек заклеен белым пластиком, каждая дорога — отмечена. Я положил руку на небольшой макет башен, который изображал Замок Совета в миниатюре. Из него выходила дорога, по которой я ехал прошлой ночью, рядом с Медеей, в своем голубом костюме жертвы.

А вот здесь лежала долина, и в ней — башня без окон — Кэр Сайкир — бывшая местом нашего назначения.

На мгновение я вновь очутился на этой дороге, в темноте, при свете звезд, а рядом со мной ехала Медея в алом плаще, с белым лицом, черно-красными губами и сияющими глазами. Я вспомнил чувство этого свирепого, льнущего ко мне тела, когда я держал его в объятиях прошлой ночью, так же, как много раз до этого. В мозгу моем все время вставал один и тот же вопрос.

«Медя, Медя, рыжая ведьма Колхиса, зачем ты предала меня!» Я с силой ударил ладонью по пластиковым башням Замка, превращая их в пыль под моей рукой. Я свирепо улыбнулся тем обломкам, которые получились из модели Эдварда Бонда.

— Нам больше это не понадобится! — Процедил я сквозь зубы.

Ллорин засмеялся.

— Восстанавливать не придется. Завтра Замок Совета будет разрушен.

Я стряхнул порошок пластика с руки и посмотрел на Арле. Она храбро взглянула на меня. Я улыбнулся.

— Мы так и не побыли вместе, — сказал я, стараясь говорить нежным голосом. — Мне надо будет выспаться, если придется уйти сегодня ночью, но у нас есть время пройтись, если ты не возражаешь.

Храбрые зеленые глаза неотрывно смотрели на меня. Затем она кивнула и, не улыбувшись, обошла стол, протягивая мне руку. Я взял ее, и мы спустились по ступенькам к выходу из пещеры и вышли к долине, не разговаривая. Я предоставил ей выбирать путь, и мы в молчании пошли по долине, а ручеек, журча, бежал рядом с нами.

Арле шла легким шагом, ее пушистые волосы летели за ней туманным облаком. Я подумал, не намеренно ли она держала свою руку на вложенном в кобуру оружии?

Мне трудно было все время думать о ней, тем более, что мне было все равно, признала она во мне Эдварда Бонда, или нет. Лицо Медей во всей его красоте и зле плыло передо мной по всей долине, лицо, которое не смог бы забыть ни один человек, взглянув на него хоть раз. На мгновение я разозлился, вспоминая, что Эдвард Бонд в моем теле отвечал прошлой ночью на поцелуй, который она предназначала Ганелону.

Ну что ж, я еще успею увидеть ее сегодня ночью, прежде чем она умрет от моей руки!

Перед моими глазами стояла крохотная дорога на карте, вьющаяся от Замка Совета до башни. Когда наступит ночь, по настоящей дороге вновь поскачет кавалькада, как она скакала прошлой ночью со мной. Я знал это. И вновь лесные жители будут спрятаны на обочине дороги, и вновь я поведу их против Совета. На этот раз исход будет совершенно неожиданным и для Совета, и для повстанцев...

Что за страшную паутину соткали Нори! Простой ночью, как Эдвард Бонд, этой ночью — как Ганелон, я пойду на тех же самых

врагов, но с целью настолько же отличной, как день отличен от ночи.

Мы двое — смертельные враги, хотя мы и делили одно и то же тело странным извращенным способом — враги, хотя мы никогда не встречались и никогда не сможем встретиться, несмотря на это самое общее тело. Это был парадокс слишком сложный, чтобы сейчас им заниматься.

— Эдвард, — произнес голос у моего плеча.

Я обернулся. Арле смотрела на меня с тем же настороженным выражением, с которым смотрели на меня сегодня ночью столько людей.

— Эдвард, она очень красивая?

Я уставился на нее.

— Кто?

— Ведьма. Ведьма Совета. Медея.

Я чуть было громко не рассмеялся. Было ли это разгадкой всей ее настороженности сегодняшнего дня? Не решила ли она, что моя неловкость, все те перемены, которые она почувствовала во мне, свершились благодаря прелестям соперницы? Ну уж, в этом, по крайней мере, я должен буду ее успокоить. Я призвал Ллура, чтобы он простил мне эту ложь, взял ее за плечи и сказал:

— Ни в этом мире, ни на Земле, нет женщины и наполовину такой прекрасной, как ты, моя дорогая.

И все же она смотрела на меня настороженно.

— Когда ты будешь думать то, что говоришь, Эдвард, я буду рада, — сказала она. — А сейчас ты так не думаешь. Я вижу. Нет.

И она положила свои пальчики мне на губы, когда я попытался, было, протестовать.

— Давай не будем говорить о ней сейчас. Она — колдунья. Она обладает силами, с которыми ни ты, ни я не можем бороться. Это не твоя и не моя вина, что ты не можешь забыть ее красоту в одно мгновение. Это не имеет значения. Посмотри! Ты узнаешь это место?

Она мягко высвободилась и указала рукой на расстилающуюся под нами панораму. Мы стояли посреди высоких дрожащих деревьев на вершине пологой горы. Листья и ветви окружали нас со всех сторон, но сквозь промежутки в них можно было видеть страну, лежащую далеко внизу, блиставшую в свете красного заходящего солнца.

— Все это будет когда-нибудь нашим, — мягко сказала Арле. — После того, как мы победим Совет, после того, как исчезнет Ллур. Тогда мы сможем жить на земле, а не под землей, расчистить леса,

построить города, жить так, как живут люди. Подумай об этом, Эдвард! Весь мир, свободный от свирепости! И все потому, что некоторые из нас с самого начала не побоялись Совета и нашли тебя. Если мы выиграем эту битву, Эдвард, то только благодаря тебе и Фрейдис. Без тебя мы бы все погибли.

Она быстро повернулась, и вновь волосы нимбом засветились вокруг ее головы, и она улыбнулась мне с внезапной откровенностью и нежностью, которой я раньше никогда в ней не замечал.

До сих пор она все время незаметно высвобождалась, когда я до нее дотрагивался. Теперь я внезапно увидел ее глазами Эдварда Бонда и неожиданно с удивлением подумал, что Бонду здорово повезло. Яркая страстная красота Медеи никогда не исчезнет из моей памяти — я знал это — но Арле тоже обладала нежной и приятной внешностью.

Она стояла очень близко ко мне, и губы ее слегка раскрылись, когда она улыбнулась. На мгновение я позавидовал Эдварду. Потом вспомнил — я был Эдвардом Бондом. Но это Ганелон неожиданно наклонился и схватил лесную девушку в свои железные объятия, что ее удивило, потому что я почувствовал, как она начала от неожиданности сопротивляться, пока наши губы не слились в поцелуе.

Тогда она больше не сопротивлялась.

Она была странным, диким, застенчивым маленьким созданием. Ее очень приятно было держать в объятиях и целовать. По тому, как она отвечала мне, я понял, что Эдвард Бонд был слабаком и дураком. И прежде, чем наш поцелуй закончился, я знал, куда мне обратиться за утешением, когда Медея заплатит за предательство своей жизнью. Я не забуду Медею, но я не скоро забуду и этот поцелуй Арле.

На какую-то минуту она прильнула ко мне, и волосы ее окутали нас обоих, а я поглядел поверх ее головы на долину, которую она своим мысленным взором представляла населенной лесным народом, с построенными городами. Я знал, что эта мечта никогда не сбудется.

У меня была своя мечта!

Я видел, как лесные люди строят мой замок здесь, возможно, вот на этом склоне горы, замок, который возвышается и над долиной, и над всеми остальными землями.

Я видел, как они, подчиняясь избранному мной военачальнику, идут в бой, на завоевание новых земель. И видел, как маршируют мои армии, работают рабы на полях, в шахтах, как мои корабли бороздят темные океаны мира, который весь будет моим.

Арле будет делить его со мной — хотя и недолго, очень недолго.

— Я всегда буду любить тебя, — сказал я ей на ухо голосом Эдварда Бонда. Но это губы Ганелона нашли ее губы в последнем поцелуе, на который у меня не было времени.

Любопытно, но мне показалось, что именно поцелуй Ганелона убедил ее в том, что я — Эдвард Бонд...

После этого я спал несколько часов в комнатах пещеры, принадлежавшей Эдварду Бонду, в его мягкой постели, и с его стражниками, охранявшими вход. Я спал с воспоминаниями о поцелуях его лесной девушки, и с мыслью о его будущем королевстве, и его невесте, которую я скоро увижу, когда проснусь. Я думаю, что на Земле Эдварду Бонду снились в ту ночь ревнивые сны.

Но мои сны тоже были ужасны. Ллур в своем замке проснулся и был голоден, и большие холодные ищущие щупальца его голода лениво ворочались в моем мозгу, пока я спал. Я знал, что они шевелятся сейчас в каждом мозгу Темного Мира — у которого есть чувства, чтобы принять их. Я знал, что должен буду скоро проснуться — или я не проснусь никогда. Но сначала я должен выспаться — или никогда мне не набраться сил для ночного испытания. Я решительно выкинул Ллур из своих мыслей, и также решительно выкинул Арле.

Но в самые глубины моего сна прокралась страстная улыбка красных губ Медеи.

10. В башне Гаста Райми

Мы с Ллорином осторожно притаились в тени деревьев и глядели на Замок Совета, освещенный огнями на фоне звездной ночи. Это была наша ночь! Оба мы знали это — и оба мы были напряжены и мокры от пота в нервном ожидании того, что должно было произойти.

Вокруг нас в лесу собралась невидимая армия лесного народа, которая ждала сигнала. И на этот раз здесь собрались большие силы. Звездный свет иногда отражался на дулах ружей, и я знал, что повстанцы решили дать последний бой солдатам Совета.

Но, возможно, не такой уж успешный.

Мне это было безразлично. Они думали, что смогут атаковать Замок Совета только силой своего оружия. Я знал, что единственной их задачей было отвлечь внимание, пока я проникну в Замок

и найду то тайное оружие, которое даст мне власть над Советом. Пока они будут биться, я успею проникнуть к Гасту Райми и узнать у него то, что мне необходимо было знать.

Что произойдет потом — меня не интересовало. Много лесных жителей должно было погибнуть — ну и пусть. На мой век рабов будет достаточно.

Теперь ничто не могло остановить меня. Нори бились на моей стороне — я не мог проиграть.

В Замке кипела деятельная жизнь. В тихом ночном воздухе гремели голоса. В свете огней беспорядочно двигались фигуры. Когда распахнулись главные ворота, вспыхнуло золотое сияние. На этом фоне показалась большая группа всадников. Процессия собиралась в путь.

Я услышал музыкальное позвякивание цепей и все понял. На этот раз жертвы были прикованы к лошадям, чтобы никакие голоса сирен не смогли заманить их в лес. Пусть себе идут на смерть. Ллуря надо кормить, пока он еще существует.

Лучше они, чем Ганелон, принесенный в жертву у Золотого Окна. Мы видели, как они шли по темной дороге, а цепи продолжали греметь.

Это был Матолч — там, на могучем коне. Я узнал его хищную фигуру, небрежно накинутый на плечи плащ. И я узнал бы его в любом случае, потому что Ллорин рядом со мной чуть не кинулся на дорогу. Он шумно втягивал воздух, его голос угрожающе прозвучал у меня в ушах:

— Помни! Он мой!

Проехала Эдейри, вся закутанная в свой плащ, и, казалось, от нее повеяло холодом.

Проехала Медея!

Вскоре я не смог различить вдали ее фигуру. Когда ее белое платье едва лишь мерцало, а алый плащ растаял в темноте, я повернулся к Ллорину. В моей голове все перепуталось, и я хаотично менял наши планы, потому что ко мне пришло новое желание, и я даже не пытался противиться ему.

Я не видел жертвоприношения в Кэр Сайкире. Это было одним из пустых и, к тому же, опасных белых пятен в моей памяти. Пока Ганелон не вспомнит Шабаша, пока он не посмотрит, как Ллур принимает приношения через Золотое Окно, он не сможет полностью доверять себе в борьбе с Советом и Ллуром. Это был пробел в моей памяти, который следовало заполнить. И внезапно мне стало любопытно — а не могло ли это быть зовом Ллуря?

— Ллорин, подожди меня здесь, — прошептал я в темноту. — Мы должны быть уверены в том, что они вошли в Кэр Сайкир и начали Шабаш. Я не хочу начинать нападение, пока не буду уверен. Подожди меня.

Он протестующе зашевелился, но я исчез прежде, чем он успел заговорить. Я выскочил на дорогу, затем мягко и бесшумно побежал за процессией к долине — наблюдать за Черной Мессой в Кэр Сайкире. Пока я бежал, мне казалось, что запах тела Медеи висит в воздухе, которым я дышал. Я задышался от страсти своей ненависти и любви к ней.

«Она умрет первой», — пообещал я себе в темноте...

Вскоре я увидел, как огромные железные ворота Кэр Сайкира закрываются за последним из процессии. Внутри Кэра было абсолютно темно. Они спокойно входили один за другим и исчезали в кромешной тьме. Двери со звоном закрылись за ними.

Какое-то воспоминание Ганелона, погруженное глубоко в подсознание, заставило меня пойти налево, в обход высокой стены. Я послушно повиновался своему инстинкту, двигаясь, почти как лунатик, к цели, о которой пока ничего не знал. Память повела меня к выступу в стене, заставила положить руку на его поверхность. Она была явно неровной, с какими-то выступами и углублениями. Мои пальцы помнили — они начали скользить по линиям, в то время, как я еще продолжал удивляться — зачем?

А затем стена под моими руками сдвинулась. Эти выступы были определенного рода ключом, и двери передо мной открылись в темноту. Я уверенно пошел вперед: из черной ночи через черную дверь в еще более глубокую тень внутри. Но ноги мои знали путь.

Передо мной возвышалась лестница. Мои ноги ожидали ее, и я не поскользнулся.

Мне было даже любопытно двигаться вслепую по этому странному и опасному месту, не осознавая своих действий. Лестница казалась бесконечной.

Ллур был тут. Я чувствовал его изголодавшееся присутствие, которое оказывало давление на мой мозг, во много раз усиленное из-за узкого пространства. Оно было как звук грома, прокатывающегося вновь и вновь в каменном мешке Кэра. Что-то во мне завибрировало в ответ, какое-то сладостное ожидание, которое я быстро подавил усилием воли.

Мы с Ллуrom больше не были связаны этой давнишней церемонией. Я отказался от него. Я теперь не был его избранником.

Внутри меня появилось какое-то неконтролируемое чувство. Оно дрожало в экстазе при мысли о будущих жертвах, которые так послушно прошествовали в темную дверь Кэр Сайкира.

И я подумал, помнит ли Совет, помнит ли Медея сейчас обо мне — обо мне, которого они собирались принести в жертву прошлой ночью.

Мои ноги внезапно остановились. Я ничего не видел, но знал, что передо мной находится стена с выступающими изгибами. Мои руки нащупали их и надавили на нужные выступы. Часть стены скользнула в сторону. Я стоял, опираясь на ее край и глядя далеко вниз.

Кэр Сайкир напоминал могучий сад колонн, которые терялись высоко вверх, в бесконечной темноте. И где-то там появилось сияние, слишком высоко, чтобы можно было увидеть его источник. Сердце мое на мгновение остановилось, когда я увидел его. Я узнал этот свет — это свечение Золотого Окна!

Моя память вернулась. Окно Ллур. Окно жертвоприношений. Я не мог его видеть, но вспомнил его свет. В Кэр Ллуре это окно светило вечно, и сам Ллур жил далеко за ним. В Кэр Сайкире и других храмах, где приносили жертвы в Темном Мире, были лишь дубликаты этого Окна, которые загорались только тогда, когда Ллур приходил сквозь тьму взять то, что было ему положено по праву.

Наверху, голодный и злой, Ллур купался в этом золотом свечении, как солнце, пришедшее осветить храм. Где было расположено Окно Сайкира, и какой оно было формы, я все еще не мог вспомнить. Но что-то во мне узнало этот золотистый свет и задрожало в ответ, когда я смотрел, как окно светится все ярче и ярче сквозь колонны.

Далеко внизу я увидел Совет — крошечные фигурки, которые можно было различить только по цветным плащам: Матозл в зеленом, Эйдери в желтом, Медея в алом. Позади них полукругом стояли стражи. Впереди последний из избранных рабов двигался среди колонн. Я не видел, куда они направлялись, но интуитивно чувствовал это. Окно раскрывало пасть в ожидании жертв.

Когда свет стал ярче, я увидел, что на помосте перед Советом стоит большой черный алтарь в форме чаши. Над ним висел большой желоб. Я проследил за ним и понял, что он идет от самого освещенного окна. Глубоко внутри меня что-то зашевелилось, подсказывая, для чего тут нужны были и чаша, и желоб. Я оперся о стену, дрожа от возбуждения, которое частично было моим, а частично — Его, нависающего над нами солнечным светом.

До меня донеслось тихое пение. Я узнал голос Медеи — чистый, серебряно звенящий — тоненькая ниточка звука в темноте и абсолютной тишине. Она поднималась вверх, дрожа среди огромных колонн Сайкира.

Ожидание становилось все напряженнее. Фигуры внизу стояли, подняв головы и наблюдая за разгорающимся светом. Голос Медеи продолжал тянуть песню.

В саду колонн Сайкира шло время, а Ллур наверху ждал своей добычи.

Затем тонкий и страшный крик раздался над нашими головами. Свет возбужденно вспыхнул, как будто сам Ллур ответил на крик. Песня Медеи достигла своего кульминационного момента и затихла. Среди колонн что-то зашевелилось, что-то задвигалось по кривой желоба.

Мои глаза смотрели на алтарь и чашу.

Члены Совета стояли напряженно, одной скованной группой, ожидая чего-то.

Из желоба начала капать кровь.

Не знаю, как долго я стоял, опираясь на стену, не отрывая глаз от желоба и алтаря. Не знаю, сколько раз я слышал крики наверху, и сколько раз вспыхивал свет. А кровь все текла по желобу в большую чашу. Я был наполовину с Ллуrom, в его Золотом Окне, дрожа в экстазе, когда он принимал очередную жертву, и наполовину — с членами Совета внизу, деля их радость участия в Шабаше.

Но я зная, что ждал слишком долго.

Что спасло меня — не знаю. Наверно, какой-то внутренний голос, неслышно кричавший во мне. Он предупреждал о том, что опасно проводить здесь столько времени, что я должен находиться в другом месте, пока не закончится Шабаш, что Ллорин и его люди все ждут, пока я, как удав, наслаждаюсь жертвой, которая мне не предназначалась...

Очень неохотно мой мозг вернулся к окружающей действительности. С бесконечным трудом оторвал я себя от Золотого Окна и стоял в темноте, качаясь, находясь вновь в своем собственном теле, а не в безумных мыслях Ллура. Члены Совета все еще стояли внизу, охваченные экстазом жертвоприношения. Но надолго ли они останутся здесь? Может быть, на всю ночь, а, может быть, всего лишь на час.

Нужно было торопиться, если я уже не опоздал безнадежно. Это было неизвестно.

В темноте я пошел вниз по лестнице и сквозь невидимую дверь вышел на дорогу, ведущую к Замку Совета. Все это время

что-то внутри меня дрожало от экстаза. Перед моим затуманенным взором все еще стояли и свет Окна, и желоб, по которому текла кровь, и пение Медеи, которое звучало в моих ушах громче, чем звук моих собственных шагов.

Красная луна была уже высоко в небе, когда я вернулся к Ллорину, который все еще прятался за стеной Замка, сходя с ума от нетерпения. Когда я бежал к нему по дороге, невидимые воины с облегчением зашевелились — они уже готовились начать атаку без меня.

Я помахал рукой Ллорину, когда находился от него футов в двадцати. Охрана Замка была мне сейчас безразлична. Пусть видит меня. Пусть слышит.

— Давай сигнал! — прокричал я Ллорину. — К атаке!

Я видел, как он поднял руку, и лунный свет засверкал на серебряном рожке, который он поднес к губам. Сигнальные звуки раскололи безмолвие ночи. Они как рукой сняли с меня остатки оцепенения.

Я услышал воинственный крик, пронесшийся по всему лесу, когда лесные жители кинулись вперед. Мой собственный голос яростно ревел что-то в ответ, в предвкушении битвы. Чувство было почти таким же, как тот экстаз, который я только что делил с Ллуром.

Треск ружейных выстрелов перекрыл шум наших голосов. Первые взрывы гранат потрясли Замок, осветив наружные стены с отчетливой ясностью. Изнутри раздались крики, невнятные сигналы рожков, голоса испуганных стражников, которые, лишившись вожаков, не знали, что им делать.

Но я знал, что они быстро оправятся. Они были достаточно хорошо натренированы Матолчем и мной. У них было оружие, которое лесным жителям придется явно не по вкусу.

Когда стража опомнится и прекратит панику, битва начнется всерьез, и прольется немало крови.

Я не собирался стоять, ждать и любоваться этим. Первые взрывы проделали в стене брешь неподалеку от меня, и я побежал к ней, пробираясь поближе, не обращая внимания на ружейный огонь, из-за которого рикошетившие от камней пули то и дело щелкали вокруг меня. Нори были со мной сегодня ночью. Я одолжил у них заколдованную жизнь, и я знал, что не могу проиграть.

Где-то наверху, в осажденной башне, сидел холодный, безразличный ко всему Гаст Райми, смотревший, как бог, на борьбу, разгоравшуюся вокруг Замка Совета. У меня было назначено свидание с ним, хотя он об этом еще не знал.

Я нырнул в брешь в стене Замка, не обращая внимания на суетившихся стражников. Они не узнали меня в темноте и сумятице, но по моей походке поняли, что я не был лесным жителем. И, поэтому, не возражая, расступились.

Я взбежал по широкой лестнице.

11. Арфа Сатаны

Замок Совета! Мне он показался настолько необычным, что когда я шел по его большим залам, все казалось знакомым, но все же до странности неузнаваемым — будто я смотрел на все сквозь туман памяти Эдварда Бонда.

Пока я шел быстро, не останавливаясь и ни о чем не задумываясь, мне ничего не угрожало, ноги помнили, куда идти.

Мое сознание все еще было затуманено искусственными воспоминаниями, и поэтому я иногда непонимающе задерживался в залах и коридорах.

Получалось, что как только я начинал себя контролировать, все вокруг сразу становилось нереальным, в то время как все окружающие вещи виделись мне достаточно четко.

Я шел по залам со сводчатыми потолками и мозаичными полами, рассказывавшими о легендах, которые мне приходилось когда-то слышать. Я шел по мозаичным кентаврам и сатирам, так хорошо известным Ганелону, в то время как Эдвард Бонд удивлялся, существовали ли действительно в этом мире такие мутации, о которых на Земле складывались легенды.

Мое двойственное сознание иногда было для меня источником силы, иногда — наоборот, слабости. Сейчас я хотел только одного — не сбиться с пути, чтобы ноги принесли меня без задержки к Гасту Райми. Любая задержка могла быть гибельной для моего плана.

Гаст Райми, как подсказывала моя память, находится в самой высокой башне Замка. Там же находится и сокровищница, в которой спрятаны Маска и Жезл. А глубоко в безмятежных неприкосновенных мыслях Гаста Райми лежал секрет уязвимости Ллура.

Эти три вещи я должен буду получить, и это будет нелегко. Я знал, хотя и не помнил этого ясно, что сокровищница охранялась Гастом Райми. Совет не мог оставить без охраны это потайное место.

Как и все члены Совета, Ганелон имел свой тайный предмет, спрятанный в сокровищнице. Ни один член Совета — ни один колдун, ни одна волшебница — не могли заниматься черной магией,

не создав собственного предмета, который мог бы уничтожить их. Таков был Закон.

Весь земной фольклор пронизан той же самой легендой. Могущественные колдуны и колдуньи должны сконцентрировать свою власть в предмете, отделенном от них.

Миф о спрятанной душе характерен для всех народов Земли, но причина этому лежит глубоко в реальности Темного Мира.

Есть тайны, о которых не принято говорить. Но одну тайну я все же могу открыть — всюду должен быть баланс. У каждого отрицательного действия должен быть свой положительный антипод. Мы, члены Совета, не могли добиться такого могущества и власти, не допустив где-то соответствующей слабости. И мы должны прятать эту слабость с такой хитростью, чтобы ее не мог обнаружить ни один враг.

Даже члены Совета не знали, в чем заключается мой собственный секрет. Я знал тайну Медеи, и частично — Эдейри, а что касается Матолча — справиться с ним у меня хватит своих собственных сил. Гаст Райми не играл роли — он никогда не беспокоит себя войной.

Но Ллур!

Где-то лежал спрятанный Меч. Тот, кто сможет найти его и использовать тем неизвестным способом, будет держать Ллура в своих руках. Но тут существовала опасность. Если власть Ллура была в Темном Мире выше всего, то такой же должна быть и балансирующая ее сила Меча. Попытка приблизиться к нему может оказаться фатальной. А держать его в руке... но я должен буду держать его в руке! — мне не было смысла думать и гадать сейчас об опасности.

Я не мог слышать звуков битвы, но знал, что у ворот сражаются и умирают воины враждующих сторон. Ллорин был предупрежден о том, что ни один враг не должен пробраться сквозь его ряды, чтобы предупредить тех, кто сейчас находится в Кэр Сайкире. Я знал, что он выполнит этот приказ, несмотря на горячее желание схватиться с Матолчем и убить его. Теперь в Замке оставался всего один человек, который мог известить Медею, даже не шевельнув пальцем. Всего лишь один!

Но он не известил. Я понял это, когда откинул белую портьеру и вошел в башню. Это была маленькая комната, с полукруглыми стенами и потолком цвета бледной слоновой кости. В комнате совсем не было окон, так как Гаст Райми никогда в них не нуждался.

Он сидел, этот старый человек, расслабившись, на подушках своего кресла, его белоснежные волосы и борода падали крупными локонами на такой же белоснежный плащ.

Руки его, лежащие на подлокотниках кресла, были бледны, как воск, и так прозрачны, что я почти мог видеть, как течет жидкая кровь по этим старческим жилам.

Фитиль и воск догорали. Пламя жизни еще мигало, но ветер мог задуть его, послав вечную темноту. Так сидел самый древний из всех, и взгляд его голубых невидящих глаз был обращен внутрь.

Воспоминания Ганелона вернулись ко мне. Ганелон многое узнал от Гаста Райми. Даже тогда член Совета был стар. А сейчас приливы времени источили его, как морские приливы точат камень, пока от него ничего не остается, кроме тонкой раковины, прозрачной, как мутное стекло.

Я видел, как жизненный огонь Гаста Райми затухает, как остается один лишь пепел.

Он не видел меня. Не так легко было вывести Гаста Райми из тех глубин, где обитала его мысль.

Я заговорил с ним, но он не ответил.

Тогда я осторожно прошел мимо него к стене, которая разделяла верх башни на две половины. Стена была гладкой, и на ней не было никаких признаков двери, но я знал, что делать. Я провел ладонями в определенной последовательности по гладкой поверхности, и передо мной появилось отверстие. Я вошел внутрь. Здесь хранились священные предметы Совета.

Я посмотрел на сокровищницу новыми глазами, более ясными, чему способствовала память Эдварда Бонда. Темный, похожий на бинокль предмет, линзы которого горели тусклым янтарным светом, находился у потолка, в нише, вырубленной прямо в стене. Я никогда раньше не задумывался над тем, что это такое. Он убивал. Воспоминания о земной науке объяснили мне, почему. Это было не волшебство, а мгновенное высвобождение электрической энергии мозга. И этот конический черный аппарат — он тоже убивал. Он мог оставить от человека мокрое место, играя его жизнью с такой скоростью — между искусственным катодом и анодом — что ничто живое не могло противостоять такому напряжению. Вариант переменного тока!

Но все это оружие меня сейчас не интересовало. Я искал другие сокровища. Здесь не надо было бояться никаких ловушек, потому что никто, кроме членов Совета, не знал пути в сокровищницу, ее расположения, или даже вообще о ее существовании, разве что об этом ходили легенды. И ни один раб или стражник никогда не осмелились бы войти в башню Гаста Райми.

Мой взгляд остановился на мече, но это был не тот, который мне нужен; потом я перевел взгляд на арфу... Я узнал эту арфу.

На Земле много легенд было сложено о ней — арфа Орфея, которая могла возвращать мертвых из Ада. Человеческие руки не могли играть на ней — и я тоже пока еще не совсем был готов.

То, что было нужно мне, лежало на полке, запечатанное в цилиндрический футляр. Я сломал печать и вынул черный тонкий стержень с рукояткой.

Жезл Власти. Жезл, который мог использовать электромагнитные силы планеты. Это могли делать и другие жезлы такого типа, но этот был единственным в своем роде — его мощность ничем не была ограничена. Пользоваться им было опасно.

В другом футляре я нашел Хрустальную Маску. Это была изогнутая прозрачная пластина, которая закрывала мои глаза, как маска домино, только прозрачная. Это маска защитит меня от Эдейри.

Я стал искать дальше, но не смог обнаружить и следа Меча Ллугра.

Время было ограничено. Я не слышал шума сражения, но знал, что оно продолжалось, и я знал также, что члены Совета скоро должны вернуться в Замок. Ну что ж, теперь я могу бороться с ними — но я не мог еще бороться с Ллуrom. Я не мог рисковать, пока не буду полностью во всем уверен.

Я стоял в дверях сокровищницы, глядя на покрытую сединой голову Гаста Райми. Каким бы он ни был стражником, он знал, что я имел право входа в сокровищницу. Он не сделал ни одного движения. Мысли его витали в необозримых пространствах, и вернуть его обратно было невозможно. У него был идеальный ответ на любое давление со стороны. Он мог умереть.

Ну что ж, у меня на это тоже был идеальный ответ.

Я вернулся в сокровищницу, взял арфу, вынес ее и поставил перед стариком. В его голубых глазах не отразилось ни малейшего признака жизни.

Такие арфы, как эта, существовали когда-то и на Земле. В легендах говорилось об их поющих струнах, так же, как в них говорилось и о загадочных колдовских мечах. Лира была у Орфея, она обладала сказочной силой, и Юпитер поместил ее между звезд. Была арфа Гвидона в Англии, которая очаровывала души людей. И арфа Альфреда, который помог разгромить датчан. Существовала также арфа Давида, на которой он играл перед Саулом.

В музыке есть очень мощная, скрытая сила. Ни один человек сегодня не скажет с уверенностью о том, что звук разрушил стены Иерихона, но когда-то люди знали о природе звуков очень многое.

Здесь, в Темном Мире, об этой арфе ходило много легенд среди простого народа. Люди рассказывали, что на ней играл сам

дьявол, что духи воздуха трогали ее струны. Ну что ж, в какой-то мере они были правы. Эту арфу создала невероятная научная точность. Она была очень сложной машиной.

Соник, суб-соник и просто вибрации совпадали с мыслеволнами мозга, частично гипнотизируя, частично действуя на электромагнитную структуру. Мозг — это коллоидная машина, а любую машину можно контролировать. И эта арфа могла найти ключ к мозгу и сковать его.

Сквозь стены слабо доносились звуки сражения, но Гаст Райми не слышал их. Своими древними и глубокими мыслями он странствовал в измерениях чистой вибрации.

Пальцы мои дотронулись до струн арфы, сначала неуклюже, но потом со все большей уверенностью. Память постепенно возвращалась ко мне.

Вздох струн шепотом пронесся по белой комнате — бормотанье минорных тонов в томном, низком, далеком ключе. И пока арфа раскрывала модель мозга Гаста Райми, струны под моими руками оживали. Душа Гаста Райми была переведена на чистую музыку.

Настойчиво и пронзительно зазвучала одна нота, затем звук стал выше, исчезая в неслышном спектре. Глубоко внизу возник сильный шум — так шумит, завывая, ветер, так кричит одинокая чайка.

Музыка высоко растекалась широкой рекой — холодная, чистая и белая, как вершина снежной горы.

Громче зашумели великие ветра; рвущее душу адажио звучало в поднимающемся потоке музыки. Гром падающих скал, резкие стоны землетрясений, наводнение, затапливающее поля и леса. Затем возникла тяжелая, как удар, нота — гулкая и неземная. Я увидел пространство между мирами — огромную пустую ночь космоса.

Внезапно пролилась веселая, легкая мелодия, которая напомнила мне залитые солнцем поля.

Гаст Райми пошевелился. На мгновение в его голубых глазах появилась мысль — он увидел меня. Но потом огонь жизни в этом древнем теле снова начал угасать. Я знал, что он умирает, что я растревожил его долгий покой, что он потерял всякий контакт с жизнью.

Гаст Райми сидел передо мной, и последняя искра жизни угасала в его мозгу.

Но я заставил волшебные заклинания арфы дуть могучим ветром на утасаживающие искры его жизни.

Орфею удалось вырвать Эвридику из королевства Плутона. Вот и я опутал паутиной музыки душу Гаста Райми, не давая ей улететь из тела.

Сначала он сопротивлялся, и я чувствовал, как его сознание пытается ускользнуть, но арфа уже нашла ключ к нему, и не позволяла ему уйти. Она неумолимо тянула его к жизни.

Искорка заколебалась, пропала, вновь стала ярче. Громче запели струны; громче стал рев волнующихся вод. Еще выше зазвучала резкая нота, чистая, как ледяной свет звезд.

Музыка соткала паутину, заполнившую собой всю комнату. Паутина зашевелилась и обернулась вокруг Гаста Райми!

И вновь в его голубых глазах появилась искра жизни. Он перестал бороться и сдался. Ему легче было вернуться обратно к жизни и позволить мне расспросить его, чем бороться с поющими струнами, которые могли захватить в плен саму душу человека.

Губы старика задвигались над белоснежной бородой.

— Ганелон, — произнес он. — Я знал, кто играет на арфе. Ну что ж, задавай вопросы. А затем позволь мне умереть. Я не буду жить в эти дни, которые должны наступить. Но ты будешь жить, Ганелон, и, тем не менее, ты тоже умрешь. Это мне удалось прочитать в будущем.

Большая голова низко наклонилась. На мгновение Гаст Райми прислушался, и я прислушался вслед за ним.

Сквозь толстые стены доносился звон мечей и крики умирающих.

12. Война — кровавая война!

Жалость захлестнула меня. Тень величия, которая окутывала Гаста Райми, исчезла. Передо мной сидел древний сморщенный старик, и я на какое-то мгновение почувствовал неодолимое желание уйти и дать ему возможность вновь уплыть в спокойные просторы мысли. Я помнил, что когда-то Гаст Райми казался высоким большим человеком, хотя он никогда не был таким при моей жизни. Но в детстве я сидел у ног члена Совета и с обожанием глядел на его величественное бородатое лицо.

Возможно, в нем тогда было больше жизни, больше тепла и человечности. Сейчас оно было неподвижным. Оно больше напоминало лицо бога.

— Учитель, — сказал я. — Прости меня!

В его глазах не было ответа, и все же я почувствовал, как что-то в нем дрогнуло.

— Ты называешь меня учителем? — переспросил он. — Ты — Ганелон? Много времени утекло с тех пор, как ты склонялся перед кем бы то ни было.

Одержанная мною победа показалась мне бессмысленной. Я наклонил голову. Да, я победил Гаста Райми, но мне не по душе была такая победа.

— В конце круг всегда замыкается, — спокойно сказал старик. — Мы с тобой сродни больше, чем все остальные. И ты, и я — люди, Ганелон, а не мутанты. Я позволил Медее и всем остальным пользоваться моей мудростью потому, что я — предводитель Совета. Но...

Он заколебался.

— Уже два столетия мои мысли витают вдали, — спокойно продолжал он. — За понятиями добра и зла, за самой жизнью и крохотными марионетками, которые двигаются по ней. Иногда я пробуждался и давал ответы на вопросы, не имеющие для меня никакого значения. Я думал, что потерял всякую связь с реальной действительностью. Смерть могла унести молодого мужчину или женщину, живущих в Темном Мире, но это не играло существенной роли.

Мне нечего было ему ответить. Я знал, что причинил великое зло Гасту Райми, пробудив его и заставив выйти из глубокого покоя.

Голубой взгляд неотрывно следил за мной.

— В наших жилах, Ганелон, течет разная кровь, и все-таки мы чем-то сродни друг другу. Я уже когда-то говорил тебе, что ты должен будешь со временем меня заменить.

Сейчас я начинаю во многом сомневаться. И больше всего — в том ответе, который я дал Совету после того, как Медее доставила тебя с Земли.

— Ты приказал им убить меня, — ответил я.

Он кивнул головой.

— Матолч был испуган. Эдейри стояла на его стороне. Они заставили Медее согласиться. Матолч сказал: «Ганелон изменился. Это опасно. Пусть старик заглянет в будущее и скажет нам, что из всего этого получится». Поэтому они пришли ко мне, и я дал волю своей мысли, которая путешествовала по ветру времени далеко вперед.

— И что...

— Конец Совету, — сказал Гаст Райми. — Если ты оставался жить. Я увидел, как руки Ллура тянутся в Темный Мир, и Матолч лежит мертвым, и гибель идет по пятам Эдейри и Медее. Вероятности изменчивы. Когда ты отправился в мир Земли, ты был Ганелоном, но обратно вернулся с двойным сознанием. У тебя есть

память Эдварда Бонда, которую ты можешь использовать, как оружие. Медее следовало оставить тебя на Земле. Но она так любила тебя.

— И согласилась, чтобы меня убили?

— А знаешь ли ты, что было у нее на уме? — спросил Гаст Райми. — В Кэр Сайкир во время обряда пришел бы Ллур, а ты был ему посвящен. Неужели Медее могла предполагать, что он тебя сможет убить?

Сомнения захлестнули меня.

— Но Медее вела меня в Кэр Сайкир, словно овцу на бойню. Если она могла оправдаться... — пусть, но ни Матолч, ни Эдейри — не могли. Может быть, я пощажу Медею, — продолжал я. — Но оборотня и Эдейри — нет! Я уже обещал жизнь Матолча. А что касается Эдейри — она должна погибнуть, — я показал Гасту Райми Хрустальную Маску. Он кивнул.

— Но Ллур?

— Я был посвящен ему, как Ганелон, — сказал я. — Теперь ты говоришь, что у меня двойное сознание. Или, по крайней мере, наложенные воспоминания. Даже если они искусственные, я не желаю быть подданным Ллура! Я много нового узнал на Земле. ЛЛУР — НЕ БОГ!

Древняя голова склонилась в глубоком раздумье. Прозрачная рука поднялась и дотронулась до завитков бороды. Затем Гаст Райми поглядел на меня и улыбнулся.

— Значит, ты знаешь это, вот как? — спросил он. — Я кое-что скажу тебе, Ганелон, чего не знает еще ни один человек. Ты не первый, пришедший с Земли в Темный Мир. Первым был я.

Я уставился на него с нескрываемым удивлением.

— Но ты родился в Темном Мире, а я — нет, — продолжал он. — Мое тело впервые возникло из пепла Земли. Прошло очень много времени с тех пор, как я пересек границу миров, и мне уже никогда не удастся туда вернуться, потому что я давно пережил положенный мне срок. Только здесь я могу поддерживать ту искру жизни, которая горит в моем теле, хотя мне это тоже давно безразлично.

Да, я родился на Земле, я знал Вортингейм и королей Уэльса. У меня был свой собственный замок в Кэр Мердик. Голубое небо, голубое море Англии, серый камень алтарей друидов в дубовых лесах — все это было моим домом, Ганелон, до тех пор, пока мое знание науки не привело меня сюда. Это произошло с помощью женщины Темного Мира. Ее звали Вивиан.

— Так ты родился на Земле? — все еще ничего не понимая, переспросил я.

— Да. Но это было очень давно. Я здесь состарился и начинал сожалеть об этой ссылке. С годами я приобретал все больше знаний — но отдал бы все это за один глоток прохладного сладкого ветерка, который дул с Ирландского моря. Но я уже не мог вернуться обратно. На Земле мое тело превратилось бы в пыль, поэтому я и погрузился в мечты — мечты о Земле, Ганелон...

Голубые глаза засветились воспоминаниями.

Голос его стал громче.

— В мечтах этих я возвращался в старые времена. Я вновь стоял на берегах рек Уэльса, глядя как лосось выпрыгивает из вод серого Уска. Я снова видел Арториуса, его отца Утера, и вдыхал запахи Англии времен ее молодости... Но все же это были только мечты!

А мечтаний этих было недостаточно. Во имя той любви, которую я хранил в своем сердце, во имя ветра, который обдувал берега древней Ирландии, я помогу тебе сейчас, Ганелон. Я никогда не думал, что теперь жизнь будет иметь значение. Но я не позволю, чтобы эти карикатуры вели человека Земли на казнь! А сейчас — ты человек Земли, несмотря на то, что родился в этом мире волшебства!

Он наклонился вперед и кинул на меня пристальный взгляд.

— Ты прав, Ллур — не бог. Он — чудовище, и не более того. Его можно убить.

— Мечом под названием Ллур?

— Слушай, выбрось все легенды из головы. В них вся сила Ллура, вся сила Темного Мира, окутанного мистическими символами ужаса. Но за этими символами открывается простая истина. Вампир, оборотень, живые деревья — все это — биологические недоноски, мутанты, которым нет места на Земле. И самой первой мутацией был Ллур. Его рождение разделило мир на две части, и каждая из них стала развиваться по своей линии. Он был ключевым фактором временной модели энтропии.

Когда Ллур родился, он был человеком. Но его мозг был необычен. Он обладал определенными естественными силами, которые не развивались расой и за миллионы лет. Из-за того, что он получил их слишком рано, они были неуправляемы, искажены и направлены на служение злу. В будущем мире науки и логики его ментальные силы пришлось бы как раз к месту. Но в темные времена суеверий он направил их на другое — он развился, обладая колоссальными знаниями и ментальными силами — развился в чудовище.

Когда-то он был человеком. Постепенно он становился все менее похожим на людей. Сила его мудрости была безграничной.

В Кэр Ллуре находятся механизмы, которые излучают определенную радиацию, необходимую для существования Ллура. Эта радиация пронизывает весь Темный Мир и вызывает мутации. В результате появляются такие существа, как Матолч, Эдейри и Медея.

Если убить Ллура, эти механизмы остановятся, мутаций станет значительно меньше, и злоеущая тень над планетой исчезнет.

— Как я могу убить его? — спросил я.

— Мечом. Жизнь Ллура связана с ним. Я не знаю, по какой причине это произошло, но сейчас Ллур перестал быть человеком. Часть его — механизмы, часть — энергия, а часть — нечто вообще невообразимое. Ллур родился во плоти, и он должен либо поддерживать свой контакт с Темным Миром, либо умереть. Меч является предметом этого контакта.

— Где мне найти этот Меч?

— В Кэр Ллуре, — ответил Гаст Райми. — Иди туда. У алтаря находится хрустальное стекло. Ты помнишь?

— Помню.

— Разбей его. Там ты найдешь Меч под названием Ллур.

Он откинулся назад. Глаза его на мгновение закрылись, но потом открылись вновь.

Я встал перед Гастом Райми на колени, и он сотворил надо мной древний Знак.

— Странно, — прошептал он. — Странно, что я снова посылаю на битву человека, как делал это много раз раньше, так давно...

Его голова склонилась вперед, и длинные седые волосы мягко легли на белоснежный плащ.

— Ради того ветерка, который дул в Ирландии, — прошептал старик.

По комнате пронесся небольшой ураган, потом все стихло. Тишина стала непривычной. Теперь я действительно остался один...

Из комнаты Гаста Райми я сошел по ступенькам вниз и вышел во двор.

Битва уже почти закончилась; мало кто из защитников Замка остался в живых. Они были окружены возбужденно кричащими воинами Ллорина. Плечом к плечу, в угрюмом молчании, стражники отбивались от нападающих. В глазах побежденных не было даже проблеска надежды.

Я мельком увидел пересеченное шрамами лицо Ллорина и поспешил к нему. Он оскалил зубы в победной усмешке.

— Мы победили, Бонд?

— Да, но потеряли на это слишком много времени. Надо быстро добить этих собак!

Я выхватил меч у ближайшего воина. Необычайная сила начала вливаться в этот меч, а сквозь его рукоятку — в меня.

Я врезался в толпу сражающихся. Повстанцы расступились. Рядом тихо смеялся Ллорин.

Я столкнулся лицом к лицу со стражником. Его меч поднялся в воздух, нанося удар, но я быстро уклонился в сторону, и лезвие со свистом рассекло воздух. Острие моего клинка метнулось к его горлу, как жало змеи. От удара мою кисть свело, как от электрического разряда.

Я вырвал меч из горла умирающего, и увидел ухмыляющегося Ллорина, разделяющего с очередной жертвой.

— Убивайте их! — свирепо прокричал я. — Убивайте!

Не дождавшись ответа, я врезался в самую гущу битвы — рубя, коля и нападая на солдат Медеи, как будто они были членами Совета. Я ненавидел каждое лицо с отсутствующим выражением глаз. Красные волны ненависти захлестнули меня. Сознание затуманилось, лишая возможности что-либо видеть и ощущать. Несколько мгновений я был пьян жадой убийства...

...Рука Ллорина схватила меня за плечо. Голос его доносился откуда-то издалека.

— Бонд! Бонд!

Туман рассеялся. Я огляделся вокруг. Ни одного стражника не осталось в живых. Кровавые изрубленные трупы лежали на серых камнях двора. Лесные жители, тяжело дыша, вытирали клинки своих мечей.

— Удалось ли кому-нибудь ускользнуть и предупредить Совет?

Несмотря на свою вечную усмешку из-за шрама, Ллорин выглядел абсолютно серьезным.

— Не уверен. Я этого не думаю, но в этом Замке тысячи входов и выходов...

— Это плохо, — сказал я. — У нас недостаточно людей для того, чтобы поставить охрану вокруг всего Замка.

Он скривился.

— Предупреждены они или нет, нас ведь все равно намного больше, чем их! Мы можем убить членов Совета, как мы убили стражников.

— Мы едем в Кэр Ллур, — сказал я, наблюдая за ним.

Я увидел тень страха в холодных серых глазах. Ллорин запустил руку в свою бороду.

— Не понимаю. Зачем?

— Чтобы убить Ллура.

Изумление, смешанное с древним суеверным ужасом, появилось на его лице. Он окинул меня вопрошающим взглядом и, видимо, увидел то, что хотел.

— Убить — Его?!

Я кивнул.

— Мне удалось поговорить с Гастом Райми. Он сказал мне, как это сделать.

Люди, собравшиеся вокруг нас, слушали и наблюдали. Ллорин заколебался.

— Об этом мы не договаривались, — сказал он. — Клянусь богами! Убить Ллура?!

Внезапно он встрепенулся и закричал, отдавая приказания. Мечи были засунуты в ножны. Люди побежали к своим лошадям. Через несколько минут мы уже сидели в седлах, выезжая со двора. Тень Замка тяжело падала на нас, когда луна поднималась над самой высокой его башней.

Я привстал на стременах и оглянулся назад. Там, наверху, сидел мертвый Гаст Райми, первый из членов Совета, умерший от моей руки. Я был его убийцей, я поступил так, как если бы пронзил мечом его сердце.

Я вновь опустил в седло, давая шпоры лошади. Ллорин тоже прищипорил своего коня, чтобы не отставать. Позади нас лесные жители растянулись неровной линией. Мы скакали по направлению к горам. Мы сможем достичь Кэр Ллура не раньше зари. И нам надо было спешить.

Медея, Эдейри, Матолч! Имена этих троих, как барабан, звучали в моей голове. Предатели, и Медея не меньше, чем все другие. Разве согласилась бы она с ними, если бы сама не желала принести меня в жертву? Эдейри и оборотень должны будут умереть. Медее я могу оставить жизнь, но как своей рабе, не более того.

Со смертью Гаста Райми я стал предводителем Совета! В башне старика сентиментальная слабость чуть было не предала меня. Слабость Эдварда Бонда, — подумал я. Его воспоминания ослабили мою волю и лишили меня твердости.

Сейчас мне уже больше не нужны были его воспоминания. С моего пояса свисали Жезл Власти и Хрустальная Маска. Я знал, как добыть Меч под названием Ллур. Ганелон станет Повелителем Темного Мира!

Я задумался о том, где мог сейчас находиться Бонд. Когда Медея сквозь Огонь Нужды пронесла меня в Темный Мир, он в тот же самый момент должен был вернуться на Землю. Я иронически усмехнулся, на секунду представив, как он должен был быть удивлен. Возможно, он все еще пытается вернуться в Темный Мир.

Но без помощи Фрейдис все его попытки будут бесполезными. А она помогает сейчас мне.

В результате Бонд останется на Земле, и замены больше не произойдет. Это зависело только от меня. Может быть, Фрейдис и была сильной колдуньей, но сможет ли она выстоять против человека, который убьет Ллурра?

Сквозь пелену темноты я бросил взгляд на Ллорина. Дурак! Да и Арле была из той же породы. Только у Фрейдис хватило здравого смысла не доверять мне.

Но сначала должен погибнуть самый сильный из всех моих врагов — Ллур. Затем члены Совета. После этого лесные жители испытают на своей шкуре мою власть. Тогда они узнают, что я — Ганелон, а не земной соплик Эдвард Бонд!

Я загнал воспоминания Бонда в глубь своего сознания и полностью стер их — с Ллуrom будет драться Ганелон.

Ганелон будет править Темным Миром.

13. Огонь Жизни

Еще за много часов до того, как достигнуть Кэр Ллура, мы увидели черную тучу, которая постепенно превращалась в огромную скалу на фоне разгорающейся зари.

Наши тени убегали вперед и исчезали под копытами лошадей. Холодный свежий ветерок шептал о жертвоприношениях в Кэр Сайкире, об ищущих нас мыслях Совета, которые распространялись по всему Темному Миру.

Кэр Ллур высился на фоне темной ночи, охраняя ее. Он был огромным, чужим и напоминал бесформенную массу, как будто титан строил себе дом из скал, небрежно собирая самые высокие из них. И, тем не менее, я знал, что в этой необычной архитектуре был определенный расчет.

Две колонны, по пятьдесят футов каждая, стояли, как ноги Колосса, а между ними находился никем не охраняемый вход. Только здесь во всем Кэре можно было увидеть странное свечение.

Завеса из сияющей радуги переливалась над входом, как вуаль. Невесомая полупрозрачная тень колебалась и дрожала, словно ветер играл складками нежного шелка.

Завеса была футов пятьдесят в высоту и шириной около двадцати. Она уходила к мощным верхушкам колонн, которые с трудом удерживали невообразимый вес Замка. Несмотря ни на что, это здание-гора было творением человеческих рук. От его вида захватывало дыхание.

Кэр Ллур своим жутким величием навевал холод и страх. Лесные жители дрожали, как листья под порывами осеннего ветра. Их ряды нарушились, затем вновь сомкнулись, когда я поднял руку, а Ллорин отдал приказ.

Я стал оглядывать низкие холмы, окружающие нас.

— Никогда на моей памяти, или на памяти моих отцов, не подходили люди так близко к Кэр Ллуру, — сказал Ллорин. — За исключением членов Совета, конечно. Лесные жители не пойдут дальше за мной, Бонд. Они пойдут за тобой.

Далеко ли они пойдут? Я едва успел задуматься, как один из лесных жителей удивленно вскрикнул. Он приподнялся в стременах и указал на юг.

За холмами, скача сломя голову в облаках пыли, появился отряд всадников, и их доспехи сияли под красным солнцем!

— Значит все-таки кто-то успел ускользнуть из Замка, — процедил я сквозь зубы. — И члены Совета были предупреждены!

Ллорин ухмыльнулся и пожал плечами.

— Не так уж их и много.

— Достаточно, чтобы нас задержать. Нужно их остановить, Ллорин. Если с ними члены Совета — убей их. Не дай им проникнуть в Ллур до тех пор, пока...

— Пока?

— Не знаю. Мне нужно время. Сколько — не могу сказать. Битва с Ллуrom и победа над ним — не минутное дело.

— Это дело не для одного человека, — с сомнением произнес Ллорин. — Если бы мы были рядом с тобой, победа была бы тебе обеспечена.

— Я знаю оружие против Ллура, — сказал я. — Его может держать только один человек. А ты останови стражников и членов Совета. Дай мне время!

— Ну, это-то как раз нетрудно, — глаза его возбужденно блеснули. — Смотри!

Из-за холма, цепочкой, один за другим, за вооруженными стражниками скакали фигуры в зеленом.

Это были хорошо вооруженные женщины леса, которых мы оставили в долине. Я видел блеск их мечей. Мечи были не единственным их оружием. Раздался треск, поднялось облачко дыма, и один из стражников, вскинув вверх руки, свалился с лошади.

Эдвард Бонд знал, как изготавливаются ружья! А лесные жители научились ими пользоваться!

Во главе женщин я заметил две фигуры. Одна из них — Арле. Рядом с ней на большом белом коне скакала женщина, чьи гиган-

тские формы я не мог спутать даже на таком большом расстоянии. Фрейдис прищипывала коня, как валькирия, рвущаяся в битву!

Фрейдис, Арле и женщины леса!

Смех Ллорина не скрыл его возбуждения.

— Наконец-то они попались нам, Бонд! — вскричал он, и кулак его крепче сжал поводья. — Наши женщины скачут по пятам, а мы атакуем с флангов. Мы сотрем их в порошок! Пусть бог поможет мне, и оборотень будет с ними!

— Тогда скачи, — резко сказал я. — Хватит болтовни! Скачи и сокруши их! Не пускай их в Кэр!

С этими словами я прищипорил лошадь, и низко пригнувшись к ее гриве, с быстротой ветра понесся к черной горе впереди меня. Понимал ли Ллорин, насколько убийственным было то поручение, которое я дал ему? Матолча ему, может быть, и удастся убить, также, как и Медею. Но если со стражниками Совета скакала и Эйдери, и если она хоть на секунду сняла бы капюшон со своего лица — ни меч, ни пуля не спасли бы уже лесных жителей!

И, тем не менее, все это займет у них время. А если ряды лесных жителей здорово поредеют, то тем лучше для меня. Я посчитаюсь с Эдейри так, как найду нужным, когда наступит срок.

Впереди возвышались черные колонны. Позади меня раздались крики и послышалась ружейная пальба, но холм скрыл от меня развернувшиеся события.

Спрыгнув с лошади, я остановился между колоннами. Сверху чудовищно возвышался Кэр — олицетворение того зла, которое раскинулось по всему Темному Миру.

В нем жил мой враг — Ллур !

В руке у меня все еще был меч, который я взял у одного из лесных жителей, но было сомнительно, что он может пригодиться внутри Кэра. Прежде, чем сделать первый шаг, я убедился, что оружие надежно укреплено на поясе.

Завеса сверкала и переливалась передо мной, как радуга. Я сделал шаг сквозь нее.

Примерно двадцать шагов было совсем темно. Затем появился свет. Это был свет, который можно видеть высоко в горах — ослепительно яркий и сверкающий. Я стоял, не двигаясь, и ждал. Постепенно свет стал мигать с определенной периодичностью, вырисовывая в воздухе морозные арабески. Но это был не холод. Меня окружала тропическая жара.

Сверкающие снежинки подплыли ко мне. Они опустились на лицо и руки, прошли сквозь одежду и впитались в кожу. Они не причиняли вреда. Наоборот, мое тело жадно впитывало этот про-

низывающий снежный шторм энергии. Прилив жизненных сил прокатился по моим жилам.

На белом фоне показались три серые тени. Две высокие и одна маленькая, легкая, как тень ребенка. Я узнал их.

Затем раздался голос Матолча:

— Убей его. Сейчас.

И ответ Медеи:

— Нет, ему не надо умирать. Он не должен...

— Нет, должен! — проревел Матолч.

Тонкий голосок Эдейри присоединился к этому реву:

— Он опасен, Медея, и поэтому должен умереть. А убить его можно только на алтаре Ллура, потому что он ему посвящен.

— Ему не надо умирать, — упрямо ответила Медея. — Если сделать его безвредным и безоружным, то пусть живет.

— Как? — спросила Эдейри.

Вместо ответа ведьма в алом сделала шаг вперед из спящего молочного сияния.

Больше уже не тень и не серая масса, Медея, ведьма Колхиса, стояла передо мной. Ее темные волосы ниспадали до колен. Томный взгляд непонимающе уперся в меня.

Моя рука потянулась к ножнам... но не смогла ничего сделать. Я не мог пошевелиться. Еще быстрее закружились снежинки, предательски пропитывая все тело.

Позади Медеи склонились две тонкие тени.

— Власть Ллура держит его, — прошептала Эдейри. — Но Ганелон силен, Медея. Если он сокрушит эти силы, мы погибли.

— Но к тому времени у него не будет никакого оружия, — сказала Медея и улыбнулась мне.

Теперь я действительно понял ту опасность, которая мне грозила. Мой стальной меч легко мог пронзить горло Медеи, и я от всей души жалел, что не сделал этого раньше.

Я вдруг вспомнил, в чем заключалась сила Медеи. Это была особая мутация, которая отличала ее от остальных. Та самая, из-за которой ее вынуждены были называть вампиром. Я вспомнил ее жертвы — стражники с мертвыми глазами, рабы Замка — костюмы, а не люди. Живые мертвецы, с вытянутой из них душой и жизненной силой.

Руки ее обвилились вокруг моей шеи. Ее губы потянулись к моим.

В руке она держала свой черный жезл. Она дотронулась им до моей головы, и мягкий шок, отнюдь неприятный, пробежал по моему черепу. Я знал, что это обычный проводник, и безумный смех потряс меня при виде этого оружия.

Волшебство здесь было ни при чем. Это была наука, высоко-развитая наука, годная только для тех, кто был ей выучен, для мутантов. Медея питалась энергией, но не путем волшебства. Я слишком часто видел, как используется этот жезл, чтобы не знать этого.

Жезл открывал замкнутые схемы мозга и, высвобождая его энергию, передавал жизненную силу Медее!

Снежинки закружились быстрее, они укрывали нас своей сверкающей пеленой. Эдейри и Матолч тоже не были больше серыми теньями. В разноцветных плащах карлица и стройный ухмыляющихся оборотень стояли неподалеку и наблюдали.

Летаргическое оцепенение стало охватывать меня. На моих губах губы Медеи стали горячее, требовательнее, а мои губы заledenели. В отчаянии я попытался двинуться, схватиться за рукоять меча.

И не смог.

Теперь яркая завеса стала не такой туманной. Позади Матолча и Эдейри я видел большое пространство, такое огромное, что взгляд мой не мог проникнуть в его фиолетовые глубины. Лестница поднималась вверх.

Высоко наверху горел золотистый огонь.

А позади Матолча и Эдейри, немного в стороне, стоял пьедестал причудливой формы, спереди сделанный целиком из пластины прозрачного стекла. Он тоже сиял ровным холодным голубым светом. Что было там внутри, я не знал, но я знал эту хрустальную пластину.

Гаст Райми говорил о ней. За ней должен был находиться Меч под названием Ллур.

— Слабо — теперь уже слабо, — услышал я удовлетворенное хмыканье Матолча.

— Ганелон, любовь моя, не борись со мной, — прошептала Медея. — Только я могу тебя спасти. Когда пройдет твое сумасшествие, мы вернемся в Замок.

Да, потому что тогда я уже не буду являться для них угрозой. Матолч даже не захочет затруднять себя, чтобы навредить мне. Как вещь без души и ума, как раб Медеи, вернусь я в Замок Совета.

Я, Ганелон, наследный Лорд Совета и посвященный Ллуру!

Золотистое сияние наверху стало ярче. Легкие молнии ударили сверху и затерялись в фиолетовой мгле.

Мои глаза нашли этот золотой свет, который был окном Ллура.

Мысли мои потянулись к нему.

Может быть, Медея и была ведьмой и вампиром, и даже колдуньей — но она никогда не была посвящена Ллуру. Темные злые силы не бились в каждом импульсе ее крови, как они бились в моей. Да, теперь я хорошо понимал, что как бы я ни отказывался от подданства Ллуру и не говорил, что я больше не его избранный, связь между нами была. Ллур имел надо мной власть, но и я мог пользоваться его силой.

И я воспользовался ею сейчас!

Золотое окно стало ярче. Вновь молнии скользнули из него — и пропали. Тяжелый приглушенный барабанный бой донесся откуда-то, как пульс Ллура.

Как сердце Ллура, пробуждающегося ото сна.

Сквозь все мои члены пробежал могучий поток, пробуждая мое тело и мозг от летаргии. Я пользовался силами Ллура, не задумываясь, чего мне это будет стоить. Я тянул и тянул в себя его энергию. Я увидел лицо Матолча, перекосившееся от страха, а Эдейри сделала быстрый жест рукой.

— Медея! — крикнула она.

Но Медея уже почувствовала мое пробуждение. Я ощутил, как ее тело конвульсивно задрожало. С жадностью она прильнула к моим губам, все быстрее впитывая энергию, которая делала меня сильным.

Энергия Ллура продолжала вливаться в меня!

Гром гремел под огромными сводами наверху. Золотое Окно сияло ослепительным светом, а снежинки вокруг нас побледили, сморщились и растаяли.

— Убей его! — взвыл Матолч. — Он призвал Ллура!

Он прыгнул вперед.

Непонятно откуда, возникла окровавленная фигура в погнутых доспехах. Я увидел, как лицо Ллорина перекосилось в изумлении, когда он взглянул на меня. Его шпага, в крови по самую рукоятку, блестела в его руке.

Он увидел меня и Медею, обвившую меня руками.

Он увидел Эдейри.

И он увидел Матолча!

Беззвучный сдавленный крик вырвался из горла Ллорина. Он высоко поднял свою шпагу.

Вырвавшись из объятий Медеи и с силой оттолкнув ее, так, что она отлетела в сторону, я увидел, как Матолч поднимает жезл. Я схватился за свой, но в нем уже не было нужды.

Клинок Ллорина запел в воздухе. Рука Матолча, все еще сжимавшая жезл, была отсечена у самой кисти. Кровь хлынула из перерезанных артерий.

Взвыв, оборотень упал на пол и стал менять свою форму. Гипноз это был, мутация или волшебство — я не мог сказать — но создание, прыгнувшее к горлу Ллорина, не было человеком.

Ллорин весело засмеялся. Он откинул свою шпагу в сторону и встретил нападение оборотня, сильно упершись ногами в пол. Он схватил зверя за горло и лапу. Волчьи клыки свирепо лязгнули.

Ллорин поднял чудовище высоко над головой; мускулы его напряглись от нечеловеческого усилия. Мгновение Ллорин стоял, как вкопанный, высоко подняв своего врага в воздух, в то время как волчьи челюсти лязгали, пытаясь достать его.

Затем он с огромной силой швырнул волка о каменный пол!

Я услышал, как кости захрустели и сломались, как тонкие веточки. Я услышал ужасный смертельный вой, раздавшийся из окровавленной пасти.

А затем Матолч, в своем собственном облике, с переломанным позвоночником, умирающий, лежал у наших ног!

14. Смерть Совета и Ллура

Овладевшая мною слабость чудесным образом прошла. Сила Ллура бурлила во мне. Я выхватил из ножен свой меч и побежал мимо тела Матолча, не обращая внимания на Ллорина, который стоял без движения, глядя вниз. Я подбежал к пьедесталу с хрустальным стеклом, которое светилось голубым светом.

Я схватил меч за клинок и изо всей силы ударил по стеклу рукояткой.

Раздалось музыкальное пичикатто, тонкий поющий смех духов. Осколки упали к моим ногам.

Вместе с ними упал Меч. Хрустальный Меч — примерно пяти футов в длину, клинок и рукоятка которого были сделаны из чистого хрусталя.

Он был частью стекла — потому что внутри пустого пьедестала вообще ничего не было. Меч был частью самого стекла, и то, что я разбил его, высвободило оружие, так хитро скрытое в потайном месте.

По изящному лезвию стекал голубой свет. В хрустале горели голубые огни. Я наклонился и поднял Меч. Рукоятка была теплая и живая.

Меч под названием Ллур в моей левой руке, стальной меч — в правой. Я выпрямился.

Парализующим холодом повеяло на меня.

Я узнал этот холод, и поэтому не стал оборачиваться. Я сунул стальной меч себе подмышку, выхватил из-за пояса Хрустальную Маску и надел ее. Затем вынул Жезл Власти. И только тогда я повернулся.

Странное сверкание и сияние дошло до меня сквозь маску, искажавшую то, что я видел. Маска странно изменяла свойства света, но у нее было свое назначение — она была фильтром.

Матолч теперь уже лежал без движения. Рядом с ним Медея пыталась подняться на ноги, ее темные волосы беспорядочно развевались. Лицом ко мне стоял Ллорин, человек-камень, и только глаза его были живыми на неподвижном лице.

Он, не отрываясь, смотрел на Эдейри, чью изящную маленькую головку я теперь смог увидеть. Она стояла спиной ко мне. Капюшон ее был откинут на плечи.

Ллорин сморщился, жизнь уходила из него. Тело его текло, как вода.

Он упал.

Он был мертв.

Затем Эдейри медленно обернулась.

Она была крошечная, как дитя, лицо ее тоже было детским, маленьким, округлым. Но я не видел ее черт, потому что даже сквозь Хрустальную Маску меня жег взгляд Горгоны.

Кровь заледенела в моих жилах. Огромная ледяная волна начала медленно накатывалась на меня, заставляя цепенеть мозг и сковывая тело.

Только в глазах Горгоны горел огонь.

Смертоносная радиация была в этом взгляде, то, что ученые Земли называют смертельной дозой облучения. Только сумасшедшие мутации, которые создали Эдейри, могли вызвать к жизни эту кошмарную шутку биологии.

Но я не упал. И не умер. Радиация проходила через фильтр и становилась безвредной, уничтожаемая вибрационными биотоками маски, которая сейчас была на мне.

Я поднял Жезл Власти.

Красное пламя вырвалось из него. Алые ликующие языки потянулись к Эдейри.

Пламя упало на нее, алым кнутом хлеща по телу, выжигая пятна на этом холодном детском лице.

Она отшатнулась назад, все еще пытаясь сжечь меня своим взглядом. Вместе с ней, шаг за шагом, отступала и Медея — к самому подножью большой лестницы, которая вела к Окну Ллура.

Огненные языки хлестнули Эдейри по глазам.

Она повернулась и, спотыкаясь, побежала по лестнице. Медея на секунду задержалась, отчаянным жестом подняв вверх руки, но на лице моем она не прочитала пощады. Тогда она тоже повернулась и кинулась вслед за Эдейри.

Я бросил на пол бесполезный стальной меч. С жезлом в левой руке, с Мечом под названием Ллур в правой, я последовал за ними.

Когда нога моя стала на первую ступеньку, фиолетовый воздух вокруг меня неожиданно задрожал. Сейчас я почти жалел, что призвал Ллур на помощь, чтобы уничтожить заклинания Медеи. Ллур пробудился и наблюдал, а значит, он был предупрежден.

Его пульс бился в огромном Кэре. Золотые молнии освещали Окно наверху.

На короткое время два черных маленьких силуэта показались на фоне этого сияния. Эдейри и Медея спешно взбирались по ступеням.

Я шел вслед за ними, каждый шаг давался с большим трудом. Казалось, я шел сквозь сгущавшийся невидимый поток, напоми-
навший ветер или воду, текущую из этого Окна, и этот поток пытался скинуть меня с лестницы, вырвать хрустальный Меч из руки.

Я поднимался выше. Теперь Окно сверкало ослепительным желтым пламенем. Молнии мелькали непрерывно, а гром гремел не умолкая, отдаваясь эхом от необозримых сводов Кэра. Я медленно продвигался вперед, наклонившись, как против сильнейшего ветра. Я боролся с ним, что было сил взбираясь по ступенькам.

Позади меня кто-то был.

Я не обернулся. Я не осмелился сделать это, опасаясь, что поток снесет меня. Еле поднимая ноги, я прошел последние несколько ступенек и поднялся на ровную каменную платформу дискообразной формы, на которой стоял десятифутовый куб. Три его стороны были сделаны из черной скалы. Сторона, к которой я стоял лицом, ослепительно сверкала.

Далеко внизу, неизмеримо далеко, виднелся пол Кэра. Позади меня в эти невообразимые глубины спускалась лестница, а прямо из Окна на меня все еще дул ураганный ветер, пытаясь скинуть вниз.

Слева от Окна стояла Эдейри, справа — Медея. А в самом центре...

Сияющие золотые облака извивались, клубились, становились плотнее, неслись, как при шторме, а молнии все сверкали и сверкали. Гром теперь не умолкал ни на секунду; он пульсировал. Звук его то затихал, отдаваясь, то гремел совсем близко — в такт с пульсом самого Ллур.

Чудовище, мутация — когда-то человек — Ллур с тех пор стал куда сильнее, чем раньше — Гаст Райми предупреждал меня об этом.

Частично машина, частично — чистая энергия, и частично — нечто ужасающее: вся мощь Ллура изливалась на меня из золотых облаков.

Жезл Власти выпал из моей руки. Я поднял хрустальный Меч и с трудом сделал шаг вперед. Дьявольский прилив обрушился на меня, не давая шевельнуться. Я мог только бороться, используя всю свою силу против горного обвала, который пытался скинуть меня с края платформы.

Все громче гремел гром. Все ярче сверкали молнии.

Холодный взгляд Эдейри леденил мне кровь; лицо ее потеряло человеческий облик. Обдавая Эдейри и Медею своим светом, в Окне кипели желтые облака.

Затем они вырвались из Окна и полетели ко мне.

Теперь уже я лишь смутно видел сияющие очертания Окна Ллура и два смутных силуэта — Эдейри и Медею.

Я попытался сделать шаг вперед — но вместо этого меня потащило назад, все ближе к пропасти.

В последний момент сильные руки поймали меня за талию. Локон седых волос скользнул по лбу. Гигантская сила Фрейдис удержала меня между Окном и пропастью.

Уголкем глаза я заметил, как она оторвала кусок от своего плаща и завязала себе глаза, чтобы защититься от взгляда Эдейри. Слепая, влекомая каким-то странным инстинктом, Валькирия толкала меня вперед.

Вокруг нас клубились желтые облака, полуживые, ощутимые, пронизанные белыми молниями, дрожащие от раскатов грома. Фрейдис молча толкала меня вперед. Я изогнулся, как лук, борясь с потоком.

Шаг за шагом, мы двигались вперед. Фрейдис направляла меня. Как крепость, стояла она за моей спиной. Я слышал ее тяжелое дыхание, хриплые вздохи, вырывающиеся из ее горла.

Мне казалось, что в грудь вонзилась раскаленная шпага — и все же я продолжал идти. Ничего теперь не существовало, кроме золотистого сияния облаков самого Создателя, живых, рвущихся во Вселенную, где планета за планетой рушатся и сталкиваются под властью Ллура.

Я стоял перед самым Окном.

Рука моя поднялась. Изо всех сил я опустил Меч под названием Ллур на Окно.

Меч сломался в моей руке.

Звякающими осколками упал он к моим ногам. Голубой свет зазмеился по сломанному Мечу — и скользнул в Окно.

Массы облаков потянуло назад. Невероятная, колоссальная, почти нестерпимая дрожь сотрясла весь Кэр, расшатывая его, как соломинку. Золотые облака исчезли в Окне. И вместе с ними — Эдейри и Медея!

Я увидел их в последний раз — красное пятно на глазах Эдейри — как маска — и отчаянное лицо Медеи, на котором отражался неопиcуемый ужас. Глаза ее неотрывно глядели на меня в безмолвной, бесконечно ужасной мольбе. А затем они исчезли!

На мгновение я увидел то, что было в Окне. Я увидел нечто вне пространства, вне времени и измерений, тот колышавшийся хаос, который пожрал Медею и Эдейри. И я увидел золотое пятно света, которое — я знал — было Ллуrom.

Некогда почти человек, Ллур теперь и отдаленно не напоминал его.

Хаос пожрал всех троих.

Гром затих.

Передо мной был алтарь Ллура, но в нем не было больше Окна. Все четыре его стороны были мертвым черным камнем!

15. Сам против себя

Темнота и черный камень были последним, что я видел, прежде чем непроглядная ночь сомкнулась вокруг меня, как бы обернув своими крыльями. Кажется, единственное, что еще удерживало меня на ногах — было то самое ужасное сопротивление Ллура, на последнем кошмарном этапе нашей борьбы. Когда он пал, пал и Ганелон, у подножья его алтаря без Окна.

Долго ли лежал я там — не знаю. Но медленно-медленно Кэр Ллур вновь начал проявляться передо мной, и я понял, что лежу, распростертый на его алтаре. Я с трудом сел. Все мое тело болело, и я чувствовал себя усталым, хотя понял, что спал. Но усталость от утомительной борьбы, закончившейся моим падением, еще оставалась.

Позади меня, у самой лестницы, лежала Фрейдис, свесившись на первые ступеньки, как будто она хотела вернуться к своему народу, прежде чем рухнуть в изнеможении. Глаза ее еще были завязаны, а мощные руки раскинуты в стороны, как будто она полностью лишилась сил в нашей борьбе с Ллуrom. Странно, но то, как она лежала здесь, напоминало мне — моей двойной памяти — о фигуре с Земли — другой могущественной женщине в белых

одеждах, с завязанными глазами и поднятыми руками — слепой богине Правосудия, держащей свои вечные весы. Я слабо улыбнулся этой мысли. В Темном Мире — моем мире — Правосудием отныне был Ганелон, и отнюдь не слепой.

Фрейдис зашевелилась. Одна ее рука неуверенно поднялась к появке на глазах. Я не мешал ее пробуждению. Пока еще мы должны были сразаться плечом к плечу — правосудие и я. Но я не сомневался, кто выиграет в результате.

Я поднялся с алтаря и услышал серебряный звон, что-то свалилось с моего плеча. Это была Маска, которая сломалась при падении. Ее хрустальные осколки лежали среди тех, которые недавно помогли мне изгнать Ллура из Темного Мира — осколки сломанного Меча. Я подумал о странных голубых молниях, которые сделали то, что никому не удавалось в Темном Мире — уничтожили Ллура. И я подумал, что понял, в чем дело.

Он слишком далеко ушел из этого мира, чтобы иметь возможность вернуться в него, кроме как на церемониях жертвоприношения — человек, демон, бог, мутация — кем бы он ни был — у него осталось только одно связующее звено с Темным Миром, который породил его. И эта связь была заключена в Мече под названием Ллур. Благодаря этому талисману он мог вернуться за жертвами, которые ему скармливали, вернуться на пышные церемонии посвящения, которые сделали меня его половиной — но только с помощью этого талисмана.

Поэтому он должен был быть надежно спрятан, этот мостик, по которому он мог вернуться. И он был надежно спрятан. Кто мог бы найти его без знаний Гаста Райми? Без силы Великого Лорда Ганелона... да, конечно, и силы Фрейдис тоже — кто смог бы подойти достаточно близко к Окну, чтобы разбить Меч о единственный предмет в Темном Мире, о который его можно было разбить? Да, Ллур охранял свой талисман лучше любого стража. Но и он был уязвим для того человека, который смог поднять этот Меч.

Поэтому Меч сломался, и мост между мирами исчез — Ллур рухнул в хаос, откуда уже не было возврата.

А вместе с ним и Медея — бывшая, потерянная любовь. Она ушла туда, откуда ее нельзя было позвать...

На мгновение я закрыл глаза.

— Ну, что, Ганелон?

Я поднял голову. Фрейдис хмуро улыбалась мне из-под сдвинутой повязки. Я поднялся на ноги и молча посмотрел на нее. Победное чувство переполняло меня большими теплыми волнами. Мир, который я только что пробудил, был сейчас целиком моим,

и ни эта женщина, ни какой другой человек не смогли бы сбить меня с пути к намеченной цели. Разве не победил я Ллура и не убил последних членов Совета? И разве не был я сильнее в колдовстве, чем любая женщина и любой мужчина, которые сейчас обитали в Темном Мире? Я засмеялся, и смех мой эхом прокатился по громадному просторному помещению. Но Ллура в нем теперь не было.

— Пусть теперь это будет Кэр Ганелон! — крикнул я, слушая эхо моего собственного имени, прокатившегося под огромными сводами, как будто замок отвечал мне.

— Ганелон! — закричал я. — Кэр Ганелон!

Я засмеялся, слыша, как все это необъятное пространство повторяет мое имя. Эхо еще не отзвучало, когда я обратился к Фрейдис.

— Теперь у вас, лесных жителей, есть неплохой новый господин! Я награжу тебя, старуха, за то, что ты помогла мне, но теперь господин Темного Мира — я, Ганелон!

И стены проревели мне в ответ:

— Ганелон! Ганелон!

— Не так быстро, член Совета, — сказала она спокойно. — Неужели ты думаешь, что я тебе доверяла?

Я презрительно улыбнулся ей в ответ.

— А что ты можешь сделать мне сейчас? До сегодняшнего дня только одно существо могло убить меня — сам Ллур. Но Ллура больше нет, и Ганелон бессмертен! Ты не в силах тронуть меня, старуха!

Она выпрямилась на ступеньках лестницы. Лицо ее находилось чуть ниже моего. В глазах ее была уверенность, от которой мне стало не по себе. И все же то, что я сказал, было правдой, потому что теперь ни один человек в Темном Мире не мог причинить мне вреда. Но, тем не менее, улыбка не сходила с губ Фрейдис.

— Когда-то я послала тебя через потусторонний мир на Землю, — сказала она. — Сможешь ли ты остановить меня, если я сделаю это еще раз?

Облегчение пришло вместо слабого чувства тревоги, которое я испытывал.

— Завтра или послезавтра я смогу остановить тебя. Но и сейчас я — Ганелон, и я знаю путь назад. Я — Ганелон! Я предупрежден, и, думаю, теперь тебе не удастся так легко послать меня на Землю, лишив памяти и снабдив воспоминаниями другого человека. Я помню все и смогу вернуться. Ты потеряешь и свое, и мое время, Фрейдис. Но все же попробуй, если хочешь. Но я

предупреждаю тебя, что успею вернуться обратно прежде, чем ты кончишь бормотать свои заклинания.

Ее спокойная улыбка не исчезла. Она скрестила руки, спрятав их в широкие рукава своего платья. Она была очень уверена в себе.

— Ты думаешь, что ты богоподобен, Ганелон, — сказала она. — Ты думаешь, что ни одна смертная сила не может победить тебя сейчас. И все-таки, ты позабыл только об одном. Также как у Ллура была своя слабость, и у Эдейри, и у Медеи, и у Матолча, также есть она и у тебя, член Совета. В этом мире нет ни одного человека, который мог бы сразиться с тобой. Но на Земле такой человек есть, лорд Ганелон! В этом мире живет равный тебе, и я вызову его для этой последней битвы за свободу Темного Мира. Эдвард Бонд может убить тебя, Ганелон!

Я почувствовал, как повеяло холодным ветерком, похожим на ледящее дыхание Эдейри, как кровь отхлынула от моего лица. Я забыл! Даже Ллур мог умереть от своей собственной невообразимой руки. Или от руки того второго я, которое для меня было Эдвардом Бондом.

— Дура! — сказал я. — Тупица! Разве ты забыла, что Бонд и я не можем находиться в одном и том же мире?! Когда появился я, он исчез с Земли, так же, как и я должен исчезнуть, если ты перенесешь его сюда. Как могут человек и его отражение стоять рядом рука об руку? Как может он тронуть хоть волос на моей голове, старуха?!

— Очень просто, — улыбнулась она. — Очень легко. Он не может драться с тобой ни здесь, ни на Земле — это верно. Но потусторонний мир, Ганелон? Неужели ты забыл о нем?

Руки ее показались из рукавов. В каждой из них сверкала серебряная трубка.

Прежде, чем я успел пошевелиться, она скрестила обе трубки перед своим улыбающимся лицом. На их пересечении мгновенно появились силы невиданной мощности, которые лились с полюсов мира, и которые можно было использовать лишь долю секунды, иначе вся планета разлетелась бы на куски. Я почувствовал, как вокруг меня все плывет.

Я ощутил, как Врата открылись.

Вокруг ничего не было видно, кроме темного, серого пространства. Я попятился от неожиданности, шока и ужасной волны гнева, которая захлестнула все мое существо при мысли об обмане Фрейдис. Этого нельзя было потерпеть — чтобы подданные Темного Мира играли в какие-то волшебные игрушки. Я обязательно попробую выбраться отсюда, и урок, который я преподнесу Фрейдис, будет наглядным для всех

На сером фоне я смотрел в зеркало. В зеркало? Я видел свое лицо, удивленное, непонимающее, глядящее прямо мне в глаза.

Но на мне не было изодранных голубых одежд жертвы, которые я одел так давно в Замке Совета. Казалось, на мне был земной костюм, и я был — не совсем я. Казалось, я был...

— Эдвард Бонд, — сказал позади меня голос Фрейдис.

Мое отражение посмотрело на меня через плечо, и на его лице отразилось невыразимое облегчение.

— Фрейдис! — вскричало оно моим собственным голосом. — Фрейдис, благодарение богу! Я так старался...

— Подожди, — перебила его Фрейдис. — Послушай. Перед тобой осталось последнее испытание. Этот человек — Ганелон. Он завершил начатое тобой дело — он уничтожил всех членов Совета и победил Ллура. Ничто теперь не сможет остановить его в Темном Мире, если он вновь туда вернется. Только ты сможешь остановить его, Эдвард Бонд. Только ты.

Я не стал ждать, пока она скажет что-нибудь еще. Я знал, что мне надо делать. Я ринулся вперед, прежде, чем он успел что-нибудь ответить или пошевелиться, и нанес тяжелый удар в лицо, которое могло быть моим собственным. Мне было очень страшно делать это. И очень тяжело. В последнее мгновение я чуть было не сдержал удар — мускулы мои почти отказались повиноваться мне.

Я увидел, как он отпрянул назад, и моя собственная голова тоже откинулась, так что мой первый удар потряс нас обоих.

Он остановился примерно в дюжине шагов, удержав равновесие, и несколько мгновений неуверенно стоял на ногах, глядя на меня со смущением, которое могло быть и на моем лице, потому что я тоже смутился.

Затем злость исказила эти черты, и я увидел, как кровь капает из угла его рта и течет по подбородку. Я свирепо рассмеялся. Эта кровь странным образом сделала его моим врагом. Я слишком часто видел кровь моих врагов, шарахающихся под моими ударами, чтобы спутать его сейчас с кем бы то ни было. Я сам — и мой смертельный враг.

Он пригнулся и пошел на меня боком, защищая тело от моих ударов. Я никогда не любил драться без оружия, потому что для меня битва не была спортом. Ганелон дрался, чтобы победить. Но эта наша битва была невероятно равной.

Он нырнул под мой удар, и я почувствовал, что моя скула сотряслась от того, что казалось моим собственным кулаком. Он отпрыгнул в сторону, танцуя на легких ногах вне пределов моей досягаемости.

Крик ярости вырвался из моего горла. Мне не нужно было это боксирование, эта игра по правилам. Ганелон дрался, чтобы выиграть!

Я заревел в полную силу своих легких и кинулся вперед, сильно сжал его в своем объёме и упал на серую пружинистую поверхность, которая была полом потустороннего мира. А мои пальцы сладострастно впились в его горло. Другой рукой я пытался выцарапать ему глаза.

Он вскрикнул от боли и напряжения, и я почувствовал, как его кулаки молотят по моим бокам, ломая ребра. Белая пелена боли застлала мой мозг.

Он настолько был мною, а я — им, что в первый момент я даже не понял, чье ребро сломано, и чьим ударом. Затем я глубоко вздохнул и чуть не потерял сознание от боли, пронзившей все мое тело — и только тогда понял, что это было мое ребро.

Это чуть не свело меня с ума. Не обращая больше внимания на боль, забыв об осторожности, я слепо и яростно молотил кулаками по его телу, чувствуя, как ломаются кости, как кровь течет по моим рукам. В неразрывных объёмах мы катались по земле этого потустороннего мира, в кошмаре, который не был реально-стью, и лишь боль поднималась во мне с каждым вздохом.

Но через пару мгновений я внезапно с уверенностью понял, что хозяин положения — я. И вот почему: он отскочил в сторону, чтобы нанести мне жестокий удар в лицо, но прежде, чем он его нанес, я уже парировал. Он вывернулся и попытался вновь ударить меня по ребрам. Прежде, чем он успел замахнуться для удара, я уже откатился в сторону. Я знал его тактику.

Знал потому, что когда-то сам был Эдвардом Бондом, до последней клетки. Я жил с его памятью в его мире. И я знал Эдварда Бонда так, как знал самого себя. Видимо, инстинкт говорил мне, что он сделает дальше. Он не мог обмануть меня, а, следовательно, не мог надеяться выиграть этот бой, потому что я знал каждое его движение в ту же секунду, как он его задумывал.

И тогда я рассмеялся, забыв даже о сломанном ребре. Наконец-то Фрейдис обманула сама себя! Отправив Ганелона с воспоминаниями Эдварда Бонда на Землю, она дала мне оружие, чтобы уничтожить его сейчас!

Он был мой, я мог прикончить его в любую минуту, и Темный Мир был моим, и Королевство свободных людей Эдварда Бонда, и все, даже золотоволосая Арле, было моим.

Я с наслаждением рассмеялся, точными ударами блокировал все его выпады и поверг ниц его самого; всего три движения —

и вот он уже лежит на моем колене, его спина жестко упирается в мое бедро.

Я усмехнулся. Моя кровь капала на его лицо. Я видел его — и внезапно, на какое-то мгновение, мне страстно захотелось проиграть эту битву. И в это мгновение я искренне молился неизвестному богу, чтобы Эдвард Бонд спасся, а Ганелон погиб...

Я призвал всю силу, которая еще оставалась во мне, и потусторонний мир поплыл перед моими налитыми кровью глазами, а боль в сломанном ребре сильнее пронзила тело, когда я последний раз глубоко вздохнул, и наш вздох был последним для Эдварда Бонда. О свое колено я сломал ему позвоночник.

16. Наконец — свобода

Две прохладные гладкие руки легли на мой лоб. Я посмотрел вверх. Руки скользнули ниже, закрывая мои глаза. И слабость окутала меня, как одеялом. Я стоял на коленях, не сопротивляясь, чувствуя, как тело человека, который был мной, соскользнуло вниз.

Фрейдис опрокинула меня, и так мы лежали бок о бок, живой и мертвый.

Серебряные трубки волшебницы дотронулись до моей головы и восстановили связь между Эдвардом Бондом и Ганелоном. Я вспомнил жезл Меден, который мог вытягивать жизненную силу мозга. Тупое, сковывающее онемение охватило мое тело. Нервы мои как будто задрожали, и я не мог пошевелиться.

Внезапно страшная боль пронзила меня... Моя спина! Я попытался закричать от ярости, но в горле пересохло. Я почувствовал на себе раны Эдварда Бонда! В этот кошмарный момент, когда моя мысль летела по бесконечному коридору, еще не познанному человеческой наукой, я понял, что сделала Фрейдис — что она сейчас сделала.

Я чувствовал, как воспоминания Эдварда Бонда маленькими волнами возвращаются из царства мертвых. Бок о бок мы лежали во плоти, и бок о бок — в духе.

Наступила полная тьма, и только две искорки разгорались холодным, ярким пламенем...

Одна была — мозг... жизнь Эдварда Бонда. Другая была — моя жизнь.

Два пламени нагнулись одно к другому и смешались! Жизнь, душа и мозг Эдварда Бонда смешались с жизнью Ганелона!

Там, где горели два пламени, горело теперь лишь одно. Лишь одно.

Личность Ганелона заколебалась, потонула... исчезла серой тенью, в то время, как огонь жизни Эдварда Бонда воспрянул еще ярче.

Мы были одним. Мы были...

Эдвардом Бондом! Ганелона больше не существовало! Не было больше Повелителя Темного Мира, господина Кэра!

Волшебство Фрейдис изгнало душу Ганелона и дало его телу возможность жить жизнью Эдварда Бонда!

Я увидел, как Ганелон умер!..

Когда я вновь открыл глаза, я стоял перед алтарем, некогда посвященным Ллуру. Вокруг нас расстиралось невообразимое пространство Кэра. Потустороннего мира не было. Не было больше тела на моем колене. Фрейдис улыбалась мне своей древней улыбкой, на которой не видно было следов времени.

— Приветствую тебя в Темном Мире, Эдвард Бонд!

...И это было правдой. Я твердо знал это. Я знал, кто я такой, хотя и находился в теле другого человека. Как в тумане, я заморгал глазами, затряс головой и поднялся с колен. Боль с такой силой пронзила мой бок, что я вскрикнул и позволил Фрейдис подбежать и поддержать меня своей могучей рукой. Все огромное здание закружилось перед моими глазами. Но Ганелона больше не было. Он исчез вместе с потусторонним миром. Исчез, как легкий дымок, как будто молитва, которую он вознес неизвестному богу, была услышана.

Я вновь был Эдвардом Бондом.

— Знаешь ли ты, почему Ганелон смог победить тебя, Эдвард? — мягко спросила Фрейдис. — Знаешь ли ты, почему тебе никак не удавалось победить его?

Дело не в том, что он думал. Я знаю, он считал, что может читать твои мысли, потому что он был долгое время тобой. Но причина не в этом. Когда человек бьется сам с собою, сын мой, этот человек никогда не бьется для того, чтобы выиграть.

Только тот, кто хочет покончить жизнь самоубийством, ненавидит себя. Глубоко внутри Ганелона таилось сознание собственного зла и ненависть к себе. Поэтому он и мог бить свое собственное отражение и предвидеть твои удары — в глубинах сознания он ненавидел самого себя.

Но ты заслужил собственное уважение. Ты не мог ударить так сильно, как он, потому что в основе твоей не лежит зло. Ганелон выиграл — и проиграл. В самом конце он даже не сопротивлялся тебе. Он убивал сам себя.

Голос ее упал до шепота. Затем она рассмеялась.

— А сейчас иди, Эдвард Бонд. В Темном Мире есть еще очень много дел!

И, опираясь на ее руку, я стал спускаться по той высокой лестнице, по которой взбирался Ганелон. Снаружи я увидел зеленое сверкание дня, шелест листьев и ждущих меня людей. Я помнил все, что помнил Ганелон, но на его воспоминания теперь уже навеки были наложены воспоминания Эдварда Бонда. Я знал, что только так и можно управлять Темным Миром.

Всегда вместе, два близнеца в одном теле, и контроль — всегда мой, Эдварда Бонда.

Мы вышли в пустынную колоннаду; на мгновение дневной свет ослепил меня после крошечной тьмы. Затем я увидел лесных жителей, взволнованно строящихся в ряды вокруг Кэра, и увидел бледную девушку в зеленой одежде с нимбом развевающихся вокруг головы волос. Она повернула ко мне свое счастливое лицо.

Я позабыл о боли в боку.

Волосы Арле, как туман, скрыли нас обоих, когда мои руки обняли ее. Возбужденные крики лесных жителей пронеслись далеко в воздухе и заставили гигантские стены Кэра заговорить эхом.

Темный Мир был свободен и принадлежал нам.

Но Медея, Медея, сладостная ведьма, как бы мы правили вместе!

ИСТОЧНИК МИРОВ

Роман

Из окна отеля Клиффорд Сойер мог видеть огни Фортуны, горящие в полярной мгле: мелкую россыпь огней шахтерского лагеря, голубые огни больницы, ярко-желтые огни домов и офисов. Отсюда он не мог различить шахту, но зато ощущал ее присутствие. Глубокие, равномерные, почти не воспринимаемые органами чувств удары никогда не прекращались. И днем, и ночью, вот уже семнадцать лет, с тех пор как в 1958 году открылась шахта, под полярной шапкой работали насосы. Многим нужна была урановая руда, и правительство тоже хотело получить свою долю.

Он увидел отраженную в стекле девушку, которая нетерпеливо шевельнулась. Клиффорд повернулся к ней, думая, что никогда не видел глаз такой формы и цвета, как у Клей. Форд. В ней было что-то экзотическое, и сейчас он пытался вспомнить, что же он прочел о любопытном прошлом этой девушки, когда копался в архивах Королевской комиссии по атомной энергии в Торонто. Она два месяца назад получила в наследство половину урановой шахты.

У нее были блестящие волосы цвета жженого сахара, гладкий лоб и круглые глаза глубокого голубого цвета. Сойеру очень нравилось, что передние зубы у нее чуть виднелись из-под губы. В этом было что-то манящее, соблазнительное, что заставляло его вспомнить о Лизе Волконской из «Войны и мира», у которой

прелестная маленькая губка тоже была коротка и не прикрывала передних зубов. Форма скул Клей Форд, и то, как были посажены ее глаза, завораживали его. Он еще никогда не видел таких лиц, а опыт у него в этой области был большой. Сойер улыбнулся ей. У него были очень белые зубы, загорелое лицо, а волосы и глаза были чуть светлее его кожи. Он излучал атмосферу человека, находящегося в полном согласии с жизнью и знающего, что он всегда сможет приспособиться к новым условиям, если таковые возникнут.

— Я сделаю все, что смогу, — сказал он, пытаюсь оценить странный акцент, с которым говорила эта необычная девушка. — Правда, у меня даже нет пистолета. Обычно я работаю с вычислительными машинами, а не с револьверами. Может быть, вы расскажете мне побольше? Председатель Комиссии не послал бы меня сюда, если б не был уверен, что я сумею разрешить эту проблему по-своему. Вы сказали — привидения?

— Да, привидения, — твердо заявила девушка с тем же странным акцентом, который действовал на Сойера так, как действует старая мелодия, которую не можешь вспомнить. — Они уменьшают наши доходы. Шахтеры отказываются работать на некоторых уровнях.

А наши химики докладывают об уменьшении процентного содержания урана в руде.

Она шевельнула пальцами и встревоженно посмотрела на него.

— Шахта заколдована. Я не сошла с ума, мистер Сойер, но я уверена, что мой партнер очень хотел бы, чтобы вы так подумали. Этот человек хочет закрыть шахту. Я думаю.., — она сжала ладони и испытующе посмотрела на Сойера. — Я знаю, что говорю, как сумасшедшая, — но кто-то хочет убить меня!

— Вы можете это доказать?

— Могу.

— Хорошо. А что касается закрытия шахты, то я не думаю, что Комиссия позволит это. Так что если вы беспокоетесь о...

— У Комиссии не будет выбора, если в руде не будет урана, — девушка помолчала. — В конце концов, правительство финансирует шахты, только пока они дают прибыль. А Альпер.., — она замолчала, глубоко вздохнула и встретила спокойный взгляд Сойера.

— Я боюсь его, — сказала она. — Он очень странный старик, полусумасшедший.

Он что-то нашел в шахте. Вернее, кого-то...

Она замолчала и неуверенно улыбнулась.

— Это бессмысленные слова. Но ведь пленка не солжет, да? Ведь пленка, отснятая в шахте, может быть свидетельством? Вот почему я и вызвала вас, мистер Сойер. Я хочу прекратить все до того, как мы с Альпером сойдем с ума. На восьмом уровне есть женщина, или тень женщины. О, я понимаю, как это звучит! Но я могу показать вам ее.

— Привидение? — поинтересовался Сойер.

Он внимательно смотрел на нее, стараясь думать о ее словах. Верить или не верить словам было еще не время.

— Нет. Она похожа на.., — она задумалась и неуверенно произнесла. — Она похожа на колосья.

— Колосья, — задумчиво повторил Сойер. — Понимаю. А вы не считаете, что он встретит одну из женщин Фортуны в шахте?

— О, нет. Я знаю всех женщин Фортуны. Кроме того, это не реальная женщина. Через минуту вы поймете, что я имею в виду. Альпер запретил мне спускаться на Восьмой уровень; и шахтеры тоже там не работают. Но сам он спускается туда и говорит с этой... этой тенью женщины. А когда он возвращается, он... он пугает меня. Теперь я боюсь ходить одна. Я взяла с собой двух мужчин, когда проверяла камеру на Восьмом уровне. Может, это смешно — бояться такого старика, как Альпер. Ведь он даже не может ходить без трости. Но...

— Нет, — осторожно сказал Сойер. — Вы совершенно правы относительно Вильяма Альпера. Он может быть опасен. У нас на него большое досье. Раньше ему бы не позволили появляться возле шахты, пусть даже она принадлежит ему. Альпер все еще находится в списке потенциально опасных людей. Частично потому, что он опытный инженер, частично из-за его странностей.

— Я знаю, — девушка кивнула. — Он странный человек. Я не думаю, что он когда-нибудь проиграл хоть в чем-нибудь за всю свою жизнь. Он убежден, что он — единственный человек в мире, который всегда и во всем прав. Он решил закрыть шахту, и когда я говорю — нет — это сводит его с ума. У него навязчивая идея власти, мистер Сойер. Сейчас его воле подчиняется столько людей, что он считает себя таким же твердым и непреклонным, как закон всемирного тяготения.

— Он стал стар, — сказал Сойер. — И это его страшит. Многие люди примиряются с возрастом, но я сомневаюсь, что Альпер сможет это сделать.

— Он вовсе не такой старый, — возразила Клей Форд. — Просто он изнурял себя всю жизнь. Сейчас он это делает и с другими. Но теперь он расплачивается за все, — и это приводит

его в ярость. Я думаю, что он сделал бы все, что угодно, лишь бы вернуть себе молодость. И, кажется, он думает, что у него есть возможность для этого, мистер Сойер. Эта женщина... тень..., с которой он встречается в шахте — играет на этой струнке. Она может заставить его сделать все. И, кажется, она хочет избавиться от меня.

Сойер смотрел на девушку немигающим взглядом.

— Эта женщина в шахте, — сказал он, — заставляет меня задать вам один личный вопрос, мисс Форд. Странная женщина, появившаяся ниоткуда в шахте... Именно это вы имели в виду, когда говорили, что что-то произошло?

— О, боже! — воскликнула Клей Форд несчастным голосом.

— Я пытаюсь понять ваш акцент, — продолжал Сойер с холодной решимостью. — Не можете ли вы сказать мне, мисс Форд, в какой стране вы родились?

Она резко вскочила, оставив в кресле свое меховое пальто с капюшоном, и начала расхаживать по комнате. Затем неожиданно повернулась к нему.

— Вы все великолепно знаете! — отрезала она. — Не нужно валять дурака!

Сойер улыбнулся и покачал головой.

— Я знаю, но не верю в это. Естественно, Председатель Комиссии приказал провести полное расследование, когда вы... появились здесь, но...

— Я не знаю, кто я, — сердито прервала его девушка. — Я не знаю, откуда я. Что я могу сделать, если у меня акцент? Я же не специально так говорю! Как бы вам понравилось, если бы вы однажды утром проснулись с полной амнезией в урановой шахте, о которой вы никогда раньше не слышали и не имели понятия? — Она обхватила себя руками и вздрогнула. — Мне это очень не нравится, но я ничего не могу поделать.

— Если бы вы исчезли с урановой шахты, чтобы появиться в..., — начал Сойер.

— Я здесь ни при чем!

— ...Мы бы сейчас не ощущали такой растерянности, — невозмутимо продолжал Сойер. — И мы бы тогда не очень старались найти какое-нибудь объяснение тому, что произошло с вами. Но мы до сих пор ничего не знаем о вас. И, боюсь, что никогда не узнаем.

Она покачала головой.

— Все, что я помню — это пробуждение в сырой шахте. Я знала только свое имя — Клей. Старый Сэм Форд нашел меня,

заботился обо мне и даже удочерил меня, хотя тоже не имел понятия, откуда я, — Голос ее смягчился. — Сэм был очень добрый, мистер Сойер. И такой одинокий. Он ведь один занимался шахтой — Альпер финансировал ее, но никогда не появлялся здесь, пока старый Сэм не умер.

— Может быть, мисс Форд, — предположил Сойер. — Вы связываете ваше собственное появление в шахте с появлением этой странной женщины? Другая женщина, подобная вам, которая...

— О, совершенно непохожая на меня! — мгновенно возразила девушка. — Она одна из Извергов, а они — боги. — Затем, увидев изумленный взгляд Сойера, она ладонью закрыла рот, ахнула и спросила:

— Почему я сказала это? Откуда я узнала? Подождите, подождите, я, кажется, начала вспоминать. Это слово — Изверг... Оно что-нибудь означает на английском?

— Я никогда не слышал его. Постарайтесь вспомнить.

— Я не могу, — Клей замотала головой. — Оно исчезло. Когда я появилась здесь, я изучила английский. Во сне, с помощью магнитных лент. Но этого слова я не знаю, оно не английское. Оно часть моих слов... О, это чепуха. Я могу кое-что доказать.

Она закатала рукав блузки, морщась, отклеила от кожи липкую ленту, которая держала магнитную кассету с пленкой.

— Вы не представляете себе, как это было трудно, — сказала она. — Я спрятала камеру в Восьмом уровне, тщательно замаскировала ее и заэкранировала от радиации. Но даже это не помогало, когда приходили привидения. Кажется, они сделаны из радиации. Пленка чернела полностью. Но... впрочем, подождите.

Она прошла через комнату, достала из шкафа маленький проектор.

— Поверните ту картину. На обратной стороне — экран. Вы видите, что я все приготовила. С тех пор, как я вытащила пленку из камеры, я ни разу не выпустила ее из рук. Я все сделала сама. Благодарю бога, что Альпер ничего не знает. Я не хочу, чтобы он знал о том, что я обращалась к вам, пока я не предоставлю достаточно доказательств, чтобы защитить себя.

Она щелкнула выключателем. Белый луч скользнул по стене и заплескал на экране. На белом квадрате появились темные стены. Внезапно Клей спросила почти истерическим голосом:

— Мистер Сойер, вы ни разу не спросили меня о привидениях.

— Верно, — ответил Сойер. — Не спросил.

— Потому что вы не верите мне? Но это правда! Они выходят из камней. Я думаю, что именно поэтому мы их редко видим, —

теперь она говорила торопливо, как безумная. — Неужели вы не понимаете? Сколько под землей шахт? Это просто случайность, что они попадают в шахты. И люди видят их, как... вспышки пламени...

На экране что-то сверкнуло.

Девушка неуверенно засмеялась.

— Это не привидения. Просто вспышка. Смотрите. Начинается...

Луч двигался по камню, по его влажной и сверкающей поверхности, испещренной следами буров и отбойных молотков. Вот к мерному жужжанию насоса прибавился другой звук — звук тяжелых шагов человека и звяканье трости о камни. На экране появилась фигура, еле различимая во мраке. Сойер насторожился. Маленький квадрат экрана вдруг стал для него реальностью. Он услышал знакомый грубый голос Альпера, который повелительно звал кого-то:

— Нете! Нете! — и весь туннель наполнился многократно отраженными звуками его голоса.

— Смотрите! — прошептала девушка. — Слева... видите?

Это было похоже на отражение от камня. Только на те камни свет не падал и отражаться было нечему. Это было похоже на женщину, очень высокую и стройную женщину, склонившуюся к Альперу, которого почти не было видно, с нечеловеческой грацией и гибкостью. Но вот зазвенела вода, закапала, заструилась по камням — нет, это был смех женщины — чистое серебро, холодный, нечеловеческий, как и ее движения.

Послышался голос, похожий на музыку. Он говорил на английском, но со странным акцентом. Точно таким же, как у Клей, понял Сойер. Он искоса взглянул на девушку, но она не отрывала взгляда от экрана. Губы ее приоткрылись, и стали видны прелестные зубки.

Слова были неразличимы. Эхо и смех мешали воспринимать их. Кроме того, сама женщина то появлялась, то пропадала, и голос пропадал вместе с нею.

Но вот заговорил Альпер. Он почти кричал и отчаяние слышалось в его голосе.

— Нете? Ты здесь?

Смех, как музыка, чистый и звенящий.

— Нете! Ты опоздала! Ты на три дня опоздала. Ты думаешь, я могу долго обходиться без энергии?

Мягкий сильный голос, подобный музыке, беззаботно ответил:

— Кто думает о тебе, старик? Кому интересно, сколько ты проживешь? Ты убил девушку?

— Я не могу убить ее, — сердито ответил Альпер. Луч камеры следовал за ним, когда он двигался. — Ты не понимаешь. Если я сделаю это, у меня будут большие неприятности. И кто тогда станет поставлять вам руду? Если она умрет, я даже могу потерять шахту. У меня есть хорошая идея, и я сейчас работаю над ней. Еще несколько дней...

— Кого беспокоит, если умрет Хом? — перебил музыкальный голос. — Она только Хом. Она ничего не стоит, как и ты, старик. Почему я трачу на тебя время?

— Я же говорю, что у меня есть идея! Дай мне неделю! Дай мне наконец энергию, и я установлю контроль над шахтой. Я закрою ее. Я клянусь, что закрою ее насовсем и продам вам. Только дай мне энергию, Нете! Я говорю тебе, что я почти...

— Нет, — ответил музыкальный голос. — Хватит. Я устала от тебя, старик Хом. Я сама покончу с девчонкой.

Альпер рванулся вперед и теперь на экране была только его широкая спина. Ноги шаркали, трость звенела по камням. Отчаяние было в его голосе.

— Мне нужна энергия! — кричал он. Стены отражали голос и создавалось впечатление, что они сами кричат: — Энергия! Энергия! — хвастаясь тем, что находится в них: — Мне нужна энергия, Нете!

— Хватит, — безжалостно ответила Нете. — Пока ты не убьешь девушку, ты ничего не получишь.

— Если бы ты понимала, — горько сказал Альпер. — Если бы ты когда-нибудь вышла на поверхность, ты поняла бы меня. Кто ты, Нете? Что ты такое?

Холодный звенящий смех заполнил туннель.

— Спроси меня об этом через три дня, — сказала тень. — Богиня, богиня... О, возвращайся, старик, и делай, что хочешь, но ты не получишь энергии, пока не убьешь девушку.

— Нет! — закричал Альпер. — Нете, мне нужна энергия! Я не могу без нее ничего сделать! Нете!

Высокая тень склонилась над ним, нечеловечески грациозная, расплывчатая во мраке, со смехом, похожим на звук падающей воды, стекающей с камней.

— Гуд бай, старик, — сказала она. — Ты ничего больше не получишь.

Тень растаяла, и Альпер бросился туда, где она только что стояла. Его отчаянный крик бесконечным эхом разнесся по туннелю. Луч фонаря прыгал по стенам, отыскивая тень женщины.

Затем пленка кончилась. Изображение погасло и остался только белый квадрат на стене.

Сойеру понадобилось время, чтобы вернуться в реальность. Еще несколько секунд он оставался в туннеле, слыша уханье насоса и звон капель воды. Впечатление было настолько полным, что он не сразу осознал, что находится в комнате отеля, и на него смотрит девушка по имени Клей Форд. Смотрит встревоженными голубыми глазами.

— Ну? — нетерпеливо спросила она. — Что вы скажете?

Сойер бросил на нее быстрый взгляд, затем подошел к окну и стал смотреть на огни Фортуны, сияющие в полярной ночи. Он достал сигарету, закурил ее, выпустив голубой дым в стекло.

— Я скажу, что думаю об этом. Совсем не то, что ожидаете вы. Я не думаю, что какое-то таинственное создание из другого мира уговаривает Альпера продать душу. Но пленка действительно интересна. Председатель комиссии будет заинтригован. Хотя вполне возможно, мисс Форд, что нас кто-то дурачит.

— Этого не может быть, — горячо заговорила девушка. — Я ни разу не выпустила пленку из рук. Но... хватит об этом. Кто такая Нете? Что вы думаете?

— Я думаю, что некто хочет получить контроль над шахтой. Это очевидно. Есть страны, которые мечтали бы заполучить больше урановой руды. Это просто хитроумная инсценировка, чтобы сыграть на навязчивой идее старика. Вы помните, что говорил Альпер об энергии?

Девушка покачала головой.

— Я ничего не понимаю. Но, кажется, что я кое-что вспоминаю. Это происходит краткими вспышками, как будто на мгновение отодвигается какой-то экран у меня в мозгу. Но Нете.., — она вздрогнула. — Нете меня пугает.

— Это единственная из пленок, которую вы засняли и на которой что-то получилось? — спросил Сойер. — Я хочу вернуться в Торонто со всеми материалами. Я верю, что вы в опасности. Значит, я должен действовать, чтобы обеспечить вашу безопасность. В данном деле видится много интересных возможностей.

— У меня заряжена и установлена еще одна пленка, — сказала девушка. — Может, мне забрать ее?

— Это было бы очень интересно. Но... там, на Восьмом уровне, не опасно для вас?

— Я никогда не хожу одна, — прошептала она, заворачиваясь в меха.

Сойер помог ей накинуть пальто.

— Я пойду, — сказала она. — Мне хотелось бы взглянуть на...

Дверь вдруг затряслась под градом ударов. И чей-то грубый голос прокричал:

— Открывайте дверь!

Сойер бесшумно подошел к проектору, вытащил пленку, смотрел ее в кассету, и сунул в карман.

— Это Альпер! — вскрикнула Клей, безумным взглядом обшаривая комнату. — Он не должен видеть меня здесь! Он не должен знать!

— Успокойтесь, — кивнул Сойер. Он достал ключи на кольце. — Я не люблю квартир с одним входом. И выпущу вас отсюда незаметно. Подождите меня. Я не хочу, чтобы вы пошли в шахту одна. Вы понимаете?

— Да, да, — она тряслась, натягивая капюшон. — Быстрее!

Снова раздался стук, от которого задрожали стекла.

— Сойер! — раздался грубый голос. — Вы дома?

— Иду, — спокойно ответил Сойер, шепотом добавив: — Сейчас уходите и помните, что я сказал.

Он запер за ней дверь, улыбаясь тому, как поспешно она покинула его дом. Затем лениво повернулся и открыл дверь, когда новый стук уже сотрясал ее.

— Входите, Альпер, — сказал он вежливо и невозмутимо, хотя лицо его выражало напряженное ожидание.

Человек заполнил собой весь дверной проем. Мгновение он стоял на пороге, опираясь на трость и обыскивая комнату острым взглядом из-под густых бровей.

«Он похож на тролля», — подумал Сойер. Крепкая приземистая фигура старого великана, которого годы придавили так, что теперь он не мог обходиться без трости. Массивное лицо прорезали глубокие морщины и складки. Два маленьких холодных серых глаза смотрели с неприязнью на Сойера из-под лохматых бровей. Голос, подобный приглушенному органу, прогудел:

— Вы помните меня, мистер Сойер?

Он не стал ждать ответа, а шагнул вперед, так что Сойеру невольно пришлось посторониться. Он шел вперед с такой мощью, что, казалось, воздух сжимается перед ним. Глаза старика сверкнули, когда он увидел экран на стене.

— Дайте мне стул, мистер Сойер, — сказал Альпер, опираясь на трость. — Мне нелегко стоять и ходить. Я старый человек, мистер

Сойер. Благодарю, — он тяжело опустился на стул, поставив трость между колен. — Я вижу, вы смотрели очень интересный фильм, — сказал Альпер и посмотрел на Сойера безразличным взглядом.

Сойер удивленно поднял брови:

— О?

— Я тоже смотрел, — сказал Альпер. — Это вас не удивляет? Отель был построен еще в то время, когда уран был материалом в высшей степени секретным. Сэм Форд и я незримо присутствовали на многих тайных конференциях, которые происходили в этом отеле. Но ни одна из них не была столь важной, как то, что я видел сейчас.

Он перевел дыхание и остановил на Сойере свой тяжелый взгляд.

— Я пришел сюда, мистер Сойер, чтобы сделать вам предложение.

Сойер вежливо улыбнулся.

— Боюсь, вы недооцениваете мои слова, — сказал Альпер. — Позвольте ввести вас в курс дела поподробнее. Я готов предложить вам...

И он минуту подробно говорил о своем предложении. Когда он закончил, Сойер снова рассмеялся, очень вежливо покачал головой и затем вновь замолчал, выжидая, что будет дальше.

Альпер испустил тяжелый вздох.

— Молодые люди так глупы, — сказал он. — Вы сейчас можете исповедовать идеализм. Но когда достигнете моего возраста, для вас многое станет другим.

Казалось, Альпер над чем-то задумался. Затем он тряхнул головой.

— Мне не хотелось бы делать этого, но... — Он полез в карман, достал какой-то предмет и протянул Сойеру. — Возьмите. Что вы об этом думаете?

Сойер осторожно взял пальцами маленький металлический диск с закругленной нижней частью. Диск был размером с таблетку аспирина. Сойер внимательно осмотрел его.

— Это мое изобретение, — самодовольно сказал Альпер. — Передатчик, трансивер. Он излучает и принимает звук. Но звук не простой. Я не знаю, насколько вы знакомы с системами коммуникации. Основным ограничением в таких системах являются собственные шумы. Например, мозг человека — это тоже система коммуникации. Биение сердца, шум тока крови по артериям и сосудам, шум дыхания... Обычно мы не замечаем этих звуков, но их можно услышать.

Альпер откинулся на спинку кресла и рассмеялся. Сойер заметил неприязнь в этом смехе. Может, старик ревнует к молодости?

— Это и есть такой усилитель, — сказал он.

Диск начал вибрировать в руке Сойера. Тот посмотрел на руку Альпера, которая была в кармане.

— Это вы заставляете диск вибрировать? — спросил он.

Старик кивнул.

— А почему, — осторожно спросил Сойер, — вы показываете мне это?

— Честно говоря, — сказал Альпер и внезапно усмехнулся, — я могу сказать правду. Я сделал это для головы Клей Форд. Мне немного не по себе от того, что вы видели ту унижительную роль, которую я только что играл на этой пленке.

Вы видели, что я просил то, что мне необходимо. Вы видели, что я получил отказ. Отлично. Вы также слышали мое заявление о том, что у меня есть способ поставить Клей Форд на колени. Это не пустая похвальба, мистер Сойер. Мой передатчик сможет сделать это.

Сойер посмотрел на него, заинтересованный и встревоженный.

— Я могу доверять вам, — саркастически сказал Альпер. — Больше, чем вы предполагаете. Единственно, я рискую сделкой с тем... с той, с кем я говорил в шахте.

— Неужели она вас действительно убедила, — сказал Сойер, — что владеет источником молодости?

— Вы идиот! — неожиданно резко крикнул Альпер. — Что вы знаете о молодости? Неужели вы думаете, что всякие мумбо-юмбо могут одурачить меня? Как вы думаете, откуда приходит энергия, которой вы брызжете, вы, — молодые?! От Солнца! С помощью фотосинтеза энергия превращается в горючее для ваших организмов. Эта энергия может передаваться от одного организма к другому. Вы поверите мне... позже.

Есть одно, во что человечество не может поверить. Мефистофель не покупал душу Фауста. Я это знаю. Фауст сам убедил дьявола, что его душа представляет ценность, он заставил купить свою душу. И я хочу убедить Нете, что могу быть полезен ей. Я знаю, что она требует взамен энергии, которая мне необходима. Жизнь Клей в моих руках, и я могу устранить ее, так что Нете вовсе не нужно убивать ее. Ведь тогда начнется расследование... И это будет ужасно.

— И вот я разработал для Клей этот передатчик. Но я вижу, что теперь передо мной встало другое препятствие, и я пригото-

вился к этому, — он рассмеялся. — Ну что ж, начнем, — сказал он.

Альпер был очень неуклюжим человеком. Он был стар и слаб, и то, что он сделал сейчас, выглядело совершенно невероятным. Он встал и выпрямился. Он резко оттолкнул от себя трость, которая зазвенела, катаясь по полу. Троль все еще оставался медлительным и неуклюжим, но он уже не был согбенным и старым. Какая-то могучая энергия преобразовала его, пройдя через него подобно электрическому току. Он не стал молодым. Это было нечто другое, менее естественное, менее объяснимое, что внезапно восстановило его физические силы.

Сойер услышал звон трости, но не понял, что же произошло. Он был молод, силен, с хорошей реакцией, но его реакция не могла сравниться с нечеловеческой реакцией старика. Прыжок Альпера через пространство, разделяющее их, был подобен скачку электрической искры между двумя электродами, к которым подано высокое напряжение. Этот прыжок не мог быть вызван силами мышц. Никакие мышцы не способны сделать такое. Огромное тяжелое тело Альпера привели в движение не мышцы и суставы, а нечто другое.

Трость зазвенела. В то же мгновение тело Альпера обрушилось на Сойера, отбросив его на несколько футов и впечатав к стене. Руки сомкнулись вокруг его горла. Комната поплыла перед глазами Сойера. Он смутно ощутил, как что-то давит на его череп.

И вдруг все прекратилось.

Давление на череп исчезло, и он уже мог собраться с мыслями, чтобы отбросить Альпера. Как только упала трость, мозг Сойера послал приказ телу приготовиться, но неожиданный прыжок Альпера произошел до того, как мышцы Сойера приготовились встретить нападение. Теперь эта доля секунды прошла, и Сойер нанес страшный удар в живот Альпера в тот самый момент, когда силы покинули старика.

Все произошло мгновенно. И кончилось тоже мгновенно. И этого было достаточно.

Альпер согнулся от удара, беспомощный, как мешок с мукой. Он тяжело опустился на пол, оперся на одну руку и посмотрел из-под опущенных густых ресниц на Сойера. Странная улыбка гуляла по его побледневшему лицу.

— Подай мне трость, — сказал Альпер.

Сойер массировал горло одной рукой, а второй осторожно ощупывал свою голову, самую макушку, где он испытал непривычное давление. Он не смотрел на Альпера.

Как только он отбил нападение, легкое пощипывающее давление на голову, на вершушку черепа, стало его новой проблемой.

— Подай мне трость, — снова сказал Альпер. — Сойер! Иначе я научу тебя прыгать. Ну!

Как только прозвучало «Ну!», череп Сойера как будто раскололся на две части.

Молния проникла в голову, в самую глубину мозга. И через пересечение голубых молний Сойер увидел зловеще улыбающегося Альпера. Клиффорд сжал ладонями голову, чтобы расколотый череп не развалился на части. И пока молнии сверкали перед его глазами, он не мог ничего делать, кроме как терпеть и сжимать руками виски.

Но наконец все кончилось. И тогда Сойер поднял старика на ноги. Дикая ярость владела им, когда он вспоминал о только что пережитых мучениях.

— Спокойнее! — ухмыльнулся Альпер. — Спокойнее! Ты опять хочешь этого? Подай мне трость!

Сойер испустил долгий нервный вздох.

— Нет, — сказал он.

Альпер вздохнул.

— Ты нужный человек, — сказал он. — Я могу с легкостью убить тебя. Я могу превратить твой мозг в такое желе, что ты вечно будешь повиноваться мне. Но тогда ты не сможешь приносить пользу. Ни мне, ни кому-нибудь другому. Будь благоразумен, Сойер. Почему бы нам не сотрудничать? Или ты предпочитаешь умереть?

— Скорее я убью тебя, — сказал Сойер, все еще сжимая голову руками и глядя на старика с ненавистью. — Я убью, как только смогу.

— Ты никогда не сможешь, — констатировал Альпер. — Хочешь, я докажу тебе еще раз? Это произойдет мгновенно, как удар молнии. И ты не успеешь притронуться ко мне. Ты ведешь себя глупо, Сойер. Я хочу поговорить с тобой, но сначала подай мне трость. Считаю до трех. И если ты не дашь мне трость, то получишь еще один урок, мой мальчик.

Сойер стиснул зубы.

— Нет, — сказал он, и тут же на него обрушился удар грома. Он потерял разум, сейчас им управляла только тупая решимость животного — не подчиниться, пусть даже он погибнет. Он знал, что если сейчас поддастся Альперу, то навсегда станет его слугой, и ни молнии, ни дикая боль, ни разрывающийся мозг не могли заставить его отказаться от своего намерения.

— Нет, — бросил он Альперу и приготовился ко всему, что может с ним случиться.

— Раз, — сказал Альпер.

— Нет.

— Два...

Сойер бессмысленно улыбнулся и неожиданно для себя самого кинулся на Альпера, стараясь схватить его за горло.

Молния расколола голову, и в ее пронзительном ударе исчезла комната. Последнее, что он видел, это летящий на него пол.

Когда зрение снова вернулось к нему, он увидел Альпера в нескольких футах от себя. Старик тянулся к трости. Он тяжело дышал и смотрел на Сойера блестящими спокойными глазами.

— Ол райт, — сказал Альпер. — Ты совершенный болван, Сойер. Я сам взял трость. Ты уже пришел в себя? Я немного перестарался. Вставай, бери стул и садись. Нам нужно поговорить. Прежде всего я хочу сжечь пленку, — он осмотрел комнату. — Вот эта металлическая корзина мне подойдет. Итак, дай мне пленку, Сойер.

Сойер с трудом выговорил.

— Подойди и возьми сам...

Альпер улыбнулся.

Легкий дым от сгоревшей пленки растаял в комнате. Сойер, тяжело дыша, откинулся на спинку кресла и смотрел на старика. Любопытно, что после таких адских мучений у него не осталось никаких последствий. Он чувствовал себя совершенно нормально. Но мозг начинал мучительно болеть, как только он вспоминал о том, что ему пришлось пережить — Альпер опять способен сделать то же самое. О чем сейчас говорит Альпер?

— Ты должен понять, что с тобой произошло. Если ты откажешься делать то, что я скажу, — ты умрешь. Мне бы хотелось сотрудничать с тобой, ты хороший парень; даже лучше, чем я предполагал. Я восхищаюсь тобой. Но если ты откажешься, я убью тебя. Ясно?

— Нет, — ответил Сойер и поднял руку к голове. — Неужели ты хочешь оставить меня с этим?

— Конечно, — кивнул Альпер. — Давай, попытайся убрать передатчик. Ты не сможешь сделать этого, не убив себя. Танталовые электроды контактируют с твоим мозгом — через отверстие в черепе, которое с возрастом зарастает. К счастью, ты еще достаточно молод, и твое отверстие, к счастью, еще не заросло.

Сойер опустил руку. Он все еще думал, что если бы смог убить Альпера, то мог бы избавиться от мучений, или по крайней

мере, мог погибнуть. Но он решил подождать — может быть, перед ним откроется лучший путь. Тем более, что Альпер был настроен говорить.

— Возможно, я сам не смогу удалить передатчик, — сказал Соьер. — Но врачи смогут это сделать.

— Пожалуй. Согласись, что это первоклассный прибор.

— Да, — угрюмо ответил Соьер. — Где ты его взял?

Альпер хмыкнул.

— Я и сам неплохой инженер. Правда, должен признать, что идея не моя. Я просто немного ее доработал, увидев возможности, которых не заметил изобретатель. Миниатюрное электростриктивное устройство, преобразующее давление звука в электрические сигналы, и наоборот. О, я сразу увидел возможность для усовершенствования. Я просто предположил, что звук, как и свет, может отражаться, и может усиливаться... Да, мой друг, передатчик воспринимает звуки, которых обычно не слышишь. Принимает, усиливает и излучает прямо в височную кость, в твой слуховой аппарат. И ты слышишь звуки, по сравнению с которыми Иерихонская труба всего лишь шепот.

Он рассмеялся.

— Ты знаешь, как действуют ультразвуковые сигналы? Разбивают стекло вдребезги. Сжигают дерево, разрывают человеческий мозг на части. Мистер Соьер! Ты еще должен помнить об альфа и каппа волнах, которые распространяются в мозгу. Я уверен, что мой передатчик усиливает и их. Самое главное, что ты не сможешь избавиться от этого. Теперь оно твое, так же как дыхание, кровь и мысли. И никто, кроме тебя, не будет слышать сигналов. Так что это безумие для тебя, мой мальчик. В конце концов ты согласишься делать то, что я прикажу.

Старик посмотрел на Соьера не без симпатии, и рука Соьера невольно сжалась в кулак.

— Еще одно, — быстро кинул Альпер. — Не сомневаюсь, что тебе очень хочется убить меня. Не надо. Это ничего не решит. Теперь мы связаны с тобой. Если ты удалишь передатчик, или убьешь меня, — ты умрешь.

Кровожадная улыбка скользнула по его лицу.

— Мой прибор не только передатчик. Он может действовать, как микрофон. А у меня приемник, — Альпер хлопнул по карману. — Он настроен так, что принимает сигналы микрофона. Для тебя, разумеется, это не очень удобно, но зато я буду знать все твои разговоры. Так что, когда ты пойдешь с Клей Форд в шахту и

заберешь пленку, я буду в точности знать, что будет на пленке. Правда, я думаю, что на этот раз там ничего не будет.

— Итак, — сказал Альпер, показывая всем видом, что разговор заканчивается. — Ты будешь сообщать мне о том, как пойдут дела дальше. А пока ты сообщишь по радио в Комиссию, что здесь просто ложная тревога. Что касается этой девушки — Клей, то для нее самое безопасное — уехать отсюда. Если удастся доказать, что у нее были галлюцинации, то ей необходим годовой отдых где-нибудь в санатории. И у Нете уже не будет необходимости убивать ее. А она убьет без сожаления, если Клей будет совать свою голову в пасть льва. Убьет бесстрастно, без злобы. Безразличие Нете к проблемам людей иногда ужасает.

— Кто она? — спросил Сойер.

Альпер помолчал, нахмурился, покачал головой, показывая этим, что он знает не больше Сойера.

— Хватит вопросов, — отрезал он. — Пора действовать. В моих руках кнут, и я воспользуюсь им. Если ты сбежишь от меня и сможешь удалить передатчик, — то, что сделал один человек, другой может сломать, — я тебя убью.

Я всегда найду тебя. Сейчас у меня мало энергии. Я слишком много израсходовал на тебя. Мне нужно очень много энергии и я получу ее. Но для этого нужно закрыть шахту, как хочет Нете. Тогда она выполнит свое обещание. Итак...

Его холодный взгляд оценивающе скользнул по Сойеру.

— Ты молод. Ты хочешь жить. Верно? Я повторяю свое предложение. Думаю, что ты снова скажешь «нет». Но ты должен понять, что работаешь на меня за свою жизнь. Что ты скажешь теперь, молодой человек?

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Меня послали сюда делать дело, — спокойно сказал Сойер. Может быть, я проиграл. Я и раньше проигрывал. Все проигрывают когда-нибудь.

— Не все, — с неожиданной гордостью заявил Альпер.

Сойер пожал плечами.

— О'кей, — сказал он. — Пусть будет так. Мне не стыдно проигрывать, если дело мне не по зубам. Но когда такое случается со мной, я знаю, что есть кто-то, кто выиграл бы на моем месте. Сейчас Комиссия получит ответ, что я провел обычную проверку. Однако дело не обычное. И, может быть, я уже проиграл. Так что я должен...

— Интересно знать, как ты намереваешься сообщить обо всем председателю и остаться при этом в живых, — ухмыльнулся Альпер. — Если у тебя хватит ума, то ты сумеешь получить деньги с обеих сторон. И те, что буду платить я, много больше тех, что ты получишь от Комиссии.

— Это должны быть очень большие деньги, чтобы компенсировать вот это, — и Сойер показал на свою голову.

— Я могу удалить передатчик, — сказал Альпер.

Он явно ждал реакции Сойера и, не обнаружив ее, разочарованно продолжил:

— Даже если я удалю передатчик, я все равно буду чувствовать себя в безопасности. Кто поверит твоему рассказу? Однако я уверен, что мы с тобой будем сотрудничать.

Сойер задумчиво произнес:

— Как же ты удалишь передатчик? Ты же сказал, что он прирастает к кости.

— О, это потребует не одну неделю. А если я отключу энергию, то ты сможешь удалить передатчик, не совершив самоубийства. Да, я могу отключить энергию. Выключатель у меня в кармане. Но на его изготовление я потратил больше времени, чем на изготовление передатчика. Так что не надейся, что, если тебе удастся завладеть моим контрольным устройством, ты легко разгадаешь секрет выключателя. Самому Гудини не удалось бы это. Так что, я полагаю, ты будешь во всем подчиняться мне. Тебе придется подчиниться, — Альпер улыбнулся, — или ты умрешь.

Они смотрели друг на друга, как бы выжидая, что дальше предпримет противник.

И вдруг на улице завывла сирена, от звука которой задребезжали стекла.

Оба повернулись к окну. Сирена выла не переставая, чей-то голос разносился по всему поселку, тысячекратно усиленный громкоговорителями.

— Тревога на Восьмом уровне! — гремел голос в морозном воздухе полярной ночи. — Тревога на Восьмом уровне!

Альпер фыркнул, повернувшись к Сойеру.

— Эта дурочка, — сказал он. — Она спустилась в шахту! Несмотря на все мои предупреждения, она спустилась и теперь Нете разделалась с ней!

Как во сне пробирался Сойер сквозь сумятицу улиц Фортуны за сторбленной, закутанной в меха фигурой Альпера по направлению к шахте. Вдали он видел ледяную гладь озера Литл Слейв, в которой отражались вечные огни Фортуны. Поселок был маленьким

населенным островком, посаженным на верхушку земного шара, как передатчик был посажен на макушку Сойера. Он был таким же инородным.

Они шли, спотыкаясь и скользя, по деревянным мостовым. В Фортуне не было улиц. Все дома и учреждения поселка связывались между собой деревянными мостками. Здесь не было земли. Здесь ничего не росло, кроме поселка. Ни одна дорога не вела сюда. Здесь был конец мира, и вечное молчание сомкнулось над ним. Иногда голоса людей нарушали это молчание, но затем тишина снова смыкалась над поселком.

Скользя, захлебываясь ледяным ветром, Сойер спешил за Альпером. Со всех сторон к шахте бежали люди. Альпер бесцеремонно распахивал их, не отвечая на встревоженные вопросы. Они прошли мимо дизельной станции, которая давала энергию поселку, освещала дома, приводила в действие насосы, качала воду из озера Литл Слейв, поднимала руду из шахт.

Наконец они прошли мимо последних барачков, где жили шахтеры, и приблизились к стволу шахты.

Альпер протолкался через взбудораженную толпу людей. Сирена уже умолкла, и голос из громкоговорителя перестал разносить по улицам поселка тревожную весть, — но здесь шум не прекращался. Люди возбужденно переговаривались, предсказывая катастрофу на шахте.

— Снова привидения! — услышал Сойер чьи-то слова. — Они выходят из стен в шахте!

— Мисс Форд спустилась вниз, — сказал кто-то. — Привидения утащили мисс Форд.

Альпер пробрался вперед. У него была только одна цель — и он устремился в шахту. Сойер, войдя вместе с ним в лифт, с любопытством подумал, что сейчас желание у них одно: ни тот, ни другой не хотели, чтобы мисс Форд погибла.

В шахте всегда было шумно. Буры, отбойные молотки, вагонетки... Голоса людей, разносящиеся по туннелям. Бесконечные шумы. Все работы сейчас прекратились. Лифт опускался вниз, проходя мимо уровней, и каждый раз Сойер видел встревоженные лица под лампами, горящими на касках. Буры и отбойные молотки были забыты. Они стояли возле стен, где поблескивали прожилки руды. Богатой руды, — подумал Сойер, — если бы привидения не воровали из нее уран.

— На Восьмом уровне привидения роятся, как пчелы, — крикнул кто-то, когда лифт проходил мимо очередного уровня. Альпер только кивнул и хмыкнул. Он ухватился за руку Сойера и

теперь всем своим телом висел на ней. Когда лифт остановился, он прошептал Сойеру, нервно и взволнованно дыша:

— Не пытайтесь что-либо сделать. Сойер. Помоги мне, совсем не осталось энергии...

— Как ты выкрутишься из этого? — спросил Сойер. — Ты сделал ошибку, Альпер. Если что-нибудь случится с мисс Форд, начнется расследование. Тебе будут задавать щекотливые вопросы. Моя смерть тебе не поможет. Она не спасет тебя.

— Оставь это мне, — прошипел Альпер. — Делай, как тебе сказано. Идем.

Они вышли на Восьмой уровень, к толпе бледных возбужденных людей. Голоса здесь звучали глухо, давление воздуха было слишком сильным и барабанные перепонки чувствовали это. Сойер ощутил совсем неожиданный здесь запах озона.

— Они пошли туда, — сказал один из шахтеров, и, когда Сойер и Альпер вышли из лифта, добавил: — Вот Джо, мистер Альпер. Он был с ней.

— Что случилось? — резко спросил Сойер.

Шахтеры заволновались. Лучи их фонарей запрыгали по мокрым стенам шахты. Один из шахтеров вышел вперед.

— Я и Эдди спустились вместе с мисс Форд, — сказал он. — Она ждала здесь. Вокруг никого не было. Мы не работаем на Восьмом уровне, потому что... мы не работаем здесь. Мисс Форд послала Эдди за камерой.

Какой-то звук позади заставил всех оглянуться. Туннель уходил во тьму и затем поворачивал. Из-за поворота были видны вспышки света, которые то появлялись, то пропадали. Казалось, что сам воздух в шахте зазвенел тысячью невидимых колокольчиков. Запах озона стал сильнее.

— Продолжай, — сказал Альпер. — Продолжай, я тебя слушаю.

Шахтеры расступились перед ним. Сойер почувствовал, что рука Альпера продолжает крепко сжимать его локоть. Все нервы были напряжены до предела.

— Эдди скрылся за поворотом, — говорил шахтер. — Простите, мистер Альпер, дальше я не хочу идти.

Он замер на месте, и было видно, что никакая сила не заставит его продолжить путь туда, во тьму.

— Говорить больше нечего. Эдди вдруг закричал. Затем появились привидения... Вернее, сначала появились вспышки, потом закричал Эдди. Мисс Форд сказала, что нам нужно идти и забрать пленку и камеру. Мы... она пошла впереди, и тут Эдди испустил

ужасный крик и умолк. Мисс Форд была уже у поворота. Я побежал обратно и поднял тревогу, — голос шахтера был виноватым.

— Мисс Форд кричала? — спросил Сойер.

— Нет, сэр. Ни звука.

Альпер хмыкнул и пошел вперед, к повороту, где во тьме вспыхивали и гасли огни. Наступила тишина. Шахта поглотила Клей Форд и шахтера по имени Эдди. Казалось, только огни были видимы в этом подземелье. Шахтеры со страхом смотрели на двух человек, которые шли по туннелю, а затем скрылись за поворотом. Никто не пошел за ними.

— Сойер, — прошипел Альпер, всем телом опираясь на его руку, когда они медленно шли вперед. — Предоставь все мне. Ничего не предпринимай сам. Я запрещаю тебе. Понял? Я все время буду держать руку на блоке управления передатчиком. Одно нажатие — и я убью тебя. Я думаю, что девушка в руках Нете. Мне хотелось бы сохранить ей жизнь, если удастся, но...

Он не договорил. Было и так ясно, что Нете, с ее таинственным источником энергии, убьет их, если дело дойдет до столкновения.

Они шли по туннелю. Странные огни мерцали в камнях стен. Альпер упрямо двигался вперед, Сойер поддерживал его. Запах озона тяжело витал в воздухе...

Затем они увидели привидения.

Мертвый человек лежал на сыром полу туннеля сразу за следующим поворотом. И над его телом то поднимались в воздух, то опускались крылатые мерцающие огни. Сойеру показалось, что перед ним внезапно открылся бескрайний мир. Запах озона щипал ноздри, сильный порывистый ветер гулял по туннелю.

Крылатые огни были как бы расщеплены надвое. «Они действительно похожи на колосья», — подумал Сойер. Весь воздух был наполнен ими. Слабый тревожный свет едва пробивал тьму туннеля. Они были прекрасны. Они были ужасны. Они танцевали, как грифы над трупом; то ныряя к нему, то снова взмывая вверх.

Альпер остановился. Сойер почувствовал трепет дряхлого тела, когда тот сильнее оперся на его руку. Затем он громко сказал дрожащим голосом:

— Нете! Нете, ты здесь?

Знакомый ручеек смеха растекся во тьме туннеля. Это был единственный звук в ответ. Но когда Альпер услышал его, он глубоко вздохнул и решительно пошел вперед, стараясь не поворачиваться спиной к крыльям света.

Сойер тихо спросил:

— Что это? Ты знаешь? Они могут убить человека?

— Я не знаю. И не хочу знать. Быстрее. Нете здесь, и я могу снова получить энергию, снова стать молодым. Быстрее!

Сойер колебался. Он думал: «Это мой шанс! Если он получит энергию, тогда будет поздно. А сейчас, пока я еще зачем-то нужен ему...»

И не закончив свою мысль, он резко отпрыгнул от Альпера, освободившись от его веса, и размахнулся правой рукой, чтобы нанести удар, который в случае успеха освободил бы его от тирании старика.

«Последний шанс, — подумал он в этот момент. — Может он лжет. Может — нет. Во всяком случае, я заберу у него контрольное устройство. Может быть...»

Гром и молния возникли в самой середине его черепа, туннель закрутился в бесконечную спираль, сверкающую огнями, из которых не все были привидениями. Тяжелая рука Альпера стиснула его кисть еще до того, как он пришел в себя.

— Идем! Быстрее! Не нужно больше таких выходов. У нас нет времени!

Шатаясь и спотыкаясь, Сойер позволил тащить себя дальше.

Круглые огоньки порхали вокруг них некоторое время, а затем снова вернулись к трупам шахтеров и продолжили бессмысленный танец над ним. Альпер тащил Сойера дальше во тьму туннеля.

Постепенно туннель стал расширяться. Снова появился свет. Светящийся круг на стене, как луч прожектора. И в круге света неподвижно стояла Клей Форд, повернувшись спиной к камням и глядя перед собой во тьму.

Сойер посмотрел, встряхнул головой, и снова присмотрелся. Свет исходил из камня. Клей стояла неподвижно. Глаза ее были открыты, голова запрокинута, руки распростерты и прижаты к камню. Сойер внезапно понял, что она неподвижна не по собственному желанию, что она отчаянно хочет вырваться. Но не может. Она стояла и рвалась из светящегося круга, но не могла сдвинуться ни на дюйм.

Только частое дыхание, сверканье глаз и блеск зубов под прелестной верхней губой говорили, что она еще жива. Она кричала и в голосе ее тоже было отчаяние.

— Ты не сделаешь этого! — кричала она в глубокую тень. — Ты не имеешь права! Ты не богиня!

Сойер автоматически повернул голову, чтобы проследить направление ее взгляда. Во тьме что-то шевельнулось. Нете! Неестественно высокая фигура, закутанная в тени и держащая их перед

собой, как темную вуаль. Через тени тускло просвечивало ее лицо. Сойер пытался и не мог сфокусировать свое зрение на ней, на ее фигуре и на ее лице под вуалью. Но голос ее был ясным, четким, сильным. В нем звучала музыка небесных сфер, недоступных землям.

— Я скоро буду богиней, — говорила Нете. — Откуда ты меня знаешь, Хом? Ты ведь Хом! Настоящая Хом, а не землянка. Как ты попала сюда, девушка?

— Я не знаю! Я не знаю! — голос Клей дрожал. — Но ты не богиня! У тебя нет Двойной Маски. О, как бы мне хотелось вспомнить...

Нете внезапно перешла на незнакомый язык, который, на слух, состоял из любопытных звукосочетаний, скорее всего дифтонгов. Она говорила очень быстро. Затем послышался всхлип Клей.

— Я не понимаю тебя! Я не понимаю! Кто ты? Я не помню! Почему...

Альпер двинулся вперед, и Клей заметила его краешком глаза. Она замолчала и попыталась повернуть к нему голову.

— Нете, — сказал Альпер.

Голубые глаза Клей старались рассмотреть его.

— Кто это? Альпер, это вы?

— Успокойся, Клей, — сказал старик. — Если ты хочешь остаться живой, успокойся.

— Почему жизнь Хом имеет какую-то ценность? — язвительно спросила Нете. — У меня с тобой все кончено, старик Хом. Я получила девушку.

— Не делай этого, Нете! — в отчаянии воскликнул Альпер. — Если ты убьешь ее, я потеряю шахту. Тогда ты совсем не получишь руды.

— Жизнь этой девушки имеет для тебя слишком-большое значение, — сказала Нете. — Но на самом деле она ничего не стоит.

— Ее тело обнаружат! — кричал Альпер. — Меня обвинят в убийстве! Нете, не делай этого..!

— Тело? — презрительно бросила Нете. — Тела здесь не будет. Но я должна задать вопрос девушке до того, как она умрет. Она — Хом. Если бы я знала это раньше... но откуда я могла узнать? Все вы, как животные, похожи друг на друга. И девчонка все время говорила на вашем языке, пока ей не пришлось время умирать. Ну что же, этим она отсрочила свой приговор, так как я должна понять, должна узнать, как она прошла через Ворота. Но я не собираюсь...

впрочем, это неважно. Я знаю безопасное место, где смогу допросить ее. И тогда мне, пожалуй, не будет необходимости возвращаться в ваш мир. Итак, прощай, старик Хом.

Гибкая длинная фигура наклонилась вперед, из-под вуали неожиданно вытянулась рука, невообразимо длинная и очень грациозная. В ладони вспыхнуло сияние. Она держала нечто, похожее на золотую полоску длиной в шесть дюймов. Затем она прижала ее пальцами с двух сторон, и полоска расщепилась, стала копией тех крылатых огней, что порхали над трупом. Золотой огонь слепил глаза. Держа полоску перед собой, Нете стала приближаться к Клей. И чем ближе она подходила, тем ярче становился круг на стене.

Альпер с трудом перевел дыхание. Он, казалось, задыхался. Когда полоска вспыхнула пламенем в руке Нете, он содрогнулся во внезапной конвульсии. Затем отшвырнул Сойера в сторону, вероятно, затратив на это последние силы, и, как загипнотизированный, пошел к Нете. Его притягивало к ней, как магнитом, он не мог сопротивляться этому притяжению.

— Дай его мне, Нете! — крикнул он сдавленным голосом, протягивая к ней руки. — Нете, дай мне это! Позволь прикоснуться к нему! Нете! Я...

Сойер увидел, что рука старика находится далеко от рокового кармана, и прыгнул за ним, как пружина. Он сам не знал, что хотел сделать, но понимал, что Нете — прямой враг, и думал, что если ему удастся завладеть крылатым огнем, который она держит в руке, то в руках у него будет ключ к пониманию всего происходящего, — если, конечно, это возможно понять.

Все произошло с ошеломляющей внезапностью.

Его вытянутые руки обхватили высокую, закутанную в вуаль фигуру на мгновение раньше, чем до нее дотянулись руки Альпера. Под вуалью он почувствовал сверхъестественно узкое, гибкое и очень твердое, как стальной канат, тело. Несмотря на изумление, он крепко держал его. Он надеялся удержать Нете одной рукой, а другой дотянуться к крылатому огню. Но удержать ее было так же трудно, как легендарную змею Мидггард.

Он услышал ее крик — дикий, яростный, звенящий, как удар гонга, крик, полный музыки и гнева. Стальной канат ее тела пришел в движение. Он извивался в руках Сойера, как змея. Сойер понял, что ему не удержать этого тела — но ему уже ничего иного не оставалось. Стиснув зубы, задыхаясь, он изо всех сил вцепился в извивающуюся колонну.

Альпер издал сдавленный крик. Что-то пролетело мимо лица Сойера и, рассыпая искры, упало на пол. Альпер бросился туда,

толкнув по пути Сойера. Тот потерял равновесие, и Нете, подобно вихрю, вырвалась из его рук.

Альпер, схвативший пламя, преобразовывался на глазах. Огонь озарял его сиянием, и годы стекали с него один за другим. Тело выпрямилось, щеки втянулись, стали твердыми; глаза засверкали фанатическим торжеством. Он выглядел молодым человеком, сильным и ловким.

— Вот оно! — кричал он. — Вот откуда исходит энергия!

— Отдай это мне! — крикнула Нете, бросившись вперед. — Ты не знаешь, что делаешь! Ты получишь слишком много энергии, старый Хом. Смотри, Ворота уже начали открываться! Отдай!

Альпер отпрыгнул от нее, хохоча как безумный. Сойер теперь видел, что не молодость преобразила его. Старое лицо осталось старым, но энергия, казалось, истекала из него золотыми струями.

Нете старалась схватить обеими руками сверкающую полоску. Альпер увертывался от нее и сильно ударил в стену раскрытыми огненными крыльями. Раздался дикий музыкальный звук, как будто камень ответил на удар, и светящийся круг стал таким ярким, что на него было больно смотреть. Клей казалась тенью на фоне этого бешеного сияния.

— Сожми ее, Альпер! — кричала в отчаянии Нете. — Сейчас мы все провалимся! Альпер! Сожми Огненную Птицу! Держи ее у себя, но сожми!

Сам воздух сейчас звенел вокруг них. Круг превратился во вход туннеля, круглый, излучающий сияние, ведущий в длинную, сужающуюся трубу, вырезанную во льду...

Какой-то вихрь подхватил их всех и поволок в туннель. Стены зазвенели от яростного отчаянного крика Нете. В воздухе стояло гудение и свист, крылатые огни тысячами пролетали мимо них. Многие вылетали в туннель, другие ударялись о стены и медленно угасали...

Альпер, охваченный ужасом, сжал обеими руками крылатое пламя, но было уже поздно. Вихрь подхватил их. Их тащило, кружило, мимо них мелькали ледяные стены туннеля, провожая их в бесконечный полет...

Одно мгновение Сойер почувствовал такой холод, что ему показалось, будто молекулы его тела слились и превратились в хрупкие кристаллы. Но затем он уже стоял на твердом полу, глядя перед собой в длинный, кольцевой бледно-зеленый туннель, словно вырезанный во льду. Рядом с ним стояла Клей. Ее ноги немного дрожали. В трех шагах позади стоял Альпер, одной рукой держась за стену, а другой судорожно сжимая свою драгоценность.

Но не это привлекло внимание Сойера. Он смотрел на беспорядочную толпу каких-то людей. Их было много, и все они быстро уходили от Сойера и остальных его спутников по длинному туннелю. Все они были очень высокие, тонкие, гибкие; и некоторые из них шли задом наперед. Слепые лица тупо улыбались Сойеру. Сойер посмотрел на Клей. Глаза ее округлились, и в них был изумленный вопрос. Он посмотрел на Альпера, и увидел то же изумленное выражение. Сойер нерешительно заговорил.

— Альпер, ты слышишь меня?

Голос его глухо прозвучал в туннеле. Альпер сделал две безуспешные попытки, прежде чем ответил.

— Да, я слышу тебя. Где..

— Где мы? — Сойер опередил его с вопросом. Он глупо ухмыльнулся, а Альпер с трудом собрался с силами, расправил плечи, взглянул на них с высоты своего роста и внезапно расхохотался торжествующим смехом. Двигаясь с пугающей легкостью, он отошел от стены зеленого льда. Не за этой ли стеной находится шахта Фортуны?

— Я не знаю, где мы, — сказал Альпер. — Но я знаю, как мы попали сюда. Вот.

Он разжал кулак, и золотая полоска тускло засветилась в его руке. Толстые пальцы Альпера сжали ее. Плоские золотые крылышки пламени расправились, как лепестки цветка. Языки затрепетали, разгораясь все сильнее. Альпер ухмыльнулся и ударил полоской по ледяной стене. Она отозвалась слабым мелодичным звоном. Больше ничего не произошло.

Альпер растерянно улыбнулся и ударил сильнее. Снова ничего, хотя сияние вокруг него становилось все ярче.

— Сожми ее, Альпер! Сожми ее!

Они обернулись. И в первый раз ясно, без вуали, увидели женщину по имени Нете.

Среди этих странных безликих фигур, удалявшихся от них по коридору, одна казалась живой. Остальные двигались, как будто в транс. Но одна фигура повернула голову и посмотрела на них через плечо. Между ними было футов тридцать, — и теперь они поняли тайну бессмысленных, улыбающихся, слепых лиц, повернутых к ним.

Эти лица оказались масками. Настоящие лица погруженных в транс людей смотрели вперед. На затылках их были одеты слепые улыбающиеся маски. Только Нете старалась повернуться к ним, борясь с какой-то силой, которая тянула ее вперед.

Они увидели ее лицо. Странное, нечеловеческое лицо, полное жизни. Оно было узкое, заостренное к подбородку и расширяющееся к огромным, блестящим, как у змеи, глазам, полузакрытым тяжелыми ресницами. Рот ее был похож на узкую алую щель. Уголки рта были загнуты вверх в полубезумной улыбке. Такие улыбки изображали у своих мраморных статуй этруски.

Ее тело, как и тела всех остальных людей, идущих с ней, было не более человеческим, чем тела людей на картинах Эль Греко. Удлиненные линии, непропорциональные искажения создавали у смотрящего впечатление уродства и неправильности.

На Нете тоже была надета маска. И сейчас, когда Нете старалась повернуться к ним, Сойер увидел маску в профиль. Но он не мог понять, есть ли волосы у Нете. В ушах ее были серьги в виде дырчатых сфер, в каждой из которых светился мягкий огонек. При каждом движении на ее щеках мерцала россыпь огоньков — свет, проникающий сквозь отверстия сфер.

Одета она была, как и все они — в свободно ниспадающую с плеч мантию бледно-зеленого цвета. Нете изо всех сил старалась повернуться к ним.

— Сожми ее! — кричала она. — Быстрее! Вы не сможете вернуться обратно!

Воздух уже начал трепетать вокруг них.

— Сожми ее, Альпер, — сказал Сойер, повернулся и хотел приблизиться к нему, пройти те три шага, которые разделяли их.

Но он не смог сделать этого.

Твердый, непреодолимый воздух сопротивлялся ему. Это было не давление, а миллионы мельчайших игл, устремленных на него из пространства туннеля.

— Я уже пыталась, — сказала Клей. — Вернуться невозможно. Даже стоять на месте трудно. Смотрите, мы уже начинаем двигаться.

Сопrotивляясь увеличивающемуся давлению, Сойер пытался задержаться, но тщетно. Впереди яростно сопротивлялась Нете. Ее странное лицо было полно ярости — а, может, беспокойства? Поток тащил ее и остальные фигуры вперед. Расстояние между Нете и людьми все время увеличивалось. Она вытянула руку и крикнула.

— Альпер! Иди ко мне! У тебя Огненная птица, и ты можешь двигаться. Отдай ее мне!

Альпер рассмеялся сумасшедшим смехом. Он сжал полоску и свет померк, воздух успокоился. Старик с подлинной страстью сжимал Огненную Птицу.

— Ты лишила меня энергии! — крикнул он удаляющейся Нете. — Теперь я буду сам черпать ее из этого источника. Ты идиотка, если думаешь, что я верну тебе его.

— Мне это необходимо! — в отчаянии надрывалась Нете. — Ты сам не знаешь, что делаешь! Неужели жизнь этой маленькой Хом может сравниться с моей? Я не могу уйти без Огненной Птицы.

В голосе ее послышалась угроза:

— Неужели ты думаешь, что когда мы дойдем до конца туннеля, я не смогу убить тебя и забрать Птицу обратно? Торопись, Хом! Торопись!

По мере того, как она удалялась, ее голос становился все более гулким, так как смешивался с многократно отраженным от ледяных стен эхом.

— Отдай! — кричала она уже издалека, маленькая фигурка со сверкающими глазами. — Отдай, и я позволю тебе жить! Но торопись, торопись, пока...

Одна из быстро удаляющихся фигур, среди которых она двигалась, рванулась в сторону и сильно ударила ее плечом. Нете повернула голову, чтобы посмотреть вперед, и ее дикий, высокий, полный гнева возглас гулко разнесся по туннелю. Эти слепые, погруженные в транс фигуры совершенно не обращали внимания ни на нее, ни на ее крики. Они просто увлекали ее с собой в своем движении вперед, к концу туннеля.

Там колыхались бледно-зеленые полупрозрачные шторы, похожие на утренний туман. В складках этого тумана скрывались по одному, по двое молчаливые, безразличные фигуры; они выходили в какой-то таинственный мир за шторами, куда вел туннель.

— Альпер! — снова послышался сильный звенящий звук голоса Нете. — Альпер! Теперь поздно! Слушай меня! Слушай внимательно! Меня уже увидели, и Богиня ждет, чтобы меня схватить. Я буду помогать тебе, если смогу. Но спрячь Огненную Птицу, никому не показывай ее. Если ты хочешь остаться живым, спрячь ее, пока я не приду к тебе...

Внезапно стена тишины поглотила ее крики. Нете исчезла в складках тумана, и в последний раз ее большие блестящие глаза взглянули на них с мольбой.

Альпер нервно сжал в руке Огненную Птицу; потом потер лицо и с сомнением взглянул на Клей.

— Я... я не понимаю, — сказал он. — Мы спим? Где мы? Клей, мне кажется, Нете думает, что ты... ты знаешь, что произошло?

Клей сжала руку Сойера. Она теперь медленно двигалась, подчиняясь мягкому, но сильному давлению воздуха. Альпер сделал три шага, чтобы догнать их.

— Это не сон, — нерешительно сказала Клей. Ее необычный акцент стал сильнее. — Мне кажется, что когда мы были на полюсе в Фортуне — это был сон, а сейчас я начинаю пробуждаться, возвращаюсь в реальный мир. Мой мир — в конце туннеля. Хомад — там живет мой народ. Где... где правят Изверы. Где...

Она внезапно замолчала, коротко ахнув. Пальцы ее впились в руку Сойера в судорогах неожиданного ужаса.

— О, нет! — вскричала она. — О, я не могу идти туда! Я не могу возвращаться!

Она, как безумная, повернулась и попыталась бежать обратно. Но меховая шуба мешала ей, а обувь скользила по полу. Она сбросила свои сапоги и попыталась бежать босая навстречу давлению воздуха. Но это ей не удавалось, она не могла сдвинуться с места.

— В чем дело? — спросил Сойер. — Скажи, что ты вспомнила, Клей? Чего ты боишься?

— Н-Нете, — сказала Клей.

Она с дрожью повернулась к туманному занавесу, за которым исчезали молчаливые фигуры в мантиях. Бесстрастные, улыбающиеся маски смотрели невидящими глазами.

— Я вспомнила... Когда мой дед был рабом в замке, Нете уже стала избранницей Богини. В следующем ранге жрицы она уже имела бы право носить Двойную Маску. Затем я исчезла., — и девушка коснулась своего лица, своего тела, как будто они были для нее странными, незнакомыми, как и ее воспоминания.

— Меня не было целых два года, если, конечно, у нас время такое же, как на Земле. Я сбежала отсюда и не могу теперь возвращаться обратно. Ведь меня назначили в жертву Огненной Птице. Что мне делать?

Она бросила дикий безумный взгляд на Сойера.

— Подожди, — сказал он. — Объясни подробнее. Там, в конце туннеля находится другой мир? Твой мир?

— Да! — отчаянно крикнула она. — Я знаю это! Вы видели Нете! Видели и остальных. Неужели вы думаете, что находитесь в своем мире?! Похожи они на людей Земли? Там другой мир, и я знаю это!

Сойер задумчиво смотрел на нее. Затем перевел взгляд на слепые улыбающиеся фигуры,двигающиеся перед ними по своим же отражениям в зеркальном полу. С трудом он повернулся, чтобы

рассмотреть сомкнувшуюся позади стену туннеля. Ему показалось, что кто-то ударил его в шахте по голове, и сейчас он лежит на полу, где ему чудятся различные кошмары.

— Сон это, или явь, — сказал он, — нам нужно действовать. Альпер, ты можешь двигаться против потока. Проверь, сможешь ли ты остановить нас?

Альпер неохотно встал перед ними. Но из этого ничего не вышло. Плотный поток воздуха тащил их так легко, как будто Альпера не было на пути. Отойдя в сторону, он крепко взял Клей за руку и уперся изо всех сил. Но поток, который волок Клей, потащил и его. Ноги Альпера скользили по гладкому полу.

Сойер вздохнул.

— Ну что ж, ничего не выйдет. Что нас ждет, Клей, по ту сторону занавеса?

— Город, — сказала она нетерпеливо, все еще тщетно стараясь удержаться на скользком полу. — Хомад, мой мир. О, мне еще столько нужно вспомнить! Все передо мной, как в тумане... Но я знаю точно — Нете опасна!

— Скажи, что ты помнишь о ней, — сказал Сойер, — и побыстрее. Времени у нас мало.

— Она — Извер, бессмертная, она из расы богов, которые правят Хомадом. Боги не стареют. Ничто не может повредить им. Богиня может править вечно, если только не возникнут волнения, и ее народ не прогонит ее за это.

— Богиня? — переспросил Сойер.

— Нё совсем. Просто Извер, как Нете, только с большим могуществом, и которая имеет право носить Двойную Маску и Темную Мантию. Нете собирается стать такой через три дня, если она не лжет. Мне очень страшно! Вероятно, пока меня не было, произошли большие волнения, иначе Нете не смогла бы сменить Богиню.

— Волнения? — спросил Сойер. — Они отразятся на нас? Расскажи, что ты помнишь!

— Волнения среди богов, — неуверенно заметила Клей. — Откуда может простой Хом узнать об этом? Но иногда Изверы начинают исчезать, таять, как туман, и никто не понимает, почему. А иногда снизу приходит жуткий народ и даже Изверы не могут справиться с ними. Для Хомов все это означает жертвы, много жертв. Гораздо больше, чем обычно. Когда мы придем туда, Изверы принесут меня в жертву Огненной Птице. Птица съест меня на торжественной церемонии.

— Возможно, не съест, — сказал Соьер. — Скажи, что представляют собой Огненные Птицы? Это то же, что сейчас находится в руках Альпера?

Она в смятении покачала головой.

— Вы видели Огненных Птиц. Привидения. Летающие огни, которые вынимают уран из руды. Это для меня совершенно ново. В Хомаде мы ничего не знали об Огненных Птицах — только в глубине Источника Миров, куда бросают жертвы, видны всплески огня, как взмахи крыльев. Вот почему Изверы называют их Огненными Птицами, а само место — ямой Огненных Птиц. Им приносят жертвы. Однако в самом Хомаде мы никогда не видели настоящих живых Огненных Птиц, подобно привидениям в шахте. Да и об уране мы тоже ничего не знали.

Она помолчала.

— Как все это странно. У меня в памяти все двоится. И воспоминания о Земле, и воспоминания о Хомаде.

— А это что? — спросил Альпер, показывая золотую пластинку.

— Я не знаю. Нете называет это Огненной Птицей. Я предполагаю, что это просто символ, талисман. Ведь он действительно похож на Огненную Птицу, верно? Мне кажется, что она собирает их. Мы видели, что когда она расправляет крылья, воздух начинает сгущаться.

— И она открывает стену, через которую мы пришли, — сказал Альпер. — Я знаю, я видел это. Но мне кажется, что она открывается только в одном месте.

— Ключ? — неуверенно спросила Клей. — Между мирами? Может, именно поэтому Нете так хочет заполучить его обратно? Я должна вам сказать, что если Нете станет Богиней через три дня, то Извер, которая сейчас является Богиней, постарается, убить ее. Она не отдаст Двойную Маску без борьбы. Нете нужна Огненная Птица, так как она является источником энергии. А энергия понадобится Нете в этой борьбе.

— Да, это источник энергии, — сказал Альпер низким басом. — И я буду хранить эту вещь. Нете что-то нужно от меня, она...

— О, идиот, — бросила Клей. — Нете — Извер, полубогиня. В моем мире ты — ничто, человек, один из Хом. Неужели ты не понимаешь этого?

Соьер внезапно усмехнулся.

— Ты вступил в сделку с дьяволом, Альпер, старый Хом. Но мне кажется, что ты получил слишком короткую ложку. Слушай меня. Сейчас нам может понадобиться помощь друг друга. Тебе следует освободить меня от своего передатчика. Лучше используй

его на Нете. Возможно, это будет твое единственное оружие против нее. Ведь как только мы выйдем отсюда, ты будешь в ее руках. Тебе понадобится наша помощь.

— Нет, — тяжело сказал Альпер. Его маленькие глазки подозрительно блестели, — Я свободен, и не буду выходить отсюда. И сохраню у себя кнут, которым могу заставлять тебя подчиняться.

Сойер взглянул на туманный занавес, который колыхался в конце туннеля. Он был совсем близко. Плотный воздух гнал их вперед все быстрее и быстрее.

«Как поток электронов в вакуумной лампе, — подумал Сойер, глядя на занавес. — Если ты электрон, то ты не можешь двигаться обратно. Этот конец туннеля — катод, и мы летим к нему».

Вот уже занавес коснулся их лица. Здесь поток воздуха стал еще сильнее. Они буквально пролетели сквозь хлопья тумана. И вот они стоят, шурясь от яркого света, на небольшой площадке, откуда вниз вела лестница. У Сойера задрожали колени. Поток воздуха внезапно прекратился, и теперь было очень непривычно стоять свободно.

— Вот, — мягко сказала Клей, стоящая рядом с ним. Он услышал долгий вздох девушки. — Это Хомад. Я вернулась. Я — дома.

Это оказался шумный мир. Ступени вели на многочисленную площадь, где высокие Изверы, одетые в мантии цвета зеленоватого льда, величественно расхаживали среди толпы более мелких людей. Один из Изверов играл на странном квадратном барабане, отбивая непривычный ритм, и группы богов вокруг раскачивались в такт ударам. Их бесстрастные глаза с лицами-масками глядели на толпу, но, казалось, не видели ее.

Еще одна группа людей с двумя лицами ожесточенно спорила о чем-то прямо у подножия лестницы. Звенящие голоса далеко разносились в воздухе. Один из погруженных в транс пришельцев остановился на ступенях, потряс головой, и затем, издав пронзительный звенящий крик, бросился вниз по лестнице.

Группа спорщиков расступилась перед ним.

Чужим был мир под холодным небом и ярким солнцем. Бой барабана, металлический лязг, шуршание ледяных мантий, высокие крики, тихая мелодия, незнакомый язык — все было непривычно и странно для Сойера.

Среди высоких полужмеиных фигур робко передвигались люди-Хом. Сойер наконец увидел расу, к которой принадлежала Клей. Те же скулы, тот же разрез глаз: все это он видел теперь в каждом лице. Они были смуглыми и выглядели приземистыми по сравне-

нию с неестественно высокими богами. Хом были одеты в штаны и туники. Они все время боязливо оглядывались и уступали дорогу, когда мимо них проходили не замечающие их Изверы.

Шумная многолюдная площадь была окружена причудливыми зданиями из камня и кирпича. А в промежутки между зданиями испуганно, как кролики, ныряли узкие улицы, которые моментально сворачивали и скрывались из виду за углом. В домах уже начинали зажигаться огни, наступал вечер, и на мир спускалась темнота. Где-то вдали над крышами домов можно было видеть шпили огромных башен, сделанных из стекла или льда. Они сверкали, как алмазы на холодном свету, лившемся из-за облаков.

— Замок, — пробормотала Клей. — Ты видишь? Во время церемонии Открывания Источника можно видеть отблески крыльев Огненных Птиц. Они отражаются башнями и освещают почти половину города.

Просыпающиеся Изверы все еще спускались по лестнице и вливались в толпу на площади. И там же, внизу, нерешительно стояла Нете, оглядываясь назад. Ее живое зловещее лицо с этрусской улыбкой и огромными змеиными глазами полыхало яростью, и, может быть, страхом. Она смотрела на занавес, из складок которого выглядывал Альпер. Альпер спрятался, заметив взгляд Нете, та прошипела что-то на своем языке, затем, извернувшись по-змеиному, повернулась лицом к площади.

Холодная дрожащая рука Клей нашла руку Сойера.

— Смотри! — сказала она испуганным голосом. — Богиня!

Внезапно она вжала голову в плечи и накинула свой меховой капюшон.

— Может, меня никто не узнает, — шепнула она. — Я попробую спрятаться. О, если бы знал мой дед!

Сойер сжал ее руку с бесполезным сочувствием и посмотрел на площадь, где двигались две колонны Изверов. Шли они быстро, длинные мантии развевались на ветру.

Наконец первый ряд приблизился к подножию лестницы. Изверы расступились, и вперед вышла Богиня...

На мгновение Сойер полностью потерял чувство реальности происходящего. Он не мог верить в существование этого мира. Конечно же, он находится на Фортуне, а этот мир Хомад не существует, его нет...

Когда они путешествовали по длинному ледяному коридору, он почему-то был уверен, что в конце концов они выйдут на поверхность и окажутся где-нибудь в ледяных равнинах полюса. Или, может, снова попадут в шахту. Но нет, это не шахта. Над

головой небо. Изредка на нем проглядывало солнце. Какое солнце? То, что светит на Земле? Где находится этот Хомад? Где...

Богиня заговорила глубоким резонирующим голосом.

— Клей, — сказала она.

Девушка вздрогнула, вдохнула, и медленно стянула с головы капюшон.

Длинное гибкое тело Богини было закутано в черную мантию, контрастирующую по цвету с бледным бесстрастным лицом, на котором выделялись два больших, зеленых, как изумруд, глаза, таких ярких, что в них невозможно было смотреть. На первый взгляд казалось, что вместо лица белая маска. На ней трудно было сфокусировать взгляд. Сверкающая мантия поглощала свет и казалось, что там, где она стояла, образовалась дыра в пространстве.

У Богини не было лица. На голове ее были две маски — одна смотрела вперед, другая назад. В отверстия для глаз были вставлены плоские линзы, изумрудно-зеленого цвета. Они полностью отражали свет, падающий на них. Соьер задумался, каким же должен восприниматься мир сквозь такие линзы.

Взгляд зеленых глаз, как два луча, остановился на Клей, с любопытством осмотрел ее, а затем обосновался на Сойере. Тот почувствовал ожоги в тех местах, где его коснулся этот взгляд. Когда Богиня отвела от него свой взор, Нете разразилась страстной речью, тщетно стараясь привлечь взгляд Богини к себе. Это было бесполезно. Ее взгляд был прикован к туманному занавесу, из-за которого пришли Изверы...

Сойер тоже повернулся туда. Там было смутно видно лицо Альпера, роковое любопытство которого заставляло его поглядывать, что же происходит снаружи. Он встретился взглядом с зелеными лучами Богини, и Соьер увидел, как Альпер напрягся, а затем медленно двинулся вперед.

Как загипнотизированный, — а, может, он и был в гипнозе, — Альпер вышел из-за занавеса и медленно, как автомат, стал спускаться по лестнице. Дыхание Нете со свистом вырывалось между зубов. Рука Альпера была в кармане, и Огненной Птицы не было видно...

Богиня заговорила во второй раз. Голос ее глухо звучал из-под маски. Ее охранники двинулись вперед. И тогда Нете прыгнула, и встала между ними и тремя землянами на ступеньках лестницы. Она что-то повелительно крикнула охранникам. Голос ее был музыкален, несмотря на ярость, звучащую в нем. Охранники в нерешительности остановились, оглядываясь на Богиню. Соьер подумал, что, если Нете действительно собирается через три дня

одеть эту мантию и маски, то охранники должны призадуматься, прежде чем послушаться ее приказа.

Снова заговорила Богиня. Нете, в шелесте ледяной мантии, рванулась к ней. Они долго стояли друг против друга, немного покачиваясь, как две кобры, готовые к нападению.

— Она угрожает Богине, — прошептала Клей. — Она говорит, что сделает после того, как... О, подождите! Слушайте!

Богиня говорила, и голос ее далеко разносился по площади. Нете, шипя, отшатнулась назад. Изверы и Хомы в толпе возбужденно переговаривались.

— В чем дело? — спросил Сойер. — Что она сказала?

— Тихо! — тревожно сказала Клей. — Не мешайте слушать. Она... она не собирается отдавать Двойную Маску без боя. А это значит, она вызывает Нете на Открывание Источника. Что в свою очередь означает смерть кого-то из них. Это ее право. Если она хочет использовать свой единственный шанс, никто не может воспрепятствовать ей. Она...

— Я думал, что Изверы бессмертны, — сказал Сойер.

— Для пришельцев — да. Но есть одно, что уничтожает их. И правящая Богиня хранит секрет. Я не знаю, что это. Ни один Хом не знает. Если Богиня решает воспользоваться этим оружием, она рискует погибнуть сама. Но она все равно бросила вызов. Она сказала, что или убьет Нете во время Открывания Источника, или погибнет сама от ее руки. — Клей глубоко вздохнула, затем неуверенно рассмеялась.

— Зато теперь я увижу интересное зрелище, — сказала она Сойеру.

— О чем ты говоришь? — спросил Сойер, крепче сжимая ее руку. — Что такое Открывание?

— Церемония, — ответила Клей. — Естественно, она происходит тогда, когда требуется принесение жертвы. А Богиня узнала меня. Я знаю, чего ожидать.

Нете замерла перед торжественной величественной фигурой Богини. Затем она непроизвольно подалась назад. Клей рассмеялась, и Нете услышала ее: так как голова ее чуть склонилась, и по маске побежали золотые огоньки из отверстий сережек. Она снова прошипела что-то Богине, затем резко повернулась к троице, стоящей на ступеньках лестницы. Она искоса бросила убийственный взгляд своих змеиных глаз на Клей. У девушки перехватило дыхание, и она прижалась к Сойеру. На губах Нете появилась зловещая улыбка. Огромные светящиеся глаза нашли Альпера, застывшего перед Богиней.

— Тобой я займусь потом, — быстро сказала она. — Но предупреждаю, когда тебя начнут спрашивать, ни слова об Огненной Птице. Помни это, или мы все погибли. Ты слышишь меня, Альпер?

Тот тупо мотнул тяжелой головой.

Нете повернулась и пошла к Богине, а охранники бросились вверх по лестнице к людям. Станные нечеловеческие лица не смотрели на них, но железные руки схватили Сойера и потащили вниз. Альпер вдруг очнулся и начал сопротивляться, хотя это была тщетная попытка. Клей почти лишилась чувств, когда холодные руки схватили ее. Вскоре их быстро уволокли вниз, на площадь.

Солнце уже почти скрылось за горизонтом, когда Изверы повели пленников по извилистым улицам к стройным башням Замка. Здесь быстро темнело, и на улицах один за другим стали зажигаться фонари. Улицы были узкие, и пленникам пришлось идти по-одному. Сойер уже не мог больше разговаривать с Клей. Девушка отбросила капюшон назад, и рассматривала улицы, дома, — стараясь припомнить город.

Сойер шел, как во сне. Он слышал отрывки разговоров на неизвестном языке, видел странные дома и странные тени в освещенных окнах домов. Все это был реальный мир, а не плод его воображения.

Из некоторых окон, освещенных синими или ярко-золотыми источниками света, неслась странная музыка, исполняемая на инструментах, которых Сойер никогда не слышал в свою бытность на Земле. Знакомый запах дыма смешивался с неизвестными запахами кухни. Маленькие мальчики доставали что-то из плетеных конусообразных корзин и с криками швыряли в толпу. Они делали свой собственный бизнес, хотя Сойер не мог понять, в чем он заключается.

Но в основном на улицах было тихо и встречающиеся Хомы безмолвно исчезали при виде процессии Изверов, которые вели своих пленников. Сойер не раз встречался со спокойными взглядами людей. Было ясно, что они сочувствуют пленникам, но не испытывают никакого желания оказаться на их месте.

Из окна вылетел какой-то фрукт, мягкий, полутгнилой; он попал прямо в голову Извера, шагавшего впереди Сойера. Тот быстро поднял голову, зорким взглядом нашел окно и продолжил идти дальше. Сойер почувствовал холодок между лопатками.

Когда они дошли до улицы, в конце которой возвышался замок, — сильнейшие раскаты грома потрясли весь город, и струи косого дождя, окрашенные в алый цвет лучами заходящего солнца,

забарабанили по крышам домов. Окна и двери поспешно захлопывались, матери звали своих детей. Пленники дошли до ворот замка по совершенно пустой улице, заливаемой кроваво-красным дождем.

Ворота, крайне причудливые по архитектуре и украшениям, были сделаны из льда или стекла. Обычно бесцветные, сейчас они приобретали под лучами заходящего солнца зловещую окраску. Медная сеть, свисающая складками, закрывала створки.

Отряд остановился. Извер, шедший впереди, вытянул тонкие губы и издал звук, похожий на звук флейты, чистый и мягкий. Потом они долго стояли под дождем в ожидании.

Как только медный занавес затрепетал, в аллее снова послышался шум. Сойер из-за дождя не мог разглядеть, что там происходит. Но вдруг появилась целая процессия повозок. Ржанье лошадей, стук колес, крики людей — все перемешалось в сплошном гуле. Отраженное от стен домов эхо тысячекратно усиливало шум.

Сойер увидел, что повозки нагружены чем-то, что по запаху напоминало сырую невыделанную шерсть. Лошади, пятнистые, как леопарды, неслись вскачь по булыжной мостовой. На передней повозке сидел старый толстый человек в тунике и переднике. Он сидел, свесив ноги и подгоняя и без того несущуюся изю всех сил лошадей. Его белые бакенбарды развевались на ветру.

За ним на огромной скорости неслись другие повозки. Ржали лошади, кричали люди, лаяли собаки, открывались окна домов, и из них высовывались любопытные. После первого свистка Извера и трепета медного занавеса вдруг возник настоящий бедлам.

И вот вся эта шумная процессия обрушилась на них. Лошади, фыряя и лягаясь, пробивались через колонну, ожидавшую у ворот замка. Собаки путались под ногами и оглушительно лаяли, лошади ржали, и это ржание походило на человеческие крики. Люди обрушивали на несчастных лошадей град ударов, побуждая их бежать быстрее и ржать громче.

Даже величественные Изверы были вынуждены уступить дорогу этой сумасшедшей процессии. Сойер почувствовал как на его руке сомкнулись железные пальцы одного из Изверов, и он позволил увести себя к стене дома. Теперь уже кричали и Изверы. Они выкрикивали высокими пронзительными голосами ругательства и приказания. С ужасающим грохотом одна из повозок перевернулась. Тюки мокрой шерсти покатались по земле.

И среди этого бедлама Сойер увидел взгляд Клей. На ее лице пылало возбуждение и надежда. Она буквально тянулась вперед, насколько ей позволяла рука охранника, вглядываясь в лица про-

езжавших мимо людей. Сойер видел надежду, забрезжившую на лице девушки, вспомнил несчастную Лизу Болконскую с ее немного короткой верхней губой, придававшей ей шарм, и рванулся из рук державшего его Извера.

Извер старался удержать его и немного поскользнулся на мокрых камнях. Тогда Сойер перебросил его через бедро, и оба они покатались по земле прямо под ноги того Извера, что держал Клей.

Это был именно тот шанс, которого она ждала. Извернувшись, она выскользнула из своего пальто и одним прыжком подскочила к первой повозке.

Старый толстяк крикнул:

— Клей! — потом наклонился и подхватил ее. Она очутилась в повозке, которая с грохотом и лязгом, не снижая скорости, пронеслась мимо.

— Это дед Клей, — подумал Сойер, когда вся процессия с торжествующими криками скрылась вдаль.

Все надежды скрыться исчезли, когда неумолимая рука Извера легла на его плечо. Сойер выругался и поднялся на ноги. Шум повозок и крики людей уже затихли в глубине извилистых улиц города. Два Извера молча направились туда, где исчезли повозки. Несколько собак все еще бегали по улице, заливаясь истощенным лаем, но остальные уже успокоились. Все происшедшее казалось сном.

«За исключением одного», — подумал Сойер. Пустое пальто Клей с капюшоном, распластанное там, где должна была находиться девушка, все еще было в руках изумленного Извера, который несколько мгновений назад держал Клей. Сойер ощутил внезапную тоску в душе при виде этого пустого пальто. Девушка исчезла, как будто она никогда не существовала. Исчезла в этом городе, который был ее родиной и вместе с тем чужим и враждебным для нее местом. Все это случилось практически мгновенно, и занавес все еще лениво поднимался, раздвигаясь, в то время как шум и грохот затихали вдаль. За поблескивающей медной сеткой открылся широкий стеклянный коридор. Охранник толкнул Сойера вперед, под тяжелые складки сети. Сойер успел оглянуться назад, и увидел пальто Клей, лежащее на мокрой земле с распростертыми рукавами, как бы в бесконечном отчаянии. Затем занавес закрылся за ними и полностью отрезал Сойера от внешнего мира, с его звуками, надеждами, тревогами...

Альпер сидел на стеклянной скамье в пустой стеклянной камере и смотрел на Сойера. Тот сидел на полу в противоположном углу, обхватив колени руками. Он смотрел на Альпера.

— Ты дурак, — сказал Альпер.

Сойер не обратил внимания на его слова.

— Ты помог ей бежать, — продолжал Альпер. — С твоей стороны крайне идиотская выходка. Теперь мы оба заплатим за это.

Сойер медленно обвел взглядом стены камеры, совершенно гладкие и чуть зеленоватые. Взгляду не на чем было остановиться, и он поневоле вернулся к Альперу. Где-то здесь была дверь. Они ведь вошли сюда через дверь, но когда она закрылась, абсолютно невозможно стало определить ее местонахождение.

Свет в комнате давал какой-то невидимый светильник под самым потолком.

— Мне тоже все это не нравится, — сказал Сойер, — Совершенно не нравится. Мне кажется, что теперь мы оба в одной лодке.

— Лодка! — сказал Альпер. — Это же не Земля. Я не понимаю...

— Может быть, ты понимаешь больше, чем я. Если мы хотим что-то предпринять, тебе лучше рассказать мне все, что тебе известно. Например, о Нете. Неужели она тебе никогда не говорила о существовании этого мира?

— Нет, — угрюмо сказал Альпер. — Она явилась ко мне на Фортуне. Ты сам видел — как. Как тень. Но когда она коснулась меня, я почувствовал, что энергия стала проникать в меня...

Он с торжеством посмотрел на Огненную Птицу в руке.

— ...и после этого я решил дать ей все, что она хочет.

— Урановую руду?

— Да. Она не захотела, чтобы урановую руду добывали и увозили. Потому я очень хотел закрыть шахту. Но обо всем этом я не имел никакого понятия.

— Я думаю, нам следует сотрудничать, — сказал Сойер. — В нашем положении лучше быть друзьями, чем врагами. Ты понимаешь, что я не могу отсюда послать доклад в Торонто? Может, мы пробудем здесь долго.

Альпер кивнул.

— Прекрасно, — сказал Сойер. — Тогда первое, что следует сделать, это извлечь передатчик из моей головы.

— Нет.

— Почему? Ведь теперь тебе не надо контролировать меня.

— Это не позволит тебе убить меня.

Глаза Альпера светились подозрением.

— Я прекрасно знаю, что у тебя на уме, молодой человек.

— Ты идиот, — глубокомысленно заметил Соьер.

Альпер немного подумал.

— Хорошо, — сказал он. — Пожалуй, с этого момента, нам лучше работать вместе, но передатчик останется в твоей голове. На всякий случай. Ты говорил о том, что мы должны что-то предпринять? Что, например?

Соьер снова обхватил колени руками.

— Единственное, что я могу предложить на данный момент, — сказал он, — это ждать.

Они молча сидели минут десять, изредка обмениваясь враждебными взглядами. Затем странный звук привлек их внимание. Он исходил откуда-то сверху. Оба подняли головы. В стеклянной стене появился сверкающий квадрат размером три на три дюйма. Они в изумлении смотрели, как поверхность квадрата раскаляется, стена становится прозрачной, так что уже можно было рассмотреть гексагональную структуру стекла. Затем стекло внезапно превратилось в зеленый пар, который ворвался в камеру, и лица Альпера и Соьера обдало жаром.

Пот выступил на лбу Соьера.

Но температура быстро снизилась. В воздухе медленно расплывалось облачко зеленоватого пара, а квадрат в стене стал отверстием. Видимо, молекулы этого стеклообразного материала мгновенно испарились, не переходя в жидкость, точно также, как это происходит с кристаллами двуокиси углерода — сухого льда. Вещество, из которого состояла стена, не исчезло, а просто перешло из твердого состояния в газообразное.

Величественная голова Извера со стеклянной короной появилась в отверстии. Он с любопытством смотрел на землян. Видимо, так же люди наблюдают за деятельностью муравьев в муравейнике. Лоб Извера тоже был мокрым от капелек пота. Похоже, для испарения стекла потребовалось много энергии и выделилось много тепла.

Большие, полуприкрытые ресницами глаза Извера взглянули на Альпера. Видимо, Извер решил, что Альпер именно тот, кто ему нужен. Он, не входя в камеру, вытянул свою длинную руку и положил на колени Альпера квадратный предмет размером около десяти дюймов. Предмет был черного цвета и слабо мерцал. Прежде чем кто-либо успел сказать хоть слово, голова Извера исчезла. Несколько мгновений отверстие оставалось открытым. Затем жут-

кий холод наполнил камеру. Все молекулы зеленоватого пара мгновенно сконцентрировались и заполнили отверстие в стене. Воздух стал чистым и прозрачным, а стена такой же монолитной, какой была до того.

Альпер осторожно коснулся предмета на своих коленях. При этом он подозрительно взглянул на Сойера. И тут предмет вдруг шевельнулся, как будто с него спали невидимые ремни, и оказалось, что с колен Альпера свисает мерцающая черная ткань, такая черная, что она поглощала все лучи, падающие на нее. Глаз человека не мог сфокусироваться ни на чем, глядя на нее — настолько глубока была эта чернота. Ткань не была запакована ни во что — ни в бумагу, ни в картон. Ее держало в сложенном состоянии ее собственное силовое поле. Приглядевшись, Сойер понял, что это не просто ткань, это было что-то вроде плаща, такого огромного, что трудно было поверить, будто он мог сложиться в такой маленький сверток. Из складок плаща выпал квадратик белой бумаги, который сам развернулся и лег на пол перед Альпером.

Альпер осторожно взял его за самый уголок. Там было что-то написано. Альпер быстро пробежал текст глазами, и торжество осветило его лицо. Он рассмеялся радостным лающим смехом, взглянул на Сойера и тут же рука его оказалась в кармане.

Громы и молнии. Они возникали в самых глубинах мозга Сойера, они ослепили его страшной болью. Пульсирующий ток крови в ушах усилился так, что, казалось, пришел конец света. Все исчезло перед его глазами.

Но на этот раз он был готов. Почти готов. Готов настолько, насколько человек может приготовиться к удару молотком по обнаженному мозгу.

Он видел, как двинулась рука Альпера. Он прочел намерение в глазах старика еще до того, как рука начала движение к карману. И все мышцы и нервы без какой-либо команды успели приготовиться к тому, что его ожидало.

Прежде, чем гром расколол его череп на части, он уже прыгнул и был в воздухе. Внимание Альпера раздвоилось: с одной стороны, оно было привлечено к таинственно мерцающей ткани на коленях, а с другой стороны, он старался привести в действие свое оружие против Сойера. И тут на него обрушилось полубессознательное тело Сойера, совершившего прыжок через всю комнату. Все же это был тяжелый и сильный мужчина.

Альпер упал при столкновении на бок. Он хотел оттолкнуть Сойера обеими руками, но, когда он отпустил кнопку управления, громы моментально прекратились в голове Сойера.

Сойеру повезло, что он не убил Альпера, хотя он стремился к этому. Удар ребром ладони, нацеленный в шею, пришелся в скулу Альпера. Другая рука тут же нанесла удар в живот, заставивший старика согнуться пополам, а следующий удар коленом в лицо швырнул Альпера на пол.

Сойер нагнулся над извивающимся на полу телом, готовясь нанести удар ребром ладони по основанию черепа. Этот удар должен был прикончить Альпера. Но затем осторожность взяла верх. А не взорвется ли у него в голове передатчик, если Альпер умрет?..

Сойер аккуратно ударил Альпера в челюсть. И еще раз. Он подождал, желая убедиться, что старик без сознания. Затем он повернул его на спину и сунул руку в роковой карман, который вызывал адский гром в его мозгу. Там он нащупал маленькую коробочку, размером с ручные часы, и вытащил ее. Легкое нажатие пальцами — и в голове его послышалось гудение, как будто кровь забурила по сосудам мозга.

Он отпустил палец, приложил к уху коробочку и, наклонившись к Альперу, позвал его.

— Альпер! Альпер! — из коробочки послышался его собственный голос. Значит, Альпер не солгал, это был не только передатчик, но и микрофон, с помощью которого Альпер мог узнавать о нем все, как бы далеко он ни находился.

Сойер решил отойти от Альпера, но когда он сделал шаг, в голове его возникло гудение. Еще шаг — и гудение превратилось в раскаты грома. Сойер поспешно вернулся в прежнее положение, осторожно положив коробочку обратно в карман. Намерение убить Альпера исчезло, как будто и не было.

Безнадежная ситуация. С одной стороны, он не мог больше терпеть этот передатчик у себя в голове, но с другой стороны, он не видел способа избавиться от него. Он с ненавистью посмотрел на распростертое тело своего мучителя, которого не осмеливался убить.

Альпер говорил, что там есть выключатель, но замаскированный так, что его не смог бы найти и Гудини. Сойер снова вынул коробочку.

Может, секрет выключателя в простоте маскировки? А может, подумал Сойер, Альпер солгал, и тут нет никакого выключателя. Во всяком случае, стоило попробовать найти секрет.

Через десять минут он осознал тщетность своих стараний, сунул коробочку в карман Альпера и взял бумагу, которую Альпер выронил из рук.

Она зашуршала под его пальцами. Письмо было написано по-английски, но почерк был таким, как будто человек, написавший это письмо, впервые пользовался английскими буквами. Тем не менее письмо было безукоризненно с грамматической точки зрения.

«Альпер, я спасу тебя, если смогу. Но мне нужна твоя помощь. Я хочу получить Огненную Птицу, которую ты украл, а ты хочешь жить. Мы можем договориться, если ты будешь делать то, что я скажу. Это черный плащ, который носят слуги Богини, выполняющие ее личные поручения. После наступления темноты ты не будешь виден в нем. Ты сможешь открыть стену, приложив одну из пуговиц плаща к тому месту, которое начнет светиться при приближении пуговицы. Постарайся не сжечь пальцы, потому что пуговица быстро раскаляется. Когда ты накинешь капюшон, то услышишь гудение, оно приведет тебя ко мне, если ты будешь идти так, чтобы оно не прекращалось и оставалось постоянным по громкости. Держись в тени, не разговаривай ни с кем, не отвечай на вопросы. Ты имеешь право на это, так как на тебе плащ посланца Богини. — Последняя строчка была подчеркнута.

Я не смогу ничего сделать, если ты не сохранишь все в тайне. Постарайся сделать так, чтобы землянин, пришедший с тобой, умер. Огненная Птица даст тебе энергию, которая позволит тебе убить его. Но используй ее только тогда, когда вы будете одни, и возьми энергии ровно столько, сколько надо, чтобы убить его».

Подпись под этим сугубо деловым посланием была простой: «Нете».

Сойер взглянул на Альпера и с трудом удержался, чтобы не убить его. Он взял плащ, который оказался на удивление легким и таким черным, что даже на близком расстоянии Сойер не мог сфокусировать на нем взгляд.

Он понятия не имел, что на самом деле затевает Нете, но все же это казалось ему предпочтительным; чем беспомощность в плену в этой стеклянной коробке.

Единственное черное пятно на всем происходящем был Альпер. Ведь как бы далеко не ушел Сойер, если ему удастся вырваться на свободу, Альпер всегда сможет расколоть ему череп молниями в любой момент, когда ему этого захочется.

Сойер покачал головой, совершенно уверенный, что есть выход из этого положения, нужно только отыскать его.

И идея пришла к нему. Возможно, этому помогло то, что он потрянул головой, приводя мысли в надлежащий порядок. Он рас-

смеялся, бросил плащ, перевернул Альпера и стал обыскивать его карманы. И вот Огненная Птица у него в руках.

Ручкой Альпера он написал на обороте записки Нете:

«Благодарю за плащ и Огненную Птицу. Как мне хотелось убить тебя! Но я знаю, что моя жизнь зависит от твоей. Теперь я сделал так, что и твоя жизнь, и жизнь Нете зависит от меня. Для меня это гораздо безопаснее. Включите передатчик в моей голове еще хоть один раз — и вы никогда не увидите Огненную Птицу. Оставьте меня в покое, и если я сделаю то, что наметил, я вернусь к вам. Это единственное, что я могу предложить. Но я предупреждаю вас, — не включайте передатчик! Тебе хватит энергии до нашей следующей встречи. А получишь ли ты свою энергию, будет зависеть только от меня. Помни это, прежде чем притронуться к передатчику!»

Подписываться было не обязательно. Соьер завернул контрольное устройство в записку и сунул в карман Альпера. Затем он взял плащ, накинул его на плечи, натянул капюшон на голову и пробежал пальцами по краю плаща, отыскивая пуговицы. Вот они.

Стенка, через которую приходил Извер, засветилась в одном месте, когда Соьер приблизил к ней пуговицу. Вскоре жар стал нестерпимым, и Соьер отпрыгнул назад. Стена высветила кристаллическую структуру, затем начала испаряться. Снова появилось облако зеленоватого пара, который сгустился в атмосфере камеры. Еще мгновение, — и в стене образовалось отверстие.

Соьер быстро выбрался наружу. Огненная Птица в кармане приятно грела ему бок. Он пожалел, что не воспользовался случаем и не пополнил свою энергию. Нете утверждала, что Птица не излучает энергии, если она не открыта. Соьер чувствовал себя усталым, голодным, очень хотелось пить. Но все это было неважно, по сравнению с тем, что ждало его впереди. Перед ним было трудное дело, и он не знал, как к нему подступиться.

Впереди забрезжил свет и послышался шум дождя.

Дождь длинными косыми струями падал на улицы, сверкая в свете, падающем из окон домов. Он барабанил по капюшону Соьера, стекая холодными ручьями с его плеч, и иногда заглушая монотонное гудение, которое указывало путь к Нете. Соьер медленно шел по пустынным улицам, ориентируясь по звуку, который доносился из двух пуговиц, пришитых на капюшоне близ ушей.

Он старался держаться в тени. Он шел по улицам города, который находился в другом мире. Само существование Изверов доказывало это. Насколько Земля отличалась от этой планеты,

Сойер еще не мог сказать, но он уже узнал достаточно, чтобы идти осторожно, и с опаской.

Изверы, по всей вероятности, добились больших успехов в технике. Они знакомы с электричеством, с проводимостью металлов. А мгновенное испарение материала стены камеры? Это большое достижение. Вероятно, прижатие пуговицы к стене настолько возбуждает молекулы, что они выделяют огромное количество тепла, достаточное для испарения. Правда, обратный эффект — мгновенная концентрация молекул, при которой происходит восстановление материала — не совсем понятен.

Но что из того, что Изверы кое-что знают о химии и физике? Цивилизации могут иметь общие точки соприкосновения, но это не помешает им быть в корне различными и не понимать друг друга. Пусть здесь, как и на Земле, на заходе солнца загораются огни в домах, готовится ужин, кричат дети, лают собаки... Но из этого не узнаешь, каковы моральные ценности данного мира.

«Во всяком случае, — подумал Сойер, — где-то под мокрой крышей одного из домов возле огня сидит Клей и рассказывает толстому старику свои впечатления о неизвестном мире под названием Земля».

Гудение в ушах внезапно стихло, а затем снова появилось, немного сместившись. Сойер вертел головой, пытаясь сориентироваться. Он повернул под прямым углом к прежнему направлению. «Вероятно, Нете тоже не стоит на месте», — подумал он.

Куда же он идет? Ему очень хотелось знать местный язык. Если бы он нашел Клей, или ее деда, половина проблем была бы решена. Но он понимал, что шансов на это слишком мало. Пока он будет искать этот мизерный шанс, Нете или кто-нибудь из Изверов схватят его.

Однако у него есть нечто, очень важное и ценное для Нете — Огненная Птица. Сойеру казалось, что лучше всего спрятать ее где-нибудь, и пойти на randevu с Нете без Птицы. Причем следует держаться подальше от Нете. Сойер почтительно вспомнил силу этого гибкого тела. Нужно с ней торговаться повыгоднее, — например, узнать, как с помощью Огненной Птицы открыть Ворота обратно на Землю. Однако сейчас не время, чтобы загадывать далеко вперед. Не будет ничего необычного в том, что Нете высунется из какого-нибудь окна, стукнет его по голове и спокойно заберет Птицу, пока он будет без сознания. И он шел очень осторожно, зорко вглядываясь в тени и надеясь на провидение, которое на стороне правды. Впрочем, так бывает далеко не всегда даже на Земле.

Главное — Огненная Птица. Сойер боялся хранить ее у себя, так же как боялся спрятать ее где-нибудь.

«Хотя бы Нете стояла на месте», — раздраженно подумал он, вертя головой, чтобы снова найти нужное направление. Он замер и стал ждать на мокрой улице под окном, из которого доносился плач ребенка, пока Нете остановится и гудение станет более устойчивым. Откуда-то из-за двери залилась истерическим лаем собака. Она яростно скребла дверь, когда Сойер проходил мимо. Потом умолкла.

Сойер прошел несколько десятков метров, и затем собака начала лаять снова. Он понял, что за ним кто-то идет. Тогда он вошел в глубокую тень и стал вглядываться в темноту позади себя. Но если у него и был преследователь, то он тоже был неразличим в темноте, и Сойер видел лишь пустую улицу и слышал только лай собаки, и скрежет ее когтей по дверной панели.

Делать было нечего, и он пошел дальше. Во всяком случае, пока он остается в тени, он невидим. Однако изредка он осторожно оглядывался назад.

Сойер шел и размышлял о том, что все, что он скажет Нете при встрече, он скажет и Альперу, если тот будет слушать. И что бы ни ответила Нете, ее услышит и Альпер. Так что они не смогут договориться без участия Альпера в этой сделке. Все это, конечно, будет в том случае, если Альпер позволит ему жить. Ведь он будет в ярости, когда придет в себя и обнаружит, что в камере нет Сойера, и у него нет Огненной Птицы. Но это был неизбежный риск. Сойер мог только ждать и надеяться на лучшее.

Уже минут пятнадцать сигналы от Нете приходили довольно устойчиво, и Сойер шел быстро, пытаясь приблизиться к ней настолько близко, что он сможет увидеть ее и не блуждать по улицам, повинаясь гудению в капюшоне.

Конец путешествия оказался внезапным.

Сигнал был четким и ясным. Сойер повернул за угол и остановился так резко, что даже поскользнулся на мокрой мостовой. Он прижался к стене в какой-то нише и выглянул из нее, ругая про себя Нете. Перед ним высилась каменная стена, в которой были проделаны ворота. Ворота были сильно укреплены, и в настоящий момент закрыты. Это — конец города, и Сойер понял, что этот город опасается нападения.

Ворота были высокие, с огромными железными дверьми. На стене охранники-Хом вглядывались вдаль, в направлении невидимой опасности. Другие охранники, тоже Хом, одетые в окованные

железом туники, охраняли ворота. У них в руках были какие-то трубки, видимо, оружие.

Один из Изверов, возвышаясь, как божество, над низкорослыми Хомами, что-то презрительно говорил Хому-офицеру. Ворота по всей видимости тщательно охранялись, и беспокойство Сойера усилилось. Ведь сигнал в его ушах излучался четко и ясно. И он явно шел из тьмы за воротами.

Может, Изверы тоже ждут Нете? Может, ему сейчас следует выйти и отдать Огненную Птицу этому полубожеству? Или же он должен подчиняться зову Нете и пробираться к ней? Он долго размышлял над этой альтернативой. Если он сейчас сдастся, то окажется во власти неизвестности. Реакцию же Нете он мог до некоторой степени предсказать. Поэтому он осторожно пошел по аллее. Ему нужно было найти брешь в стене, или хотя бы лазейку.

В конце концов он нашел возможность перелезть через стену, и бесшумно прыгнул на сырую траву. Он огляделся, но увидел только деревья, а в просветах между ними линию горизонта, расплывающуюся в потоках дождя.

Где-то под деревьями вспыхнул тоненький лучик света и исчез.

— Я здесь, — нетерпеливо сказала Нете. — Иди. Иди ко мне. Быстро. Иди ко мне, и все будет в порядке.

Сойер осторожно пошел на свет. Под ногами скользила мокрая трава. Плащ его был непромокаемым, но дождь бил его по лицу, а ветер прижимал полы плаща к мокрому ногам. Он с трудом различил бледное пятно лица под деревьями. Между ветками он заметил яркое свечение, как будто там было огромное озеро, отражавшее от своей поверхности свет небес.

Когда он прошел футов двадцать, раздался голос Нете:

— Стой, — и он остановился.

Послышался смех Нете, мягкий, торжествующий.

— Хорошо, — сказала она. — Иди.

Было что-то в ее смехе, в тоне, каким она позвала его, что заставило Сойера насторожиться. Он пошел вперед, но медленно, осторожно. Он весь напрягся, все нервы натянулись, предчувствуя какую-то опасность, хотя он не мог распознать ее. Он шел к деревьям, и внезапно поймал себя на том, что считает шаги.

Он насчитал семь шагов, идя по мокрой траве, а восьмой шаг пришелся в пустоту, и он рухнул в ничто. Где-то над ним раздался торжествующий смех и послышались торопливые шаги: это Нете спешила к месту падения.

Очень отчетливо, с одного взгляда, Сойер увидел то, что находится под ним. Он успел разглядеть все до мельчайших подробностей.

Светящаяся область за деревьями вовсе не была озером или океаном. Это была пустота. Высокие деревья окаймляли край твердой земли на внешней оболочке этого загадочного мира, где стоял город. Внизу, бесконечно далеко внизу, в бесконечно широком пространстве находилась другая планета. Молочные облака плавали в бледно-серебряном небе. Некоторые из них, видимо, были грозовыми, так как имели зловеще-черный цвет.

Сойер рухнул в какую-то трещину в планете. Нете устроила ему ловушку, подождав к себе, заставляя его идти. Все было рассчитано точно. Сойер должен был упасть вниз и спасения не было.

Он летел вниз бесконечно долго. Затем что-то хлестнуло его по лицу, и он ухватился обеими руками за то, что показалось ему какой-то сетью.

Падение резко прекратилось. Рывок был настолько сильным, что он чуть было не сломал себе позвоночник. Далеко внизу загадочная планета раскачивалась под ним взад и вперед. Сойера стало тошнить, и он закрыл глаза, изо всех сил вцепившись в спасительную сеть, которая изредка дергалась. Это лопались нити под его тяжестью. Сойер с трудом заставил себя открыть глаза. То, за что он держался, было таким слабым и ненадежным, что даже поднимая ресницы, он боялся, что это движение заставит оборваться нити, которые его держали.

Теперь он видел. Слабое сияние заполняло огромную пустоту, над которой он висел. Прямо под ним плыла незнакомая планета. То, за что он успел зацепиться, было корневой системой деревьев. Возле края слой почвы был очень тонким, и деревья, растущие на краю, выпустили свои корни в пустоту. Сойер увидел, что не так далеко от него находятся более толстые и надежные корни. Но ему казалось, что достаточно одного движения, — и он сорвется, полетит вниз.

На его голову и плечи посыпался щебень. Он слегка поднял голову. Над краем обрыва, с которого он сорвался, появилось торжествующее лицо Нете. Но затем Сойер увидел, что торжество омрачено. Он еще жив!

Она удивленно сказала:

— О!

Сойер промолчал. Он боялся даже говорить. Он измерил взглядом расстояние, отделяющее его от толстых корней, и думал,

что произойдет, если он рискнет перехватиться. Впрочем, что тут думать, — он неминуемо сорвется.

Нете сказала очень неуверенным голосом:

— Альпер!

Сойер промолчал.

Она снова спросила:

— Альпер, это ты?

Сойер ощутил мягкое тепло Огненной Птицы в кармане и снова начал обдумывать линию поведения. Смешно было думать о будущем при таких обстоятельствах, но мозг человека — удивительное творение.

Снова посыпался град мелких камней — Нете сильно перегнулась через край.

— Ты не Альпер. Ты другой. — Она рассмеялась. — Нужно ли мне помогать тебе выбраться наверх?

Он не сказал ничего даже сейчас. Он знал, что она не будет, не может помогать ему. Если он и сумеет спастись, то только сам. Все мышцы его уже болели, и он знал, что долго ему не выдержать. Он начал перемещать свое тело, с тревогой прислушиваясь к треску корней, готовясь совершить прыжок через бездну.

— Если ты принес Огненную Птицу, — заговорила Нете, — я помогу тебе. Она у тебя? О, конечно... Ты не дурак. Дай ее мне, и я вытащу тебя наверх.

Он не посмотрел на нее. Корни держали его, несмотря на движение. Наконец он напрягся и сделал безумный рывок через пустоту к толстым корням, которые могли спасти жизнь Сойеру.

Бездна под ним поплыла перед глазами. Корни манили его, и вот обе руки ухватились за шершавую кору. Он обнял толстые шершавые корни, закрыл глаза и прислонился щекой к колючей поверхности. Все внутренности его дрожали от пережитого.

Сверху раздался возглас. Посыпался щебень. Затем в пучину свалилось несколько камней, а сверху послышались звуки, как будто кто-то карабкался вниз. Нете выругалась на своем языке. Сойер сразу понял, что это ругательство, несмотря на чистый музыкальный звук. Он рассмеялся. Теперь он чувствовал себя гораздо лучше. Хотя положение его улучшилось ненамного, он по крайней мере имел твердую опору.

— Ну, как ты там? — спросила Нете. — Я повторяю, если ты дашь мне Птицу, я спасу тебя. Ты хочешь спастись? Я хотела погубить Альпера, а не тебя.

Она говорила, и в ее голосе слышалась паника, но у Сойера теперь была другая проблема, и он временно перестал слушать

Нете. Теперь он мог держаться за корень ногами и смог освободить одну руку. Он осмотрел край обрыва, откуда торчали корни. Его внимание привлекло небольшое отверстие. Он сунул туда руку. Внутри что-то зашуршало. Он вытащил руку, и за рукой высунулась маленькая головка с любопытными глазами. Две крохотные лапки цепко держались за край отверстия, и небольшое существо вроде белки с интересом смотрело на Сойера. Видимо, животное впервые видело человека. Оно крутило головой, рассматривая Сойера.

Сойер шикнул на него, и это привело зверька в панику. Он быстро развернулся в узком отверстии, задев пушистым хвостом лицо Сойера, и приготовился драться за свою жизнь. Сойер протянул руку и вытащил зверька из норы. Белка отчаянно сопротивлялась, но Сойер сунул ее в другое отверстие, правда меньшее, чем бывшая нора. После этого он вытащил камень из обрыва и затолкал в беличью нору. Только теперь он осторожно достал из кармана золотую полоску — Огненную Птицу.

Она казалась теплой и слабо светилась на фоне зеленоватой полутьмы бездны.

Сойер осторожно нажал на нее и почувствовал, как полоска шевельнулась в его пальцах. И вот уже расправились крылья, и свет, похожий на солнечный, заструился откуда-то из глубины. Сойер ощутил, как в него вливается поток энергии.

— Огненная Птица! — закричала Нете. Она увидела сияние. Нете буквально бросилась грудью на край обрыва. — Она у тебя! Я вижу огонь! Отдай ее мне, и я спасу тебя!

Но Сойер, несмотря на всю опасность своего положения, хорошо знал, что делать. Он не рискнул держать Птицу раскрытой более десяти секунд — время, необходимое ему для восстановления сил. Он не знал, какие опасности таит в себе Птица, но хорошо помнил, как Огненная Птица открыла Ворота в Земле, помнил, как порхали вокруг него крылатые языки пламени...

Он снова закрыл Птицу, и поток энергии медленно угас. Однако теперь он ощутил себя бодрым. Ему уже не хотелось ни есть, ни пить.

Во всяком случае, подумал он, Нете не получит Птицу. Он нашел идеальное место, где ее можно спрятать. Он затолкал золотую пластинку в нору, затем заложил отверстие камнями.

После этого он решил, пользуясь полученной энергией, вскарабкаться по корню. Но это ему не удалось, так как корень угрожающе затрещал. Все же ему удалось немного подняться. Ему даже показалось, что он видит Нете.

Черт побери, не может же он вечно висеть здесь! Но если он упадет, у нее исчезнет надежда получить Птицу. Впрочем, то место, где он спрятал Птицу, не очень надежно. Белка, движимая ненасытным любопытством, может подкопаться под камень и стать очень богатой. Она станет обладательницей Огненной птицы. Но, во всяком случае, Нете не получит ее.

«Ну, что ж, — подумал он, — пора поторговаться». Он поднял голову.

— Нете, ты слышишь меня?

Ее лицо показалось над ним. Она раздвинула траву, и на лицо Сойера стали падать дождевые капли.

— Если ты поднимешь меня, — сказал он, — то я смогу договориться с тобой.

Она протянула руку.

— Я не верю тебе. Дай сначала Птицу.

— Хорошо. Только протяни руку пониже. Мне не достать.

В футах от его лица появилась тонкая длинная рука. Сойер рассмеялся и схватил ее за запястье. Затем он сильно дернул за руку. Предупредительный рывок.

— Давай тащи меня, а не то мы оба рухнем вниз.

Крик дикой ярости раздался прямо у него над головой. Он заставил Сойера невольно содрогнуться. И в то же мгновение рука начала извиваться, яростно стараясь стряхнуть его. Держать эту руку было не легче, чем извивающуюся змею. Корень, на котором он висел, стал угрожающе трещать. Сойер стиснул зубы, стараясь не выпустить руку. Он висел на руке, сражаясь за свою жизнь и кричал:

— Прекрати, Нете! Прекрати! Тяни спокойно, а то мы обрушимся вниз! Тащи меня вверх! — Но она только яростно шипела и старалась вырваться.

— Я не могу вытащить тебя, идиот!

— Так какого же черта ты торговалась со мной? — сказал Сойер, еще крепче вцепляясь в ее руку. — Ну? Тащи меня вверх, или мы вместе свалимся!

Он услышал, как воздух с шипением вырывается между ее зубами, и улыбнулся, увидев над собой лицо, освещенное дикой яростью, которой горели ее огромные нечеловеческие глаза. При виде этого искаженного злобой лица сердце Сойера сжалось. Он подумал: «Тот, у кого такое лицо, никогда не согласится пойти на уступку. Она скорее умрет».

— Я соскальзываю, — сказал он спокойно и неторопливо. — Мои руки вспотели, я не могу удержать корень. Решай быстрее, Нете.

Злобные глаза сверкнули, глядя вниз, в бездну под ним. Корень скользил все быстрее и быстрее. Нете соскальзывала с обрыва и злобно шипела. Она уже была на самом краю, и серьги в ушах, подобно маленьким лампам, освещали ее путь к гибели. Затем Соьер услышал треск: корень сломался.

— Ну, что ж, — сказал он, глядя в лицо Нете. — Жизнь интересна, пока она продолжается.

И вот они оба повисли. Удерживал их только корень, которого не видел Соьер, но за который отчаянно цеплялась Нете. Вдруг на ее лице появилось выражение, которое он не мог разгадать. Он увидел, что она посмотрела в пучину; увидел, как ее злобное лицо исказилось гримасой не менее злобного торжества.

Нете рассмеялась и... выпустила корень.

Какие мысли промелькнули у него в голове, когда они начали падать? Этого он не успел осознать. Время остановилось для Соьера.

Он взглянул вверх и увидел отверстие, куда ранее провалился сам и куда только что проскользнула Нете. И над краем отверстия среди травы он увидел темное мужское лицо, смотревшее на них. Он увидел все с фотографической точностью: и лицо, и край отверстия со свисающей травой; все это быстро удалялось от него, уменьшаясь в размерах. Лицо мужчины, лежащего на краю обрыва, отчетливо запечатлелось у него в мозгу. А затем оно скользнуло куда-то вбок и исчезло.

Они летели вниз, и их сопровождал громкий чистый смех Нете.

Они летели вниз, и ветер свистел у них в ушах. И летели они прямо в грозные облака, которые проплывали под ними. Облака, казалось, были готовы принять их. Может, именно поэтому Нете так торжествующе рассмеялась, прежде чем бросилась с ним в бездну? Ведь она, прежде чем сделать это, посмотрела вниз. Но как могут эти облака спасти их?

Внезапно Соьер с удивлением заметил, что это не облака и не тучи, а кроны деревьев.

Вокруг них затрещали ветви, листья хлестали их по лицам. Сучья пружинисто согнулись, принимая вес тел, и затем выпрямились, подбрасывая их в воздух. Соьер подумал, что падения не избежать, но деревья в этом мире оказались более дружелюбно настроенными к нему, чем люди. Дважды они опускались на кроны деревьев. Чем может им помочь это плывущее по воздуху дерево, Соьеру не было понятно, — но приятно было чувствовать под собой опору.

«Хорошее дерево, — подумал он. — Умное, доброе дерево, держи меня». И тут дерево стукнуло его по голове обломком сука. Впервые в своей жизни Сойер с удовольствием лишился чувств.

Ему казалось, что он лежит на твердой булыжной мостовой. Серебряно-серые тени мелькали перед его глазами. Вымощенные камнями облака были выше его понимания, и он приподнял голову, чтобы все получше рассмотреть, но тут же рука Нете придавила его голову к камням, и он почувствовал боль.

— Где же она? — послышалось яростное шипение Нете. Она, должно быть, обыскивала его, и стянула плащ. Нете толкнула его с такой силой, что он покатился по булыжникам, и звезды засверкали в его глазах.

— Что ты сделал с Огненной Птицей? Я знаю, что она была у тебя! Где она? — Нете наклонилась к нему. Ее сверкающие глаза были в футе от него, яркие фонарики в ее ушах слепили глаза.

— Может, я выронил ее? — сказал Сойер, пытаясь подняться. — Где мы? На облаке?

— Мы на одном из плавающих островов, — нетерпеливо ответила Нете и тут же яростно затрясла Сойера. — Ты выронил ее?! Отвечай!

Сойер почувствовал боль в том месте, куда его ударил сук, и посмотрел на дерево. Обломанные ветви и сбитые листья показали ему путь, по которому они прибыли сюда. То, что они остались живы после такого падения, было чудом, хотя и не самым удивительным. Значит, Темное облако маскирует плавающий остров? Плавающий остров?..

Сойер сильно ударил кулаком по камням.

— А это безопасно? — нервно спросил он. — На чем он держится?

— На чем держится Солнце? — злобно спросила Нете. — Откуда я знаю? Где Огненная Птица? Отвечай мне, пока я тебя не убила.

Сойер понял, что если дать понять Нете, что Огненная Птица пропала для нее навсегда, то она приведет свою угрозу в исполнение.

— Обращайся со мной поосторожнее, и тогда я скажу тебе, — быстро проговорил он. — Я выронил Птицу, когда мы падали. Но я заметил место. Ты никогда не найдешь ее без ...

Она бросила вокруг себя быстрый взгляд.

— Куда она упала? — спросила она. — Быстро отвечай!

— Я не скажу тебе.

Змеиная рука Нете обрушилась на него. Потом она схватила его за руку и начала выкручивать ее. Сила Нете была огромна.

Она шипела сквозь зубы:

— Отвечай мне, Хом! Отвечай!..

Энергия, которую почерпнул Сойер от Огненной Птицы, позволила ему оказать сопротивление. Он извернулся и постарался нанести сильный удар ребром ладони по шее, прямо под сережку.

Плоть ее оказалась холодной, твердой и совершенно нечеловеческой. Удар только привел ее в бешенство. Она зашипела и еще сильнее заломила руку. Все мышцы его чуть не рвались, суставы затрещали. Пот ручьями стекал со лба. Он сжал зубы и, преодолевая боль, сказал:

— Ну, давай, ломай руку.

Она с удивлением взглянула на него.

— Я не Хом, — ровным голосом произнес он. — Ломай. Я не буду говорить. Ты можешь убить меня, если не хочешь договориться по-доброму. Но...

Она еще дальше заломила руку. Сойер застонал от боли и стал крутиться вслед за рукой, стараясь спасти ее, пока еще есть возможность. Она непременно сломала бы ему руку в ближайшие несколько секунд, если бы в конфликт не вмешалось что-то еще.

Откуда-то сверху упал камень, который попал Нете прямо в лоб. Она выпустила Сойера, и тот в изнеможении рухнул, массируя руку. Несмотря на боль, он думал о том, что камень такой величины, брошенный с большой силой, должен был бы разнести голову Нете на части. Он был почти уверен, хотя все произошло мгновенно, что перед тем, как камень попал в лоб Нете, — из ее головы вырвалось сияние, смягчившее удар. Да, конечно, оно вырвалось из головы. Значит, Изверы действительно неуязвимы? Тогда понятно, почему Нете рискнула броситься вниз, на этот плавающий остров. По сути, она ни чем не рисковала. А вот Сойер неминуемо бы разбился, если бы листва деревьев не смягчила удар.

Впрочем, думать об этом уже не было времени, так как Нете еще не успела упасть на землю. Тут же послышался ужасный шум, доносившийся с деревьев; и на них лавиной обрушилась орда каких-то существ.

Сойер не мог разглядеть их отчетливо. Но ему этого и не хотелось. У него вызвали отвращение приземистые фигуры, вросшие в плечи головы. Конечно, это не люди. Даже Изверы по сравнению с этими существами казались настоящими землянами.

Эти существа ходили на двух ногах, могли кидать палки и камни. У них было и другое оружие. Сойер видел сверкание длинных ножей в толпе, окружавшей его и Нете.

Пахнущие мускусом существа двигались с неестественной скоростью, пока Сойер тщетно пытался привести в порядок смятенные мысли, а Нете, пошатываясь, поднималась с земли. Сойер почувствовал, что сильные руки схватили его. Он начал вырываться, но тщетно. С легкостью его подняли с земли, как будто он весил не более фунта.

Он огляделся вокруг себя. Какого же они роста? Казалось, что они все время меняют свой рост. Но затем он понял, почему ему так кажется. Их головы походили на головы черепашек. Они могли вытягиваться на длинной суставчатой шее и втягиваться в плечи. Сойеру почудилось, что их мускулистые руки вовсе без костей, так как они изгибались во всех направлениях.

Они дышали ему прямо в лицо горячим мускусом и передавали его друг другу, обмениваясь странными звуками: сопеньем, похрюкиванием, свистом. Сойер решил, что эти звуки не имеют ничего общего с членораздельной речью, и в их маленьких головах разум находится в зачаточном состоянии. В полутьме большие, светлые, совершенно пустые глаза светились, как драгоценные камни.

Один из них издал звук, подобный бою большого барабана, и протянул к лицу Сойера обе руки. Большие, холодные, пахнущие мускусом, руки ощупывали его лицо, уши, крутили ему голову. Сойер понял, что еще секунда — и это чудовище свернет ему шею.

Между растопыренными пальцами большой руки он увидел Нете, которая сражалась с врагами с гораздо большим успехом, чем он.

Он крикнул ей, хотя ладонь заглушила его голос:

— Нете! Нете!

Как будто взрыв ярости раздался в кольце дикарей, окружавших Нете. Ладонь дикаря мешала Сойеру увидеть все подробно, но он разглядел, что его крик будто вселил в Нете источник энергии. Она рванулась с такой силой, что все враги разлетелись в стороны. Лицо ее светилось изнутри, глаза горели, как фонари, она двигалась с такой скоростью, что оставляла после себя в воздухе огненные языки.

И тут же раздался ее крик, подобный удару гонга. Ни одно человеческое горло не могло бы издать такой звук, столь продолжительный, и столь чистый. Сойеру показалось, что в воздухе поплыли светящиеся круги звуковых волн.

Реакция дикарей была неожиданной. Руки отпустили Сойера, и он стоял, потирая больную шею и с удивлением оглядываясь вокруг. Все черепашины головы повернулись к Нете, каждая пара пустых блестящих глаз смотрела только на нее.

Сойер воспользовался возможностью, выхватил из ближайшей руки длинный нож и вонзил его по самую рукоять в грудь дикаря.

— Не надо, — крикнула Нете с другой стороны поляны. — Не теряй времени — слушай меня. Сбрось плащ. Избавься от него, пока ты не погиб!

Подчиняясь приказу, Сойер стал снимать плащ и красн глазами посмотрел на дикаря, которого он ударил ножом. Тот не отрывал взгляда от Нете. Он даже не взглянул на нож, торчащий у него в груди. Только рука его поднялась и вытащила нож с такой небрежностью, как будто это была иголка, оцарапавшая ему кожу. На груди дикаря не оказалось никакой раны. Темная плоть мгновенно затянулась, как только нож был вытасчен из тела. На груди не осталось ни следа. Только с лезвия ножа скатилось две капли золотой жидкости, которые тут же исчезли.

«Неуязвимы! — подумал Сойер, и страх шевельнулся в нем, — Здесь все неуязвимы, кроме меня».

Но затем думать ему стало некогда, так как плащ раскалился в руках.

Сойер вовремя выбросил его, так как в следующее мгновение плащ вспыхнул ярко-белым пламенем. Блестящие овальные глаза дикарей проследили его полет и больше не отрывались от яркого света. Дикари смотрели на него, как загипнотизированные. Нете была забыта. Сойер был забыт. Пламя притягивало к себе дикарей, они тянулись к нему, как мотыльки.

Сойер содрогнулся при мысли о том, какой ужасной смерти могла подвергнуть его Нете, если бы захотела, если бы его жизнь была не нужна ей. Как она сделала это, осталось для него загадкой, но он видел своими глазами, как черный плащ превратился в невообразимо белое пламя, которое разгоралось все ярче и ярче, черпая энергию из какого-то неведомого источника. Дикари тянулись к нему, возбужденно толпились вокруг, к ним присоединялись другие дикари, выбегавшие из леса.

Сойер увидел, что Нете пробирается сквозь загипнотизированную толпу к нему. Фонарики ее сережек слабо светились в темноте. Сойер понял, что опасность приближается. Она спасла его потому, что он был нужен ей, но конец неминуем, если Нете достигнет его.

Он резко повернулся и побежал...

За деревьями на фоне серебристого туманного неба вырисовывалась темная гряда холмов. Соьер с трудом бежал вверх по склону, не имея никакого четкого плана, кроме желания оставить между собой и Нете как можно большее расстояние. Он не забыл, что находится на острове, невероятным образом плавающим в пространстве. Он внимательно смотрел на холмы перед собой и вскоре увидел ключья серого тумана между двумя из них. Видимо, там был конец тверди.

Так и есть. Соьер избежал на вершину и с трудом остановился, ухватившись за ствол дерева. И он, и дерево находились на самом краю бездны. Это был край острова. Ключья тумана плыли прямо у его ног. Корни дерева свисали вниз, совсем как у того дерева, за которое он уцепился наверху. Соьер заметил, что корни слегка отклонились назад. Значит, остров движется.

Держась за дерево, Соьер перегнулся через край. Он увидел то, что принял за темные тучи. На самом деле это были острова. Их было много. Они медленно плыли между верхним миром и далеким, таинственным нижним миром. Он подумал, что эти острова, как ступеньки лестницы; если повезет, то, перебираясь с острова на остров, по мере того, как они поднимаются и опускаются в своем медленном дрейфе, можно добраться до нижнего мира... Так вот почему ворота города тщательно охраняются! Они все время ждут нападения!

Он посмотрел вверх и у него перехватило дыхание. Нижняя поверхность верхнего мира светилась алым пламенем, на фоне которого мелькали ослепительно белые молнии. Соьер решил, что так должен выглядеть конец света. Но затем он понял: это всего лишь зловещие отблески пылающего плаща. Сила свечения плаща была такова, что отблески пламени достигали верхнего мира.

А когда он оглянулся, то увидел, как к нему быстро приближаются две светлые точки. Нете настигала его. Соьер схватился за дерево и стал молить Провидение, чтобы оно вспомнило о нем. Ведь сейчас он находился буквально между адом и дьяволом. Нете отрезала ему путь к отступлению, и перед ним была бездна.

Нете заметила его силуэт на фоне серебряного неба и торжествуя захохотала. Музыкальный смех разнесся по долине.

— Твой последний шанс, — крикнула она ему. — Если ты скажешь мне, где Огненная Птица, скажешь до того, как я схвачу тебя, — я оставлю тебе жизнь.

Соьер взглянул вниз.

— Хорошо, — сказал он спокойно. — Остановись. Если ты хочешь говорить со мной, я услышу и оттуда. Но стой на месте, так как я скорее спрыгну вниз, чем позволю тебе убить меня.

Нете рассмеялась, правда, уже не так уверенно. Она замедлила шаг, но продолжала идти. Сойер нагнулся над бездной. Камни из-под его ног полетели вниз.

Нете остановилась.

— Осторожнее, Хом. Ты можешь упасть. Я...

— Я не Хом, — терпеливо повторил Сойер. — Мною ты не сможешь повелевать. Я знаю, куда упала Огненная Птица. Совсем не на этот остров.

Он посмотрел вниз и ему показалось, что он видит движение людей на острове под ним.

— Скажи мне, и я спасу твою жизнь, — предложила Нете, и сделала еще шаг вперед.

Сойер столкнул еще один камень, и Нете сразу остановилась.

— Должен предупредить тебя, что я действительно брошусь вниз, если ты подойдешь ко мне, — сказал Сойер. — Скажи, почему ты прыгнула именно на этот остров? Разве ты не знала, что он кишит дикарями?

— Я вовсе не предполагала прыгать на этот остров. Если бы ты не зацепился за корни, мы бы спрыгнули на другой остров и...

— Так вот в чем дело... — пробормотал Сойер. — Сбросить Альпера и убить его. Такова была твоя цель. А затем ты хотела ограбить мертвеца. Но ты не на того напала. Что ты предложишь мне, если я верну тебе Огненную Птицу?

— Смерть, если ты ее не вернешь! — выкрикнула Нете и продвинулась вперед на три шага. — Она у тебя?

Сойер спихнул еще один камень в пучину.

— Представь, что это я. Вместе с Огненной Птицей.

Она неожиданно остановилась.

— Нет, у меня ее нет, — продолжил он, — да ты и сама это знаешь. Ведь ты обыскала меня. Неужели ты думаешь, что если бы она была у меня, я оставался бы здесь? Я открыл бы Ворота и вернулся бы туда, откуда пришел.

— Идиот. Ты не смог бы открыть Ворота, — презрительно сказала Нете.

— Альпер ведь открыл, — напомнил ей Сойер.

— Он смог открыть Ворота потому, что я отперла замок, — бросила она. — Если бы замок не был отперт, то Огненная Птица ничего бы не смогла сделать, разве что вызвать настоящих Огненных Птиц.

— А что такое настоящие Огненные Птицы?

Она не успела ответить. Новый звук потряс воздух, и они оба посмотрели вверх. Несущиеся откуда-то тяжелые глубокие удары большого колокола, казалось, сотрясли остров до самого основания.

— Это колокол тревоги, — сказала Нете, повернувшись по направлению к источнику звука. Сейчас на Сойера смотрела ее маска, которая не выражала к нему никакого интереса. — Они заметили, что острова поднимаются.

Не успели затихнуть звуки первого колокола, как эстафету принял другой, более удаленный, а за ним третий. Сойер представил себе, что сейчас происходит возле ворот города и от всей души пожелал защитникам, чтобы их оружие в форме труб оказалось более эффективным в бою с дикарями, чем нож, который он вонзил в грудь одного из них.

— Они действительно неуязвимы? — спросил он у Нете, — я имею в виду дикарей.

— Селли? Да. Как и мы.

— Но ведь против вас есть оружие?

— Не у тебя, Хом. — Она рассмеялась и снова повернулась к Сойеру. Глаза ее горели злобой. — Все живое уязвимо. Но только Богиня имеет право обнажить оружие, которое может убить Извера. Не бойся. Селли тебе ничего не сделают. Неужели ты думаешь, что такая небольшая банда сможет устоять против Изверов?

Сойер взглянул на острова, которые плыли под ним. Возможно, маленький отряд дикарей ничего не сможет сделать с Нете. Но дикарей будет много. Он вглядывался в темноту бездны, которую сейчас прорезали отблески алого и бордового цвета.

Камни содрогались под его ногами, подчиняясь неумолимому ритму колоколов тревоги. Сойер вспомнил об Иерихонской трубе, звуки которой разрушали городские стены... Может быть, это было просто совпадение, но в его мозгу вдруг возник звук, давно знакомый, отделяющий его мозг от костей черепа...

«Альпер, — подумал он. — Проснулся. Колокол...» Это он разбудил его. Он поднялся, осмотрел пустую камеру, попытался вспомнить, что с ним произошло... — Сойер представил все это очень четко. — Вот он вспомнил обо мне. Вот его рука уже в кармане, пальцы нащупали кнопку управления»...

Сойер представил, как Альпер мечется по камере, бросается на стеклянные стены; лицо его темнеет от гнева... Но вот он нащупал в кармане листок бумаги. Сойер подумал, спасет ли его записка? Жизнь его была в кармане у Альпера. Альпер мог убить

его простым нажатием пальца, словно они находились в одной комнате, и в руке Альпера был заряженный пистолет. Если ярость заставит палец Альпера нажать кнопку до того, как он осознает смысл записки...

— Альпер, — громко сказал Сойер, — Ты слышишь меня?

Отдаленный грохот нарастал в его мозгу, но затем он начал стихать. И вот он прекратился. Альпер слушал его.

— Что такое Огненная Птица? — спросил Сойер, тщательно выговаривая слова. Он представил себе, как передатчик в его черепе уже приготовился принять убийственные сигналы. Но Альпер хотел знать ответ на этот вопрос. Он интересовал Альпера не меньше, чем Сойера. Чтобы еще больше заинтриговать Альпера, Сойер добавил: — Что это такое, Нете?

— Ключ, — нетерпеливо ответила Нете. — Ключ между мирами. А кроме того, линза Источника. Линза. Затвор. Я плохо знаю ваш язык. Может быть, в нем нет эквивалента для обозначения Огненной Птицы. А какое тебе до нее дело? Тебе все равно не воспользоваться ею. Предупреждаю тебя — лучше не пытайся. Ты можешь высвободить силы, которыми не способен управлять даже Изверы. Скажи мне, где Птица, и я обещаю тебе жизнь и безопасность.

— Ха, — ухмыльнулся Сойер и склонился над пропастью. — Это самое щедрое обещание, которое я получал в своей жизни.

Он рассмеялся. Ему стало немного легче. Все-таки Нете и Альпер находятся в зависимости от него, — пока. Нужно пользоваться этим и выжать из них как можно больше.

Глаза Нете сверкнули:

— Слушай, Хом! Моя жизнь зависит от того, получу ли я Огненную Птицу. Богиня ненавидит меня. Через три дня она должна уступить свое место мне. Я хотела переждать эти три дня в вашем мире — тогда Двойная Маска автоматически перешла бы ко мне.

Но ты и твой друг Альпер нарушили все мои планы. Из-за вашей глупости я вернулась в Хомад без Огненной Птицы. За это я убью Альпера, когда доберусь до него. Мне сейчас опасно находиться в Хомаде, даже имея Огненную Птицу. Но с ней по крайней мере я могу скрыться, пройдя через Ворота между мирами. А без нее я совсем беспомощна.

Охранники Богини следят за мной. Если она схватит меня, мне придется вступить с ней в единоборство на Церемонии. Одна из нас должна будет погибнуть. Если бы у меня была Огненная Птица, я бы победила, но теперь...

— Может, мне лучше заключить союз с Богиней? — доверительно спросил Соьер. — Альпер, ты слышишь меня?

— Хом! — свирепо выкрикнула Нете. — Животное!

— Назад, — быстро предупредил ее Соьер. — Я действительно хочу договориться с тобой. Например, можешь ли ты отослать меня обратно в тот мир, откуда я пришел?

И добавил поспешно:

— С Альпером, конечно, и Клей, если она захочет.

— За Клей сейчас охотятся охранники. Она предназначена для принесения жертвы на Церемонии. Но тебя я могу отослать обратно. И Альпера тоже. А сейчас давай мне Огненную Птицу...

— Не так быстро, — посоветовал ей Соьер. — Что ты можешь сделать для меня, чего не может Богиня?

— Я могу оставить тебе жизнь! — выкрикнула Нете и сделала еще шаг вперед. — Богиня не знает ничего! Ничего! Только я могу отослать тебя обратно!

— Очень интересно, если это правда, — пробормотал Соьер и заглянул в пучину, где плавали острова. Свет уже достигал самых нижних из них, и Соьер видел какое-то движение между деревьями.

— Если ты сумеешь доказать мне свои добрые намерения, то я поверю тебе, — добавил Соьер. Он надеялся, что Альпер их слушает и сможет заметить любую фальшь в словах Нете, которую он, Соьер, может пропустить.

Нете бросила на него ненавидящий взгляд и сказала:

— Изверги — боги. Почему я говорю с тобой, животное? Нет, нет, я должна говорить... Я расскажу тебе все. Когда-то очень давно мы тоже были смертными. Конечно, мы были выше вас, людей, но все же были смертными. Так оставалось до тех пор, пока мы не сделали величайшее открытие, которое изменило нас. Это случилось тысячу лет назад, совсем в другом мире. Мире, который ты сейчас можешь увидеть внизу. Между Хомадом и нижним миром в гравитационных потоках плавают эти острова.

Тогда наши мудрецы сделали Источник Миров, и мы стали богами. Мы полностью изменились. Наши тела изменились как внешне, так и внутренне. Но, тем не менее, мы оставались сами собой. В вашем мире есть аналогия тому, что произошло с нами: превращение элементов, изотопов. Именно это и делает Источник с нами. Мы стали изотопами самих себя. Мы стали богами, за исключением одного — мы нуждаемся в энергии.

Мы черпаем ее из Источника. Он дает бессмертие; нашим телам ничто не может повредить, мы все можем излечить мгновенно. Нам не нужно спать, пить, есть. Я попробую тебе рассказать,

что такое Источник, и тогда даже такой ограниченный разум сможет понять опасность Огненной Птицы.

Во Вселенной множество миров. Множество состояний материи. Ты об этом знаешь. Например, Солнце совсем не такое, как ваша Земля. Так вот, различных состояний материи множество, гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Например, миры из пара. Миры, недоступные вашим органам чувств, но тем не менее такие же реальные, как ваша Земля.

Хомад тоже другое состояние материи. Ваше Солнце и ваш мир невидимы для нас, как и наши миры — для вас. Существуют другие элементы, легче водорода и тяжелее трансурановых.

Но хотя ваши миры невидимы для нас, они доступны благодаря Источнику. Как вы черпаете энергию от вашего Солнца, так мы получаем ее от других миров с помощью Источника.

— Трансформаторы, — пробормотал Сойер, — Наверное, встроенные... Вероятно, рентгеновский снимок Извера мог бы многое объяснить. Может, внутри у них намотаны катушки индуктивности? Впрочем, дело не в этом. Ты еще ничего не сказала об Огненной Птице!

— Птица — это регулятор энергии в Источнике. Это часть Источника; она должна быть там. Но ее украли... — Нете помолчала и твердо добавила. — Украли Богиня. И с тех пор начались наши беды. В последние годы мы плавали возле вашего мира, где оказались богатые залежи урана. Они находятся у вас на северном полюсе. А наш полюс — это Источник. К сожалению, он у нас южный, и это тоже усугубило последовавшие беды.

Уран оказался для нас слишком мощным источником энергии. Вы, люди, сами не понимаете, насколько опасен уран, хотя вы и делаете из него бомбы. Обычно, когда мы приближаемся к такому мощному источнику, Огненная Птица складывает крылья и отключает наш Источник на то время, пока мы не отделимся от опасности. В противном случае Источник поглотит столько энергии, что сгорит сам и сожжет Извергов.

— Значит, Птица — прерыватель реакции, — сказал Сойер. — Ясно. И что дальше?

— Когда ваш мир проплывал мимо нашего, Огненная Птица сложила крылья, отключив Источник. Богиня была одна. Она вытащила Птицу из Источника. Ведь в этот момент было безопасно взять ее, а такое случается редко. И как только контрольное устройство — Птица была вытащена, миры притянулись друг к другу северным и южным полюсами. Теперь они никогда не разделятся, пока Птица не будет посажена на место.

Два мира сомкнулись между собой. Но Источник мертв. Изверы получают все меньше и меньше энергии; и они не понимают причины. Только я и Богиня знаем все, но она тоже не понимает смысла Огненной Птицы. И не знает, где она теперь.

Бывали времена, когда наш мир проплывал пространство, где не было источников энергии. Нам неоткуда было пополнять свои запасы, и тогда мы должны были приносить энергию к Источнику. Благодаря этому мы восполняем энергию до тех пор, пока не приплывем туда, где есть лишняя энергия. Изверы думают, что именно это и происходит сейчас.

Но это не так. Энергия не будет поступать к нам, пока Огненная Птица не будет помещена в Источник. А пока нам приходится приносить жертвы, чтобы сохранить жизнь и бессмертие Изверов. Это дает нам энергию, но очень незначительную. Близится катастрофа. Если Извер тратит энергии больше, чем у него есть, то в нем что-то меняется. Примерно то же происходит с изотопами.

Сойер вспомнил о превращении урана в нептуний, затем в плутоний, а затем снова в уран, но с другой массой и другими свойствами.

— Это происходит потому, что они нестабильны, — пробормотал он. — Нептуний теряет электрон и... продолжай. Во что же превращаются Изверы?

Нете бросила на него подозрительный взгляд.

— Они... они превращаются в облако пара. А потом, много позже, возвращаются так, как ты видел в Ледяном Холле. Именно это я имела в виду, когда говорила о странных переходах из одной формы в другую. Что происходит с Изверами в этот период времени, никто не может сказать.

Она нетерпеливо шагнула вперед.

— Теперь ты знаешь все. Ты вернешь мне Огненную Птицу. Или предпочитаешь прыгнуть вниз?

— А кто эти дикари? — спросил Сойер, стараясь, чтобы Альпер узнал обо всем.

— Это наказание нам за то, что Богиня похитила Огненную Птицу. Все неприятности будут продолжаться до тех пор, пока Птица не вернется на место. Я забрала Птицу у Богини. И когда сама стану Богиней, то верну ее в Источник и избавлю свой народ от мучений.

— Ты можешь вернуть Птицу Богине? Или, возможно, это не она украла ее, Нете?

— Конечно, она, — быстро проговорила Нете. — Она хотела энергии, много энергии, больше, чем мог дать ей Источник. Почему я должна возвращать ей Птицу и позволить сохранить Маску и Мантию? Когда я буду Богиней, я устраню все беды. А сейчас пусть она страдает за то, что совершила.

Сойер задумчиво посмотрел на нее. Ему стало ясно, кто стащил Птицу из Источника. Он надеялся, что Альпер слышит все. Он подумал, сможет ли Альпер передать весь этот разговор Богине, которая будет его допрашивать. Если, конечно, он все это слышал...

— Я все еще не понимаю, что такое настоящие Огненные Птицы? Есть ли связь между ними и этим маленьким талисманом?

— Этого я тебе не скажу, — рывкнула Нете, внезапно вспыхивая гневом. — Давай, прыгай вниз, если тебе так хочется! Единственное, что я скажу о них, это то, что они питаются энергией урана в вашей шахте на полюсе. Они могут также пить энергию из Хом. И из тебя тоже. Надеюсь, что так и случится.

Она злобно посмотрела на него.

— А что произойдет, — спросил Сойер, — если Богиня узнает, что Птица у тебя?

— Может быть, она и так знает. Но она постарается, чтобы никто больше не узнал, что Птица исчезла из Источника. Источник был доверен ей. Неужели ты думаешь, — она захочет, чтобы все узнали о том, что она позволила... она украла Птицу?

Сойер кивнул. Он был уверен в том, что талисман украла сама Нете. Может, она прочла это на его лице, потому что продолжала:

— А ты хочешь пойти к ней с этим рассказом? Во-первых, Богиня заставит тебя открыть, где ты прячешь Птицу. У нее есть для этого могущество, которого нет у меня. А во-вторых, она позаботится о том, чтобы ты замолчал навсегда, — чтобы никто не узнал о том, что Богиня не оправдала доверия. Она носит двойную Маску, и намеревается носить ее дальше. Но для этого ей надо убить меня во время церемонии Открывания. А если я умру, то Богиня не будет вступать в переговоры с каким-то Хом. Как ты думаешь, почему я не ждала тебя возле самого Замка?

— Ты чего-то боишься?

— Конечно. Солдат Богини. Я не подчинилась вызову на Церемонию. И я постараюсь прятаться от Богини. Но где можно укрыться от нее? Только пройдя Ворота, куда Богиня не может пойти за мной.

— Ворота на Землю?

Нете была в нерешительности.

— А может быть, куда-нибудь еще? — ехидно продолжал Сойер, глядя на нее, — В урановой шахте ты хотела куда-то унести Клей, чтобы допросить ее. Я уверен, что не в Хомад. А потом нас всех засосало в... — Сойер помолчал, а затем добавил: — Скорее всего, ты собираешься туда, куда хотела забрать Клей. Но без Огненной птицы тебе не совершить этого путешествия. Ветер в туннеле тащил нас всех, кроме Альпера, у которого была Огненная Птица.

— Значит, ты теперь понимаешь, — нетерпеливо сказала Нете, — что я в отчаянном положении. Город кишит солдатами, которые хватают Хом, чтобы принести их в жертву на церемонии. Источник поглотил уже много жизней. У Богини хватит способов схватить меня, так что я должна получить Птицу. Или будешь прыгать? — Она сделала несколько шагов вперед. — Думай, животное, — да или нет?

Сойер посмотрел вниз, в темноту бездны, пронизанную красными лучами отраженного света, пылавшего за холмом. Он видел, что на поднимающихся островах что-то движется.

— Подожди, Нете, — сказал он, — Ты кое-что не учла. Я не знаю, понимаешь ли ты это, но твой огонь привлек внимание дикарей, которых ты называешь Селли. Я думаю, что в Хомаде скоро поднимется тревога. Взбирайся на камень, посмотри сама! Не приближайся! Я могу спрыгнуть!

Она презрительно зашипела на него и затем вскочила на камень, чтобы увидеть то, о чем он говорил. И тут она со злостью выдохнула воздух.

В красноватом свете огня, отраженного от нижней поверхности Хомада, было видно, что поднимающиеся острова буквально кишели дикарями. Они стремились к пламени, прыгали с острова на остров, хватались за торчавшие корни, влезали наверх, ни на секунду не отводя своих пустых глаз от притягивающего их света. Они были как в гипнозе.

И в этот момент земля под ногами Сойера содрогнулась, как пришпоренная лошадь. Нете выругалась и упала с камня, на который только что взобралась. Сойер инстинктивно ухватился за ствол дерева, и это спасло его от падения. Он ударился головой о ствол, из глаз посыпались искры.

Затем остров под ним вдруг накренился, снова по его лицу захлестали мокрые сучья. Он поднял голову как раз вовремя. Остров поднялся и вплотную приблизился к Хомаду. Корни деревьев Хомада сплелись с вершинами деревьев острова.

А над головой, подобно воротам Рая, сквозь тьму и дождь смутно проглядывали железные двери и каменные стены города. Двери были открыты. Бой колоколов гулко разносился по всему пространству.

Сойер изо всех сил ухватился за дерево и смотрел.

Водопад человеческих фигур перехлестывал через край верхнего мира. Отблески света выхватывали из тьмы стальные трубки и катушки таинственного оружия Хом. Они сверкали подобно штыкам.

Хом бежали впереди и кричали.

Глухой вой дикарей отозвался, как эхо. Черепашьи головы втянулись в квадратные плечи, длинные руки извивались, ножи сверкали. Дикари ринулись навстречу Хом.

И перекрывая воинственные кличи Хом и завывания Селли, трижды ударил гонг. Сильный, ясный, чистый звук разносился волнами по воздуху. И среди человеческого водопада, обрушивающегося через ворота города, появились три богоподобные фигуры.

Трое высоких Изверов с поднятыми головами и расправленными плечами возвышались над человеческой массой. Они размахивали кнутами из пламени. Раскаты грома сопровождали удары этих молний. Они кричали, и голоса их были подобны голосам разгневанных ангелов, сильные, звенящие золотом.

Сойер подумал, что теперь у Хом есть возможность победить дикарей.

При первых же звуках голосов Изверов Нете резко повернулась, шипя с яростью и тревогой. Она бросила на Сойера злобный взгляд и нерешительно шагнула к нему. Тот отреагировал немедленно и перегнулся через край, сказав через плечо:

— Ты ничего не добьешься. Я спрыгну, и ты это знаешь.

Она разрывалась в нерешительности между желанием схватить Сойера и необходимостью бежать от Изверов. Сойер снова обратил внимание, что ее фигура имеет те же диспропорции, что и искаженные изображения людей на картинах Эль Греко.

— Не думай, что ты выиграл, — зашипела она. Глаза Нете горели яростью. — Я сказала тебе слишком много и теперь ты в постоянной опасности. Ты не скроешься от меня! Я... — Она не договорила, свирепо улыбнулась ему и затем одним грациозным прыжком скрылась за камнями. Она побежала по направлению к холмам, прочь от места, где началась битва.

Сойер пытался разглядеть ее, но она уже исчезла. А может быть, нет? Он сделал несколько осторожных шагов от обрыва, наблюдая за сражением.

Первые ряды Хом и лавина дикарей уже столкнулись, и это столкновение заставило остров содрогнуться.

Изверы величественно шагали вперед среди этого хаоса. Их кнуты молниями рисовали огненные кольца в воздухе, которые разрывались со страшным грохотом. Их звенящие золотом крики заглушали хриплый вой дикарей и воинственные крики Хом. А над всем этим шумом катился тревожный звон колокола, сотрясающий воздух. Полупогасшее пламя плаща подсвечивало битву снизу, подобно адскому пламени.

Сойер увидел, как передний Извер и Селли сошлись лицом к лицу в ~~контакте~~ битвы. Казалось, огромная искра ненависти проскочила между ними. Глаза дикарей сверкали, а лицо Извера вспыхивало пламенем божественного гнева. Извер взмахнул кнутом, раскрутил молянию в воздухе, и огненное кольцо захлестнуло безобразных рептилий.

Селли ~~выли~~, шатались, падали... но не умирали. Сойер смотрел в изумлении. Он видел, как оглушенные дикари поднимались, тряся головами, и снова шли в бой.

Вдруг Сойер заметил движение между холмами, и вскоре там появилась голова человека. Тот взмахнул рукой, что-то крикнул и осторожно пошел по направлению к Сойеру. Сойер сразу прыгнул к своему дереву, готовый броситься вниз, если это шутки Нете.

Бегущий Хом приблизился к Сойеру, тяжело дыша и размахивая руками. Он что-то выкрикивал, но Сойер не мог понять, что именно. Он колебался.

Но затем он узнал этого человека. Темное лицо. Он видел, как это лицо стремительно шарахнулось от него, когда он упал в бездну...

Человек резко остановился, увидев, что Сойер стоит на самом краю обрыва. Он перевел дыхание, кивнул Сойеру и сказал:

— Клей! Клей!

Сначала Сойер ничего не понял. Это слово для него ничего не обозначало. Но затем он внезапно прыгнул вперед, схватил Хом за плечи, бессмысленно повторяя:

— Клей? Клей!

Человек широко улыбнулся, затем закивал, взял Сойера за руку и отвел от обрыва. Сойер не сопротивлялся, хотя шел, тревожно оглядываясь по сторонам. Мозг его бешено работал, стараясь составить стройную логическую картину из обломков информации. Он даже пытался говорить со своим гидом по-английски.

— Ты шел за мной, когда я вышел из тюрьмы. Ты видел, как я упал, видел, как поднимался остров. Видел дикарей на острове. Значит, это ты поднял тревогу. Теперь ты ведешь меня к Клей?

Маленький человек повторил:

— Клей, — закивал и потащил Сойера еще быстрее. Они остановились на вершине холма. Под ними разворачивалась битва. Было ясно, что проводнику хотелось бы пройти прямо здесь, через ряды сражающихся, к воротам города. Но также он ясно видел то, что в данный момент это невозможно.

Сойер посмотрел на темную громаду Хомада, плавающего у них над головами. Остров прижался к самому дну Хомада. Только две трети острова высывались из-под материка, образуя гигантскую площадку перед воротами города.

В верхнем мире все еще шел дождь. Часть острова была защищена от дождя. Но кое-где на остров падали струи воды. Сойер посмотрел и узнал это отверстие.

— Идем, — сказал он и потащил своего проводника за руку. Но тот неожиданно начал сопротивляться и показал куда-то вдаль. Сойер взглянул. Там, среди деревьев, он увидел Нете. Лицо ее пылало возбуждением и яростью. Она старалась сделать так, чтобы Изверы ее не видели, но глаза ее вспыхивали, когда она смотрела на холм, за которым прятался Сойер.

— Она знает, что мы здесь, — сказал Сойер, хотя человек не мог понять его. — Нам нужно поскорее убраться отсюда. Идем!

Но он не тронулся с места. Он заметил, что глаза у Нете были какими-то странными. Он стоял, охваченный изумлением, и странная идея начала формироваться в его мозгу.

Совершенно случайно один из дикарей повернул голову к Сойеру, и тот увидел его глаза.

Такие же глаза, как у Нете. Большие, овальные, сверкающие, как бриллианты, и тоже чуть раскосые. Единственным, что отличало глаза дикарей и Нете, было то, что в ее глазах светился разум, а глаза дикарей были совершенно пустыми. Гид Сойера снова потянул его за собой. Сойер неохотно повиновался, все еще раздумывая над странной идеей, которая возникла у него в голове, хотя, казалось, она не имеет к нему никакого отношения. Но снова им не удалось уйти. Его внимание привлекло то, что происходило внизу.

Извер шел впереди, как карающий ангел, и гнал перед собой дикарей своим пламенным кнутом. Длинный нож, пущенный рукой дикаря, полетел в него. Извер усмехнулся с божественным презрением. Нож ударил о закутанную в ледяной плащ грудь и отскочил

от нее, как от стальной стены. Вспышка молнии озарила Извера. Нож упал на землю.

Но Извер стал, как замороженный. Он стоял бесконечно долгие секунды, лицо его внезапно стало неподвижным, глаза остекленели. И затем вдруг вокруг него вспыхнуло пламя, озарившее поле битвы.

В следующее мгновение его не стало.

И Селли, и Хом отскочили назад, как будто их обожгло. Они недоумевающе смотрели друг на друга, тупо качая головами, а затем ряды вновь сомкнулись, и битва разгорелась с новой силой.

Когда Извер расходует больше энергии, чем у него есть — он испаряется. Так сказала Нете.

Качая головой, находясь в смятенном состоянии от того, что он увидел, Сойер повернулся. Ему нужно было еще кое-что сделать, прежде чем он вернется в город. Причем сделать втайне, так, чтобы даже гид ничего не знал.

— Идем, — сказал он, уводя Хом от места боя. — Мы поднимемся там, где я упал.

Дождь хлестал через знакомое отверстие, которое находилось на высоте десяти футов. Сплетенные корни деревьев достигали поверхности острова.

— Сначала ты, — сказал Сойер, делая соответствующий жест. Хом взялся за корни и в мгновение ока скрылся из виду.

Сойер последовал за ним более медленно, внимательно осматривая стены колодца. Это казалось чудом, но он увидел знакомую нору, камень в ней. Сойер глубоко вздохнул, вытащил камень, сунул руку в нору, — и вот он уже держит эту чудесную и ужасную, пульсирующую теплом золотую полоску — Огненную Птицу.

Сойер сунул ее в карман и быстро поднялся наверх. Его встретил улыбающийся Хом и помог взобраться на твердую почву.

Дважды за время их путешествия по городу Хом замирал, затем затаскивал Сойера в подворотни, где они пережидали, пока пройдет отряд солдат или патруль. Город кишел солдатами, но его гид обладал шестым чувством опасности, так что они прошли без особых приключений.

Но вот впереди они увидели слабые огоньки. Сережки Нете?!

«Так вот что, — подумал Сойер. — Она спряталась, когда солдаты Богини начали атаку на остров. А теперь? Она хочет выследить меня? — Он нащупал в кармане теплую полоску и задумался. — Она не видела меня, когда я забирал Птицу. А сейчас она не может схватить меня. Она просто будет следить и выжидать удобного момента».

Гид похлопал Сойера по плечу, повозился немного с дверью; дверь открылась, и они оказались в крошечной тьме, затем спустились по корявым ступенькам и влезли в низкое окно. Они выбрались на узкую темную улицу и пошли быстрым шагом.

На ходу Сойер подумал о том, что ему следует ублажить Альпера, в руках которого — его жизнь, и который мог в любой момент нанести сокрушительный удар. И он начал шепотом уговаривать Альпера, своего невидимого врага, пока они быстро шли по улицам незнакомого города в неизвестное место.

И вот они свернули направо, в узкую глухую улочку, где противно хло навозом и сырой шерстью. Гид Сойера отбил пальцами какой-то сигнал на двери. Мгновенно появились два Хом, заглянули им в лицо, пошептались и исчезли. Дверь открылась. Сойер и его провожатый проскользнули внутрь.

Фонарь, распространявший запах горящего масла, висел на балке под низким потолком. Он раскачивался, и странные тени мелькали по углам. Головы пятнистых лошадей сонно склонились к кормушкам. Под самым фонарем в круге света на полу сидели куры. А вдоль стен стояли лавки, где сидели люди. Все головы мгновенно повернулись, когда они вошли.

Это были Хом. Они сидели вдоль стен, вытянув ноги. Глаза их поблескивали в свете фонаря. Они были готовы к любой угрозе, откуда бы она ни исходила.

В дальнем конце этого сарая на тюке сена сидел старый толстый Хом, держа на коленях полосатого кота. Возле него на разостланном голубом плаще лежала Клей, подложив руку под щеку. Лицо ее было испачкано в саже и из-под верхней губы трогательно выглядывали белые зубки.

Старик ласково погладил ее по голове. Но вот глубокие голубые глаза открылись, она еще не могла отойти от сна. Затем она вскочила на ноги и крикнула:

— Сойер!

Она бросилась к нему, улыбаясь и протягивая руки.

Он принял ее с радостью. Было так приятно увидеть снова знакомое лицо, и услышать английские слова. Но она заговорила на своем языке, оживленно, чуть задыхаясь.

— Подожди, — сказал он.

И Клей засмеялась, потрясла головой, смутившись, и перешла на английский язык, хотя от чрезвычайного возбуждения иногда путала слова.

— С тобой ничего не случилось? — спросила она. — А я сплю! Это я тебя вовлекла в такие неприятности, когда пришла просить помощи. Мне очень жаль... Я...

— Говори по-английски, — перебил ее Сойер, — я не понимаю вашего языка. Сейчас мы все в опасности и должны помогать друг другу. — Он коснулся свежей царапины на лице девушки.

— Что это?

— Пришли охранники, — просто ответила Клей. — Мы, конечно, ждали их. Они сожгли дом бабушки, но мы успели убежать. Солдаты все еще ищут меня. И, наверное, уже схватили бы, если бы не нападение на город. Ты имеешь к этому отношение? Скажи, что происходило с тобой?

Голос сзади заставил Клей повернуться. Старик улыбался, но глаза его были встревоженными и холодными. Он погладил кота, но слова его заставили Клей сделаться серьезной. Она подвела Сойера к старику.

— Его зовут Затри, — сказала она. — Это мой дед. Он чудесный человек. Он говорит, что сейчас нельзя тратить время. Я рассказала ему об Огненной Птице и о том, что говорила Нете на ступенях до того, как появились стражники и Богиня. Мы ничего не знаем об Огненной Птице, но дед уверен, что это что-то очень важное. Он хотел бы услышать, что с тобой происходило, но сейчас нет времени. Селли уже проникают в город и, возможно, нам придется сражаться на улицах. Дед надеется, что у тебя есть информация, которая может нам помочь.

— Что именно интересует его? — спросил Сойер.

Клей перевела вопрос и глаза старика блеснули. Он наклонился вперед, выговаривая фразы на своем языке.

Когда он замолчал, Клей начала переводить:

— Тысячи лет назад Изверы поработили наш народ. Нас лишили всех свобод, даже свободы учиться и думать. Для Изверов мы просто животные. Дед считает, что сейчас у нас появился шанс покончить с этим.

Он хочет, чтобы ты знал, что он не стал бы рисковать жизнью своих людей даже ради спасения своей внучки, если бы не надеялся, что у меня есть информация, которая может помочь сбросить власть Изверов. Но у меня нет такой информации. Он надеется, что она есть у тебя.

— Подожди, — перебил ее Сойер. — Скажи ему, что если он против Изверов, то я с ним. Я вмешался во всю эту историю, чтобы прекратить грабеж урана с Фортуны. Теперь я знаю обо всем этом

гораздо больше. Я хочу вернуться на Землю и закончить свою работу. Кроме того, мне хотелось бы остаться в живых.

Он улыбнулся Клей.

— Но сейчас я не хочу ввязываться в борьбу с Изверами. Без них нам не удастся победить Селли, и они уничтожат всех. У Хом есть защита против дикарей?

Она встревоженно посмотрела на него и покачала головой.

— Насколько я знаю, даже Изверы не могут убить их. Дикари трепещут перед Изверами, но их страх кончается, когда они приходят в ярость, как сейчас. Я не знаю, что вызвало сегодня такой взрыв ярости с их стороны.

— Я хотел бы знать немного больше об этих дикарях, — сказал Сойер. — Уверен, что вы каким-то образом сумели договориться с ними, иначе вы все давно были бы мертвы.

— Но это началось совсем недавно, — сказала Клей. — Они начали беспокоить нас, когда пришли Изверы. Мы, Хом, ничего не знали о них. Но мой дед долго был рабом в Замке, и он хорошо знал, где можно подслушать разговоры Изверов. Мы даже знаем, почему Изверы боятся дикарей.

Селли на нашем языке означает «младший брат», в них живет чувство соперничества и ненависти. Изверы говорят, что Богиня совершила страшный грех, позволив Источнику умереть. Теперь кара ждет всю расу. Изверы пришли сюда из нижнего мира. Это запретный мир. Никто не имеет права ходить туда. Но вскоре после того, как умер Источник, там начали вспыхивать огни, и Селли стали проникать на плавающие острова и нападать на нас. Они неуязвимы, как и Изверы. Утверждают, что внизу развивается новая раса богов, которая вытеснит Изверов, когда станет достаточно сильной. Поэтому Изверы ненавидят и боятся Селли.

— Но они совершенно не похожи на Изверов, — вмешался Сойер, — как...

— Это непонятно даже самим Изверам, — перебила его Клей. — И тем не менее, во многом они похожи. Вспомни. Огненные Птицы появились на Земле, когда здесь начались вторжения Селли. Ранее в Хомаде никто не видел Огненных птиц. Они появляются только на Земле.

— На другом конце Источника, — заметил Сойер. — Это очень интересно. Здесь есть какая-то связь. Три формы жизни должны соответствовать трем сторонам проблемы. Но...

Крики Изверов прервали его.

На мгновение в сарае воцарилась мертвая тишина, прерываемая только фырканием лошадей и отдаленными звуками битвы.

Когда Соьер пришел сюда, криков Селли не было слышно. Значит, они уже прорвались в город. Если у Изверов есть оружие против них, угрюмо подумал Соьер, пора пускать его в действие.

Тишина длилась с полминуты. И затем ее вновь разорвали крики Изверов, и среди них тот, единственный, который Соьер узнал бы среди тысячи. Он мог исходить только из одной глотки.

— Нете! — воскликнул он, и ринулся к двери.

Затри двигался быстрее, чем можно было ожидать, глядя на него, и был уже рядом, когда Соьер открыл двери. Старик что-то крикнул, и один из Хом погасил лампу. В конце улицы была слышна какая-то возня.

Нете была в опасности. Соьер увидел вдали ее знакомую фигуру. Фонарики сережек бешено метались, бросая отблески на лицо. Она боролась с двумя Изверами, которые тащили ее по улице к Замку. Она извивалась в их руках, выкрикивая бешеные ругательства. Но они, казалось, не слышали. Их маски на затылках безразлично смотрели на пустынную улицу и на нескольких человек, которые наблюдали за происходящим, прячась в тени.

— Она, должно быть, следила за нами, — сказал Соьер. — Интересно, что предпримет Богиня?

— Заставит ее появиться на Церемонии, — сказала Клей, стоя сзади. — Это будет концом той или другой. Но как бы то ни было, Изверы будут править, как и раньше, если мы не найдем способа избавиться от них. Идем, нам нужно обдумать план действий.

— Хорошо. Но скажи мне одну вещь: какого черта они носят эти двойные маски?

Откуда-то с улицы донесся спокойный голос:

— Интересный вопрос, мой мальчик. Посмотри, что я принес тебе.

Соьер сразу узнал этот голос. Эти глубокие органные тона могли принадлежать только одному человеку. Он повернулся и спросил:

— Альпер?!

Грузная фигура появилась из-за угла и направилась к ним. Альпер двигался легко и без усилий. Видимо, энергия, которую он почерпнул от Огненной Птицы, еще не истощилась. Однако он уже немного ссутулился.

В обеих руках он нес бледные, улыбающиеся, со слепыми глазами маски Изверов.

Затри снова опустился на свой трон, в качестве которого ему служил тюк соломы. Бдительные Хом сидели вдоль стен, по их лицам прыгали отблески света ламп. Альпер стоял под лампой,

слегка опустив голову, расставив толстые ноги и оглядывая всех присутствующих внимательным взглядом.

Шум битвы в ночи стал еще громче. Глухой вой младших братьев разносился по тесным улицам Города. Он смешивался с боевым кличем Хом и звонкими голосами Изверов. Альпер повернулся в ту сторону, откуда доносились звуки боя.

— Они хотят ускорить Церемонию Откровения, — сказал он Сойеру. — Я говорил с Богиней. С этими...

И он потряс двумя смеющимися масками.

— Говорить очень просто. Пока ты и Нете беседовали на острове, я рассказал всю историю Богини. К счастью, твоего поведения она не смогла понять. И я ничего не сказал об Огненной Птице. Она не знает. — Он помолчал, сунул одну маску под мышку и освободившуюся руку сунул в карман. Голос его стал угрюмым.

— Где она, Сойер? — спросил он. — Что ты сделал с Огненной Птицей?

Сойер быстро вспомнил, не говорил ли он об этом вслух. Ведь тогда все было бы известно Альперу.

— Ничего я не сделал с ней, — ответил он. — Она там, где я ее оставил.

Легкий знакомый гул прокатился внутри его черепа. Снова передатчик. Сойер почувствовал, как гнев захлестывает его. Он двинулся к Альперу, даже не пытаясь скрыть своей ярости, которая была написана на его лице.

— Прекрати! — прошипел он. — Ты знаешь, что этим ты со мной ничего не сделаешь. Еще немного — и я сделаю так, что тебе придется убить меня!

Гул прекратился.

— Хорошо, хорошо, — сказал Альпер торопливо. — Я просто напоминаю тебе. Я знаю, что ты не лжешь. Ведь Нете тебя обыскивала. Я слышал весь ваш разговор, и у меня возникла интересная идея. Сюда меня привели сигналы передатчика. Это оказалось просто. Нападение дикарей пришлось весьма кстати для нас обоих. И ты, и я свободны, да и Клей тоже освободилась из плена. Теперь мы можем действовать, если этот старик поможет нам.

Он повернулся к Затри и начал говорить, потом пожал плечами и протянул одну из масок старику. Тот осторожно взял ее, глядя на Альпера испытывающим взглядом. Альпер одел на себя смеющуюся маску и заговорил слегка приглушенным голосом.

— У меня есть план, как спасти твою внучку, ну, и себя, разумеется. Мне нужна твоя помощь.

Затри поднял руку, помолчал, затем тоже надел маску. Странно было видеть эти две смеющиеся маски Изверов, глядящие друг на друга. В овальных отверстиях одной из них виднелись голубые глаза Затри, а в другой — маленькие холодные глаза Альпера.

Альпер повторил свое предложение на английском. Затри, немного помолчав, как будто он не мог прийти в себя от ощущения того, что он понимает чужой язык благодаря маске, начал отвечать на своем языке. Хом начали переглядываться между собой с изумлением.

— Что случилось? — спросил Сойер у Клей.

Девушка ответила ему удивленным взглядом.

— Это маски для общения, — сказала она. — Я думаю, что Нете выучила наш язык с их помощью. Изверы тоже используют их для общения друг с другом. Они ведь живут очень долго, тысячи лет, и каждый достигает в своей области — в науке или в искусстве — таких вершин, что другие не могут понять без специальной подготовки. Поэтому они создали маски, чтобы все могли понимать друг друга, о чем бы они ни говорили. Интересно, как Альперу удалось добыть маски?

— И мне тоже интересно, — задумчиво сказал Сойер. — Я не очень доверяю Альперу. Слушай... что говорит твой дед?

— Он хочет знать план Альпера. Он говорит, что мог бы провести нас в Замок. Но только не сейчас. Церемония Открытия, может быть, уже началась. И на улицах небезопасно.

— Я посвящу вас в свой план, — сказал Альпер приглушенным голосом. В улыбке его маски таилась коварная злоба. Может, выражение маски выдавало его истинные чувства?

— Сойер знает, где находится Огненная Птица. Я должен получить ее. После этого я заставлю Нете открыть ворота на Землю...

— Как ты заставишь ее? — спросил Сойер. Смеющаяся маска повернулась к нему. Из-за нее послышался нетерпеливый голос Альпера.

— Ты дашь мне Птицу, а я освобожу тебя от передатчика. Разве это не справедливо? Я пойду к Нете и вмонтирую передатчик ей. После этого она будет делать то, что я скажу.

Сойер сомневался в этом, но не сказал ничего, так как Затри потребовал объяснений.

Альпер быстро изложил все. Затри что-то сказал Клей, и та подвела к нему Сойера, чтобы старик осмотрел голову англичанина. Но когда Сойер попытался заговорить, Альпер нетерпеливо перебил его.

— Не теряйте времени. Ты согласен или нет? Я заберу Птицу с собой на землю, и тогда у меня не будет необходимости закрывать шахту. Клей может идти с нами, если захочет. Все, что нам нужно, это забрать Птицу и вмонтировать передатчик в Нете. Она откроет для нас Ворота, и мы четверо уйдем отсюда с Огненной Птицей. Однако нужно сделать все до того, как начнется Церемония.

Затри что-то сказал. Клей не перевела, но Альпер пожал плечами и сказал:

— Ты не можешь. Ты должен довериться мне. Но... подожди! Он стянул с себя маску и подал ее Сойеру.

— Одень ее. Тебе он верит. Убеди его, Сойер. Скажи ему, чтобы он провел нас к Нете.

Сойер с любопытством посмотрел на маску.

— Я уже ношу кое-что, что ты дал мне. Я получил от тебя передатчик. Может, если я одену ее, то превращусь в барана?

Альпер фыркнул.

— Чепуха. Я же одевал ее, разве нет? Это средство общения. Она воспринимает твои слова и делает их понятными твоему собеседнику. Изверы между собой общаются телепатически, но с Хом им приходится говорить. Маски передают последовательность представлений. Человеческий мозг работает, как телеграф, он излучает волны, которые, усиливаясь маской, действуют на другой мозг.

Излучение альфа-волн служит несущей частотой для информации, передаваемой каппа-волнами. Впрочем, я не знаю всего этого, я просто предполагаю. Речь — не единственный способ общения, ты знаешь это. Есть еще запах и многое другое. А как передается информация в самом теле человека?

Сойер ухмыльнулся и надел маску на лицо. Она была холодная, гладкая и очень хорошо подходила к нему по размеру. Сойер открыл глаза, посмотрел через овальные отверстия...

И все перед ним мгновенно изменилось. Теперь он видел окружающее в четких чистых красках. Даже в детстве он не воспринимал мир таким красочным. А запахи! Запах сена привел его в состояние экстаза, а запах горящего масла показался слаще ладана. Сойер ощутил невероятное спокойствие, уверенность в себе. Излучение мозга? Да, наверное. Импульсы мозга обычно очень слабые и не воспринимаются органами чувств. Но маска — это и приемник, и передатчик. Не удивительно, что Изверы, носящие такие маски, чувствовали себя богами!

Он увидел голубые глаза Затри, смотрящие на него сквозь прорези маски.

— Ты понимаешь меня? — спросил старик.

Затри говорил на языке Хом. И то, что слышал а, вернее, ощущал Сойер — не было словами, а мгновенно меняющимися картинками в его мозгу. Не только картинками, но и игрой света и тени, звуков, запахов... И весь этот комплекс ощущений каким-то таинственным образом воздействовал на различные области его мозга и приобретал смысл, облекался в оболочку известных Сойеру понятий. Слова Затри все еще звучали в воздухе, а в мозгу Сойера уже сформировался смысл его вопроса.

— Клей рассказала мне об Альпере. Ты лично доверяешь ему?

— Конечно, нет, — ответил Сойер. — Но весь вопрос в том, есть ли у нас выбор?

Он кивнул в направлении улицы, где слышался вой дикарей.

— Здесь сейчас небезопасно. У вас нет оружия против Извергов? Например, взрывчатки? — Он внимательно смотрел на Затри, чтобы оценить, понял ли тот вопрос, смогла ли маска транслировать правильно смысл его слов.

— У нас есть кое-что, — сказал Затри. — Конечно, незаконно. Но насколько взрывчатка будет эффективна против дикарей, я не знаю. Неужели Изверги могут допустить, чтобы мы имели оружие против Селли? Ведь это будет оружие и против них самих. Они же одинаково неуязвимы. Но есть оружие, которое Изверги могут использовать. Я думаю, что это скоро случится. Хотя оно небезопасно и для них самих, так что вполне естественно, что они не решаются. Они...

Послышался стук в дверь. Затем просунулась голова Хом, который что-то сказал и исчез. Затри перевел взгляд на Сойера.

— Башни Замка начали светиться, — сказал он, — Значит, Церемония началась. И, следовательно, Нете уже вошла в Холл Миров и никогда не вернется оттуда. Богиня либо убьет ее, либо погибнет сама. Если победит Нете, она оденет Мантию и Маску, и станет Богиней. Так что план твоего друга потерял смысл. Только в виде жертвы человек может войти в Холл Миров.

Он беспокойно посмотрел на Клей. Сойер тоже взглянул на нее и был поражен той красотой, которая преобразила ее лицо. Тогда Сойер посмотрел на Альпера и с облегчением увидел, что маска не прибавила привлекательности лицу старика. Он передал Альперу слова Затри, и тот нетерпеливо фыркнул.

— Нете нужна Огненная Птица, — сказал он. — Мы должны приблизиться так, чтобы она заметила нас и узнала, что мы принесли Птицу. Как только это произойдет, — я клянусь, что она бросит всю Церемонию и прибежит к нам. Без Птицы ей не

победить Богиню. Только дайте мне приблизиться к Нете с Огненной Птицей. Она сделает все, что я ей скажу. Она откроет нам ворота и мы вернемся на Землю.

Клей переводила все это Затри, который внимательно смотрел на Альпера. Наконец он нерешительно произнес:

— Ворота, о которых ты говоришь, очень опасны. Я не...

— Клей же прошла сквозь них? — сердито спросил Альпер, когда ему перевели слова Затри. Затри заговорил, обращаясь к Сойеру:

— Я послал Клей за Нете через Ворота, хотя это было чрезвычайно опасно. У нас не нашлось другого выхода. Я спрятал Клей поблизости от того места, куда часто ходила Нете, чтобы заниматься магией.

— И что дальше? — спросил Сойер.

— Я много раз подсматривал за Нете из укрытия, но так ничего и не понял. Я увидел, как она создает огненную пружину между пальцами, и затем делает спираль в воздухе. Тогда я ничего не знал об Огненной Птице. Но я знал, что она проходит через спираль и уходит из этого мира. Иногда она исчезала надолго. Я подумал, что есть надежда спасти Клей. Пусть она исчезнет из этого мира, где ей спасения нет.

— Я немножко помню, — заговорила Клей. — Я помню, как дедушка подтолкнул меня за Нете; помню, как быстро шла Нете, как я упала где-то в темноте... А потом Нете снова сделала огненную спираль — теперь я знаю, что это была Огненная Птица, — и...

Девушка затрясла головой.

— ...Я проснулась в урановой шахте, и в памяти моей не сохранилось ничего, кроме моего имени.

Она говорила по-английски, и Альпер быстро сказал:

— У меня большие подозрения, что темное место, где ты упала — это Нижний мир. Богиня мне многое рассказала. Она очень хотела знать как можно больше о Нете, и я, пользуясь этим, вытягивал из нее информацию. Я думаю, что Ворота — это кольцевой процесс, который...

— Нет. Я знаю точно. Вспомни, что мы для Извергов всего лишь не представляющие интереса животные. Они бессмертны, но ключ к их бессмертию — Огненная Птица. Ты не знаешь, что это может быть, Альпер?

Старик глубоко вздохнул.

— Источник Миров — это настоящее чудо. Я не представляю, как он работает, но могу предположить, что это связь между Землей и Хомадом. Он соединяет два мира вместе. Но кроме того, это

канал, по которому Изверы получают для себя энергию из мира, находящегося в другом измерении, в другом континууме. Это труба, сделанная из чего-то, возможно, даже не являющегося материей. И это что-то нестабильное, находится постоянно в движении. Здесь, в Хомаде, где находится один конец трубы, она сделана из материи Хомада, а на Земле — из земной материи. Другой конец трубы можно преобразовывать в любую другую материю. Так осуществляется контакт Хомада с иными мирами, с другими типами материи. Эта труба может мгновенно перестроиться для контакта с любым другим миром. По-видимому, она сделана из какой-то магнитной суспензии, частицы которой способны перестраиваться в зависимости от природы магнитного поля другого мира.

А что такое Огненная Птица? Это идеальный преобразователь энергии и проводник ее. Она превращает энергию и передает ее тому, кто прикасается к ней.

А откуда берется энергия? Отовсюду. Птица берет ее из самого пространства, из урановой руды. Именно так с ее помощью и открываются Ворота между мирами. И, может быть, Птица изменяет частоту колебаний мозга и всех тканей при переходе из одного мира в другой, так что Ворота — всего лишь метаморфоза, которая происходит в нас самих при изменении нашей внутренней энергии.

Возможно, именно поэтому только Изверы могут открыть Ворота. Как мы теперь знаем, они состоят не просто из материи. Нете говорила, что они подобны изотопам в нашем мире. Они могут преобразовывать свое тело в такую форму материи, которая способна непосредственно получать энергию от Источника, заряжаться, как аккумулятор.

Альпер улыбнулся.

— На Земле электричество в дома подается через предохранители. Огненная Птица тоже действует, как предохранитель. Вот почему она отключила поступление энергии с Земли на Хомад. Ведь если бы этого не произошло, чудовищное количество энергии с урановой шахты Земли хлынуло бы сюда через Источник, который вошел в контакт с Землей. Физическая связь Хомада с Землей существует, но энергия не поступает. Я полагаю, что именно поэтому Огненные Птицы не появляются на Холме, — они не могут пройти через закрытую для энергии трубу.

Но я не знаю, что произойдет, если открытую Огненную Птицу опустить в Источник. Закрытый канал спасает нас пока что от... я не знаю от чего. Тем не менее, Изверы страдают от отсутствия поступления энергии. Они спасаются только тем, что приносят жертвы Источнику. Но этого не хватает.

Изверы исчезают, когда потратят слишком много энергии. Куда? Где-то, как-то они пополняют свою энергию и возвращаются оттуда через ледяной туннель. Но что будет дальше? Я знаю, что и Нете, и Богиня боятся чего-то. Вот почему нам надо убедить Затри, чтобы он помог нам и чтобы мы смогли убраться отсюда поскорее. Скажи ему, Сойер!

Клей быстро переводила слова Альпера. Теперь Затри внимательно смотрел на Альпера сквозь прорези маски.

— Спроси, зачем ему все это нужно? — сказал он.

— Конечно, чтобы получить Огненную Птицу, — нетерпеливо ответил Альпер. — Я хочу с ней вернуться на Землю.

— Что даст тебе Огненная Птица?

— Бессмертие, — после паузы ответил Альпер. Он покачал головой. — Что мне еще нужно? Молодость, сила, бессмертие. Разве этого мало?

Затри заговорил спокойно.

— А почему я должен помогать тому, чтобы на твоей земле появились бессмертные, появилась раса, подобная нашим Изверам? Ваш народ такой же, как и наш. Мы люди, а не боги! Нет, бессмертных быть не должно среди людей. Я и сам старик. Скажи Альперу, что я уверен в том, что людям нужно стареть. И встречать смерть человек должен, считая ее отдыхом после трудного жизненного пути. Ни один человек не должен стремиться к вечной юности! О, нет! Я не хочу, чтобы этот землянин получил Огненную Птицу и стал бессмертным! Я не поведу его в Замок!

Сойер внезапно рассмеялся с облегчением и радостью:

— Молодец, Затри! — сказал он. — Я тоже не верю ему. И он, если хочет, пусть убивает меня своим передатчиком...

Он резко повернулся к Альперу и презрительно посмотрел на него сквозь овальные отверстия маски.

— ...но я не хочу тебе больше помогать! Если тебе нужна Огненная птица, то от меня ты ее не получишь...

Альпер нетерпеливо шевельнул рукой.

— Ну, хватит, — сказал он. — Я ожидал этого. Теперь за дело возьмусь я сам. И помните, что вы сами захотели случившегося.

Пока все стояли в замешательстве и смотрели на Альпера, тот крикнул громко и пронзительно. С улицы ответили звенящие голоса Изверов. Прежде, чем кто-либо успел опомниться, дверь с треском распахнулась, затем слетела с петель, сорванная сильными руками Изверов. В дверях стояли две закутанные в мантии богоподобные фигуры. Третья фигура стояла за ними, с презрением оглядывая грязный сарай.

Одним рывком Альпер сорвал маску с лица Сойера. Мир для Сойера снова стал прежним: с блеклыми красками, с обычными запахами и звуками. «Совсем как в кино, — подумал Сойер, — как будто цветной широкоэкранный фильм стал черно-белым». Он не успел выхватить обратно маску у Альпера. Тот уже натянул ее на лицо и проговорил что-то, приглушенно, но разборчиво.

Изверы, хотя их маски были не на лицах, а на затылках, прекрасно поняли старика.

— Вы можете арестовать девушку, — спокойно сказал Альпер. — Богиня хочет принести ее в жертву. Этот человек и старик пойдут с нами. Остальных можете уничтожить.

Он повернулся к Сойеру. В холодных глазах его прыгали огоньки торжества.

— Ну, вот, — сказал он. — Это твой последний шанс, мой мальчик. Мне нужна Огненная Птица!

Голос Альпера еще не успел стихнуть, а в мозгу Сойера промелькнули тысячи разнообразных идей освобождения, но большей частью — невыполнимые. От дикого воя Селли дрожали стены. Крики людей и звуки битвы уже совсем рядом.

— Быстро! — сказал Альпер и сунул руку в карман. — У меня на руках все козыри, Сойер. Не будь дураком. Я могу убить тебя. Я могу лишить тебя чувств. Изверы могут разорвать тебя на части. Дай мне Огненную Птицу, и ты получишь все, что хочешь. Если ты откажешься...

Один из Изверов издал рокочущий звук и двинулся вперед, как мраморный ангел мести, подняв свою величественно длинную руку. Он сказал что-то на своем языке, что-то очень презрительное. Он обошел Сойера, схватил за руку Клей и оттащил ее вдоль сарая к двум Изверам, стоящим у двери. Они расступились, чтобы дать им пройти, и Извер с Клей исчез в темноте.

Дикий бессмысленный прыжок Сойера вслед им был остановлен сильной рукой одного из оставшихся Изверов, который схватил его за плечо. Он так потрянул Сойера, что у того лязгнули зубы.

— Подожди! — закричал Альпер. — Извер, подожди! Дай мне поговорить с ним. Богиня обещала мне это, помни!

Извер вздохнул, но отпустил Сойера.

— Сойер, будь благоразумен, — нетерпеливо заговорил Альпер. — Слушай, я договорился с...

Он замолчал, бросил быстрый взгляд на Извера и поспешно скинул маску.

— Я не хочу, чтобы они слышали нас, так как обещал Богине добыть Огненную Птицу для нее. Она хочет получить ее обратно и

скрыть факт кражи. Я думаю, что украла Огненную Птицу не Богиня, а Нете. Но самое главное то, что Птица исчезла, и Богиня готова обещать все, лишь бы вернуть ее. Если я не принесу Птицу, она убьет меня. А моя смерть — это и твоя смерть. Умру я — умрешь ты, помни! Что ты скажешь на это, Сойер?

Сойер слушал шум боя, такой близкий, что Альперу приходилось повышать голос, чтобы Сойер мог его расслышать. Он знал, что нужно действовать быстрее. Ведь следующим шагом Альпера будет приказ обыскать его, а Птица в данный момент была у него в кармане. Нельзя было терять времени. Он бросил взгляд на Затри, у которого на лице все еще была маска.

— Хорошо, — сказал он. — Ты победил.

Он слегка шевельнулся, чтобы ощутить тепло Огненной Птицы.

— У меня нет Птицы, но я знаю, где она. Мне нужен свет.

— Не показывай ее, — быстро сказал Альпер. — Изверы не должны видеть...

Сойер кивнул Альперу. Вздохнув, тот снова натянул маску на лицо. Сойер сделал три шага вперед и подошел к лампе. Все глаза смотрели на него. Все лица были полны ожиданием. Голубые глаза Затри блестели сквозь прорези маски. Никто не знал, что будет дальше, но все Хом были готовы действовать.

Сойер внезапно расхохотался. Одним резким движением он швырнул лампу прямо в кучу соломы. Хом, сидящие там, попрыгали в разные стороны, причем Сойер краем глаза увидел, как один из них раскидал горящее сено в стороны. Хом понятия не имел, что задумал Сойер, ему было ясно одно — землянину понадобился пожар.

Бросив лампу в сено, Сойер тут же бросился на Альпера. Руки его стиснули кисть Альпера и заломили ее назад. Сойер крикнул:

— Затри!

Но кричать не было необходимости. Пламя еще не успело охватить сено, как Затри уже был на ногах и отдавал приказы своим людям. Один момент Хом были в замешательстве, и Изверы, издавая звуки гнева, двинулись к борющимся Сойеру и Альперу. Но перед ними возникла толпа Хом, которые быстро пришли в себя и бесстрашно бросились на возвышавшихся, как башни, богов.

Изверы пошатнулись от неожиданного нападения. Но вот они встали покрепче, широко расставив ноги, и начали отражать атаку. Каждый удар ломал кости людей. Хом ничего не могли сделать с Изверами, но отчаяние придавало им силы и заставляло забыть о смерти.

Сойеру потребовалось огромное усилие, чтобы удержать огромное тело Альпера, и некоторое время он думал, что это ему не удастся. Но вот Альпер прекратил сопротивление.

Сойер подумал, что это уловка, и крепко держал старика за руку. Но затем он все понял. Альпер хотел сохранить немного сил, ведь у него их было ограниченное количество. Сойер вывернул руки Альпера и, задышавшись, посмотрел, что происходит вокруг.

Дым постепенно заволакивал весь сарай. Огонь с треском пожирал сухое сено, и этот треск с каждой секундой усиливался, переходя в оглушительный вой. В сарае стало очень жарко и светло. И Хом, и Изверы поневоле отодвинулись подальше от огня к дверям.

Перепуганные лошади ржали и старались вырваться на свободу. Многие уже смогли порвать веревки и перескочить через низенький барьер. И вся эта кричащая, лягающаяся, борющаяся масса людей и лошадей вывалилась из сарая на улицу. Сойер и Альпер волей-неволей последовали за ними.

С дальнего конца улицы доносился вой дикарей. Он становился все громче. Сойер и устроил пожар, чтобы привлечь их внимание. Он знал, что Хом, сколько бы их не было, не смогут противостоять двум Изверам. Но он надеялся, что дикари задержат их.

Он сжал зубы и без предупреждения ударил Альпера в висок. Тот охнул и лишился чувств.

— Затри! — крикнул Сойер, осматриваясь вокруг.

Старик, как бульдог, вцепился в холодную руку Извера и висел на ней. Над ним склонилось надменное лицо. Пот стекал по нему, но по-прежнему это бесстрастное лицо не выражало никаких эмоций. Извер стряхнул со второй руки несколько Хом и поднял свой громадный кулак над головой старика. Сойер крикнул что-то вроде «берегись!», но кулак уже опустился вниз, и дни Затри должны были на этом закончиться.

И вдруг, совершенно неожиданно, Извер исчез.

Ослепительный свет и обжигающее тепло — вот и все, что осталось от него. Облачко пара рассеялось в воздухе. Энергия Извера кончилась и он исчез, отправившись в путешествие по таинственному кругу, куда отправляются все Изверы, когда беззвучный зов настигает их.

Затри покачулся и чуть не упал, когда из его пальцев внезапно исчезла рука, которую он держал. Он покачал головой, на которой все еще была одета маска.

Сойер наклонился, стянул маску с лица Альпера и одел ее. Снова мир внезапно преобразился перед ним, наполнился сочными

красками, ароматами, волшебными звуками. Маска сидела очень плотно. Сойеру стало ясно, почему даже во время драки Затри не потерял свою маску.

Внезапно Альпер пришел в себя. Он взглянул на Сойера, и рука его потянулась к карману.

Сойер наклонился, схватил его руку и рывком поставил станика на ноги.

— Сюда, — задыхаясь, но спокойно сказал Затри, и они бросились вдоль улицы, волоча за собой Альпера.

Вскоре они приблизились к какой-то двери. Затри что-то крикнул через плечо своим людям, а Сойер, оглянувшись назад, увидел, что последний Извер боролся с десятком извивающихся Селли, глаза которых сверкали золотом в свете пожара.

Видимо, именно для такого момента Альпер берег свои силы. Он внезапно рванулся и вырвался из рук Сойера. Затем он бросился к стене, торжествующе смеясь, и сунул руку в карман.

Сойер, уже собираясь прыгнуть за ним, внезапно ощутил в голове сильный гул и остановился. Альпер, держа руку на кнопке, решил говорить, диктовать условия. Он мотнул головой в сторону Затри и сказал, захлебываясь:

— Прикажи ему... вести нас... в замок. Сейчас.

— На чьей стороне ты, Альпер? — едва шевеля губами, спросил Сойер. — Когда ты лгал? Когда договорился со мной, или когда говорил о договоренности с Богиней?

— Я на своей стороне, на стороне Альпера, идиот! — хрипло ответил Альпер, который все еще не отошел от триумфа своей победы. — Я не лгал. Мы договорились с богиней — моя жизнь за Огненную птицу. Но я ей не верю. Я говорю тебе, что мы для Изверов всего лишь животные. Может, она и не убьет меня, но наверняка не отпустит нас на Землю и не отдаст мне Огненную Птицу. А мне нужна Птица — или ничего. Поэтому мой план относительно Нете остался в силе, если старик поведет нас. Он поведет?

Альпер многозначительно пошевелил рукой в кармане.

— Тебе лучше уговорить его, мой мальчик!

Для Затри весь этот разговор был лишен смысла, но общую картину происходящего он понял. В неверном свете пожара его движения были молниеносны. Рука его бросила кольцо серебряной веревки...

Она захлестнула шею Альпера и стала натягиваться, все туже и туже. Петля глубоко врезалась в жирную шею. Альпер стоял, будучи не в силах двинуться. И все же он заговорил:

— Скажи, чтобы он прекратил, Сойер! Это же и твоя жизнь!

— Не говори! — спокойно сказал Затри. — Я догадываюсь, что он сказал. Мне жаль, юноша, но сейчас я должен думать о Клей. Скажи ему, чтобы он не двигался, пока я не прикажу. Я могу убить его одним движением. Я стар, но сил у меня хватит.

— Сойер, ты хочешь умереть? — в отчаянии вопил Альпер. — Скажи ему...

— Он сказал, что ты можешь убить меня, — безразличным голосом ответил Сойер, — но сам умрешь первым. Он думает о Клей. Альпер, я...

— Скажи, чтобы он вытащил руку из кармана, — заговорил Затри. — Скажи, что если он не послушается меня, он умрет. Он боится смерти. И пусть он знает, что ни его жизнь, ни твоя, ни моя собственная — ничто не встанет между мной и тем, что я могу сейчас сделать.

Сойер перевел. Медленно, неохотно Альпер вынул руку из кармана. И тут у Сойера вспыхнула надежда, и он крикнул:

— Вытащи из меня передатчик!

Альпер взорвался.

— Нет! Я не сделаю этого! Даже если вы убьете меня сейчас!

— Он не станет, — ответил Затри. — Я знаю. Мы оба старики, и мы понимаем друг друга.

Он усмехнулся.

— Я поведу вас в Замок. Ты знаешь, почему я передумал, почему я решил дать Альперу возможность получить Огненную Птицу и бессмертие?

— Почему?

— Нужно нечто большее, чем просто Огненная Птица, чтобы человек стал богом, — ответил Затри. — Я слишком стар и не могу всего этого объяснить тебе. Альпер может стать бессмертным, но никогда он не сможет стать неуязвимым.

Он рассмеялся.

— Передай ему это!

Затри тихо сказал из-под маски:

— С этого момента мы должны говорить только шепотом.

Сойер посмотрел назад, во тьму извивающегося туннеля. С тех пор, как они покинули шумные улицы, им пришлось долго идти под землей. Затри, держа веревку, захлестывающую шею Альпера, внимательно разглядывал стены. Квадратные каменные блоки, сложенные тысячу лет назад, были скреплены между собой светящимся раствором. Чистый мягкий свет струился от стен, и они шли по кажущемуся бесконечным коридору из светящихся квадратов.

Но вот Затри вздохнул с облегчением: один из квадратов перед ним стал темнеть, как будто кто-то повернул выключатель и

прервал подвод энергии. Затри нажал на угол и вся каменная панель бесшумно отошла в сторону. Перед ними открылся темный проход.

— Если нам повезет, — сказал Затри, повернувшись к Сойеру, то охранников здесь не будет. Церемония началась, и все Изверы, которые не дерутся на улицах, сейчас в Холле Миров. Мы сейчас прямо под ним. Камера с жертвами тоже рядом. Изверы не боятся, что они сбегут.

Затри тихо рассмеялся каким-то сардоническим смехом. Сойер не понял, — почему.

— Единственный путь, открытый для бегства, Изверов не беспокоит. Идем и будь осторожен.

Сойер пошел за двумя стариками.

Ему показалось, что он внезапно оказался у водопада Ниагары. Он остановился, оглушенный, и, задрав голову, смотрел, как вверх поднимаются золотые струи, которые затем скрываются в туманной бесконечности.

Но вот они уже стояли перед длинной лестницей, ведущей вверх. Лестница зигзагами огибала золотой водопад, подобно золотой молнии среди золотых облаков. Сойер вскоре понял, что и золотые струи, и золотые облака — это всего лишь золотые занавеси, спускающиеся прямо из золотого неба — сверху. Сплошное золото.

— Нам нужно подниматься, — прошептал Затри. — Только тихо! Если кто-нибудь появится — прячьтесь за занавеси. И молчите!

Они поднимались быстро, стараясь ступать бесшумно. На третьем этаже Затри начал отгибать занавеси и заглядывать за них.

Занавесом скрывалась маленькая шестиугольная комната, похожая на ячейку в пчелиных сотах. На стене ее непрерывно переливались разные цвета, смешиваясь между собой в причудливых сочетаниях, и снова распадаясь в каком-то таинственном ритме. Взгляд не мог оторваться от игры света, она буквально зачаровывала зрителя.

— Не смотрите, — предупредил Затри. — Это гипноз. Скажи об этом Альперу. Он нам нужен.

Сойер, не поворачиваясь, предупредил Альпера. Сам он смотрел на сонную Клей, которая сидела в углу шестигранника, уронив руки на колени, откинув голову назад и глядя остановившимся взглядом на непрерывно меняющийся рисунок цветов на стенах.

Сойер тоже посмотрел на стену и тут же перед его взором появилась громадная комната, громадная и очень странная. Сойер с усилием отвел взгляд. Он не знал, верить ли ему своим глазам.

Затри постучал по стеклянной стене шестиугольника. Клей еле заметно шевельнулась, и снова села неподвижно, запрокинув голову и не отводя взгляда от игры света. Затри постучал снова. Очень медленно Клей повернулась.

— Хорошо, — прошептал Затри. — Мы еще не опоздали. Ее можно спасти. Юноша...

Он повернулся, пристально глядя на Сойера.

— Я хочу спросить тебя кое о чем, — мягко сказал он. — Слушай внимательно. У меня разработан свой план. Но риска очень много. Я хочу, чтобы ты знал об этом. Риска избежать нельзя. Для нас нет другого пути — либо свобода, либо жизнь в рабстве под гнетом Изверов.

Он помолчал, не сводя глаз с Сойера, а затем добавил:

— Я хочу спросить тебя: Огненная Птица сейчас с тобой?

Сойер колебался, стараясь понять, что кроется за этим вопросом, за таким пристальным взглядом. Но не пришел ни к какому выводу.

— Да. Она у меня.

Затри глубоко вздохнул.

— Я рад. Значит, мы можем остаться живы, несмотря ни на что.

Альпер смотрел, как они беседуют, стараясь уловить смысл слов. Во взгляде его рождалось подозрение.

— Что он говорит! — обратился он к Сойеру. — Переведи!

— Успокойся! — Затри дернул веревку, затем погрозил Альперу. — Еще одно, прежде чем мы начнем действовать, — сказал он Сойеру. — Ты видишь Клей. Она в гипнозе, совершенно беспомощна. Есть только один способ освободить ее.

Он засмеялся.

— Изверы нас хорошо знают. Они могут не охранять эти камеры, так как никто не может освободить пленника, не заняв его места.

Говоря это, он резко двинулся вперед и толкнул Сойера с такой силой, что тот пошатнулся и навалился плечом на стену. К своему изумлению он почувствовал, что стена поддается под его тяжестью.

Это был момент полной дезориентации. Стены камеры, казалось, двигались относительно друг друга в сложном взаимодействии, как великолепно отлаженная машина. Когда Сойер упал на пол камеры, он увидел, что Клей вытолкнуло из камеры движущимися стенами. Это была ловушка. Когда он вскочил на ноги и бросился к стене в отчаянии, в тщетной попытке вырваться, он

увидел лицо Затри в маске, прижавшееся к стеклу с той стороны, услышал его голос, мягкий и чистый.

— Прости меня, юноша, — сказал он. — Я пришел сюда, чтобы самому занять место Клей. Но лучше, если ты окажешься там, так как для тебя не обязательно все кончится смертью. У тебя есть шанс. А для любого другого...

Он обреченно махнул рукой.

Клей упала на колени возле Затри. Дед осторожно и нежно поднял ее. Сойер смотрел на них сквозь переменчивые узоры на стекле. Они уже начали гипнотически действовать на него, так что он даже не мог сфокусировать свой взгляд на них. Сон уже затуманил его мозг. Он постучал по стеклу.

— Закрой глаза, — сказал Затри. — Не смотри на стены, пока я говорю. Нет, это не убийство. Ведь если ты умрешь, умрем и мы. Но у тебя есть шанс спасти всех нас. Может быть, и весь наш народ. Если бы у меня был хоть маленький шанс, я пошел бы в камеру сам. Но только у тебя есть амулет-передатчик. Только ты один сможешь сопротивляться гипнозу, когда настанет высший момент Церемонии. Только ты.

Он взглянул на Альпера, который смотрел на все это, ничего не понимая. Затри слегка дернул веревку.

— Как твоя жизнь — в его руках, так и его жизнь — в моих. И я не пожалею ничьей жизни, чтобы достичь цели, к которой стремлюсь. Если бы Альпер согласился избавить тебя от передатчика и вмонтировать его в меня, я бы поменялся с тобой местами. Но он не сделает этого. Итак, тебе придется идти на Церемонию как жертве, но не беззащитной! У тебя есть передатчик. У тебя есть Огненная Птица. У тебя есть такой шанс, какого не может быть ни у кого.

Вот моя цель: сбросить иго Извергов и освободить мой народ. Я знаю, что тебе наше дело чуждо, но я не могу щадить ни тебя, ни себя. Я должен сделать все, что могу, чтобы достичь своей цели. Теперь слушай меня, потому что времени у нас мало. Ведь в любой момент ты можешь попасть на Церемонию.

Сойер, внимательно слушающий старика с закрытыми глазами, услышал тревожный шепот Клей. Он открыл глаза и сквозь переливающуюся всеми цветами стену увидел, как девушка подняла голову и стала изумленно осматриваться вокруг себя. Затри мягко встряхнул ее.

— Ты попадешь на Церемонию, — продолжал он, — но не беспомощным. Не загипнотизированный, не слепо повинующийся раб. Каждый раз, когда ты почувствуешь, что начинаешь терять волю, ты можешь попросить Альпера слегка, еле-еле тронуть кноп-

ку управления передатчика. Я все объясню ему. Так что малейшего звука в твоём мозгу будет достаточно, чтобы нарушить гипноз.

Что происходит на Церемонии, никто не знает, но известно, что жертву, прежде чем ее скормят Огненным Птицам, необходимо загипнотизировать. Но еще до того, как подойдет твоя очередь, вмешаются мои Хом. Может быть, они спасут тебя. У нас есть взрывчатка. Я надеюсь взорвать стену Замка, чтобы туда ворвались Селли. Таков мой план. Если он сработает, — ты спасен.

Перед окончанием Церемонии башни Замка начнут светиться, и все дикари соберутся возле него. Может, нам удастся взорвать стену самого Холла Миров и направить Селли на Изверов.

И тогда начнется драка. — Глаза старика заблестели в отверстиях маски. — Тогда у Изверов не останется выбора — им придется применить свое последнее оружие. Я надеюсь, что Селли возьмут верх над Изверами. Но если этого не произойдет, у нас останется последняя возможность. И все зависит от тебя...

Он замолчал в нерешительности.

— Ты слышишь меня? — спросил он. — Открой глаза на секунду. Я хочу убедиться, что ты еще в своем уме. Да, да. Тогда слушай. Если ты поймешь, что побеждают Изверы, тогда сам выбирай момент. Когда ты решишь, что пора, — прорывайся к Источнику. Ты должен бросить туда Огненную Птицу — бросить ее открытой!

Сойер в первый раз решил что-то сказать.

— Но... Альпер говорил...

— Альпер прав. Это большая опасность. Но бессмертные Изверы зависят от Источника. Мы не можем убить их. Но... я полагаю, что мы можем уничтожить сам Источник. Конечно, это может погубить весь город. Или взорвать весь Верхний Мир, Хомад. Но... — Затри хмыкнул. — Если победят Изверы, мы все погибнем. Лучше погибнуть в бою, чем быть беспомощной жертвой. Лучше погибнуть, уничтожив целую расу богов, чем погибнуть одному. Лучше погибнуть, зная, что после тебя останутся свободными люди, которые вечно будут благодарить тебя за то, что ты сделал для них.

Затри замолчал, с трудом дыша через отверстие маски. Наконец он сказал:

— У нас мало времени. Лучше будет, если ты скажешь Альперу, что он должен **делать**, не упоминая о последнем плане, — я имею в виду Огненную Птицу. Если он поймет, что Птица для него **потеряна**, он может **отказаться** помогать нам.

— Взгляни на меня, юноша, — сказал Затри. — Только на секунду **открой глаза**. Я не прошу у тебя прощения, но я должен сказать, что я **делал то**, что должен был сделать. Если умрешь ты,

умрем мы все. Если ты победишь, победим и мы. Мне бы очень хотелось сделать все самому. Ты веришь мне?

Сойер встретился с ним взглядом сквозь переливающуюся радугу стекол.

— Я тебе верю. Я не говорю сейчас о прощении. Если мне удастся выбраться живым, тогда мы поговорим о том, что ты сделал. Но я тебе верю. — Он повернулся к Альперу. — Альпер, я...

Он посмотрел на Альпера.

— Альпер! Затри, разбуди его!..

Альпер безвольно прислонился к стеклянной стене, глядя расширенными глазами на игру света. Он уже был под гипнозом. Затри сильно встряхнул его, чтобы разбудить. Клей сонно смотрела на них. Сойер звал Альпера, все же не рискуя кричать громко:

— Альпер, Альпер! Ты слышишь меня? Альпер, проснись!

— Я не сплю, — внезапно сказал Альпер, вырываясь из рук Затри. — Со мной все в порядке. Но... Сойер? Ты видишь? Ты понимаешь, куда попал?

Сойер не смотрел. После своего первого ощущения бесконечности, которая таилась в этих сполохах цветного камня, он больше не хотел смотреть. Да и времени не было.

— Слушай меня, — сказал он. — Если ты хочешь получить Огненную Птицу, ты сделаешь то, что я скажу. Альпер, ты слышишь меня?

— Да, да, — рассеянно сказал Альпер. — Что ты хочешь сказать?

Сойер быстро пересказал ему весь разговор с Затри, умолчав об Огненной Птице. Но Альпер пробормотал что-то про себя.

— Сердце атома... Танец атома... Электроны... на семи оболочках. И огненные круги в камерах, где крутятся электроны! Сойер, ты понимаешь, что это? Я и раньше предполагал это, а сейчас полностью убедился, что...

Сойер смотрел на Альпера сквозь цветное стекло, не совсем понимая, что с ним? Что случилось? Стеклянная стена начала вдруг вибрировать, фигура Альпера стала расплываться. И голос его стал вибрировать, как будто и звуковые, и световые волны модулировались вибрацией стен.

— Это электрон! — сказал Альпер. — Космотрон, синхротрон, все, что ты хочешь. Что-то внутри его создает силы, которые разгоняют электроны в камере. Планетарный циклотрон! Где-то здесь находится аппаратура, фокусирующая пучок высокоэнергетических лучей. Ты видишь?

И голос, и лицо Альпера расплывались все больше. Расплывалось все: и тревожные глаза Затри в отверстиях маски, и под-

нимающаяся фигурка Клей. Вибрация была такой, что заставила дрожать все молекулы в его теле. Движущиеся цвета на стене вдруг двинулись на него, проникая в самый центр его мозга. И последними остатками своего сознания Сойер стал молить Альпера о помощи...

И вот в его мозгу послышался шепот. Шепот становился все громче. Вот уже прерывистый ток крови в жилах стал казаться ему отдаленным рычанием льва...

Сойер, с трудом сохраняя сознание, крикнул в золотистый туман, наступающий и затопляющий его:

— Хватит, Альпер! Хватит! — и рычание льва стало стихать, превратившись в еле слышный шепот, который проникал в его плоть, заполняя артерии и вены, сохраняя его разум живым и светлым.

Вокруг него больше не было стеклянных стен. Он находился внутри цветного шара, он стал его центром. Стены шара вращались вокруг него, и их вращение увлекало за собой мозг Сойера, погружая его в сладостное забвение. И только шепот в мозгу не давал подчиниться этому вращению, заставлял оставаться в сознании.

Он помнил, что говорил Альпер до того, как вращение стен скрыло его от Сойера. Атомы. Танец атомов. Циклотрон. Стеклянные стены — это электронные оболочки. А он сам — ядро, вокруг которого крутятся электроны. Их вращение захватывало дух.

Где-то высоко в золотом небе на золотых тронах сидели Изверы. Они были так высоко, что казались не больше кукол. Они плыли в необъятном пространстве по замкнутому кругу, в центре которого находился он. Но круг был настолько большой, что сознание Сойера отказывалось воспринять его. Он тщетно пытался вернуться к реальности, изгнать из своего мозга это потрясающее душу видение. Но ему оставалось только смотреть.

Вокруг него сидели на золотых тронах торжественные ангелы. Они смотрели на него, и их троны висели в воздухе, ничем не поддерживаемые. Они плавали в золотом тумане. Но вокруг их ног что-то поблескивало. Может, невидимый помост, на котором стояли их троны? Помост из стекла?

Ангелы были не на всех тронах. Многие из тронов пустовали. Где же остальные? Дерутся на улицах? Нет. Сейчас здесь занята только треть всех тронов. Возможно, остальные — это те, кто испарился, когда израсходовал всю свою энергию и отправился в таинственное путешествие.

В центре круга находился шар, такой яркий, что Сойер даже не мог смотреть на него. Он находился между двумя высокими

фигурами, которые смотрели друг на друга, и между ними вспыхивали зеленые молнии. Но он не мог сейчас сфокусировать свое зрение. Потому что теперь он сам кружился по широкой орбите; где-то глубоко под собой он видел головы, увенчанные стеклянными коронами. На головах было по две маски, одна слепая, без выражения смотрящая назад пустыми глазницами, другая живая, улыбающаяся, смотрящая вперед. Сойер подумал, что одна из масок смотрит в прошлое, другая — в будущее.

Теперь он уже кружился по снижающейся орбите, спускаясь все ниже и ниже. Вот он уже находится ниже уровня тронов, где сидели ангелы и спускается еще ниже, вглубь, туда, где кружится знойный туман. Посмотрев наверх, он увидел золотые троны снизу. Они стояли на твердых площадках. Сойер видел ноги Изверов, бесчисленное количество пар ног, уходящих в бесконечность, в ничто.

Теперь он пролетал уже где-то сбоку от них. Это была самая удивительная точка орбиты. Он увидел, что троны стоят на золотой туманности, окружая ослепительно сияющий шар. Он не мог смотреть на этот шар, глаза его не выдерживали такого света.

Из стеклянного шара вырывались языки пламени, которые скрещивались, перехлестывались между собой, сворачивались в невообразимые спирали.

Он был не один в своем полете через золотое пространство, наполненное золотыми копьями света. Другие светящиеся точки кружились по своим орбитам вокруг созвездия богов. Это были маленькие человеческие фигуры, заключенные в шестиугольные камеры. Они были неподвижны в своем стремительном движении вокруг ослепительного солнца. Сойер не мог сосчитать их — так их было много. Но он вспомнил, что говорил Альпер, и, закрыв глаза ладонью, сосчитал орбиты. Семь. Семь орбит, по которым бесчисленные электроны вращаются вокруг ослепительного ядра, на которое невозможно смотреть.

И ядро становилось все ярче. Когда Сойер взглянул на него сквозь ресницы, он увидел, как одна из коленопреклоненных фигур, затянута неведомой силой, нырнула в самый центр шара. На мгновение темный силуэт мелькнул на ослепительно ярком фоне и затем исчез в самом центре, между двумя Изверами, которые стояли, глядя друг на друга сквозь шар. Сильная вспышка обожгла глаза Сойера.

И вновь между Изверами стали проскакивать зеленые молнии

Сойер напрасно пытался привести свои мысли в относительный порядок. Слишком многое случилось, слишком многое он увидел, и все, что он видел, не поддавалось его пониманию.

Непрерывное кружение по орбите действовало на него гипнотически, но слабое гудение в мозгу помогало держать сознание ясным.

— Чуть больше, Альпер, — сказал он, и голос его зарокотал в ушах, многократно отраженный стенами камеры. Он подумал о диске в руках Альпера, из которого слышится его голос. — Немного. Вот так уже хорошо.

Шум в ушах усилился, но размышлять стало полегче. Он начал думать, что же происходит с ним, начал подыскивать аналогию, чтобы найти удовлетворительное объяснение.

Я ось, вокруг которой вращается камера. Я был протоном, когда растолкал все электроны стены и оказался в камере. Но теперь я сам электрон и вращаюсь вокруг огненного шара. Кто знает, из чего состоят электроны? Никто... — и тут в его мозгу возникла картина: маленькие электроны на своих орбитах и каждый из них — это шестиугольная камера со скорчившимся в ней неподвижным человеком. Он громадным усилием воли отодвинул от себя это видение.

Что это за стеклянный шар, вокруг которого крутятся электроны? Ядро этого атома имеет семь энергетических оболочек. Атом урана? Вокруг его тяжелого ядра крутятся электроны по семи орбитам. Именно уран высасывали Огненные Птицы с полюса Земли. Так может быть, это...

— Источник! — подумал он. Источник Миров!

И он напряг свои глаза, стараясь рассмотреть Огненный шар, тщетно пытаясь проникнуть взглядом в его ослепительное сияние и увидеть дальний конец Источника, где он совмещается с Землей.

Но он не смог. Однако теперь он видел более четко две фигуры, стоявшие друг против друга, разделенные огненным шаром. Фигура в белой мантии и нечто колеблющееся, темное, над чем плавала белая маска.

Богиня. Нете. Нете и Богиня.

Значит, это и есть Откровение, после которого одна из них уйдет отсюда живой и торжествующей, а ее соперница останется здесь, около Источника. Интересно, подумал он, кто может заставить умереть Извера? Как смерть может победить неумирающего бога?

Электроны мчались по орбитам. Между двумя соперницами ярко вспыхивало пламя, когда жертвы, одна за другой, устремлялись в центр ослепительно сияющего шара.

Электроны с внешних оболочек заменяют те электроны, которые с внутренних оболочек ныряют в белое пламя. Как только один из электронов падает, сразу происходит перераспределение

на всех семи оболочках. Одну камеру за другой, они вырывают из стены жертв и швыряют в огонь, когда им это нужно. Мы...

Внезапный толчок вышиб все мысли из его головы. Его перебросило ближе к огню. Внутренние орбиты требовали еще электронов и одним из них оказался Сойер.

— Сейчас, — подумал он, — я нахожусь на шестой оболочке, затем окажусь на пятой. И так, шаг за шагом, я буду падать все ниже, все ближе к пламени, пока не рухну в него вслед за остальными...

Рухнет, чтобы дать энергию двум Богиням, которые хлестали друг друга кнутами из зеленых молний. Что это за оружие? Как они черпают энергию из пылающего Источника?

И как бы для того, чтобы он получил ответ, пламя между Богинями стало меньше, и Сойер мог видеть более ясно и четко. Один из электронов, который должен был упасть, чуть замешкался над Источником. Может, несчастная жертва от толчка пришла в себя, — в то время, как она должна была падать в полном забвении.

Зеленое пламя захирело, погасло; и Сойер одно мгновение мог видеть все неослепленными глазами. Правда, он боялся заглянуть в самую глубину Источника. Но он хорошо видел двух Извергов, которые остановились передохнуть перед тем, как продолжить битву.

Огромные, злобные, полуприкрытые ресницами глаза Нете, как глаза змеи, горели тем же адским пламенем, что бушевало в Источнике. По ее лицу стекали светлые капли пота, на широкой мантии виднелись следы попадания молний — почерневшие пятна. Она все время покачивалась из стороны в сторону, как покачивается потревоженная кобра. Покачивается безостановочно, бесконечно. Она не способна остановиться, так как злоба и страсть к убийству, горящие в ней, убьют ее саму, если она остановится хоть на миг.

И также покачиваясь, глядя с такой же смертельной злобой, стояла перед ней Богиня. Она была одета в темную мантию и там, где мантии коснулась зеленая молния, остались горящие зеленые пятна.

Но с их головами было что-то не то. И Сойер не мог рассмотреть, что за оружие держат они на уровне груди обеими руками.

И потом понял, что это. Они сняли маски. И как лица их яростно смотрели друг на друга, так и их маски с такой же яростью извергали злобу на соперницу. Держа маски обеими руками, которые смотрели друг на друга пустыми глазницами, две Богини покачивались из стороны в сторону, выжидая.

Но вот замешкавшаяся жертва нырнула в Источник, и ожидание кончилось.

Пламя из Источника взметнулось вверх. Языки белого пламени пронизывали все пространство, искривляя орбиты, по которым неслись электроны, и те закружились по неописуемым спиральям, словно подхваченные невидимым ураганом. Они неслись все быстрее и быстрее.

Как это сказал Альпер? Циклотрон? Какие-то силы разгоняют электроны...

И это была правда; или очень близко к правде. Все происходило так, как в циклотроне. Энергия выплескивалась из источника, когда туда падала жертва. Но энергия не распространялась во все стороны, чтобы Изверы могли воспринимать ее своими таинственными приемниками и преобразователями. Она попадала в какое-то мощное силовое поле и разгоняла электроны по спирали, заставляя их двигаться все быстрее. Сойер понятия не имел, что это за силовое поле, ось которого проходит через полюс.

Теперь было понятно, зачем нужно это ускорение. В циклотроне заряженные частицы разгоняются до громадных скоростей, а затем через фокусирующую систему наружу вырывается поток частиц с высокой энергией. В этом планетарном циклотроне не было искусственной фокусирующей системы, но в нем тоже рождались высокоэнергетические частицы. В этом не было сомнения. Отражающие панели, о которые ударялись частицы, уже начали светиться.

И теперь глаза масок двух Богинь извергали зеленое пламя. Два луча из каждой маски скрещивались, как два лезвия. Взгляд Медузы Горгоны был ничто по сравнению с этими смертоносными взглядами. Хотя лучи имели бледно-зеленый цвет, они были такими яркими, что глаз человека не мог смотреть на них. Но еще более ужасно было видеть бесстрастные улыбки на масках — вопиющий контраст с убийственной яростью глаз, которые смотрели сквозь отверстия. В Источнике Миров бурлили волны энергии, и в них падали все новые и новые жертвы.

И с каждым падением Сойер оказывался все ближе и ближе к Источнику. Он забыл об опасности, грозившей ему. Он забыл о том, что вращается по непрерывно сужающейся орбите вокруг шара, который постепенно засасывает его.

Все, что он мог видеть сейчас, или о чем мог думать, — это была дуэль двух Богинь, сражавшихся возле Источника, в котором вместо воды бурлило бешеное пламя, над которым скрещивались бледные зеленые лучи, более смертоносные, чем любой меч, выкованный человеком.

Соперницы были достойны друг друга. Они наносили удары и отражали удары, защищая свои уязвимые тела. Да, уязвимые, ибо тела Извергов были уязвимы только для этого оружия. Соьер теперь понимал это.

Он видел, как Нете внезапно сорвала с себя маску, высоко подняла ее и направила зеленые лучи глаз маски в левое плечо Богини.

Рана была ужасна. Богиня покачнулась. Она на мгновение опустила маску и смертоносные лучи из ее глаз ударили в пустоту. Черная мантия не выдержала удара зеленой молнии и из-под нее потекли струйки золотистой крови...

Золотистая кровь, подумал Соьер. Золотистая кровь! При виде ее ангелы, наблюдающие за поединком, ахнули. Нете издала дикий, звенящий торжеством крик.

Но Соьер снова ощутил сотрясение, от которого у него закружилась голова. Его рывком перебросило на другую орбиту, и теперь он оказался совсем близко к ядру. Но он не обратил на это внимания. Он был раздосадован тем, что в результате сотрясения на мгновение потерял из виду сражение.

Нете не рассчитала. Она слишком понадеялась на смертельный удар, и теперь ее маска была поднята слишком высоко, чтобы парировать ответную атаку. Золотая кровь все еще текла по руке Богини, беспомощно висящей, но другой рукой она схватила маску и очертила ею спираль. Скорость и направление движения руки совпадали со скоростью и направлением бешено вращающейся энергии в Источнике. Возможно, этим она хотела воспользоваться энергией самого Источника.

Ее маска снова смотрела на Нете. Лицо в лицо. Эти взгляды Горгоны извергали смертоносную энергию в соперниц. Пламя колыхнулось между Богиней и Нете. Раздался жуткий крик Нете. Когда языки пламени стали послабее, вздох вырвался у всех зрителей. Один глаз маски Нете стал слепым. Луч Богини сжег его.

И теперь, когда ее силы уменьшились наполовину, Нете с удвоенной яростью стала нападать на покалеченную Богиню. Ее единственный луч метался, сплетая огненную сеть вокруг шатающейся фигуры в черной мантии, которая изо всех сил старалась парировать удары. Богиня, движения единственной руки которой были быстры, как молния, сплетала защитную сеть вокруг себя. А Источник вращался все быстрее и быстрее... Электроны с внутренней орбиты сыпались в него, как снег. Источник вспыхивал и снова угасал, и снова вспыхивал, когда очередная жертва давала ему новую порцию энергии, в которой нуждались обе сражающиеся Богини.

Снова сотрясение! Соьер перескочил на другую орбиту. Он уже на внутренней орбите, и следующее падение будет уже прямо в огонь!

Огонь! Соьер посмотрел вниз. Он посмотрел прямо в Источник. Свет был яркий, очень яркий...

Источник жег глаза и мозг смотрящего в него.

Боль в глазах внезапно исчезла, и Соьер увидел все с неожиданной ясностью. Источник оказался чем-то плоским и сверкающим, как зеркало. Он был окаймлен широким кольцом. В зеркальной плоскости отражалось золотое облачное небо. Что-то кружилось, бурлило, вращалось... Расплавленный свет, выбивающийся из центра мироздания? Может, с полюса Земли? Может, это фонтан света? Соьер не мог подобрать слов для описания. Но мозг и глаза не желали отрываться от завораживающего бурления в Источнике. Это движение проникало в мозг, расплавляло его, влекло Соьера к себе...

Он стал падать, падать...

И он хотел падать. Он хотел видеть все, что происходит внизу, в Источнике. Все ближе и ближе... «Странно, — подумал он, — все как во сне. Я так близко, и все же не могу сфокусировать зрение на этих пузырьках. Что это? Пузырящийся жидкий металл? Холодный и блестящий, как ртуть?»

Это не было жидким металлом, так как Соьер видел очертания отдельных пятен, которые кружились сами по себе. Они, казалось, совершали какой-то танец, влетающий в ткань видений Соьера, увлекая его вниз, на эту сверкающую плоскость, где все увлечено завораживающим движением...

— Альпер! — внезапно крикнул он и звук его голоса, отразившись от стен шестигранной ячейки, едва не оглушил Соьера.

И Альпер откликнулся. Как гулкий колокол, кровь загудела в его жилах. Шипенье своего дыхания теперь казалось ему свистом громадных турбин.

С трудом оторвал себя Соьер от жуткого очарования Источника. Теперь он знал, что такое Источник. Ни один человеческий глаз не видел подобного зрелища, ни один самый изощренный ум не мог вообразить себе такого.

Это был сложный танец ядра в атоме. Один за другим, притягиваемые протонами, в ядро ныряли электроны. Его очередь близка.

Но вот вращение приостановилось. Соьер не хотел быть жертвой. Он собрался с силами, чтобы сопротивляться падению в устрашающую красоту Источника. Удары грома раскалывали мозг Соьера, и он закрыл глаза, стараясь собрать все свое отвращение

к смерти, чтобы это помогло ему выстоять против колдовских чар Источника.

Больше он не падал.

Источник снова казался ему зеркалом, на его поверхности ничего не отражалось. Он выглядел огромным ртом, открытым в ожидании жертвы. Но жертва не падала, и поверхность зеркала подернуло дымкой, как будто на нее дохнуло холодом.

Внизу зеленые молнии двух соперниц скрещивались друг с другом. Удары наносились с такой скоростью, что глаза Сойера не могли уследить за ними. Но вот они начали замедляться, молнии стали заметно бледнее. Шипение разрядов стало мягче и слабее.

Богиня сделала шаг назад и посмотрела вверх. Нете, тяжело дыша, опустила одноглазую маску и тоже подняла голову. И тут она узнала Сойера и рассмеялась звенящим безжалостным хохотом.

Это был момент, когда Сойеру нужно было достать Огненную Птицу из кармана. Что произойдет после этого, — Сойер не знал, но выбора у него не оставалось. В любой момент он мог рухнуть в сверкающую поверхность Источника. А потом ему никогда не придется принимать решения.

Рука его нащупала Огненную Птицу, и тут он обнаружил, что не может двигаться. Какая-то сила, которой он не мог сопротивляться, сковала его, сделала беспомощным. Он возобновил свое вращение по орбите вокруг Источника. Мозг его был ясен, но он не мог двинуть ни одним мускулом, не мог даже шевельнуть пальцем.

— Альпер, — позвал он в отчаянии, — прибавь немного. Только не перестарайся!

Глухие раскаты грома в мозгу становились все громче и громче. Как будто на Сойера надвигался тяжелый груженный железнодорожный состав. Вот грохот стал уже непереносимым...

— Хватит! — крикнул Сойер. — Оставь так!

Где-то внизу под ним, совсем рядом, раздался другой грохот — резкий взрыв. Все ангелы, следившие за дуэлью, одновременно повернули головы в направлении взрыва, раздавшегося в стенах Замка.

Да, в самом Замке.

И вот второй взрыв, а вслед за ним — грохот рушащихся стен, звон стекла. Эти звуки раздавались совсем рядом. Все Изверы вскочили на ноги, встревоженно переглядываясь друг с другом. Что могло прервать священную Церемонию? И в последний раз Сойер увидел своих богов, стоящих в пустоте.

Но вот в золотом небе возникла трещина, посыпались стекла. Целая лавина обрушилась на пол. Стены вселенной трещали, ру-

шились, и через трещины в огромный стеклянный холл хлынула толпа дикарей. Они неслись по стеклянному полу к ожидающим ангелам.

Некоторое время Изверы были в ошоломлении. Невероятность происходящего потрясла их. Тысячелетиями они были уверены в покорности всего мира, а теперь не могли поверить в то, что стены их Замка могли быть разрушены. Но их святая святых подверглась нападению, и змееподобные дикари ворвались в зал, потрясая длинными сверкающими ножами и издавая жуткий вой.

Это был настоящий кошмар для Изверов. И они стояли неподвижно, парализованные случившимся.

Но вот Богиня отдала приказ, и Изверы ожили. Жуткое отвращение отразилось на лицах богов, когда они в шелесте ледяных мантий двинулись вперед на орду Селли. «Отвращение к себе подобным», — подумал Сойер, вспомнив золотистую кровь, стекавшую из раны Богини и каплю золотистой жидкости, повисшую на кончике ножа, которым он ударил в грудь дикаря.

Неуязвимая раса вступила в бой с другой неуязвимой расой. Сойер видел маски на затылках Изверов, которые безразлично смотрели на Сойера, на Источник, на двух соперниц. Они смотрели так, как будто все это было уже в прошлом и теперь не представляло для них никакого интереса. Но вот Богиня вскрикнула еще раз, и из рядов Изверов послышались вопли торжества. Все руки взметнулись вверх, как бы выражая неописуемую радость.

Теперь над их головами покачивались маски, те самые, что столь безразлично смотрели в прошлое. Однако они уже не были безразличными. Они смотрели в будущее. Маски все еще улыбались бледными змеевидными губами, но улыбки их были жуткими, а из глаз излучались двойные лучи — огненные мечи.

Сойер увидел переднего Селли, уже протянувшего свои извивающиеся руки, чтобы схватить первого Извера. Двойной луч пронзил толстую, закрытую чешуей грудь у самого основания шеи. Сойер видел, как луч прошел сквозь его тело, словно луч света сквозь тьму.

Огромное змееподобное существо покачнулось. Мгновение сверкающие глаза излучали тот же зеленый свирепый свет, что и глаза маски. Затем дикарь издал дикий вой и рухнул вперед. Золотистая кровь хлестала из его раны. Селли упал прямо на Извера.

Тот тщетно пытался оттолкнуть от себя дикаря. Селли не был еще мертв. Он обхватил своими извивающимися руками Извера и тянулся к маске, глаза которой сейчас смотрели в потолок. Два смертельных врага схватились в жестокой схватке, оба танцевали

танец смерти на стеклянном полу. Кровь Селли уже образовала лужу возле их ног, и эта лужа все увеличивалась. Сойер внезапно увидел, что лужа достигла края стеклянной поверхности и теперь падает золотистым туманом в пустоту...

Прозрачный помост, на котором стояли троны, был кругом, плавающим в пустоте и поддерживаемым стеклянными колоннами.

Селли и Извер, обхватив друг друга, упали вниз. Вместе с ними упала и маска, пронизывая пустоту зелеными лучами своих глаз.

Это падение пробудило Сойера. Он вспомнил об опасности, которая грозила ему самому. Он начал яростно бороться с парализовавшим его параличом. Сойер прекрасно понимал, что все эти маски Изверов тратят много энергии, и Источник вскоре потребует новых жертв, чтобы пополнить свои угасающие силы.

Сойер полностью сосредоточился на громовых ударах в своем мозгу и изо всех сил постарался шевельнуть рукой... И это ему удалось. Рука его еле заметно шевельнулась.

Его снова сильно потрянуло. Он открыл глаза и перед ним открылось поле битвы между двумя расами. Они были как бы одной расой, представителей которой пропустили через разные искажающие фильтры.

Но размышлять над этой проблемой Сойеру было некогда. Пламя в Источнике начало угасать, наступило истощение энергии. Вокруг Сойера летали шестигранные ячейки с жертвами. Они дождем сыпались в Источник. И с каждым падением из него выплескивался язык пламени. Сойер, стиснув зубы, прохрипел:

— Альпер, еще! — и приготовился мужественно встретить спасительные, мучительные удары грома.

Он понял, что этот акт самоуничтожения жертв был добровольным. Ядро притягивало к себе электроны, но и сами электроны притягивались к ядру. И если сопротивляться этому призывному тяготению, то можно спастись... Вероятно, начальный гипноз был неотъемлемой частью всех церемоний. И пока Сойер может сопротивляться, пока его разум ясен, его ячейка будет висеть над поверхностью Источника... Но колдовской танец теней в Источнике был настолько завораживающим, что долго противиться ему было невозможно...

Сойер изо всех сил стал подталкивать руку к карману, где находилась Огненная Птица. Удастся ли ему это? Сойер не мог сказать с полной уверенностью.

Он взглянул вниз на поле битвы. Змееподобные Селли гнулись, как колосья, под ударами зеленых лучей Изверов. На стеклянном полу стояли лужи золотистой крови. С края платформы по

двое, по трое падали вниз Селли и Изверы. Они летели, крича, обхватив друг друга мощными руками.

И Соьер внезапно понял, почему это место называется Холл Миров. Несколько тронов, окружавших Источник, символизировали разделение мира на Хомад и Нижний мир.

Соьер все еще боролся. И вот пальцы его руки нащупали карман. Он не был уверен, что Огненная Птица спасет его. Но терять ему было нечего. Если он не будет делать ничего, то погибнет в Источнике, притяжение которого все усиливалось. Он не должен был смотреть в Источник, не должен был думать о нем. Однако Соьер всем своим существом, всеми костями, нервами, мозгом чувствовал, что его тянет туда, в колдовской танец. Как будто все его тело ввалось туда, — вниз.

Вокруг него сыпались в Источник жертвы, пополняющие угасающую энергию. Но вот Соьер увидел внизу Нете, не обращавшую ни малейшего внимания на битву. Она резким движением маски нанесла удар по Богине, которая, забыв о поединке, следила за битвой Изверов с Селли.

Нете нанесла удар по уцелевшей руке Богини, способной держать свое оружие. Другая рука беспомощно висела, кровь стекла по кончикам пальцев и падала на стеклянный пол. Одноглазая маска Нете нанесла удар. Богиня повернулась, чтобы отразить его, но медленно, очень медленно...

Ячейку Соьера снова встряхнуло, и он повис над пузырящейся поверхностью Источника. Раскаты грома в его мозгу были очень сильными. Соьер едва мог выносить их. Еще немного, и он может полностью потерять сознание. Соьер не просил Альпера усилить действие передатчика. Он чувствовал, как все атомы его тела откликаются на предательский зов Источника, нервы его принимали то, что отвергал мозг, плоть, стремилась к Источнику, хотя воля и разум препятствовали этому. И жизнь, и смерть одновременно присутствовали в его сознании, в его существе...

Пока он жив, он должен действовать. Он заставил руку подчиниться своей воле. Закрыв глаза, с трудом преодолевая раскаты грома в мозгу, коснулся пальцами Огненной Птицы, — и под его рукой затрепетали, открываясь, сверкающие золотом крылья...

И сверкающим золотым потоком в него хлынула энергия. Огненная Птица, казалось, рвалась из его рук, стремилась к Источнику, который был совсем близко, и где было ее место. Если бы Птица вернулась в Источник, единственный путь на Землю был бы закрыт навсегда. Но если он не будет пускать Птицу туда, то долго ли он сможет сопротивляться колдовскому притяжению Источника?

Выбирать ему не приходилось. Как только в его руках расправила крылья Огненная Птица, Нете забыла о том, что она хотела нанести последний смертельный удар по своей сопернице. Ведь сейчас Богиня была полностью раскрыта, беспомощна перед ней. Нете встрепенулась, и луч единственного глаза ее маски ударил по лицу Богини, которое было защищено маской. Высокий крик доносясь из-под маски, Богиня пошатнулась и упала...

Нет, не упала, а наклонилась вперед, к Огненной Птице. Она, спотыкаясь, пошла вокруг Источника к Сойеру и той драгоценности, которую он держал.

Нете тоже обратила свое внимание на распростертые золотые крылья. Может быть, она просто забыла о Богине. Она видела Птицу в руках Сойера. Желанное было совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки...

Но что это? Огненная Птица или Нете сделали это? Стены его ячейки внезапно исчезли, и он упал вниз с высоты шесть футов на стеклянный пол.

Целью Нете было схватить Огненную Птицу. Как он мог теперь сопротивляться ей? Еще не придя в себя после падения, он заковылял прочь, подальше от Нете и от Источника.

Оглянувшись через плечо, Сойер увидел Богиню, глаза которой сверкали через отверстия маски, услышал, как она выкрикнула имя Нете и в последнем усилии подняла свое грозное оружие.

Нете резко повернулась, чтобы отразить эту отчаянную атаку. Она взметнула свою маску, стремясь защититься ею, как щитом. Лицо к лицу, глаза в глаза — две маски смотрели друг на друга.

И маска Нете погасла.

Нете взглянула на нее с недоумением, все еще держа бесполезный щит в руках, затем внезапно расхохоталась резким пронзительным смехом. Она отбросила маску, и, как змея, рванулась к Сойеру.

С огромной силой Сойера швырнуло на пол. Он почувствовал, как Огненную Птицу вырвали из его рук, а затем услышал дикий крик торжества. Это кричала Нете, наконец-то держащая в руках талисман, который должен был принести ей победу.

Звук ее голоса долго висел в воздухе, как бы возвещая победу. Но затем **тембр его** резко изменился. Два луча из глаз маски **Богини** вспыхнули **над головой** Сойера, и теперь крик победы превратился в вопль жуткой нечеловеческой боли...

Сойер, лежа на полу, видел это высокое извивающееся тело, видел, как два зеленых луча — меча пронзили это тело, которое не могла возродить к жизни даже Огненная Птица, понапрасну излучающая сейчас свою энергию...

Селли умирали медленно, но Изверы умирали еще медленнее. Сойеру казалось, что она стоит над ним уже целую вечность. Он видел на ее лице нечеловеческую ярость, затем нечеловеческое отчаяние, и наконец, решимость.

Она была уже мертва и знала это, но с внезапной решимостью змеиным движением рванулась к Богине. Если уж она сама погибла, то пусть не выиграет битву никто из них. Если ей суждено погибнуть, она уничтожит всю расу! Она не могла доказать свою божественность обычным путем, путем дуэли. Тогда она докажет ее по другому...

Сойер видел блеск ее струящейся материи, видел сверкающую Огненную Птицу с распростертыми крыльями. Зеленые мечи из глаз маски Богини еще пронизывали Нете, но она уже утратила страх перед смертью — она была мертва. Она рвалась вперед, не обращая внимания на эти лучи. Вперед, к высокой темной фигуре своей убищицы...

Сойер видел, как они сплелись в яростном объятии возле бурлящего пламени Источника. Он слышал их звенящие яростью голоса, потом они обе покачнулись и упали...

Источник принял их в себя.

И вместе с ними принял Огненную Птицу с раскрытыми крыльями. Вместе с ней Источник принял конец расы богов.

Шатающийся, полуголушенный, ослепленный сиянием Источника, Сойер видел их падение. Они падали и изменялись на лету.

Они излучали при падении свет, который окутывал их наподобие пара. Казалось, молекулы их тела покидают их и собираются в облака. И вскоре эти два тела исчезли. Молекулы начали вновь формироваться во что-то...

Вскоре Сойер увидел длинные змеевидные конечности, извивающиеся тела, приплюснутые странные головы, большие, пустые, сверкавшие, как драгоценности, глаза... Селли!

Он знал, что так будет. Он был уверен в этом. Он уже понял, что Селли и Изверы — это не две расы, происходящие от одного предка; это — одна раса. Изверы и были Селли. Сойер вспомнил старые забытые легенды о раздвоенности личности, о вселении дьявола в человека, вспомнил Джекила и Хайда, которые были одно и то же в разных формах...

Интересно, какой же мостик смогли перекинуть Изверы от жизни простых смертных к атомной энергии, когда они впервые превратили себя в бессмертные изотопы?

Теперь этого уже никто не узнает. Но совершенно ясно, что Изверы подвергали себя смертельной опасности. Ведь они не могли контролировать стабильность изотопов во времена кризисов. Пока

Источник функционировал, они были в безопасности, но когда Источник прекращал поставлять им энергию, они не могли поддерживать стабильность своего существования в форме Извергов. Энергия иссякала, и они опускались в более низкое энергетическое состояние по энергетической шкале... превращались в Селли...

Но это еще не конец. Полный цикл видоизменения на этом не завершался.

Падающие, исчезающие, изменяющиеся тела скрывались из виду в Источнике, другой конец которого, как предполагал Соьер, находился на Земле. Некоторое время стояла тишина, и только на поверхности Источника возникали и исчезали тени, туманные пятна, продолжающие свой бесконечный таинственный танец.

Где-то вдаль, как будто в другом мире, между Извергами и Селли продолжалась битва. Это была самоубийственная война одной и той же расы, порожденная странной неуправляемой ненавистью подобных к подобным. Схватившиеся между собой в смертельной схватке, они один за другим падали в ничто, издавая такие же крики, какие издавали восставшие ангелы, падавшие с небес во времена войны с серафимами.

Затем в глубине Источника, где исчезла Богиня, Соьеру почудился трепет крыльев и вслед за этим появились вспышки света. Свет становился все ярче. Соьер прижался к стеклянному полу, впился в него, желая оказаться как можно дальше отсюда, исчезнуть. Ведь он знал трепет этих крыльев. Он уже слышал его в шахте на Фортуне. И вот эти Птицы поднимались теперь сюда. Не было силы, которая могла бы управлять этими адскими созданиями. Ведь Нете исчезла и вместе с ней исчез могущественный талисман.

Источник был открыт и неуправляем. Из него бил фонтан энергии. И струи этого фонтана состояли из множества Огненных Птиц. Как будто вся мощная энергия, концентрирующаяся в Источнике, хлынула в Хомад.

Струи фонтана поднимались высоко вверх и затем обрушивались вниз. Огненные Птицы падали прямо на сражающихся, как огненные копья. Их как будто притягивало туда, где в смертельной схватке сплелись Изверги и Селли.

Да, эта раса предстала теперь в третьей, совершенно новой форме. Изотоп Извера распадался не на два, а на три элемента. И теперь цикл завершился. Третьим элементом были Огненные Птицы, которые должны были уничтожить первые две формы.

Они обрушивались на сражающихся, как молнии, везде вспыхивали взрывы. Разуму человека было трудно осознать все это. Соьер, вцепившись в стеклянный пол, понимал, что сходит с ума. Никто не смог бы выдержать это и остаться в здравом рассудке.

Вокруг сверкали вспышки, и фонтан сумасшедшей энергии бил из Источника. Оставшиеся Изверы продолжали свой цикл изменения. Когда иссякала их энергия, они превращались в молекулярный пар, который неведомыми путями поступал в Нижний Мир, где из него конденсировались Селли.

Но и это был не конец. Энергия иссякала, и это нужно было как-то уравнивать. Селли тоже изменялись. Снова отворялась дверь в другое измерение. Она открывалась на Землю, на полюс, с которым Хомад был крепко-накрепко связан. На шахте в Фортуне появились тысячи Огненных Птиц, которые были последней третьей ступенью превращения изотопов Изверов. Огненные Птицы поглощали атомную энергию земного урана до тех пор, пока не насыщались и не превращались вновь в Изверов, которые через ледяной туннель возвращались на Хомад. И только Нете знала о том, что произошло. Она из всех сил старалась оставить все, как есть, до тех пор, пока она не станет Богиней. Тогда она вернула бы Огненную Птицу в Источник.

После кражи Огненной Птицы Источник перестал поставлять энергию, в которой нуждались Изверы. И по мере того, как они тратили свою энергию, не восстанавливая ее, они переходили в нестабильную форму, из которой они могли продолжать цикл трансмутации.

Этот цикл был совершенно безопасен, если, конечно, три формы одной материи не встречались между собой. При встрече происходило взаимное уничтожение, аннигиляция.

Когда в Источнике была Огненная Птица, она регулировала поток изотопов, перемещая их по кругу и не давая возможности встретиться. Но теперь, когда ее не стало, цикл пошел по спирали. Примером можно считать превращение урана в нестабильный плутоний, который может взорваться, если его масса превышает критическую.

Из Источника все еще бил фонтан Огненных Птиц, вводя последний необходимый фактор в уравнение. Планетарный циклотрон содрогнулся от всплеска титанической энергии... и...

Сформировался новый изотоп. Совершенно новый, состоящий из Селли, Извера и Огненной Птицы одновременно. И масса их превышала критическую. Одно мгновение сквозь стеклянный пол Соьер видел три взаимослившиеся фигуры — три и в то же время одну. Змеевидного дикаря, высокого статного полубога и крылатое пламя над ними. Мгновение он видел эту золотую скульптуру.

«Это Сатана перед падением в ад», — подумал Соьер. Он буквально вдавил лицо в стеклянный пол, чтобы рассмотреть все.

Сверкающая фигура — полужмея, полуангел... и огненные крылья, ярость которых была невыносима для его глаз.

Мгновение она стояла неподвижно в пространстве — и затем взрыв — бешеный взрыв, подобный тому, что впервые произошел в Альмагорде. Грибовидное облако висело над Хомадом...

Эхо гигантского взрыва прокатилось над Хомадом.

Хомад избавился от присутствия богов, и канал, по которому они черпали энергию, закрылся навсегда.

В стеклянном полу дымился мертвый обугленный Источник Миров. Сойер видел, как он вспыхнул последний раз, и эта вспышка была каплей, переполнившей его разум. Сознание покинуло его.

Гром в голове вернул его к жизни. Он лежал на стеклянном полу, под которым клубилась золотая пустота. Он стоял долго, очень долго, глядя на маску. Он не мог вспомнить, что произошло.

Нашествие дикарей через проломленную стеклянную стену, как ему казалось, произошло тысячу лет назад. Он смутно вспомнил фигуры в масках, которые приближались к нему... Но вот из-за разрушенной стены послышался шепот, затем голоса, крики торжества. Он слышал вдали бои колоколов. Это был звон радости...

Но здесь, в святилище исчезнувших богов, еще не наступило время радости. Вокруг лежал спасенный и счастливый мир, но к Сойеру медленно приближался человек в маске — и с ним приближалась смерть.

Он шел неуверенно, ноги его подгибались, последняя энергия Огненной Птицы уже иссякала в дряхлом теле Альпера.

Он остановился в десяти футах от Сойера, обхватив себя руками. Сойеру было странно видеть маску Извера, глаза которой не излучали смертоносных лучей. Вместо них в глазницах моргали маленькие серые глазки Альпера. Вероятно, он поднял эту маску на поле боя, когда шел сюда...

— Она пропала! — сказал он, — Ты позволил Огненной Птице исчезнуть!

— Земля тоже исчезла, — услышал Сойер свой голос. Он с трудом вдохнул воздух. — Пути назад нет. Тебе не поможет моя смерть. Мы должны жить... в Хомаде...

— Альпер! — послышался чей-то голос. — Альпер, подожди!

Через развалины стены карабкалась грузная фигура Затри в маске. Эхо его голоса гулко прокатилось под стеклянными сводами. Что произошло до этого, Сойер не имел понятия. Но теперь это уже не имело значения. Осталась одна последняя битва. И в ней никто не мог помочь Сойеру, кроме него самого.

— Жить здесь? — горько спросил Альпер. — Без Огненной Птицы? Много ли я проживу? У тебя еще есть время. Ты можешь

найти здесь дело и жизнь, ты женишься. У тебя будет семья. А что я? Как я смогу править...

— Ты не сможешь, — спокойно ответил Сойер. — У тебя не получится, Ты способен на многие дела, но правление — не твоя стихия.

— Альпер! — крикнул Затри. — Подожди!

— Ждать?! — фыркнул Альпер. — Чего ждать? Чтобы вы опять надули меня? О, нет!

Он прыгнул к Сойеру, сжав кулаки.

— Ты выбросил Огненную Птицу! Без нее я умру! Я умру! — Из-под маски раздался взрыв смеха. — Но ты умрешь первым.

Правая рука его скользнула к карману, где находился передатчик.

Зная, что он опоздал, Сойер все же прыгнул.

Вихрь молний взорвался в его мозгу, раскаты грома потрясли все его сознание. Теперь его череп превратился в циклотрон, который раскручивал свою спираль все быстрее и быстрее, пока он, полуслепший, полуголушенный, летел к улыбающейся маске...

Руки его сжали череп, и тут он ощутил на себе маску. Он совсем забыл о ней. Он даже не удивился тому, что понимал слова Затри. Затри...

Смутно он видел, что Затри делает что-то странное. Он тоже сжал виски обеими руками, а затем сорвал с себя маску и швырнул ее на стеклянный пол. Лицо его было искажено болью, когда он смотрел на Сойера и Альпера.

Все это продолжалось долю секунды, пока Сойер летел к Альперу, который делал все, чтобы расколоть его череп пополам. И когда Сойер увидел лицо Затри без маски, он все понял. Он расхохотался и, еще находясь в воздухе, сорвал с себя маску...

Затем он обрушился на Альпера и сбил его с ног. Старик все еще нажимал кнопку управления. Но сейчас Сойер сам хотел этого. Он знал, почему Затри сорвал маску, и знал, что происходит в мозгу самого Альпера.

Альпер поднял руку, чтобы сорвать свою маску, так как он тоже все понял. Маски каким-то образом тоже были передатчиками. Они генерировали свои несущие волны. Кроме того, они были и мощными усилителями. Зрение и слух человека, надевшего маску, усиливалось в тысячу раз. И те же ультразвуковые колебания, которые сейчас звучали в мозгу Сойера, тысячекратно усиленные, — звучали в мозгу Альпера, пока на нем была маска!

Сойер навалился на старика всем телом, прижал его к полу, чтобы тот не смог сорвать маску, нащупал рукой кнопку управления и нажал ее сильнее...

Альпер закричал.

Он пытался сопротивляться, но бесполезно. Гром гремел в их головах. Он оглушал Сойера, но в голове Альпера он был еще более жутким, почти смертельным. Он страдал гораздо сильнее Сойера.

Теперь Альпер думал только о том, чтобы прекратить создавать гром в голове Сойера, чтобы самому избавиться от этого. Оглушенный, полуослепший, Сойер крепко прижимал пальцы старика к кнопке. Он надеялся только на то, что тот постарается найти и нажать кнопку выключения до того, как этот гром убьет их обоих.

Если Альпер умрет раньше, чем сделает это, Сойер тоже обречен. Пока передатчик связывает их, смерть Альпера означает смерть Сойера.

Старик отчаянно шарил пальцами по коробке. Сойер боялся дать ему свободу действий... но...

И внезапно все кончилось.

Оглушенный внезапной пронзительной тишиной в мозгу, Сойер приподнялся на локтях и услышал, как что-то звякнуло на стеклянном полу. Сойер понял, что это за тонкий блестящий металлический диск валяется с ним рядом.

Передатчик.

Не осмеливаясь поверить этому, он прижал руку к голове... Ничего. Он был свободен.

Когда Сойер отпустил Альпера, тот медленно перекатился на бок, выпрямился и затих. Тяжелая голова в улыбающейся маске Извера запрокинулась и смотрела прямо вверх. Серые глаза в прорезях маски глядели прямо на Сойера, но ничего не видели. Возраст всегда был трагедией Альпера — но теперь он уже никогда не станет старше.

Сойер долго смотрел на мертвеца, затем поднял голову.

Затри шел к нему по стеклянному полу. За ним у развалин стены стояла и смотрела на Сойера Клей. Она неуверенно подняла руку, когда встретилась с ним взглядом, и он улыбнулся ей. Он не мог двигаться, он слишком устал.

Но теперь все было позади. Он осмотрелся вокруг. Разрушенный Источник был теперь всего лишь грудой расплавленного металла. И где-то за ним, в другом измерении, остался навсегда потерянный его собственный мир — Земля.

Это было неотвратимо. Сойер сделал все, что мог. Он сделал свое дело.

Где-то невообразимо далеко в другом пространстве, некто в Оффисе Торонто напишет на его досье: «Закрыто». Сойер покачал головой, отгоняя это видение. Теперь у него есть только Хомад.

На Хомаде тоже можно хорошо жить — больше ему ничего не остается.

Он повернулся к Клей, ожидавшей его. С трудом Соьер поднялся на ноги.

Человек должен делать свое дело в любом мире. Соьер знал, что Землю он не забудет. Он подумал, что каждый раз, когда он напьется, он будет говорить о ней. Если на Хомаде есть вино, подумал он, — то он должен напиться и бубнить окружающим о Земле, о ее зеленых полях, о морях... Во всяком случае, к нему снова вернется Земля, он сможет долго говорить о ней, говорить более ласково, чем тогда, когда он жил на ней...

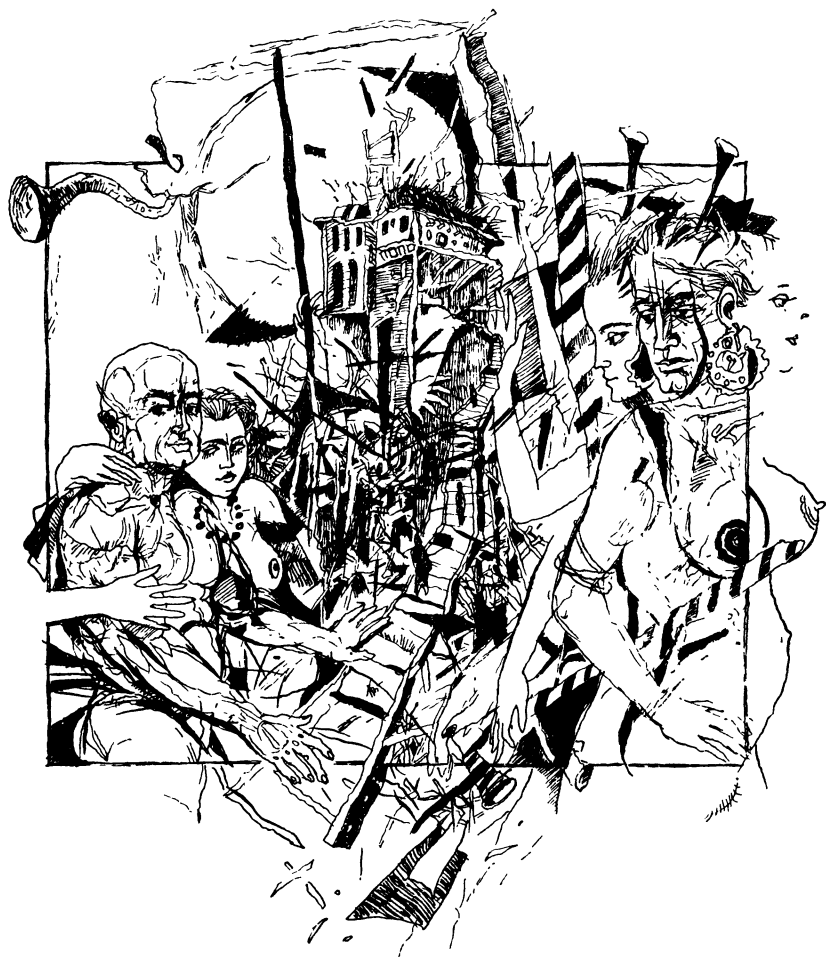
Но он молод. Перед ним — долгая жизнь. Все может быть хорошо, если он постарается...

Улыбающаяся маска Альпера смотрела, как он неуверенно шел вперед над клубящимся золотым туманом бездны к Затри... и к Клей.

ЯРОСТЬ

Роман

© *Henry Kuttner. Fury. N. Y. : Grosset & Dunlap, 1950*
© Перевод. О. С. Ладыженский, Д. Б. Громов, 1992

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта история не для трусливых...

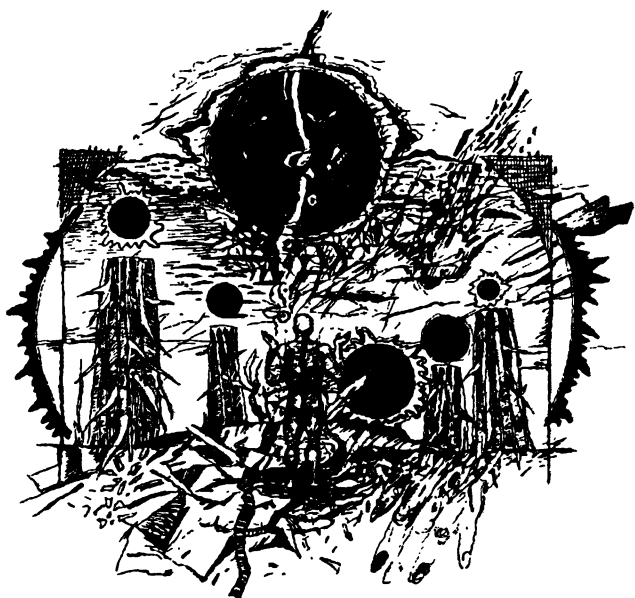
«Ярость» — роман о неистовстве. Он рассказывает о мучительной борьбе человеческой расы за новый взлет к звездам из глубины венерианских морей. В центре борьбы — деятельность Сэма Рида, бессмертного, которого отец при рождении так видоизменил, что ребенок не знал, что он бессмертен, пока не достиг возраста восьмидесяти лет. Внутреннее психологическое противоречие между его верой в собственную недолговечность и врожденным подсознательным чувством «долгой жизни», которое типично для бессмертных, составляет основу, от которой зависит вся карьера Рида и спасение человечества.

Именно эта карьера — через софистику и стремление к самовозвеличиванию, а также убийство — в конечном счете выводят человеческую расу из благополучных морей к биологическим ужасам поверхности планеты, чтобы бороться и достичь благородной цели. В этом процессе Сэм Рид превращается из национального героя в национального преступника, пытаясь победить пораженчество и высокомерное спокойствие, которые характеризовали его неопознанных братьев и заклятых врагов — бессмертных правителей.

Этот роман имеет важное значение и для нашего времени: и сегодня, как всегда, человеческая раса не может вести растительную жизнь. Либо она будет подниматься к новым уровням социальной сложности и постижений, либо опустится в старческий маразм; «Ярость» показывает, как в условиях, совершенно отличных от наших, человечество снова начало долгий подъем от упадка к величию.

ГРОФ КОНКЛИН*

* ГРОФ КОНКЛИН 1904 — 1968 — известный американский издатель, составитель антологий. Выпустил их свыше сорока, начиная с 1946 года, когда появилась его первая книга — «Лучшее в научной фантастике». Автор ряда статей и обзоров американской НФ.

ВСТУПЛЕНИЕ

Была белая ночь на Земле и сумеречный рассвет на Венере...

Все люди знали о сияющей тьме, что превратила Землю в звезду на облачном небе. Но мало кто понимал, что и венерианский рассвет незаметно сменяется тьмой. Подводные огни горели все ярче и ярче, превращая огненные башни в зачарованные крепости под поверхностью мелкого моря.

Но семьсот лет назад эти огни горели еще ярче. Шестьсот лет прошло с момента гибели Земли. Шел XXVII век.

Время замедлилось. Вначале оно двигалось гораздо быстрее. Многое предстояло сделать. Венера оказалась непригодной для жизни, но люди были вынуждены здесь жить.

Человек одновременно прочен и хрупок. Насколько хрупок, он сознает лишь при извержении вулкана или землетрясении. Насколько прочен, можно понять, если учесть, что колонии существовали не менее двух месяцев на континентах Венеры.

Человек никогда не знал ярости Юрского периода на Земле. На Венере он был гораздо хуже. У человека не было подходящего оружия для завоевания поверхности планеты. Его оружие было либо слишком мощным, либо слишком слабым. Оно могло либо полностью уничтожать, либо легко ранить, и человек не смог жить на поверхности Венеры; здесь он встретился с совершенно новым противником.

Он встретился с яростью... И бежал.

Безопасность ждала его под водой. Наука усовершенствовала межпланетные путешествия и уничтожила Землю; наука смогла создать искусственную среду на дне океана. Были построены купола из империума, под ними поднимались города.

Города были завершены... И как только это случилось, рассвет на Венере сменился сумерками. Человек вернулся в море, из которого когда-то вышел.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Забудь заклатья.
Пусть дьявол, чьим слугой ты
был доныне,
Тебе шепнет, что вырезан
до срока,
Ножом из чрева матери Макдуф.*

ШЕКСПИР

Рождение Сэма Харкера было двойным пророчеством. Оно показывало, что происходит в огромных башнях, где все еще горели огни цивилизации, и предсказывало жизнь Сэма в этих крепостях под водой и вне их. Его мать Бесси была хрупкой и хорошенькой женщиной, которой не следовало иметь детей. У нее были узкие бедра, и она умерла при кесаревом сечении, выпустив Сэма в мир, который он должен был сокрушить, чтобы мир не сокрушил его самого.

Именно поэтому Блейз Харкер ненавидел своего сына такой слепой злобой и ненавистью. Блейз никогда не мог подумать о мальчишке, не вспоминая происшедшего той ночью. Он не мог слышать голоса сына, не вспоминая тонких испуганных стонов Бесси. Местная анестезия не могла помочь, поскольку Бесси и психологически (а не только физически) не годилась для материнства.

Блейз и Бесси — это была история Ромео и Джульетты со счастливым концом — к тому времени, когда был зачат Сэм. Они были беззаботными, бесцельными гедонистами. В их башнях приходилось выбирать: либо вы становились техником или художником, либо могли оставаться пассивными. Технология предоставляла широкие возможности — от телассополитики до строго ограниченной ядерной физики. Но быть пассивным легко, если вы можете это выдержать. Даже если не можете, лотос дешев в башнях. В таком случае вы просто не предаетесь дорогим развлечениям, таким, как олимпийские залы или арены.

Но Блейз и Бесси могли позволить себе самое лучшее. Их идиллия могла превратиться в сагу гедонизма. Казалось, у нее будет счастливый конец, потому что в башнях платят не индивидуумы. Платит вся раса.

После смерти Бесси у Блейза не осталось ничего, кроме ненависти.

Род Харкеров существовал уже несколько поколений: Джеффри родил Рауля, Рауль родил Захарню, Захария родил Блейза, Блейз родил Сэма.

Блейз, раскинувшись на удобном диване, смотрел на своего прадеда. — Можете убираться к дьяволу! — сказал он. — Вы все.

Джеффри был высоким мускулистым светловолосым человеком с удивительно большими ушами и еще большими ногами. Он сказал:

— Ты говоришь так, потому, что молод, вот и все. Сколько тебе лет? Ведь не двадцать!

— Это мое дело, — отрезал Блейз.

— Через двадцать лет мне исполнится все двести, — сказал Джеффри, — и у меня хватило разума подождать до пятидесяти, прежде чем заводить сына. И у меня хватило разума не использовать для этого законную жену. Чем виноват ребенок?

Блейз упрямо смотрел на свои пальцы.

Его отец Захария, который до этого сидел молча, вскочил на ноги и заговорил:

— Да он просто псих! Его место в сумасшедшем доме. Там из него вытянут правду!

Блейз улыбнулся.

— Я принял предосторожности, отец, — заметил он спокойно. — Прежде, чем прийти сюда сегодня, я прошел через множество тестов и испытаний. Администрация подтвердила величину моего коэффициента интеллектуальности и душевное здоровье. Я вполне здоров, в том числе и по закону. Вы ничего не можете сделать — и вы это знаете.

— Даже двухлетний ребенок обладает гражданскими правами, — сказал Рауль худой, смуглый человек, элегантно одетый в целлофлекс. Он, казалось, забавлялся этой сценой.

— Ты был очень осторожен, Блейз?

— Очень.

Джеффри свел бычьи плечи, встретил взгляд Блейза холодным взглядом голубых глаз и спросил:

— Где мальчик?

— Не знаю.

Захария яростно произнес:

— Мой внук! Мы найдем его! Будь уверен! Если он в башне Делавэр, мы найдем его. Или если он вообще на Венере!

— Точно, — согласился Рауль. — У Харкеров большая власть, Блейз. Ты должен знать это. Именно поэтому всю жизнь тебе позволялось делать все, что угодно. Но теперь это кончится.

— Не думаю, — отпарировал Блейз. — У меня хватит собственных денег. А вот вам придется трудновато.

— Мы — могущественная семья, — сказал Джеффри.

— Конечно, — согласился Блейз. — Но как вы узнаете мальчика, когда найдете его?

Он улыбнулся.

Вначале он добыл средство, уничтожающее волосы. Блейз не мог вынести, что волосы у мальчика будут рыжие. Редкий пушок на голове ребенка исчез и теперь не отрастет никогда.

Культура, склонная к гедонизму, имеет свою извращенную науку. А Блейз мог хорошо заплатить. Не один техник был сломлен стремлением к удовольствиям. Такие люди, когда они трезвы, способны на многое. И Блейз отыскал женщину, которая была на многое способна, но не жила. Жила она лишь тогда, когда носила плащ счастья. Она не проживет долго — приверженцы плаща счастья в среднем выдерживают два года. Этот плащ представляет собой биологическую адаптацию организма, найденного в венерианских подводных горах. После того, как были обнаружены его потенциальные возможности, их стали нелегально развивать. В диком состоянии это существо ловило добычу, просто прикасаясь к ней. После того, как устанавливался псевдоконтакт, добыча была вполне довольна тем, что ее пожирают.

Это было прекрасное одеяние, белоснежное, мягкое, сияющее переливами света, движущееся ужасными жуткими и сладостными экзотическими движениями, когда устанавливался смертоносный симбиоз. Оно было прекрасно на женщине-технике, когда она двигалась по ярко освещенной тихой комнате в гипнотической сосредоточенности, выполняя задание, за которое ей заплатят достаточно, чтобы она могла в течение двух лет организовать собственную смерть. Она была очень способной. Когда она покончила с заданием, Сэм Харкер навсегда потерял все, что унаследовал от родителей. Была установлена новая матрица, точнее, изменен ее оригинальный рисунок.

Мозжечок, щитовидная железа, шишковидный отросток — крошечные комочки ткани — некоторые уже действующие, другие ждущие, пока их не приведет в действие приближающаяся зрелость. Сам ребенок представлял собой несколько больший бесформенный комок ткани, с хрящами вместо костей; на его мягком черепе отчетливо виднелись швы.

— Он не чудовище, — пробормотал Блейз, все время думая о Бесси, — ничего особенного. Короткое, мясистое, толстое...

Забинтованный кусок ткани все еще лежал на операционном столе. Бактерицидные лампы освещали его.

Женщина, плавая в восхитительном экстазе, дотронулась до кнопки вызова. Затем спокойно легла на пол, а сияющее белоснежное одеяние продолжало ласкать ее. Затуманенные глаза смотрели вверх, пустые и гладкие, как зеркало. Вошедший мужчина отвел ее к койке и начал послеоперационные действия.

Старшие Харкеры следили за Блейзом, надеясь отыскать ребенка через отца. Но Блейз разработал свой план слишком тщательно, чтобы не учесть такой возможности. В тайнике он хранил отпечатки пальцев и снимок глазного дна Сэма и знал, что по ним он в любое время отыщет сына. Он не торопился. Случится то, что должно случиться. Это сейчас

неизбежно. Нужно только задать исходные данные — и для Сэма Харкера не останется никакой надежды.

Блейз мог бы установить в своем мозгу тревожный сигнал — сигнал, который будет молчать много лет. Сейчас, впервые в жизни столкнувшись с жестокой реальностью, он делал все возможное, чтобы снова уйти от нее. Но он не мог забыть Бесси, как ни пытался.

И он снова погрузился в яркий эйфорический водоворот гедонизма в башнях.

Ранние годы были погружены в прошлое, воспоминания о котором не сохранились. Время тогда двигалось для Сэма очень медленно. Тянулись часы и дни. Мужчина и женщина, которых он считал своими родителями, даже тогда не имели с ним ничего общего. Ведь операция не изменила его мозг — свой интеллект он унаследовал от мутировавших предков. Хотя эта мутация привела в основном лишь к изменению длительности жизни, она позволила Харкерам господствовать на Венере. Они не были единственными долгожителями: существовало несколько сот людей, которые — в зависимости от различных факторов — могли надеяться прожить от двухсот до семисот лет. Но их наследственные черты были хорошо отличимы.

Он помнил, что был однажды карнавальный сезон, и его родители неуклюже надели пышные наряды и смешались с остальными. Сэм тогда уже был достаточно большой, чтобы кое-что помнить.

Карнавал был уважаемым обычаем. Вся башня Делавэр сияла; цветные дымы висели, как туман, над движущимися путями, привязываясь к проходившим смельчакам и весельчакам. Это было время смешения всех классов.

Официально, никаких низших классов не было.

В действительности...

Он увидел женщину — прекраснейшую женщину; на ней было голубое платье — но это слово вовсе не описывало его цвет. Он был глубоким, разнообразно-голубым, таким бархатистым и гладким, что мальчику до боли захотелось прикоснуться к нему. Он был слишком мал, чтобы понять утонченность покроя платья, его резкие чистые линии, его соответствие лицу женщины и ее пшенично-желтым волосам. Он увидел ее на расстоянии — и уже был полон неистового желания узнать о ней как можно больше.

Приемная мать не могла рассказать того, что ему было нужно.

— Это Кедр Уолтон. Ей сейчас, должно быть, двести — триста лет.

— Да, — годы для него ничего не значили. — Но кто она?

— О... она ведает очень многим.

— Это прощальная встреча, дорогой, — говорила тем временем женщина своему спутнику.

— Так быстро?

— Шестнадцать лет — разве это мало?

— Кедр, Кедр, иногда я хочу, чтобы наша жизнь не была такой длинной.

Она улыбнулась ему.

— Тогда мы никогда бы не встретились. Мы, бессмертные, тяготеем друг к другу. Поэтому мы и встретились.

Захария Харкер взял ее за руку. Под их террасой башня сверкала цветами карнавала.

— Опять все заново? — печально спросил он.

— А что будет, если мы останемся вместе надолго? Только представь себе — быть неразрывно связанными сотни лет!

Захария бросил на нее пронизательный вопросительный взгляд.

— Суть, вероятно, в соотношениях, — сказал он. — Бессмертные не должны жить в башнях. Ограничения... чем старше становишься, тем большего простора хочется.

— Что ж... я расширяюсь.

— Башни нас ограничивают. Юноши и короткоживущие не видят окружающих их стен. Но мы, прожившие долго, видим. Нам нужно больше простора. Кедр, я начинаю бояться, что мы достигли своих пределов.

— Неужели?

— Во всяком случае, подошли к ним близко. Мы — бессмертные. Но я опасаясь интеллектуальной смерти. Что толку в долгой жизни, если не иметь возможности применять приобретенные знания и власть? Мы начинаем топтаться на месте.

— Что же тогда? Другие планеты?

— Возможно, форпосты. Но на Марсе нам понадобятся башни. И на других больших планетах тоже. Я думаю о межзвездных перелетах.

— Это невозможно.

— Это было невозможно, когда человек пришел на Венеру. Теперь это теоретически возможно, Кедр. Но пока еще не практически. Нет символической стартовой платформы. Межзвездный корабль не может быть построен и испытан в подводной башне. Я говорю о символичности.

— Дорогой, — сказала она, — перед нами все время мира. Мы поговорим об этом снова... через пятьдесят лет.

— И до того времени я тебя не увижу?

— Конечно, ты увидишь меня, Захария. Но не больше. Это время — наш отпуск. Зато потом, когда мы снова встретимся...

Она встала. Они поцеловались. Это тоже был символический жест. Оба знали, что их пыл способен превратиться в серый пепел. И хотя они

любили друг друга, они были достаточно мудры и терпеливы, чтобы подождать, пока огонь снова сможет разгореться.

Через пятьдесят лет они снова станут любовниками.

Сэм Харкер смотрел на худого серолицего человека, целеустремленно двигавшегося через толпу. На нем тоже был пестрый целлофлекс из башни. Некогда он так сильно загорел, что и столетия под водой не смогли бы скрыть этого загара. Рот его был искривлен в презрительной усмешке.

— Кто это?

— Что? Где? Не знаю. Не мешай.

Он ненавидел компромисс, заставивший его надеть целлофлекс. Но старый мундир был слишком подозрительным. Холодный, с жестким ртом, страдающий, он позволил пути нести его мимо огромного шара Земли, закрытого черным пластиковым пологом, который в каждой башне служил напоминанием о величайшем достижении человечества. Он прошел в окруженный стеной сад и протянул в зарешетчатое окошко идентифицирующий диск. Вскоре егопустили в храм.

Вот он, храм Истины!

Впечатляюще. Он почувствовал уважение к технике — нет, к Логистам, окружавшим его теперь. Жрец ввел его во внутреннее помещение и указал на стул.

Вы Робин Хейл?

— Да.

— Что ж... вы собрали и сообщили нам все необходимые данные. Но нужно задать еще несколько уточняющих вопросов. Их задаст сам Логист.

Жрец вышел; внизу, в гидропонном саду, он долго бродил между растениями.

— Нужен Логист. Ждет Робин Хейл...

— ...Черт возьми, — сказал тощий высокий человек, отставив лейку и почесывая нижнюю челюсть. — Мне нечего сказать бедному малому. Он конченный человек.

— Сэр!

— Спокойно. Я поговорю с ним. Идите и успокойтесь. Его бумаги готовы.

— Да, сэр.

— Хорошо. Я скоро буду. Не торопите меня.

Что-то бормоча, Логист двинулся к лифту. Вскоре он уже находился в контрольной комнате и через визор взглянул на истощенного загорелого человека, неудобно сидевшего в кресле.

— Робин Хейл, — сказал он новым глубоким голосом.

Хейл автоматически напрягся.

— Да.

— Вы бессмертный. Это значит, что вы можете прожить не менее семисот лет. Но у вас нет занятия, верно?

— Верно.

— Что случилось с вашей работой?

— А что случилось с Вольным Товариществом?

Оно умерло. Оно исчезло, когда башни объединились под одним правительством, и войны между ними прекратились. В прежние времена вольные товарищи были воинами и наемниками, которым платили за то, чтобы они вели войны, которые башни не осмеливались вести сами.

Логист сказал:

— Среди вольных товарищей было мало бессмертных. Много времени прошло после гибели Вольного Товарищества. Вы пережили свое дело, Хейл.

— Я знаю.

— Хотите, чтобы я нашел вам занятие?

— Вы не сможете, — горько сказал Хейл. — А я не могу выдержать перспективу сотен лет безделья. Предаваться удовольствиям? Это не для меня.

— Я могу подсказать вам легкий выход, — сказал Логист. — Умрите.

Наступило молчание. Потом Логист продолжил:

— Не могу сказать вам, как лучше умереть. Вы — боец. Вы захотите умереть, борясь за жизнь. И лучше всего — борясь за что-то, во что вы верите.

Он помолчал. Когда он заговорил снова, голос его изменился.

— Подождите минуту. Я выйду отсюда. Отключитесь.

Мгновение спустя его высокая фигура показалась из-за занавеса у стены.

Хейл вскочил на ноги, глядя на похожего на пугало человека. Логист жестом попросил его снова сесть.

К счастью, я здесь хозяин, — сказал он. — Эти жрецы не позволили бы мне, если б могли. Но что они могут без меня? Ведь я — Логист. Садитесь.

Он придвинул другой стул и достал из кармана странный предмет — это была старая трубка — и набил его табаком.

— Выращиваю и готовлю сам, — пояснил он. — Послушайте, Хейл, эти фальшивые разговоры хороши для башен, но зачем они вам?

Хейл изумленно посмотрел на него.

— Но замок... это ведь замок Истины? Вы хотите сказать, это все...

— Фальшь? Нет. Только на одном уровне. Беда в том, что правда не всегда выглядит достойно. Это лишь старые нагие статуи истины. Посмотрите на меня. Было время, когда и мы действовали прямо. Ничего

не выходило. Люди считали, что я просто высказываю свое мнение. Я похож на обычного человека. Но это не так. Я мутант. Я прошел полный круг: от Платона, Аристотеля, Бэкона, Коржибского до компьютера; лучше всех использую логику для решения человеческих проблем. Я знаю ответы. Верные ответы.

Хейлу трудно было понять Логиста.

— Но... вы не можете быть непогрешимым. Вы используете какую-нибудь систему?

— Я испытал все системы, — сказал Логист Хейлу. — Все сводится к здравому смыслу.

Хейл мигнул. Логист разжег трубку.

— Мне тысяча лет, — сказал он. — Трудно в это поверить, я знаю. Говорю вам, я особый мутант. Сынок, я родился на Земле. Я помню атомные войны. Не самую первую — тогда-то я и родился, а мои родители попали под вторичную радиацию. Я ближе всех к истинному бессмертию. Но мой главный талант — вы читали о Веке-пророке? Нет? Ну, он был одним из множества пророков в те дни. Многие догадывались о том, что ждет их. Для этого не нужно было логики. Так вот, я и был Веком-пророком. К счастью, некоторые послушались меня и начали колонизацию Венеры. Ко времени взрыва Земли я был уже здесь. Некоторые специалисты изучили мой мозг и нашли его необычным. В нем есть какое-то чувство — или инстинкт — никто не знает точно, что это такое. Но я даю правильные ответы.

— Вам тысяча лет? — растерянно переспросил Хейл, уцепившись за этот единственный пункт.

— Почти. Я видел, как они приходят и уходят. Мне легко было бы управлять всем этим насестом, если бы я захотел. Но избавьте меня от этого! Я вижу все последствия, и они мне не нравятся. Я просто сижу здесь — в замке Истины — и отвечаю на вопросы.

Хейл потрясенно пробормотал:

— Но мы всегда считали... здесь машина...

— Конечно, я знаю. Люди скорее поверят машине, чем похожему на них человеку. Послушай, сынок, как бы люди ни воспринимали это, я знаю ответы. Я рассматриваю информацию и тут же вижу ответ. Простой здравый смысл. Единственное требование — я должен знать все о вас и о вашей проблеме.

— Значит, вы знаете будущее?

— Слишком много вариантов, — сказал Логист. — Кстати, я надеюсь, вы не станете рассказывать обо мне. Каждый раз, когда я показываюсь какому-нибудь клиенту и схожу со своего пьедестала, они поднимают шум. Впрочем, можете говорить, если хотите — никто не поверит, что непогрешимый оракул — не сверхмашина, — он улыбнулся. Главное, сынок, у

меня есть идея. Я говорил вам, что знаю ответ. Но иногда у меня бывает не один ответ. Почему бы вам не отправиться на поверхность?

— Что?!

— Почему бы и нет? Вы сильны. Возможно, вы будете убиты. Возможно, говорю я. Но вы погибнете в борьбе. Здесь, в башнях, вам не за что бороться. Но есть люди, разделяющие ваши мысли. Вольные товарищи — а среди них — и бессмертные. Отыщите их и отправляйтесь на поверхность.

— Это невозможно, — сказал Хейл.

— У Товарищества были крепости, верно?

— Потребовались целые отряды техников, чтобы отвоевать территорию у джунглей. И звери. Мы там вели постоянную войну. К тому же крепости... их не так много осталось.

— Возьмите одну и восстановите ее

— Но... что потом?

— Может быть, вы станете диктатором, — спокойно сказал Логист. — Диктатором Венеры.

Наступило молчание. Лицо Хейла постепенно изменилось.

— Достаточно, — констатировал Логист, вставая. Он протянул руку. — Кстати, меня зовут Бен Кроувелл. Приходите ко мне, когда встретитесь с затруднениями, а может, я сам прийду к вам. Но в этом случае не надейтесь на мой мозг.

Он подмигнул и зашагал прочь, посасывая свою трубку.

Жизнь в башнях очень походила на игру в шахматы. В амбарах, среди кур, социальное превосходство измеряется длиной срока аренды. Протяженность во времени есть богатство. У пешек короткий срок жизни, у коней, слонов и людей он больше. Официально существовала трехмерная демократия, но автократия простиралась в четвертом измерении — во времени. Теперь стало ясно, почему библейские патриархи достигли власти — они могли ее удержать.

В башнях бессмертные просто знают больше, чем короткоживущие. Произошло любопытное психологическое смещение. В эти практические дни бессмертных не обожествляли, но определенное смещение все же наблюдалось. У родителей всегда есть преимущество перед ребенком — зрелость. Плюс опыт.

В о з р а с т.

Таким было смещение. Подсознательно короткоживущие жители башен начали смотреть на бессмертных с завистью. Конечно, те больше знали. И были старше. К тому же у человека есть печальная привычка — перекладывать на других неприятную ответственность. Правда, в течение столетий сложилась тенденция к отходу от индивидуализма. Социальная ответственность достигла точки, когда всякий отвечал за соседа.

Постепенно образовался огромный круг, в котором все зависели друг от друга. Бессмертные, знавшие, какие долгие и пустые столетия ждут их впереди, позаботились, чтобы эти столетия не были пустыми. Они учились. У них было много времени.

Приобретая знания и опыт, они стали принимать на себя ответственность, с такой легкостью передаваемую большинством.

Это была достаточно стабильная структура для умирающей расы...

Он часто оказывался в трудном положении. Все новое очаровывало его — об этом позаботились хромосомы Харкеров. Впрочем, его звали Сэм Рид.

Он сражался с невидимыми преградами, которые — он знал — держали его в заключении. Их было девяносто. Где-то глубоко в его мозгу нелогично и унаследованно — вставала мысль: что можно сделать за девяносто лет?

Однажды он попытался найти работу в большом гидропонном саду. Его тупое и грубое лицо, лысая голова, его рано развившийся ум — все это давало ему возможность убедительно лгать, говоря о своем возрасте. Он работал некоторое время, пока любопытство не взяло верх, и тогда он начал экспериментировать с ботаническими культурами. Поскольку знаний у него не было, он загубил большой урожай.

Перед этим, он, однако, обнаружил в одном из бассейнов голубой цветок, который напомнил ему о женщине, виденной на карнавале. Ее платье было точно такого же цвета. Он спросил одного из служащих о цветке.

— Проклятый сорняк, — ответил тот. — Никак не можем убрать их из бассейна. Сотни лет, а они все появляются. Впрочем, с этим не так уж много хлопот. Крабья трава — гораздо хуже.

Он вырвал цветок и отбросил его в сторону. Сэм сохранил его и позже расспросил еще. Он узнал, что это фиалка. Скромное красивое маленькое растение было совсем не похоже на великолепные гибридные цветы, выращиваемые в секции гидропоники. Он хранил цветок, пока тот не рассыпался в прах. Но и после этого Сэм помнил о нем, как помнил о женщине в голубом платье.

Однажды он отправился в башню Канада, далеко в мелком море. Раньше он никогда не выходил за пределы своей башни и был зачарован, когда большой прозрачный шар стал подниматься в пузырящейся воде. Он отправился с нанятым им человеком — нанятым за краденые деньги — который должен был выдавать себя за его отца. Однако, когда они добрались до башни Канада, тот тут же исчез, и Сэм больше никогда его не встречал.

Он был очень извращен в свои двенадцать лет и перепробовал множество работ. Но ни одна из них его не удовлетворяла. Все были

слишком скучными. Блейз Харкер знал, что делал, когда оставил нетронутым мозг в чахлам деформированном теле. Впрочем, оно было чахлам только по стандартам того времени. Длинноногие, высокие бессмертные установили свои стандарты красоты. Безобразными считались приземистые, коренастые, с крепкой костью короткоживущие.

В Сэме просто засело яростное семя неудовлетворенности. И все росло. Оно не могло развиваться нормально, потому что это было семя бессмертного, а он, очевидно, не был бессмертным. Он просто не мог претендовать на работу, которая требовала столетней подготовки. Даже шестидесятилетней...

Он шел своим трудным, но неизбежным путем. И нашел учителя, своего Хирона, когда встретил Слайдера.

Слайдер был толстым злобным стариком. У него были кустистые седые волосы, прыщавый красный нос и собственная философия. Сам он никогда не предлагал советов, но отвечал, если его спрашивали.

— Людям нужны развлечения, — говорил он мальчику. — Большинству из них. И они не хотят смотреть на то, что им неприятно. Думаи, парень. Воровством многого не добьешься. Лучше быть полезным людям, обладающим властью. Возьмем банду Джима Шеффилда. Джим обслуживает правильных людей. Не задавай вопросов, делай то, что тебе говорят, но вначале установи нужные связи.

Он чихнул и замигал водяными глазами.

— Я говорил о тебе с Джимом. Повидайся с ним, — с этими словами он заставил Сэма взять пластиковый диск. — Я не стал бы этого делать, если бы не разглядел в тебе кое-что. Иди к Джиму.

У двери он придержал Сэма.

— Ты далеко пойдешь. И ты ведь не забудешь старого Слайдера? Некоторые забывали. Но я могу причинять неприятности так же легко, как и делаю одолжения.

Сэм вышел, а толстый зловецкий старик продолжал чихать и хихикать.

Он увиделся с Джимом Шеффилдом. Тогда ему было четырнадцать, и он был невысок, но силен и сердит. Шеффилд оказался сильнее и больше. Ему было семнадцать, этому выпускнику школы Слайдера, независимому и хитрому бизнесмену, чья банда уже приобрела известность. Человеческий фактор всегда был важен в интригах башен. Это была не просто политика, нравы той эпохи были так же пунктуальны и сложны, как и в общественной жизни макнавеллновой Италии. Простая правда не только была незаконной, но и отдавала дурным вкусом. Главное — интриги. В постоянно изменяющемся балансе власти человек должен был перехитрить противника, запутать его в собственной паутине, заставить уничтожить самого себя — вот в чем заключалась игра.

Банда Шеффилда работала по найму. Первым заданием Сэма Рида — фамилию Харкер он считал принадлежащей наиболее влиятельной семье своей башни — было отправиться под воду вместе с одним наиболее опытным товарищем и собрать образцы синеватой водоросли, запрещенной в башне. Когда он вернулся через тайный ход, то удивился, увидев ждущего Слайдера. Тот держал наготове портативный излучатель. Маленькое помещение было герметически закупорено.

На Слайдере был защитный костюм. Голос его доносился через диафрагму.

— Стойте на месте, парни. Держи, — он бросил излучатель Сэму, — облучи этот пластиковый мешок. Он закрыт? Хорошо. Облучи его сверху. Так, а теперь медленно поворачивай.

— Подождите, — начал другой парень.

Слайдер фыркнул:

— Делай, что говорю, или я сломаю твою тощую шею. Поднимите руки. Поворачивайтесь медленно, пока я вас облучаю. Вот так...

Потом они втроем встретились с Джимом Шеффилдом. Джим был послушен, но сердит. Он попытался спорить со Слайдером.

Слайдер фыркнул и пригладил свои седые волосы.

— Заткнись, — сказал он. — Ты слишком вырос из своих башмаков. Если, затевая что-нибудь новое, ты не забудешь спросить меня, то убережешься от многих неприятностей. — Он хлопнул по пластиковому мешку, который Сэм положил на стол. — Знаешь, почему эта водоросль запрещена в башне? Твой патрон не предупредил тебя, что с ней нужно обращаться осторожно.

Широкие губы Шеффилда искривились:

— Я был осторожен.

— С ней безопасно обращаться только в лабораторных условиях, — сказал Слайдер. Это пожиратель металла. Разлагает все металлическое. Когда с нею правильно обращаются, она безвредна. Но в сыром виде она может высвободиться и наделать много бед. Цепочка приведет в конечном счете к тебе, и ты кончишь в терапии. Ясно? Если бы ты сначала пришел ко мне, я сказал бы, что нужно взять с собой ультрафиолетовую установку и облучить водоросль. Она могла прилипнуть к костюмам парней. В следующий раз ты так легко не отделаешься. Я не хочу из-за тебя оказаться в терапии, Джим.

Старик казался совершенно безобидным, однако Шеффилд потупил взгляд. Со словами согласия он встал, подобрал мешок и вышел, поманив за собой ребят. Сэм на мгновение задержался. Слайдер подмигнул ему.

— Ты наделаешь массу ошибок, если не будешь слушаться советов, — сказал он.

Это был лишь один из многих эпизодов его внешней жизни. Внутренне он был рано развившимся, аморальным и мятежным, но прежде всего — мятежным. Он восставал против краткости жизни, которая делала всякое обучение тщетным, когда он думал о бессмертных. Он восставал против собственного тела, толстого, приземистого, плебейского. Восставал он скрытно, не зная причины, и восставал против того, что невозвратно вошло в его жизнь за первые ее недели.

В мире всегда существовали разгневанные люди. Именно гнев, как у Ильи — этот огонь господен — и человек остается в истории, как святой, чей гнев двигал горы, чтобы улучшить человеческую жизнь. Иногда гнев разрушителен — и великие полководцы встают, чтобы уничтожить целые нации. Такой гнев находит свое внешнее выражение и не должен скрывать своего хозяина.

Но гнев Сэма Рида был направлен против таких вечных явлений, как время и судьба, и единственной целью, которую мог найти этот гнев, был сам Сэм Рид. Разумеется, такой гнев ненормален для человека. Но Сэм Рид и не был нормален. И отец его не был нормален — иначе он не стал бы мстить невинному младенцу. Порок, скрывавшийся в крови Харкеров, ответственен за этот гнев, в котором жили отец и сын, разделенные по разным причинам, но восставшие против всего, и, прежде всего, против собственной жизни. Сэм прошел через много внутренних фаз, которые поразили бы Слайдера, Джима Шеффилда и остальных, с кем он тогда работал. Так как его мозг был сложнее, чем у остальных, он был способен жить на многих уровнях и скрывать это. С тех пор, как он открыл большие библиотеки башен, он стал страстным читателем. Но он никогда не был только интеллектуальным человеком, и внутреннее беспокойство мешало ему овладеть какой-либо областью знания и тем самым подняться над собственным положением благодаря единственному преимуществу, которым он обладал — своему мозгу.

Но он пожирал книги, как огонь пожирает топливо, как собственная неудовлетворенность пожирала его самого. Он пожирал толстые фолианты, касающиеся любого вопроса, встречавшегося ему, и отягощался знаниями, бесполезно запасавшимися в его мозгу.

Иногда эти знания помогали ему совершить мошенничество или скрыть убийство. Часто же они просто лежали в мозгу, не находя себе применения — в мозгу, приспособленном для тысячелетнего опыта, но обреченного исчезнуть меньше, чем через столетие. Самое плохое заключалось в том, что Сэм Рид в сущности так и не знал, что его беспокоит. Он боролся с собственным мозгом, пытаясь избавиться от подсознательного знания о собственном наследии. Некоторое время он надеялся найти ответ в книгах...

В те ранние дни он видел в книгах отсрочку от эскапизма, который позже испытал во многих формах, — беспокойные переезды из башни в башню — пока не набрел в конце концов на одну великую, невероятную и невыполнимую задачу, решить которую было его судьбой.

В следующие пятнадцать лет он читал

книги в библиотеках всех башен, где ему случалось бывать, и это служило противовесом тем незаконным делам, в которые он все время впутывался. Глубокое презрение к людям, которых он обманывал, прямо или косвенно, сочеталось и нем с презрением к своим товарищам.

Сэм Рид ни в каком отношении не был приятным человеком. Даже для самого себя он был непредсказуем. Но он был жертвой огня и ненависти к самому себе, и когда огонь разгорался, его незаконность принимала все более резкие формы. Он стал пользоваться дурной репутацией. Никто не доверял ему — да и как можно было ему доверять, если он не доверял сам себе? Но мозг и руки его были настолько искусны, что его услуги пользовались большим спросом, хотя и могли привести к кровавым убийствам, если Сэм Рид давал волю тлевшему в нем огню...

...Сэм читал о пионерских днях Венеры со свирепой жадностью. Человек может всего себя отдать борьбе с таким соперником, как дикая планета, с которой борются поселенцы. Он с горячей ностальгией читал о старой Земле, о ее широких горизонтах. Он напевал про себя старые песни и старался представить себе вольное небо.

Беда его заключалась в том, что его собственный мир был простым, усложненным лишь искусственно, но так, что никто не мог бы поранить себя о его барьеры: эти барьеры тоже были искусственными и падали от прикосновения. Когда колотишь их одной рукой — другой нужно поддерживать.

Единственным достойным противником, найденным Сэмом, было время — длинная и сложная протяженность столетий, которых ему не прожить. Поэтому он ненавидел мужчин, женщин — весь мир, себя самого. Из-за отсутствия достойного противника, он сражался со всеми ими.

И все это время сохранялось справедливое обстоятельство, которое он осознал смутно и без особого интереса: голубой цвет трогал его так, как не могли тронуть ничто другое. Он объяснял это частично рассказами о старой Земле, о ее невообразимо голубом небе.

Здесь же все было пропитано водой. Воздух на поверхности был тяжел от влаги, облака тоже провисали от воды, и серые моря, одеялом покрывавшие башни, вряд ли были более влажными, чем облака и воздух. Поэтому голубизна утраченного неба прочно связалась в сознании Сэма со свободой.

Первая девушка, с которой он вступил в брак, была маленькая танцовщица из кафе на одном из путей. Она надевала скучный костюм из голубых перьев цвета забытого неба Земли. Сэм снял небольшую квартирку на одной из отдаленных улиц башни Монтана, и в течение шести месяцев они ссорились здесь не больше, чем другие пары.

Однажды утром он вернулся туда после ночной работы с бандой Шеффилда и, распахнув дверь, ощутил какой-то странный запах. Тяжелая сладость висела в воздухе — и острая, густая, чем-то знакомая кислота, которую не многие в башнях могли бы опознать в эти упадочные дни.

Маленькая танцовщица, съездившись, лежала у стены. Лицо ее было закрыто бледно окрашенным цветком, чьи лепестки сжались, как многочисленные пальцы, крепко прижимая цветок к ее черепу. Цветок был желтый, но прожилки десятка лепестков теперь стали красными, и красная жидкость текла из-под цветка на голубое платье девушки.

Рядом с ней на полу лежал цветочный горшок и разорванная зеленая обертка, в которой кто-то послал ей цветок. Сэм никогда не узнал, кто это сделал. Возможно, какой-то враг отомстил за прежние оскорбления; возможно, что один из друзей — некоторое время он подозревал Слайдера, боявшегося, что девушка возьмет над ним слишком большую власть и отвлечет от темного, но выгодного бизнеса. А, может быть, это была соперница-танцовщица, потому что среди людей этой профессии шла непрекращающаяся борьба из-за немногих возможностей работать в башне Монтана.

Сэм провел расследование, узнал, что ему было нужно, и вынес беспристрастный приговор тем, кто мог быть виновниками. Впрочем, Сэма это не слишком занимало.

Девушка была не менее неприятной особой, чем он сам. Просто она была удобна, и у нее были голубые глаза. Когда Сэм занимался ее убийством, он заботился не о ней, а о своей репутации.

После нее приходили и уходили другие девушки. Сэм снял маленькую квартирку, потом лучшую, в соседнем квартале. Затем он закончил одну чрезвычайно выгодную работу и оставил очередную девушку и квартиру ради элегантной многокомнатной квартиры в центре башни Монтана над главным путем. Он отыскал хорошенькую синеглазую певичку, чтобы делить с ней эти апартаменты.

К началу этого рассказа у него были три разные квартиры в разных башнях: одна исключительно дорогая, одна средняя, и одна — тщательно подобранная квартира в портовом районе в самом темном углу башни Вирджиния. Жители соответствовали этим квартирам. Сэм по-своему был эпикурейцем. Теперь он мог себе это позволить.

В дорогой квартире у него было три комнаты, куда никто не смел входить. В них находилась растущая библиотека и коллекция музыкальных

записей, а также тщательно подобранный набор напитков и наркотиков. Об этом его коллеги по бизнесу не знали. Он приходил сюда под другим именем, и все принимали его за богатого коммерсанта из отдаленной башни. Сэм Рид наиболее приблизился к той жизни, которую Сэм Харкер вел бы по праву...

Королева Воздуха и Тьмы

Начинает плакать и кричать:

«О юноша, о мой убийца,

Завтра ты должен умереть...»

В первый день ежегодного карнавала, который проводился в последний год жизни Сэма Рида, он сидел за маленьким столиком и разговаривал о любви и деньгах с девушкой в розовом бархате. Было, вероятно, около полудня, потому что тусклый свет пробивался сквозь мелкое море и заполнял огромный купол башни. Но все часы во время трехдневного карнавала останавливались, чтобы никто никуда не спешил.

У того, кто не привык с детства к поворачивающемуся кафе, движение города вокруг Сэма вызывало бы болезненное ощущение. Вся комната под негромкую музыку медленно вращалась внутри прозрачной круговой стены. Столы тоже поворачивались вокруг своей оси вместе со стульями. За мягкими облаками волос девушки Сэм мог видеть всю башню, распростершуюся под ними и проходящую в торжественном наряде под их наблюдательным пунктом.

Облачко цветного душистого дыма проплыло мимо них длинной воздушной лентой. Сэм ощутил на лице крошечные капли благоухающей жидкости. Он отогнал туман нетерпеливым движением руки и посмотрел на девушку.

— Ну? — сказал он.

Девушка улыбнулась и склонилась к узкой двурогой лире, украшенной цветными лентами. У девушки были нежные голубые глаза, затененные такими густыми и длинными ресницами, что иногда они казались черными.

— У меня выступление через минуту, — сообщила она. — Я отвечу вам позже.

— Отвечай сейчас, — сказал Сэм не грубо, как он обычно разговаривал с женщинами, но кратко. Дорогая квартира в верхней части респектабельной башни пустовала, и Сэм считал, что девушка может стать там очередной жилищкой. И, возможно, постоянной. Что-то беспокоило его, когда он думал о Розите. Ему не нравилось то, что женщина может так глубоко затронуть его.

Розита улыбнулась ему. У нее был маленький мягкий рот и облако темных волос, коротко подстриженных и окружавших ее голову туманной дымкой. Иногда на ее лице мелькала неожиданная улыбка; в глазах же скрывался недюжинный интеллект; а пела она голосом, подобным розовому бархату ее платья. Ее голос приятной дрожью щекотал нервы.

Сэм побаивался ее. Но, будучи Сэмом Рэдом, устремился именно в эту западню. Он привык **встречать** опасность лицом к лицу — так, что если невозможно изгнать из мыслей это бархатное создание, лучше попытаться пресытиться ею. И он собирался сделать это как можно скорее.

Розита задумчиво коснулась одной из струн лиры.

— Я слышала сегодня утром кое-что интересное. Джим Шеффилд больше нас не любит. Это правда, Сэм?

Сэм бесстрастно проговорил:

— Я задал вопрос.

— Я тоже.

— Хорошо. Это правда. Я оставляю вам в завещании годовой доход, если он доберется до меня первым. Это вас беспокоило?

Она вспыхнула и так дернула струну, что та исчезла в яростной вибрации.

— Я отшлепаю вас, Сэм Рид. Вы знаете, что я сама могу зарабатывать.

Он вздохнул. Она действительно могла — и это делало разговор особенно трудным.

Розита была популярной певицей. Если она придет к нему, то не из-за денег. И это тоже делало ее опасной для его душевного спокойствия.

Медленная музыка соответствовала медленным поворотам комнаты. Сейчас она прекратилась. И мелодичный удар прозвучал в воздухе, все цветные облака зашевелились. Розита встала, прижав к бедру узкую высокую лиру.

— Это меня, — сказала она. — Я подумаю, Сэм. Дайте мне несколько дней... Я могу для вас быть очень плоха.

— Я знаю, что вы будете плохи для меня. Идите пойте свою песню. Увидимся после карнавала, но не из-за ответа. Я знаю ответ. Вы придете.

Она рассмеялась и отошла от него, на ходу трогая струны и напевая. Сэм видел, как ей вслед оборачивались восхищенные лица.

Прежде чем ее песня закончилась, он встал и вышел из вращающейся комнаты, слыша за собой бархатистый голос, певший жалобу сказочной Женеьевы. Ни одной фальшивой ноты. Она блестяще преодолевала трудные бемоли, которые придавали старой песне ее минорную плаксивость.

«О Женестьева, милая Женестьева, дни проходят, дни уходят..», — плакала Розита, глядя на уходящего Сэма. Кончив петь, она быстро прошла в свою туалетную и набрала на коммутаторе номер Шеффилда.

— Слушай, Джим, — быстро заговорила она, когда на экране появилось его смуглое хмурое лицо. — Я только что разговаривала с Сэмом и...

Если б Сэм слышал это, то он вероятно, тут же убил бы ее. Но он, разумеется не слышал. В момент этого разговора он столкнулся со случайностью, которая стала поворотным пунктом в его жизни.

Этой случайностью была другая женщина в голубом. Прогуливаясь по движущемуся пути, она подняла руку и набросила угол своего тонкого, как паутинка, платья на голову, словно вуаль. Глаза Сэма уловили движение и цвет, и он остановился так внезапно, что люди, шедшие, с обеих сторон столкнулись с ним, и некоторые повернулись к нему с ворчанием, готовые затеять ссору. Но тут он увидел длинное лицо с гранитными челюстями, напряженными складками, шедшими от носа ко рту, и без всякой явной причины отвернулся, отказавшись от своей мысли.

Поскольку образ Розиты был по-прежнему ярок в его сознании, Сэм смотрел на женщину с меньшим энтузиазмом, чем сделал бы это несколькими днями раньше. Глубоко в его сознании ожило воспоминание, и он стоял неподвижно, глядя на незнакомку. Ветерок от движения пути шевелил «вуаль» вокруг ее лица, так что в ее глазах двигались тени — голубые тени от голубой вуали в густо затененных голубых глазах. Она была прекрасна.

Сэм отбросил назад облако розового карнавального дыма, поколебался, что для него было совсем неприлично — затем решительным жестом подтянул свой пояс и пошел вперед широким шагом, по привычке ступая мягко и неслышно. Он не знал, почему лицо женщины, ее бархатистое голубое платье так обеспокоили его. Он забыл тот давно прошедший карнавал, на котором впервые увидел ее.

Во время карнавала не существует социальных барьеров — теоретически. Сэм подошел к ней по движущейся ленте и, не улыбаясь, посмотрел ей в лицо. Стоя на одном уровне с ним, она казалась выше. Это была очень стройная и элегантная женщина, с налетом грациозной усталости, которая культивировалась в башнях. Сэм не знал, соблюдала ли она моду, или эта усталость и грациозность были естественными для нее.

Голубое платье было туго натянуто на корсет из гибкого золота, который просвечивал сквозь прозрачную ткань. Волосы ее выглядели экстравагантным каскадом черно-сизых локонов, они окружали лицо и

собирались широким золотым кольцом в корону на голове, спадая оттуда волной до самой талии.

Уши ее были пронзены с обдуманном варварством, и в каждой мочке висел золотой колокольчик. Это было проявлением общей моды на варварство. Следующий сезон мог увидеть золотое кольцо в носу — и эта женщина будет носить его с той же пренебрежительной элегантностью, с которой она теперь повернулась к Сэму Риду.

Он не обратил на это внимания, и сказал спокойным голосом, каким произносят приказы: «Можете пройти со мной», — и протянул руку в знак приглашения.

Она слегка отвела голову назад и посмотрела на него. Возможно, она улыбнулась. Определить это было трудно, так как у нее был элегантно изогнутый рот, который изображали на многих египетских портретах. Если она и улыбалась, то это была надменная улыбка. Тяжелый водопад локонов, казалось, еще больше оттягивал ее голову назад.

Несколько мгновений она стояла, глядя на него.

В Сэме, на первый взгляд, обычном приземистом, как все прочие представители низших классов, плеее, второй взгляд открывал для внимательного наблюдателя много кричащих противоречий. Он прожил уже около сорока лет со своим всепоглощающим гневом. Следы ярости были на его лице, и даже во время отдыха он выглядел, как человек, напряженно борющийся с чем-то. И это напряжение придавало особую выразительность чертам его лица, сглаживая их тяжесть.

Другое любопытное обстоятельство: он был совершенно лишен волос. Плешивость — довольно обычное явление, но человек, настолько лишенный волос, вообще не выглядел лысым. Его голый череп выглядел классическим по своему совершенству, и волосы смотрелись бы анахронизмом на этой совершенной форме. Большой вред был нанесен ребенку сорок лет назад, но из-за плаща счастья причинили его торопливо, небрежно, так что остались прекрасной формы уши, плотно прижатые к благородному черепу, отличные линии челюсти — наследие Харкеров — несмотря на все внесенные изменения.

Толстая шея, исчезающая в кричащем алом костюме, была не Харкеровской. Ни один из Харкеров не оделся бы с ног до головы в алый бархат даже на карнавал, не надел бы позолоченный пояс с позолоченными ножнами. И все же, если бы Харкер когда-либо и надел этот костюм, он выглядел бы именно так.

С толстой шеей, с бочкообразной грудью и нелепо раскачивающийся во время ходьбы — и, тем не менее, была в Сэме Риде кровь Харкеров, все время прорывающаяся наружу. Никто не мог сказать, как и почему, но Сэм Рид носил одежду и двигался с уверенностью и элегантностью,

несмотря на приземистость, которая так презиравалась и была отличительной чертой низших классов.

Бархатный рукав сполз с его протянутой руки. Он неподвижно, согнув руку, стоял и глядел на женщину сузившимися глазами — стальными глазами на румянном лице.

Спустя мгновение, повинувшись импульсу, который она не смогла бы определить, женщина улыбнулась ему снисходительной улыбкой. Движением плеча она отбросила рукав и вытянула стройную руку с толстыми золотыми кольцами, насаженными у основания на каждый палец. Очень нежно она положила ладонь на руку Сэма Рида и сделала шаг к нему. На его толстой руке, поросшей рыжими волосами, где переплетались тугие мускулы, ее рука казалась восковой и нереальной. Она почувствовала, как при ее прикосновении напряглись его мышцы, и ее улыбка стала еще снисходительнее.

Сэм сказал:

— Когда я в последний раз видел вас на карнавале, ваши волосы не были черными.

Она искоса взглянула на него, не потрудившись заговорить. Сэм не улыбнулся — он смотрел на нее, разглядывая черту за чертой, как будто это был портрет, а не живая женщина, оказавшаяся здесь лишь по капризу случая.

— Они были желтыми, — наконец решительно сказал он. Теперь воспоминание прояснилось, вырванное из прошлого в мельчайших деталях, и по этому он понял, как сильно был поражен в детстве.

— Это было... тридцать лет назад. В тот день вы тоже были в голубом — я хорошо помню.

Женщина без всякого интереса сказала, повернув голову так, будто разговаривала с кем-то другим:

— Вероятно, это была дочь моей дочери.

Это потрясло Сэма. Конечно, он хорошо знал о долгоживущей аристократии — но ни с кем из них раньше не разговаривал непосредственно. Для человека, который считает свою жизнь и жизнь всех других десятилетиями, встреча с теми, кто ведет счет на столетия, производит ошеломляющее впечатление...

Он рассмеялся резким коротким смехом. Женщина повернула голову и посмотрела на него со слабым интересом: она никогда не слышала такого смеха от представителей низших классов — смеха самоуверенного, равнодушного человека, довольного собой и не заботящегося о своих манерах.

Многие до Кедр Уолтон находили Сэма очаровательным — но мало кто из них понимал, почему. Кедр Уолтон понял. Это было то самое качество, в поисках которого и она, и ее современники навешивали

варварские украшения, протыкали уши и распевали воюющие кровожадные баллады, которые для них были лишь словами — пока. Это была жизнеспособность, жизнестойкость, мужество, утраченные людьми в этом мире.

Она презрительно взглянула на него, слегка повернув голову, так, что каскад черных локонов скользнул по плечам, и холодно спросила:

— Ваше имя?

Его рыжие брови сошлись над носом.

— Вам незачем его знать, — ответил он с намеренной грубостью.

На мгновение она застыла. Потом как будто горячая волна прокатилась по ее телу, по мышцам, нервам, расслабляя, растапливая холодок отчужденности. Она глубоко вздохнула, ее украшенные кольцами пальцы скользнули по рыжим волосам на его руке.

Не глядя на него, она предложила:

— Можете рассказать мне о себе — пока не наскучите.

— Вам легко наскучить?

— Очень.

Он с интересом ее осмотрел. То, что он увидел, ему понравилось, и он подумал, что понимает ее. За сорок лет Сэм Рид накопил немалые знания о жизни башен — не только об обычной жизни, которая видна всем, но и о тех скрытых тайных методах, которые использует раса, чтобы подхлестнуть гаснущий интерес к жизни. Он решил, что сможет удержать ее интерес.

— Идемте, — предложил он в свою очередь.

Это был первый день карнавала. На третий и последний день она впервые намекнула ему, что эта случайная связь может не прерваться с окончанием празднеств. Он был удивлен, но не обрадовался. Во-первых, существовала Розита. А, во-вторых, Сэм Рид был заключен в тюрьму, из которой никогда не сможет вырваться, но он не был согласен еще и на кандалы в своей тюремной камере.

Повиснув в невесомости пустой тьмы, они следили за трехмерным изображением. Это удовольствие было чрезвычайно дорого. Оно требовало искусных операторов и по крайней мере один управляемый роботом специальный самолет, снабженный мощными объективами и телекамерами. Где-то высоко над континентом Венеры летел самолет, сфокусировав приборы на происходящем внизу.

Зверь боролся с растением.

Он был огромен, этот зверь, и великолепно вооружен для борьбы. Но его огромное и влажное тело было покрыто кровью, струившейся из ран, нанесенных саблеобразными шипами. Ветви хлестали с рассчитанной точностью, разбрызгивая капли яда, который блестел во влажном

сером воздухе. Звучала музыка, симпровизированная таким образом, чтобы соответствовать ритму схватки.

Кедра коснулась клавиши. Музыка стихла. Самолет парил где-то над битвой, а импровизатор неслышно перебирал клавиши. Кедра в темноте со слабым шелестом шелковых волос повернула голову и сказала:

— Я ошибалась.

Сэм хотел досмотреть конец схватки. Он неторопливо и резко спросил:

— В чем?

— В вас. — В темноте она едва коснулась его щеки. — Я вас недооценила, Сэм, или переоценила, а, может, и то, и другое.

Он качнул головой, чтобы избежать прикосновения, а затем протянул в темноте руку и провел по ее гладкой, закругленной щеке и углубился в черные волосы. Ухватившись за золотое кольцо, сжимавшее ее волосы, он грубо потряс его из стороны в сторону. Волосы мягко касались его руки.

— Довольно с вас, — сказал он. — Я не ваш любимый щенок. Скажите, что вы имели в виду?

Она рассмеялась.

— Если бы вы не были так молоды, — с оскорбительным выражением произнесла она.

Он так резко отпустил ее, что она пошатнулась, и, чтобы восстановить равновесие, ухватила за его плечо. Он молчал. Потом негромко спросил:

— Сколько же вам лет?

— Двести двадцать.

— Я вам наскучил. Я ребенок.

Ее смех был равнодушен.

— Не ребенок, Сэм, вовсе не ребенок! Но наши взгляды так разнятся. Нет, вы не наскучили мне. Это и беспокоит меня. Я хотела бы, чтобы наскучили. Тогда я могла бы оставить вас сегодня и забыть обо всем случившемся. Но что-то в вас есть, Сэм. Не знаю...

Голос ее стал задумчив. Музыка позади нее тихо поднялась в кричащем крещендо. Далеко в болотах один из соперников торжествовал победу.

— Если бы вы только были таким человеком, каким кажетесь, — проговорила Кедра Уолтон. — У вас отличный мозг. Как жаль, что вы не сможете использовать его достаточно долго. Я хотела бы, чтобы вы не были одним из этих многих. Я вышла бы за вас замуж — на время.

— Каково чувствовать себя богом? упрямо спросил ее Сэм.

— Простите, если мои слова прозвучали покровительственно. Вы заслуживаете большего...

...Каково чувствовать? Ну, мы бессмертные. С этим ничего нельзя сделать. Это хорошо... но это пугает. Это ответственность. Мы не только играем, вы знаете. Первые сто лет я училась, путешествовала, изучала людей и мир. Потом сто лет увлекалась интригами. Училась, как дергать за ниточки, чтобы Совет принял нужное мне решение. Нечто вроде джиу-джитсу для мозга. Затронуть самолюбие человека и заставить его реагировать так, как мне нужно. Я думаю, вы сами хорошо знаете эти штучки — но вы никогда не сможете овладеть этим искусством так, как я. Жаль. Что-то в вас есть... Я... Ну, неважно.

— Не говорите **о браке**. Я не женюсь на вас.

— О, **женитесь**. Я **могу** попытаться даже и сейчас. Я **могу**...

Сэм перегнулся **через** ее колени и нажал выключатель. Послышался щелчок, и в **маленькой** комнате со множеством подушек вспыхнул свет. Кедр замигала своими прекрасными, лишенными возраста глазами и засмеялась, наполовину протестуя, наполовину удивляясь.

— Сэм! Я ослепла. Не нужно, — она потянулась, чтобы выключить свет. Сэм **схватил ее за руку** и сжал пальцы с тяжелыми золотыми кольцами.

— **Нет! Слушайте**, я оставляю вас немедленно и никогда не захочу увидеть снова. Поняли? У вас нет ничего, чего бы я захотел.

Он резко встал.

Что-то змеиное было в том, как она одним ровным быстрым движением поднялась на ноги, слегка звеня многочисленными блестками на платье.

— Подождите! Нет, подождите! Забудьте обо всем, Сэм. Я хочу кое-что показать вам. Это были только слова, Сэм, я хочу, чтобы вы вместе со мной отправились на небо. У меня есть для вас проблема.

Он холодно смотрел на нее. Глаза его были стальными щетками под рыжими ресницами и грубыми кустистыми бровями. Он назвал сумму, в которую ей это обойдется. И она, улыбнувшись, сказала, что заплатит. Слабая египетская улыбка задержалась в уголках ее рта.

Он вышел вслед за ней из комнаты.

Небо почти соответствовало полузабытому месту рождения человечества. Это была Земля, но Земля, окруженная романтическим ореолом. Небо представляло собой гигантский полукупол, стены которого были усеяны множеством небольших комнаток, нависавших над гигантским помещением внизу. Каждая комнатка могла быть изолирована от остальных. Особое устройство из перекрещивающихся лучей могло создать впечатление пребывания в гуще толпы. Можно было также, в соответствии с оригинальным замыслом архитектора, наслаждаться иллюзией земного окружения.

Правда, пальмы и сосны росли по ночам из одного и того же суррогата. Виноград, розы и цветущие деревья заслоняли друг друга, но это никого не смущало. Только ученый понял бы, в чем дело. Времена года давно стали экзотической частью истории.

Это было стройное и великолепное зрелище — цвет земной поверхности смешался от зеленого к коричневому, а потом — к сверкающему голубовато-зеленому, потом снова появлялись болезненно-зеленые лезвия, набухали почки, и все это — естественно, так непохоже на контролируемый рост гидропонники.

Кедра Уолтон и Сэм Рид пришли на Небо. От входа они видели огромную сияющую полусферу, усеянную сверкающими ячейками, как обрывками яркого разорванного сна,двигающимися и плывущими, поднимающимися и опускающимися в сложном переплетении лучей. Далее внизу, очень далеко, виднелся бар — змееобразная черная лента. Ноги многочисленных мужчин и женщин делали его похожим на многоножку.

Кедра заговорила в микрофон. Одна из крутящихся ячеек сошла со своей орбиты и мягко опустилась перед ними. Они вошли, и ощущение падения подсказало Сэму, что они снова плывут в воздухе.

У низенького столика на подушечках сидели мужчина и женщина. Сэм сразу узнал мужчину. Это был Захария Харкер, глава самой большой семьи бессмертных.

Это был высокий человек с красивым лицом, носившим на себе следы — нет, не возраста — опыта, зрелости, и этот отпечаток контрастировал с юными, лишенными возраста, свежими чертами. Его ровное спокойствие происходило изнутри — спокойная уверенность, спокойная вежливость, спокойная мудрость.

Женщина...

— Сари, дорогая моя, — сказала Кедра, — я привела гостя. Сари — моя внучка. Захария, это... я не знаю его фамилии. Он не говорил мне.

У Сари Уолтон было деликатное презрительное лицо — очевидно, семейная черта; длинные волосы невероятного зеленовато-золотистого цвета в тщательно организованном беспорядке падали на обнаженные плечи. На ней было обтянутое платье из прекрасной шерсти животного с поверхности, украшенное полосками — как тигриная шкура. Тонкое и гибкое, оно опускалось до колен и широкими складками развевалось вокруг лодыжек.

Двое бессмертных подняли головы, на их лицах отразилось удивление. Сэм почувствовал, что они подавили внезапный взрыв негодования. Он почувствовал себя неуклюжим, осознав свою грубость и непривлекательность для этих аристократов. И свою незрелость. Как ребенок, восставший против взрослых, Сэм восставал против высшего знания, светившегося на этих прекрасных лицах.

— Садитесь, — Кебра указала на подушечки, и Сэм неуклюже опустился, принял напиток и посмотрел на лица хозяев с горячей неприязнью, которую и не пытался скрыть. Да и зачем скрывать?

Кебра сказала:

— Я думала о вольном товарище, когда привела его сюда. Он... как ваша фамилия?

Сэм угрюмо назвал. Она откинулась на подушках, золотые кольца мягко сверкнули на полных пальцах, принявших напиток. Она казалась абсолютно безмятежной, но Сэм ощущал в ней скрытое напряжение. Он подумал, чувствуют ли это и другие.

— Мне лучше объяснить вам сначала, Сэм Рид, что предыдущие двадцать лет я провела в созерцании.

Он знал, что это значит — нечто вроде интеллектуального женского монастыря, высшая религия разума: там слушатели отрекались от мира в стремлении найти... как можно описать это? Нирвана? Нет... стасис, мир, равновесие...

Он знал о бессмертных больше, вероятно, чем они подозревали. Он осознавал — насколько может осознавать это короткоживущее существо — как совершенна жизнь, которая будет продолжаться тысячу лет. Их жизнь становилась частью огромной, но единой мозаики, составленной, впрочем, из тех же элементов, что и обычная жизнь. Вы можете прожить тысячу лет, но секунда всегда останется секундой, и периоды созерцания были необходимы, чтобы сохранить душевное равновесие.

— Ну и что же с этим вольным товарищем? — хрипло спросил Сэм. Он знал, что общественный интерес сейчас сосредоточился на Робине Хейле — последнем воине. Глубокая неудовлетворенность, вызывавшая стремление ко всему примитивному, привела к тому, что вольный товарищ, затянутый в синтетическое великолепие, овладел всеми умами. Все готовы были принять его проект колонизации поверхности...

Или, вернее, думали, что готовы — пока весь проект оставался на бумаге. Когда дело дойдет до настоящей борьбы с дикой яростью, которой была континентальная Венера — что ж, реалисты подозревали, что дело может обернуться совсем по-другому. Но сейчас крестовый колонизационный поход Робина Хейла был принят с неразумной радостью.

— Что с ним? — повторил Захария Харкер. — Его проект не сработает. Как вы думаете, Сэм Рид?

Сэм нахмурился. Он фыркнул и покачал головой, не беспокоясь о словах. Он осознавал свое растущее желание вызвать разногласия среди этих равных цивилизованных бессмертных.

— Выйдя из созерцания, — сказала Кебра, — я обнаружила, что проект вольного товарищества — самое интересное из случившегося. И

самое опасное. По многим причинам мы считаем, что сейчас попытка колонизации будет гибельной.

— Почему?

Захария Харкер наклонился над столиком, чтобы поставить напиток.

— Мы еще не готовы, — спокойно сказал он. — Требуется тщательная подготовка — технологическая и психологическая. А мы — гибнущая раса, Сэм. Мы не можем позволить себе ошибку. Этот проект вольного товарища обречен на неудачу. Его реализации нельзя допустить. Он поднял брови и задумчиво посмотрел на Сэма.

Сэм сощурился. У него появилось неприятное чувство, будто этот глубокий спокойный взгляд может прочесть в его лице больше, чем он хотел. Ничего нельзя сказать об этих людях с уверенностью. Они слишком долго живут. Возможно, они слишком много знают.

Он грубо сказал:

— Вы хотите, чтобы я убил его?

В маленьком помещении на мгновение повисло молчание. У Сэма появилось ощущение, что его слова были для них неожиданностью — до сих пор они не собирались заходить так далеко. Он чувствовал быстрый обмен мыслями вокруг — как будто бессмертные молча разговаривали друг с другом. Люди, прожившие так долго, несомненно выработали способность читать мысли, хотя бы по работе лицевой мускулатуры. Казалось, молчащие бессмертные над головой Сэма действительно обменивались мыслями.

Потом Кедр сказала:

— Да. Да. Убейте его, если сможете.

— Это было бы лучшим решением, — медленно добавил Захария. — Сделайте это сейчас, сегодня. Не позже, чем через сорок восемь часов. События развиваются слишком быстро. Если мы уничтожим его сейчас, некому будет занять его место — место лидера. Завтра, возможно, кто-нибудь уже найдется. Вы справитесь с этим, Сэм Рид?

Сэм презрительно произнес:

— Неужели вы все такие глупцы? Или вы знаете обо мне больше, чем я думаю?

Кедр рассмеялась.

— Мы знаем. Ведь прошло три дня, дорогой. Неужели вы думаете, что я позволила бы вовлечь себя в это с человеком, о котором ничего не знаю? В тот же вечер я знала вашу фамилию. К утру у меня были уже подробности. И я знаю, что вам можно поручить такое задание. Вы справитесь, если вам хорошо заплатят.

Сэм вспыхнул. Теперь он ненавидел ее сознательно. Ни один человек не смеет так дурачить его.

— Вам это обойдется вдвое дороже, чем кому-либо в башне, — и он назвал очень высокую цену.

— Нет. За это мы можем..., — начал Захария...

— Пожалуйста, Захария, — Кедр подняла руку, — я заплачу. У меня есть причины.

Он с беспокойством взглянул на нее. Эти причины легко читались на ее лице. Захария мигнул. Он надеялся, что их свободный брак, который прервался, когда она погрузилась в созерцание, вскоре может возобновиться. Но видя, как она смотрит на Сэма, он понял, что это будет не скоро.

Сари наклонилась вперед и положила свою бледную руку на его ладонь.

— Захария, — сказала она, и в голосе ее было предупреждение и самообладание. — Пусть она поступает по-своему, дорогой. У нас достаточно времени для всего.

Бабушка и внучка — почти зеркальные отражения друг друга — обменялись взглядами, в которых Сэм, ничего не пропускавший, прочел и соперничество, и понимание.

Захария сказал:

— Взгляните туда, — он протянул руку, и стена ячейки стала прозрачной. Они проплывали мимо небольшого углубления в стене, где сидел человек.

— Он здесь уже два часа, — пояснил Захария.

Ячейка подплыла еще ближе. Человек был высоким, худым, смуглым и хмурым. На нем был тусклый коричневый костюм.

— Я знаю его, — сказал Сэм и встал. Пол слегка качнулся от его движения. — Спустите меня. Я позабочусь о нем для вас.

У длинного прилавка он нашел свободное место и заказал выпивку. Здесь было место свидания бессмертных и представителей высшего класса. Нечасто человек такой плебейской внешности, как Сэм, появлялся тут. Но в хмуром выражении его лица и повелительном тоне было что-то такое, отчего бармен пробормотал: «Да, сэр», — и принес заказанное.

Сэм сидел долго. Он еще два раза заказал выпивку, а огромная раковина гудела и поврачивалась над ним, и толпа заполняла купол музыкой и неразборчивым бормотанием. Он следил, как ячейка с коричневой фигурой бесцельно плыла по широкому кругу. Он ждал, когда бессмертный спустится, и очень быстро рассуждал.

Сэм был испуган. Опасно вмешиваться в дела бессмертных, даже просто политически. А уж вмешиваться эмоционально — чистое самоубийство. У Сэма не было никаких иллюзий относительно своих шансов выжить после того, как он будет не нужен. Он видел, с каким задумчивым выражением рассматривал его Захария Харкер...

Когда ячейка вольного товарища опустилась, Сэм Рид уже был готов встретить его. Он не стал тратить лишних слов.

— Только что меня наняли, чтобы убить вас, Хейл, — сказал он.

...Спустя час, когда банда Шеффилда вышла на след Сэма, они вдвоем покидали Небо.

Сэм Рид никогда бы не продвинулся так далеко в своей карьере, если бы не был умелым и убедительным оратором.

Робин Хейл очень часто становился целью убедительных ораторов с тех пор, как объявил о своем проекте, и умел с ними справляться. Но здесь молчаливо заговорила кровь Харкеров, вызвав ответ у бессмертного Хейла, и хотя Сэм рассчитывал на успех за счет убедительности своей речи, на самом деле подействовала его глубокая убежденность, унаследованная им от бессмертных предков. Именно она убедила вольного товарища.

Сэм говорил очень быстро — и в то же время спокойно. Он знал, что отныне его жизнь и жизнь Хейла тесно связаны друг с другом, связаны короткой ниткой — длиной в сорок восемь часов. В этих пределах они оба в безопасности. А затем они оба должны умереть, и голос Сэма, когда он объяснял это, был полон искренней убежденности.

В этот момент их нашли парни Шеффилда. Двое вышли из портала Неба и ступили на медленную ленту движущегося пути. Здесь толпа на мгновение разделила их — и Сэм, пробиваясь назад, слишком поздно увидел поднесенную к его лицу черную грушу — и вдохнул болезненный аромат невидимого порошка, не успев задержать дыхание.

Кто-то схватил его за руку.

Все вокруг замедлилось и остановилось.

Его повели по пути. Шары и лампы бросали пятна света на улицу, пока она не повернула. Здесь они превратились в гипнотически чередующиеся вспышки. Путь ровно скользил, и над ними висели ровно сияющие ароматные дымы. Но Сэм все это видел как бы остановившимся. Смутно он осознавал, что это его собственная ошибка. Он позволил Кедре отвлечь себя. Он позволил себе заняться новой работой, не закончив старую, а она требовала всего внимания. И за это он сейчас и расплачивается.

Потом что-то похожее на медленный водоворот нарушило ровное движение Пути. Сэм смутно воспринимал толчки, крики, удары кулаков. Он не мог рассмотреть лица, но все время на другие смутно знакомые кричащие рожи накладывалось лицо вольного товарища.

Как во сне, он видел, как все остальные отступили к медленному краю Пути. Робин Хейл схватил его за руку. Сэм позволил вести себя. Он двигался — и в то же время не двигался. Мозг его почти перестал функционировать. Он смутно сознавал, что они поднялись в одно из

гидропонных сооружений, где Хейл отсчитывал монеты дежурному. И вот они стоят перед резервуаром, в котором теснится тяжелая, серо-зеленая листва.

Откуда-то издалека доносится голос Хейла:

— Обычно он растет на этом кустарнике. Будем надеяться, что они не успели дать вам слишком большую дозу. Тогда уже ничего не поможет. Вот! — звук скребущих ногтей, и Хейл растер в руках какой-то голубоватый лишайник и бросил его Сэму в лицо.

Внезапно все движения бешено ускорились. Сэм начал чихать. Жалаящая боль усилилась, охватила его мышцы и переселилась в мозг. Здесь она взорвалась, поднялась до крещендо и упала.

Потая и дрожа, он обнаружил, что снова может говорить. Время и движения стали нормальными, и он, мигая, посмотрел на Хейла.

— Все в порядке? — спросил вольный товарищ.

— Я... да, — Сэм вытер глаза.

— Что это было? — без интереса спросил Хейл.

— Моя собственная ошибка, — коротко ответил Сэм. — Личное дело. Займусь им позже. Если выживу.

Хейл рассмеялся.

— Идите ко мне. Я хочу с вами поговорить...

— Они не понимают, что их ждет, — угрюмо сказал вольный товарищ. — Никого не могу убедить. Все они представляют себе романтический крестовый поход, но никто из них никогда не ставил ногу на сухую землю.

— Убедите меня, — предложил Сэм.

— Я виделся с Логистом, — начал Хейл, — крестовый поход — это его идея. Мне нужно было... хоть что-нибудь. Я нашел это, — но вот теперь начинаю бояться. Они уходят у меня из рук. Люди слишком эмоциональны. Они вцепляются в меня, как собаки, в поисках романтики. Все, что я могу им предложить — это личные лишения, каких они не представляют себе и не могут представить, и надежду на успех для следующих поколений. Но такой дух исчез у нашей расы, когда она поселилась в башнях. Может быть, подводные горизонты слишком узки. Люди не видят дальше стен или собственного носа.

Он улыбнулся.

— Я предлагаю не мир, но меч. И мне никто не верит.

— Сам я никогда не был наверху, — сказал Сэм. — На что это похоже?

— Вы видели поверхность с самолетов над джунглями. И большинство людей — тоже. Но это ошибка — смотреть сверху. Сверху джунгли выглядят неплохо. Я хотел бы поместить передатчик внизу, в тине, чтобы стали видны и грязевые волки, разъедающие все вокруг, и хлещущие

ядом ветви. Но если бы я так сделал, мой крестовый поход и вся колонизация тут же рухнули бы. — Он пожал плечами. — Вы знаете, я уже начинал в старом форте, — продолжал он. — Сейчас форт захвачен джунглями. Старые стены и барьеры деактивированы и бесполезны. Вся гигантская техника теперь мертва. Все внутри заполнено растительностью, кишасей червями, змеями и ядовитыми кустарниками. Мы расчистили место, но удерживать его — выше наших сил. Одни лишайники способны проесть насквозь дерево, стекло, сталь и плоть! Мы мало что знаем о джунглях.

Здесь, на Венере у экологии нет земных параллелей. Да и просто удерживать форт недостаточно. Он должен сам содержать себя.

— Потребуется деньги и поддержка, — напомнил ему Сэм. — Семьи теперь против.

— Я знаю. Думаю, они ошибаются. И Логист тоже.

— Вы занимаетесь этим один?

Хейл кивнул:

— До сих пор — да.

— Но почему? Энергичный человек мог бы вам помочь.

— Такого человека нет. Для другого это обман. Я верю в это, Рид. Для меня это крестовый поход. Но другому человеку, который знает всю правду, я бы не поверил.

Ослепительная идея начала формироваться в мозгу Сэма. Он сказал:

— Мне вы сможете поверить?

— Почему я должен вам верить?

Сэм быстро вспомнил, много ли он успел сказать Хейлу. Не слишком много. Можно было продолжать.

— Потому, что я рисковал шеей, чтобы вас предупредить, — сказал он. — Если бы я выполнил задание Харкеров, то уже сейчас я бы немало заработал. Но я не выполнил его. Я еще не говорил вам, почему. Я хочу принять участие в осуществлении вашего плана колонизации. При этом я тоже кое-что заработаю — не стану отрицать.

— Я только что сказал вам, что мой проект может не удался, — заметил Хейл. Но глаза его блеснули.

«Пойман!» — подумал Сэм, а вслух сказал:

— Может быть, и нет. Вам нужна мощная поддержка. Думаю, я смогу обеспечить ее. Мы дадим участникам крестового похода другую цель. Заменим ею настоящую, дадим им что-то такое, чего они смогут достичь в течение своей жизни. И это не обман. Могу я попробовать?

Хейл задумчиво пощипывал подбородок. Наконец, решившись он встал и произнес:

— Идемте к Логисту.

Сэм боялся Логиста. У него были собственные причины не попадать под свет чистого разума. Но за Хейлом было несколько столетий опыта. Они спорили примерно час.

Затем Сэм отправился с ним на свидание с Логистом.

Шар заговорил с ними — сияющий белый шар на металлическом пьедестале. Он сказал:

— Я говорил вам, что не могу предсказать будущее, Хейл.

— Но вы знаете верные ответы.

— Верный для многих ответ может оказаться неверным для Сэма

Рида.

Сэм беспокойно зашевелился.

— Значит, получается два ответа, — сказал он.

Он считал, что разговаривает с машиной, и поэтому слегка ослабил бдительность: ведь машины — не люди. Волей-неволей ему пришлось сообщить необходимые данные. Теперь он беспокойно ждал, чувствуя, как идут часы, оставшиеся до назначенного срока, а Кедр и Захария Харкер ждут сообщения о смерти вольного товарища.

В серебряном шаре плавали тени, разорванные отражения сардонического лица Логиста. Робин Хейл улавливал сходство, но знал, что для человека, не знающего секрета бессмертия, эти тени — бессмысленные.

— Люди башен — не пионеры, — сказал Логист через некоторое время. — Вам понадобятся заключенные.

— Нам понадобятся хорошие люди, — сказал Хейл.

— Большинство преступников — хорошие люди. Они просто оказались здесь не в своей социальной группе или не в свое время. Любой антисоциальный индивидуум может стать просоциальным в правильном окружении. Недовольные и преступники станут нашими лучшими людьми. Вам понадобятся геологи, натуралисты, биологи.

— Нам придется платить огромные суммы, чтобы получить даже второсортных специалистов, — возразил Сэм.

— Не придется. Вы еще удивитесь, как много недовольных даже среди лучших специалистов. Башни слишком благоустроены. Ни один хороший работник не будет счастлив, если не использует свои возможности полностью — но у него не осталось простора для творчества после завершения строительства.

— Значит, вы думаете, мы можем действовать? — спросил Хейл.

— Если вы с Ридом избежите текущей опасности, то спросите меня снова.

— Хейл сказал мне, — вмешался Сэм, — что Логист не согласен с семьями насчет колонизации. Почему вы тогда не поможете нам против них?

Тени зашевелились в шаре — Логист качал головой.

— Я не всемогущ. Семьи действуют уверенно. У них есть возможность заглядывать далеко вперед. Интригами и влиянием они определяют решения Совета, хотя Совет совершенно свободен в своих решениях. Но за ним находятся семьи и определяют политику, а потом следят, чтобы их решения выполнялись. Номинально советы и губернаторы правят башнями. В действительности же ими правят бессмертные. У них хорошее социальное сознание, но они безжалостны. Законы, которые они проводят, могут показаться жестокими короткоживущим, но внуки жертв этих законов могут поблагодарить бессмертных за их жестокость. С точки зрения семей, общее добро охватывает долгий промежуток времени. Но в этом случае, я думаю, они ошибаются.

Раса быстро идет к упадку. Семьи считают, что мы не выдержим еще одной попытки колонизации. Но следующей попытки уже не будет. У нас для этого не будет ни материалов, ни желания. Нельзя ждать, пока они решат, что неудача исключена. Я считаю, что они ошибаются. Я говорю, что раса приходит в упадок быстрее, чем они думают. Если мы будем ждать их согласия, мы будем ждать слишком долго...

Но этой планетой правят семьи, а не Логист. Я слишком часто противоречил их мнениям в других вопросах, и теперь они не верят мне. Они считают, что я во всем против них.

Для Робина Хейла это была старая история. Когда голос замолчал, он нетерпеливо сказал:

— Можешь дать нам прогноз, Логист? Есть у нас шансы на успех?

Некоторое время Логист молчал, затем из шара донесся любопытный звук — хихиканье, перешедшее в хохот — это удивило Хейла и совершенно изумило Сэма Рида. Невероятно, что машина может смеяться.

— Поверхность должна быть колонизирована, — сказал Логист, все еще смеясь, — и у вас есть шанс. Хороший шанс. Очень хороший, если с вами Рид.

Это все что я могу сказать, Хейл. Думаю, этого достаточно.

Сэм замер, глядя на тени, плывущие в шаре. Все, что ему представлялось ранее, перевернулось в его голове. Неужели Логист все-таки обманщик? Неужели он предлагал им лишь догадки? Но если он ошибся относительно Сэма, какова роль остальных его слов?

— Спасибо, Логист, — проговорил вольный товарищ. Сэм удивленно взглянул на Робина Хейла. Почему он благодарит машину, особенно такую, которая только что доказала свою несостоятельность?

Хихиканье продолжало доноситься из шара, когда они повернулись, чтобы уходить. Оно перешло в хохот, который сопровождал их по всему залу. В хохоте звучала одновременно симпатия и ирония.

Логист из глубины своего тысячелетнего опыта хохотал над будущим Сэма Рида...

— Если вы избежите текущей опасности.., — процитировал Рид слова Логиста. Они сидели за пыльным прозрачным столом из пластика, он глядел на вольного товарища. Они находились в тусклой тайной комнате Слайдера. Пока они здесь, им не угрожает опасность, но ведь нельзя же было отсиживаться здесь целую вечность.

Сэм соображал, сколько тайных слуг семей следят за передвижением его и Хейла.

— Есть идея? — спросил Хейл.

— Вы не очень обеспокоены. В чем дело? Вы мне не верите?

— Верю. Я согласен, что не смог бы поверить первому встречному, который подошел бы ко мне в толпе и сказал, что нанят с целью убить меня. Легко так сказать, если ждешь от этого какой-то выгоды. Но я ожидал решительных ходов со стороны семей и... я верю Логисту. Итак, есть ли у вас идеи?

Сэм посмотрел на него из-под нахмуренных рыжих бровей. Он начал ненавидеть Хейла за легкость его согласия. Он хотел этого. Он нуждался в этом, но ему не нравились мотивы Хейла. Хейл не мог так легко поставить успех или неуспех своего крестового похода в зависимость от энергичного человека, чью роль играл Сэм. Даже если Логист вынес благоприятное суждение, и Хейл безоговорочно верил Логисту, был еще другой мотив — Робин Хейл был бессмертным.

То, что Сэм ощущал и ненавидел в Уолтонах и Харкерах, он ощутил и возненавидел в Хейле. Крайнюю самоуверенность. Они не были робкими рабами времени, время служило им. Человек с сотнями лет опыта сталкивался со всеми социальными обстоятельствами, с которыми имела вероятность столкнуться. У него перед глазами были аналогичные случаи. У него было время экспериментировать. У него было время подумать и испытать ответные реакции, пока он не подберет наилучший способ действия в данных обстоятельствах.

Вот это качество, — по-детски думал Сэм. — Проблемы, которые короткоживущие не в состоянии разрешить, бессмертные, обладающие почти безграничными ресурсами времени, знают вдоль и поперек. И еще одно качество — они знают проблемы, по отношению к которым обычные люди должны принимать болезненные решения — а для бессмертных они могут решаться простым ожиданием. Бессмертные всегда любили повторять: «И это пройдет...»

Сэм глубоко вздохнул и достаточно уклончиво ответил на вопрос Хейла:

— Семьи — я имею в виду особенно Уолтеров и Харкеров — не ударят открыто. Они не захотят быть связанными вашей смертью. Они

не бояться масс, потому что у масс нет организации. Вопрос о революции никогда не вставал, потому что для революции никогда не было причин. Семьи беспристрастны. Только в связи с такими делами, как этот колонизационный крестовый поход, может возникнуть такой вопрос, и я надеюсь, что этот вопрос для них опасен. Потому что впервые массы будут организованы вокруг идеи крестового похода, — он искоса взглянул на Хейла, — У меня есть идея, как использовать это, но.., — Сэм взглянул на мыльный экран телевизора в стене, — пока я не могу объяснить ее.

— Хорошо, — Хейл говорил спокойно.

«Это вполне нормально», — сказал себе Сэм, со внезапно убыстряющимся пульсом осознавая впервые за все время, что для этого человека война — великолепная вещь из прошлого — была семейной историей. Он видел так знакомые ему убийства и сам убивал. Угроза смерти так знакома ему, что он смотрит ей в лицо спокойно. Сэм заново возненавидел его.

— Тем не менее, — он заставил себя говорить спокойно, — я собираюсь продать себя за идею крестового похода. Могу я говорить?

Хейл улыбнулся и кивнул.

— Перед нами проблема завоевания новообращенных. Нам нужна рабочая сила. Первые дороги... Вторые... Вы сможете защитить своих помощников?

— От любой опасности — но не от скуки. И не от некоторых вещей, например, лишайников — они могут пробраться в вентилятор и съесть человека живьем. Некоторые клетки мутируют под влиянием ультрафиолетового излучения. О, это не просто приключение.

— Значит, нам понадобится защита. И неудовлетворенные люди — преуспевшие в технике и неудачники в личных делах.

— Что же вы предлагаете? — лаконичный голос наполнял Сэма неосознанным возмущением. У него было подозрение, что этот человек знает большинство ответов, что он частично ведет Сэма за собой, чтобы испытать его, надеясь, что испытание выявит свежие мысли, которые он потом сможет использовать для себя. И все же — под уверенностью, под всем огромным опытом Хейла проявлялась иногда и такая наивность, что Сэм не терял надежды. В сущности своей Хейл был крестоносцем. В сущности своей он был самоотверженным мечтателем. И даже миллион лет опыта, а не несколько столетий — не дали бы ему того, с чем был рожден Сэм. Да, стоило попытаться...

— Конечно, нам нужны не только неудачники, — продолжал он. — Нужно выяснить, почему они недовольны. У вас были техники в старые дни, когда велись войны?

Хейл кивнул.

— Да, но за ними стояли традиции вольных товарищей.

— Мы начнем новую традицию. Но пока не знаю, какую. — Сэм задумался. — Можете ли вы просмотреть психозаписи и личные дела этих старых техников?

— Некоторые из них, должно быть, сохранились. Думаю, что смогу, но зачем?

— Это понадобится позже. Но, я думаю, в этом ответ. Найдите факторы, способствовавшие их успеху. Используйте большие интеграторы. Это даст нам возможность правильно решить уравнение. Потом определите факторы, которые создают неудовлетворенность современных техников. Неизвестное — в успехе техников периода войны плюс эквивалент старой традиции. Отыщите тех, у которых сегодня есть этот ИКС, и дайте им новую традицию.

Я займусь пропагандой и семантическими комментариями. Сейчас нам нужно верно направить общественное мнение. Нам понадобится ключевое слово, зная. У современных крестоносцев должна быть прекрасная пропаганда и реклама. Я дал вам решение проблемы техников, а теперь — относительно рабочей силы и финансовой поддержки. (Сэм взглянул на спокойное лицо бессмертного и отвел взгляд); он продолжал: — Придется тщательно подбирать добровольцев. Не так уж много сильных людей осталось у человеческой расы. Но они не дрогнут при первой же опасности. Мы заставим каждого потенциального колониста пройти серию очень строгих тестов. Обманем их, если сможем. Одна серия — ответы для публики; другая — для нас. Нельзя открыто отвергать человека из-за потенциальной трусости — иначе остальные откажутся проходить тест. Но мы должны знать.

— Ну что ж, неплохо, — сказал Хейл. — А деньги?

— Много ли их у вас?

Хейл пожал плечами.

— Ерунда. У нас есть плацдарм, мы расчистили башню Цун. Но потребуются настоящие деньги, чтобы удержать ее.

— Создайте компанию и продавайте акции. Людям всегда нравится игра. Особенно, если они получают дивиденды. А нужные им дивиденды — это не только деньги. Слова. Возбуждение. Романтика, без которой они страдают.

— Смогут ли отвергнутые добровольцы искупить риск?

Сэм рассмеялся:

— Я нашел выход. Каждый пакет акций будет приносить дивиденды в виде возбуждения и сенсаций. Каждый шаг колонистов будет показан по телевизору — прямым лучом к приемнику каждого владельца акций.

Хейл бросил на него взгляд, в котором смешивались гнев и восхищение. Сэму показалось, что он уловил даже нечто вроде одобрения. Но ответ Хейла разочаровал его:

— Нет. Это обман. Колонизация — не развлечение для любителей острых ощущений. Я говорил вам: это тяжелая работа, а не романтика. Это не увеселение, а тяжелая и трудная работа.

— Но она может быть и увлекательной, — уверял его Сэм, — и должна быть. Придется идти на компромиссы. Люди платят за сенсации. На них можно основать колонизацию.

Хейл неодобрительно повел плечом:

— Мне это не нравится.

— Конечно, но это нужно сделать. Чисто теоретический вопрос — можно ли использовать что-нибудь из происходящего сейчас на поверхности?

После паузы Хейл ответил:

— Ну, у нас были неприятности из-за ходячего растения — оно термотропично. Его привлекает температура тела. Конечно, рефрижераторные установки в наших джунглях остановили его. Но его легко уничтожить, бросив термит или что-нибудь горячее. Оно тянется к теплу и сгорает в пепел.

— На что оно похоже?

Хейл перешел к подробностям. Сэм сидел, откинувшись, довольный.

— Это то, что нужно. Совершенно безопасно, но выглядит отвратительно, как дьявол. Это поможет нам не отпугнуть добровольцев с самого начала. Пусть ваши люди включают рефрижераторы и начнут сражение с растениями, а в это время кто-нибудь должен стоять наготове с термитом, но не в поле зрения камеры. Мы сообщим, что растения прорвались, покажем все по телевизору — это подействует.

— Нет, — сказал Хейл.

— Крестовый поход начнется с сенсации, — заметил Сэм. Но не стал настаивать. Наоборот, он напомнил о том, что они оба будут мертвы через шесть часов, если ничего не придумают. Он видел мерцание на стенном экране. Пора было переходить к следующему вопросу повестки дня.

— Семьи найдут возможность *избавиться* от нас без своего видимого вмешательства. Микробы, например. Они покончат с нами, если мы не предпримем решительных *шагов*. Моя мысль заключается в том, чтобы использовать такой оскорбительный намек, чтобы они растерялись. Пусть они будут вынуждены защищаться от нас.

— Что вы имеете в виду?

— Семьи очень заботятся о своем престиже. Это реальная власть в долгой жизни. Но публика верит в их непогрешимость и поэтому вознесла их на вершину. Нападите на эту веру.

— Но как?

— Вы любимец публики. Харкер дал мне лишь сорок восемь часов, потому что боится, как бы какой-нибудь сторонник вашего движения не занял вашего места, даже если вас выведут из игры. — Сэм ударил себя в грудь. — Я такой человек, мне приходится им стать, чтобы спасти свою шкуру. Но и вам это предлагает выход. Мы разделим опасность пополам, если будем взаимозаменяемы. Если одного из нас убьют — это все равно не сорвет крестовый поход.

— Но как, ради дьявола, собираетесь вы стать в несколько часов таким важным в глазах публики? — Хейл действительно заинтересовался.

Сэм удовлетворенно улыбнулся. Потом ударил по ножке своего стула. В стене открылось отверстие, и вошел Слайдер.

Он опустил свое громоздкое тело на стул и с любопытством взглянул на Хейла. Сэм сказал:

— Первое: за мной идет банда Шеффилда. Я не могу немедленно начать борьбу с ними. У меня другое дело — поважнее. Можете отвлечь их?

— Попробую, — ответил Слайдер. Это была гарантия. Старик по-прежнему представлял главную опасность в подпольном мире башен.

— Спасибо, — Сэм повернул кресло, чтобы смотреть Слайдеру в лицо. — Теперь самое важное. Мне нужно быстро подделать звуковую дорожку.

— Это нетрудно, — уверил его Слайдер, чихая.

— И чтобы лица соответствовали.

— Это труднее. Чьи лица?

— Во-первых, Захария Харкера. Ну, и любой из Харкеров или Уолтонов, но Захария обязательно.

Слайдер пристально взглянул на него, забыв даже чихнуть.

— Харкер? — переспросил он. Затем неожиданно чихнул. — Что ж, сделаю. Но обойдется недешево. Когда должна быть сделана работа?

Сэм сказал ему.

Подделка звукозаписи — невероятно старый трюк, почти такой же старый, как сама звукозапись. Требуется сравнительно небольшой навык, чтобы вырезать слова и расставить их в новой последовательности. Но лишь недавно была разработана техника, позволяющая подделывать речь целиком. Требовался очень искусный и опытный оператор, чтобы разложить звуки речи на их составляющие и затем по этим составляющим соорудить совершенно новый отрезок речи. Причем перевести с одного языка на другой было невозможно из-за различий в артикуляции, но на одном языке из отрезка речи достаточной длины можно было извлечь все необходимые данные, чтобы сконструировать любое предложение.

Отсюда, конечно, далеко до подделки изображения говорящего. Губы, выговаривающие каждый звук, останавливались, выделялись фраг-

менты их движения, затем заново воссозданное изображение сопоставляли со звуком.

Результат был поразителен для уха и глаза.

У Слайдера был доступ к специалисту по этой работе, знакомому — вдоль и поперек. В хранилище имелось достаточное количество записей выступлений Харкеров и Уолтонов. Но и в самом удачном случае это был опасный ход. И Сэм знал это. Но выбора у него не было.

Потребовалось пять часов, чтобы убедить Хейла в необходимости этого обмана. Вначале Сэм убедил его в опасности для него лично. В здание, в котором они скрывались, в любой момент могли ворваться агенты семей, так что особенно убеждать Хейла в необходимости обмана не пришлось. Затем его нужно было убедить в том, что Сэму можно доверять. Сэм использовал запись микрореакций, проверяющую правдивость высказываний. Потребовались немалые семантические хитрости, потому что Сэму было что скрывать, и приходилось избегать этих моментов в разговоре.

— Мы с вами почти мертвы, — говорил он Хейлу, а стрелки прибора показывали, что он говорит то, что думает. — Разумеется, этот трюк опасен. Это почти самоубийство. Но если уж мне предстоит умереть, то я хочу попробовать все шансы. А это наш единственный шанс, если конечно, вы не придумаете что-нибудь получше. Придумаете?

Бессмертный ничего не мог придумать.

И вот вечером по телевизору объявили, что Робин Хейл сделает важное заявление относительно колонии. Повсюду в башнях включались телевизоры. Все ждали, но на самом деле им предстояло увидеть фальсифицированную запись выступления Харкеров и Уолтонов.

Жизнь бессмертных в полной мере никогда не была частной, и у Слайдера была сеть агентов, действовавших весьма эффективно. Известие о том, что будет выступать Хейл, привлекло всеобщее внимание.

И вот на больших общественных экранах и на бесчисленных частных появилось лицо Робина Хейла. Он был одет для поверхности, говорил неохотно и торопливо, и это придавало его словам особую убедительность.

Он сказал, что собирается подробно рассказать им о великолепной идее его друга Сэма Рида, благодаря которой можно безотлагательно начать колонизацию. Но на поверхности произошли непредвиденные события. И теперь его вызывают наверх. Люди, глядящие в лицо новой смертельной опасности, хотят воспользоваться опытом старого вольного товарища. Тут он отдал всем честь, и его лицо исчезло с экранов.

Лицо Хейла сменилось лицом Захарии Харкера. Потребовалось бы нечто большее, чем опытный глаз эксперта, чтобы уловить мельчайшие несоответствия, выдававшие тот факт, что это был синтез звуковых и

световых волн. Даже Захария, глядевший на экран, не мог отрицать, что говорит он: каждый слышимый им звук и каждое движение были естественными.

Синтетическая речь была триумфом семантики. Для Сэма было типично, что он, пускаясь в опасную авантюру, не только очищал себя и Хейла, но и заботился о далеко уходящих в будущее планах колонизации. Итак, Харкер назвал имя Сэма Рида — и когда тот появился на экране — скромно стал позади смертного, продолжившего речь, — как общественный деятель и филантроп, который делает возможным колонизационный крестовый поход.

Сэм Рид, человек из народа, короткоживущий, но далеко видящий, поведет своих товарищей к успеху за Робинот Хейлом в великом крестовом походе. Будущее расы — на поверхности. Даже Харкеры, сказал Захария, в конце концов были убеждены настойчивостью Сэма и Хейла. Впереди — великое приключение. Скоро начнутся испытания и отбор добровольцев. Пер аспера ад астра!

Он говорил об опасности. Вдавался в подробности, тщательно подбирая каждое слово. Он говорил о загнивании в башнях, о растущей расовой неполноценности, об уязвимости перед болезнями. И что самое важное — люди перестали расти. Цель человечества — не в башнях. Великая цивилизация Земли не должна найти свой конец под морями плодородной планеты. Ад астра!

Лицо Захарии исчезло с экрана, и вперед выступил Сэм, чтобы закончить дело — нервный и глубоко обеспокоенный под внешним спокойствием. Сделав решающий шаг, он мучился сомнениями. Что сделают Харкеры, когда обнаружат, как фантастически их обманули? Как явно их глубочайшее убеждение было извращено и обращено против них перед всеми башнями и в их же собственных словах! Они уже, должно быть, действуют: семьи умеют действовать быстро, когда это необходимо. Но что они сделают, Сэм не мог догадаться. С экрана он говорил со спокойной убежденностью. Он подчеркнул, что все имеют возможность присоединиться к крестовому походу, если не лично, то финансовой поддержкой. В искусных словах он описал трудности и опасности поверхности: он хотел, чтобы только самые храбрые шли в добровольцы. И чтобы добиться этого и эффективно завершить свое выступление, он сделал заманчивое заявление.

То, что до сегодняшнего дня могло принадлежать только богатым, теперь предлагается всем, кто примет участие в величайшем деле чело-

* «Пер аспера ад астра» — «Через тернии к звездам» (лат).

вещества. Каждый вкладчик увидит, как используются его деньги, примет непосредственное участие во всех сенсациях и опасностях наземной жизни.

— Смотрите!

На экране появилось туманное изображение джунглей, с захватывающей быстротой поднимавшихся к зрителю. Кольцо бархатно-черной грязи усеивало цветочное одеяло древесных вершин. Одно из колец приблизилось, и стала видна радужная змея, скользкая в черноте. Грязь расступилась, и челюсти грязевого волка сомкнулись на теле змеи. Взбалтывая грязь и рыча, сражающиеся исчезли из поля зрения, и бархатный бассейн снова застыл, только круги пробегали по нему, да розовые пузыри вспухали время от времени на поверхности и глухо лопались — и этот глухой звук слышался во всех башнях.

Сэм поблагодарил аудиторию. Он попросил слушателей потерпеть еще несколько дней, пока будет сформирована первая отборочная комиссия. Он заметил с высокомерной скромностью, что надеется заслужить их доверие своей службой им и вольному товарищу, который передал ему все подобные дела, а сам сражается на поверхности в джунглях, которые он так хорошо знает. «Мы все, — закончил Сэм, — скоро сможем стать свидетелями этой борьбы — и люди, а не чудовища, заслужат нашу симпатию в смелой попытке завоевать Венеру, как наши предки некогда завоевали Старую Землю...»

Семьи ничего не делали.

Это беспокоило Сэма больше, чем любые возможные действия. Потому что ему не с чем было бороться. В глубине души он не доверял тишине. Все попытки проинтервьюировать кого-нибудь из бессмертных по этому вопросу, занимавшему все умы, ни к чему не привели. Они улыбались, кивали, но отказывались пока комментировать.

Но планы осуществлялись с головокружительной скоростью. В конце концов, говорил Сэм, что могут сделать Харкеры? Заявить во всеуслышание, что великолепная новая игрушка может оказаться опасной? Но нельзя давать ребенку погремушку, а потом отбирать ее, не вызывая при этом его протест. Люди башен были гораздо опаснее детей, и они привыкли опираться на уверенные руки. Уберите опору — и можно ждать неприятностей.

Он знал, что выиграл лишь гамбит, но не всю, не всю игру. Однако, у него было слишком много дел, чтобы беспокоиться о будущем. Все это, конечно, сплошное надувательство. Но он и не рассчитывал на большее.

Парадоксально, но Сэм рассчитывал на рассудительность Харкеров. Они считают, что эта попытка не удастся. Сэм был уверен, что они правы. Конечно, Логист считал, что колонизация удастся, и обычно Логист не ошибался. Разве может ошибаться машина? Но и машина очень грубо

ошиблась в оценке самого Сэма — и поэтому не удивительно, что он вообще не доверял ей в ее заключении.

Единственное, что ему оставалось — это застраховаться от неудачи. Сэм охотился за большими деньгами. Публика хотела покупать, и он продавал и продавал.

Он продал триста процентов акций.

После этого он должен был потерпеть крушение. Если он вложит деньги в развитие поверхности, ничего не останется ему. Да и как мог он выплачивать доходы по тремстам процентам акций?!

Но на бумаге все выглядело прекрасно. В поисках новых источников колонизация, растущая из-под поверхности морей, стряхивала воду с гигантских плеч, большими шагами устремлялась на берег. А следующая цель — межпланетные и межзвездные путешествия — пер аспера ад астра — великолепный сон, и Сэм выкачивал из него все, что можно.

Прошло два месяца. Розита, как и прочие плоды успеха, легко упала ему в руки. Сэм закрыл все три своих квартиры и вместе с Розитой нашел новое место, полное неслыханной роскоши. Его окна открывались на гидропонный сад, цветущий так же щедро, хотя и не так опасно, как джунгли над головой. Из этих окон он мог видеть огни всей башни, где под его дудку танцевал каждый человек. Это мигающее маниакальное великолепие, полное параноидального блеска, было подобно сну.

Сэм еще не осознавал этого, хотя, оглядываясь назад, он понял бы. Но он вертелся все быстрее и быстрее, следуя за событиями, выходившими из-под его контроля. Если бы у него было время остановиться... подумать и подвести итоги! Но времени у него не было.

Розита сидела у его ног на низкой скамеечке, наигрывая на лире, когда наступал момент вдохновения. Складки ее сине-фиолетового платья кружком лежали на полу, облачная голова склонилась над лирой.

Она встала и медленно подошла к нему... Ее голос сладко произносил слова! Он поднимался и опускался, вместе со строками старой баллады. Но тут она была прервана музыкальным гудением телевизора.

Сэм знал, что сообщение важное, иначе он не получил бы его в этот час. Он неохотно встал.

Розита не подняла головы. Она сидела совершенно неподвижно, как будто звук вызова заморозил ее. Затем, не поднимая глаз, она тронула струны лакированными ногтями и пропела последнюю строчку:

— Юноша, я думаю, ты умрешь...

Экран телевизора прояснился, когда Сэм нажал кнопку, и лицо, появившееся на нем, чуть не заставило его отшатнуться. Это было лицо Кедры Уолтон, и она была очень рассержена. Черные локоны развевались, как волосы Медузы, когда она придвинулась к экрану. Она, должно быть, разговаривала с кем-то в глубине, ожидая, когда Сэм ответит на

ее вызов, потому, что гнев ее был направлен не против Сэма. Он это понял. Ее слова выдали ее.

— Сэм Рид, вы болван! — ровно и без всякого вступления заявила она. Египетское спокойствие исчезло с ее тонкого и презрительного лица. Даже презрение исчезло. — И неужели вы в самом деле думали, что вам это удастся?

— Обязательно удастся! — заверил ее Сэм. Он был очень уверен в исполнимости своих планов.

— Бедный глупец! Вы никогда раньше не имели дела с бессмертными. Наши планы действуют медленно — мы можем себе это позволить! Но вы, конечно, не думали, что Харкер позволит вам остаться в живых после того, что вы сделали? Он...

Голос за ее спиной произнес:

— Позвольте мне говорить самому, Кедр, дорогая, — и с экрана на Сэма глянуло гладкое, лишенное возраста лицо Захарии. Глаза его были задумчивы. — В чем-то я вам должен быть благодарен, Рид, — продолжал голос бессмертного. — Вы были умны. У вас оказалось больше ресурсов, чем я ожидал. Вы заставили меня поднапрячься, а это большое удовольствие. К тому же вы сделали уязвимым Хейла и весь его честолюбивый проект. За что я позже и хочу вас поблагодарить. Я люблю воздавать должное.

Глаза его были глазами человека, глядящего на что-то безличное, они были такими, что Сэм ощутил холодную дрожь. Такая отдаленность во времени и пространстве, как будто Сэма здесь вообще не было. Или будто Харкер смотрел на мертвеца. Что-то безличное и отдаленное отделяло живого от мертвого. Захарию Харкера от Сэма Рида.

И в этот момент глубочайшего прозрения, потрясшего все его убеждения, Сэм понял, что видно, Харкер с самого начала знал, что Сэм перехитрит его в истории с Хейлом, и перехитрит также и Хейла. Сэм был слабым звеном в крестовом походе Хейла, единственным звеном, которое, будучи заподозренным, приведет к крушению всего проекта. До сих пор Сэм думал, что никто этого не заподозрит.

Но Захария Харкер знал.

— Прощайте Рид, — сказал ровный голос, — Кедр, дорогая...

На экране снова появилось лицо Кедр. Она по-прежнему сердилась, но когда ее глаза встретились с глазами Сэма Рида, длинные ресницы полускрывали их, и на них виднелись слезы.

— Прощай, Сэм, — сказала она. — Прощай. — Взгляд ее голубых глаз устремился куда-то за его плечо.

Сэму хватило времени, чтобы повернуться и заметить угрозу, но не хватало, чтобы ее остановить.

Потому что Розита уже стояла рядом и смотрела на экран. И когда он повернулся, ее пальцы оторвались от струн арфы, неся ему забвение.

Он ощутил сладкий ужасный запах порошка, ударивший ему в нос. Тщетно попытался схватить ее и сломать ей шею — он вытянул руки, но она уплыла от него, и вся комната закружилась, и вот уже Розита стояла и смотрела на него откуда-то сверху, и в глазах ее тоже блеснули слезы.

Последнее, что он видел, были две женщины, глядевшие на него со слезами в глазах.

Они любили его, должно быть, раз плакали, но они принесли ему гибель...

...Он проснулся. Запах смертоносного порошка не ощущался. Было темно. Он почувствовал, что плечи упираются во что-то, и неуклюже встал. Чуть посветлело. «Конец переулка, тупик», — подумал он; где-то в полутьме проходили люди.

Ногам было больно от ходьбы. Осмотрев себя, Сэм обнаружил, что он в лохмотьях и босой.

Он заковылял к выходу из тупика. Прохожий взглянул на него с любопытством и отвращением. Сэм схватил прохожего за одежду.

— Колония, — прохрипел он, — ее открыли?

Прохожий отбросил его руку.

— Какая колония? — нетерпеливо спросил он.

— Колония! Колония на поверхности!

— Ах, это! — он рассмеялся. — Вы малость опоздали. — Очевидно, он решил, что Сэм пьян. — Ее открыли уже давно.

— Когда?

— Сорок лет назад.

— Сорок лет! Сорок лет! — лишенное возраста, неизменившееся лицо Сэма Харкера, как всегда, без морщин, с рыжими бровями, смотрело на него.

— Сорок лет! — пробормотал Сэм Харкер.

Колени у него подогнулись. Он вцепился в поручень торгового автомата у выхода из тупика и смотрел на отражение собственных глаз в пыльном зеркале.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*И действительно будет время,
Когда желтый дымок заскользит
По улицам.
И будет тереться о стекла окон;
Будет время, будет время
Подготовиться к встрече тех,
Кого вы встретите;
Будет время убивать и созидать;
Будет время для всех работ
И для всех ответов на все
Вопросы.*

Т. С. ЭЛЛИОТ

Город двигался мимо него медленно опускающейся спиралью. Сэм Харкер тупо смотрел на него, не воспринимая отдельных деталей. Мозг его был слишком полон и в то же время слишком пуст. Очень со многим ему нужно было справиться. Он еще не мог думать как следует. И никаких воспоминаний не сохранилось у него между тем мгновением, когда он взглянул на свое невозможно юное лицо, и настоящим моментом. Разбитыми ступнями он ощущал слабую вибрацию пути, и город, медленно двигавшийся, открывавший одну улицу за другой по мере того, как спираль уходила дальше, — этот город был ему знаком. И не на чем было остановиться, сосредоточить растерянный мозг.

— Мне нужна выпивка, — сказал он себе — и даже эта мысль рождалась неуклюже, как бы пробираясь по мозговым каналам, не использовавшимся сорок лет. Но ощутив рваные карманы, он убедился, что они пусты. Ни денег, ни памяти. Ни даже прошлого.

— Ничего? — туманно подумал он. — Ничего? — И тут он впервые подумал о том, что видел в зеркале. — Ничего?.. Я бессмертный!

Это не могло быть правдой. Это часть фантазии, навеянной сонным порошком. Но ощущение собственных гладких щек и твердых мышц шеи под дрожащими пальцами — это была не фантазия. Это реальность. Значит, нереальностью должны быть прошедшие сорок лет. И человек у начала переулка солгал. Припоминая, Сэм подумал, что этот человек глядел на него странно, с необычным интересом. Вначале ему казалось, что это прохожий, но теперь он решил, что этот человек ждал его, готовый уйти или остаться, в соответствии с действиями Сэма.

Он попытался припомнить его лицо и не смог. Пятно, смотревшее на него и говорившее с ним. Но глядевшее с клиническим интересом, говорившее с целью и намерением, которые не могли быть случайными. Это была первая сознательная мысль, сформировавшаяся в затуманенном мозгу Сэма, и воздействие ее было очень сильным. Человек должен был

находиться там по какой-то причине. И причина эта была связана с Сэмом.

— Сорок лет, — пробормотал Сэм. — Во всяком случае, я могу в это поверить.

Город совсем не изменился — но это не критерий. Башни никогда не менялись. Далеко впереди, возвышающийся над зданиями, он увидел большой шар мертвой Земли в черном пластиковом пологе. Он смог сориентироваться — и все улицы и здания заняли вокруг него знакомые места. Он знал город. Он знал, где находились роскошные апартаменты, смотревшие сверху вниз на сверкающие пути. Он вспомнил девушку с голубыми глазами, бросившую ему в лицо порошок.

Перед ним всплыло лицо Кедры на экране, слезы на ее глазах, приказывающий жест, которым она нанесла ему поражение. Кедра и Розита. Значит, у него было дело. Он знал, что на самом деле не Кедра стояла за этим порошком, и не Розита — Захария Харкер — вот кто отдал приказ. И он поплатится за это. И Кедра тоже. А вот что касается Розиты... Сэм сжал кулаки. Он верил Розите. Ее преступление было тягчайшим — предательство. «Лучше бы Розита умерла», — подумал он.

Но погоди. Сорок лет? Может, время уже выполнило его задачу? Первое, что ему нужно было узнать, это дату своего пробуждения. Движущиеся пути проходили мимо большого общественного экрана, и он подумал, что здесь стоит попытаться узнать эту дату. Впрочем, в этом не было необходимости... У него было ощущение прошедшего времени. Город не изменился, но изменились люди. Слегка. Некоторые мужчины носили бороды — это было для него ново. У одежды был более смелый покрой, чем раньше. Мода меняется в ритме, соответствующем изменениям социального порядка, не бессмысленно, но по определенным законам. Только по одному этому он смог бы определить срок, если бы у него четче работал мозг и не было другой возможности узнать это.

Путь медленно повернул, так что стал виден угол экрана, и Сэм заметил, как мало людских взглядов обращено к нему. Он мог вспомнить время, когда все шеи изгибались, и люди толкали друг друга, стремясь быстрее узнать новости на экране. Теперь все было не так. Апатия, в прямом и легко объяснимом контрасте с новым и крайне смелым стилем, проявлялась на каждом лице. Сэм был единственным, смотревшим на экран. Да, прошло сорок лет.

Что-то подобно яркому взрыву вспыхнуло в центре его мозга. Бессмертие! Бессмертие! Все возможности, все опасности, вся слава — все лежащее перед ним вспыхнуло ослепительным светом. Но вот сияние ослабло, и он на мгновение испугался зрелости, которая превосходила все, о чем он мог мечтать. Но тут его снова охватили сомнения, и он яростно начал вспоминать, есть ли наркотик, какое-нибудь средство,

способное вызвать такую каталепсию, задержать старение организма? Ничего подобного он не знал. Нет, это реальность. Этого не может быть, и все же это правда.

Но это подождет. Сэм сухо рассмеялся про себя. Все это может ждать. Есть более необходимые вопросы, над которыми следует подумать. Что-то необыкновенное произошло с ним, и вот результат: сорок лет сна, и затем — бессмертие. Но что же это могло быть?

Сонный порошок. Памятный запах все еще держался в его ноздрах. Горло пересохло; началась жажда, которую не мог утолить ни один напиток.

«Мне нужно вылечиться. Прежде всего мне нужно вылечиться»!

Он знал свойства сонного порошка. Последствия его действия можно было излечить, но он легко входил в привычку. Хуже всего было то, что, оказавшись под влиянием этого смертоносного вещества, человек не выходил из-под его контроля. Не было определенного периода, когда можно было бы обратиться за помощью. Нужно было, чтобы организм выработал антитела, а на это требовалось время почти всей жизни. Но даже в этом случае вирус сонного порошка быстро мутировал, и вы снова погружались в сон, а потом умирали.

Паника на мгновение охватила Сэма. Долго ли длится этот период бодрствования? В любой момент вирус ударит снова, и его заново обретенное сознание исчезнет. Бессмертие бесполезно, если будешь все время спать.

Он должен вылечиться. Теперь, когда он понял, что означает его жажда, она страшно усилилась. Лечение требует денег. Несколько тысяч корнум-кредитов, по крайней мере. А у него ничего нет. Если бессмертие действительно таково, как он думал, он по счастливой случайности богаче самых богатых, но это богатство бесконечных лет может исчезнуть из-за отсутствия денег, материального богатства. Парадокс. Ему принадлежали будущие столетия, но из-за нехватки нескольких часов он может лишиться всего будущего...

Паника опасна. Он знал это. Он заставил себя успокоиться, подумать. Что делать? Прежде всего — два обстоятельства — бессмертие и влияние наркотика.

Деньги?

Их нет.

Бессмертие?

Это ценное преимущество, многообещающие в будущем. Но как обращаться с ним сейчас, он не знает. Поэтому пока его надо держать в тайне.

Как?

Маскировка.

Под кого?

Под самого себя, разумеется. Под Сэма Рида, но не под Сэма Рида — бессмертного. Под Сэма Рида, каким он выглядел бы в семидесятилетнем возрасте.

Это опять-таки приводило к проблеме денег. Единственный способ раздобыть деньги — вернуться к своей прежней практике. И не раскрывать своей тайны. У него в голове зашевелились мысли, как использовать эту удивительную способность. Позже. Потом времени будет достаточно, если его хватит сейчас.

Но сначала — немного денег, немного знаний. Знания получить легче и безопаснее. Поэтому сначала займемся ими. Он должен немедленно узнать, что произошло за последние четыре десятилетия, что случилось с ним самим, когда он исчез из сферы внимания публики. Ясно, что он больше не был общественной фигурой, но где же он находился эти сорок лет?

Он перешел на перекрестный путь и направился к ближайшей библиотеке. По пути он обдумал проблему денег. Когда Розита бросила ему в лицо сонный порошок, он был очень богат. Некоторые вклады были сделаны на его имя, но четыре крупные суммы — на предъявителя. Возможно, принадлежность хотя бы одной из них ему осталась тайной. Но сможет ли он получить эти деньги? Впрочем, если деньги ждали сорок лет, то подождут и еще несколько часов.

Пока же у него не было даже нескольких монет, чтобы взять отдельный кабинет в библиотеке. Поэтому он присел к длинному столу, пряча лицо за поглощающими звук перегородками, отделявшими его от соседей. Опустив глаза, он нажал кнопку.

На экране перед ним разворачивался общий обзор новостей сорокалетней давности. Это был еженедельный обзор, посвященный последним семи дням, которые он помнил.

Рин ван Винкль мог бы сориентироваться, читая газеты двадцатилетней давности. Они рассказали бы ему, что произошло за эти годы, но они не убедили бы его в прочности мира. Но сейчас во всей башне, на всей планете только старый обзор мог дать прочную почву ногам Сэма Рида. За пределами библиотеки его повсюду ждали опасности и неожиданности, потому что сильно изменились обычаи и поведение.

Больше всего изменилась мода, обычаи и сленг. Но их и заменить легче.

Перед Сэмом так ярко разворачивалось прошлое, что он чуть ли не заново ощущал запах сонного порошка. При этой мысли сухость в горле вновь поразила его, он снова подумал, что нужно торопиться. Он нажал кнопку — и события стали проходить быстрее.

«СЭМ РИД УСЫПЛЕН СОННЫМ ПОРОШКОМ»!

Тонкий голос из прошлого звучал в его ушах, и трехмерные изображения быстро проносились по экрану.

«СЕГОДНЯ КОНЧИЛАСЬ КАРЬЕРА СЭМА РИДА, ИЗВЕСТНОГО ДЕЯТЕЛЯ НАЗЕМНОЙ КОЛОНИИ. УДИВИВ ВСЕХ ЗНАВШИХ ЕГО, ОН НАЙДЕН УСНУВШИМ ПОД ВЛИЯНИЕМ СОННОГО ПОРОШКА...»

Здесь было все. Расследование, последовавшее за его очевидным самоубийством; скандал, когда обнаружился обман. Через четыре дня после исчезновения Сэма Риды мыльный пузырь колонии лопнул.

Робин Хейл, вольный товарищ, не делал никаких заявлений. Да и что он мог сказать?

Было продано триста процентов акций, и этот факт громче всех говорил о том, что Сэм сам не верил в успех колонии. Хейл сделал единственно возможное — попытался успокоить бурю, как это ему уже приходилось делать в его долгой жизни — выдерживать бури, поднятые людьми, и природные бури на поверхности... Конечно, это было невозможно. Слишком накалилась атмосфера. Слишком много людей поверило в успех.

Когда пузырь лопнул, мало что осталось.

Главный удар позора приняло на себя имя Сэма Риды. Он был не только обманщик — он трусливо сбежал, скрывшись в самоубийственном сне. Никто не удивился этому его поступку.

Поступок его был нелогичен — но у публики не было времени задуматься над этим. Если колония была обречена на неудачу, то Сэму нужно было скрыться и спокойно дожидаться своих трехсот процентов прибыли. Его самоубийство показывало, что он опасался успеха колонии. Но над этим никто не задумался. Все решили, что, опасаясь разоблачения, он избрал самый быстрый выход.

Расследование обнаружило все скрытые им вклады. Оказывается, он спрятал их недостаточно тщательно. Все четыре тайника были найдены и опустошены. Старый обзор новостей сообщал подробности.

Сэм откинулся назад и заморгал в тусклом свете библиотеки. Итак, он разорен.

Он видел за событиями сорокалетней давности руку Харкеров. Лицо Захарии встало перед ним, как будто только что виденное, гладкое, улыбающееся с экрана, бесстрастное, как лицо бога, следящее за эфемерным успехом смертного. Захария конечно же знал, что делал. Но это только начало игры. Сэм в этой игре должен был послужить пешкой, отброшенной за ненадобностью. И он повернулся к экрану, чтобы узнать, какими были следующие ходы.

Он был удивлен, узнав, что Робин Хейл пошел вперед и основал наземную колонию — почти безо всякой поддержки, но при активном противодействии врагов.

Да, колония была основана, но удивительно мало новостей сообщалось о ней. В башне Делавэр произошло сенсационное убийство, и сообщение о нем вытеснило все новости о колонии. Сэм просматривал неделю за неделей — и находил лишь краткие сообщения о колонии.

Конечно, это было не случайно. Харкеры знали, что делают.

Сэм выключил экран и задумался. Придется изменить первоначальный план, но немного. Он по-прежнему нуждается в деньгах, и они нужны немедленно. Он судорожно глотнул, вновь ощутив сухость горла. Его сбережения исчезли. Что же осталось? Только он сам, его опыт, его бесценная тайна, которую он пока не может открыть, а что еще? Документы на землю, оформленные на его имя сорок лет назад, все еще действовали. Они не подлежали отмене. Но под своим именем он не может затребовать их, а все другие требования будут незаконными. Ну, этим можно будет заняться позже.

Сейчас — деньги. Губы Сэма сжались. Он встал и вышел из библиотеки. Он шел искать оружие и жертву. Грабежом не добудешь нескольких тысяч кредитов без сложной подготовки, но он мог отобрать где-нибудь в переулке несколько кредитов, если повезет.

Ему повезло. И тому человеку, которого он оглушил — тоже, потому что его череп не раскололся от удара носка, набитого булыжниками. Сэм был удивлен, обнаружив, что физически находится в гораздо лучшей форме, чем ожидал. Большинство жертв сонного порошка становились ко времени смерти мумиями — мешками с костями. Еще одна загадка — как же он провел эти сорок сонных лет?

Снова вернулось воспоминание о человеке в тупике. Если бы только у него тогда была ясная голова, он схватил бы этого наблюдателя за горло и вытряс из него информацию. Ну ладно, и на это еще будет время.

С сорока тремя кредитами в кармане он направился в заведение, которое знал сорок лет назад. Служители здесь держали рот на замке и работали искусно, а в башнях не происходит быстрых изменений. Он подумал, что оно еще там.

По дороге он миновал несколько больших новых салонов, где мужчин и женщин украшали до степени совершенства. Очевидно, запросы повысились. В башне стало заметно больше щегольства. Повсюду встречались мужчины с тщательно завитыми бородами и локонами. Сэму были необходимы скромность и благоразумие. Он не удивился, увидев, что полулегальное заведение еще действует.

Нервы его напряглись, когда он остановился у входа. Но, очевидно, на пути его никто не узнал. Сорок лет назад его лицо было знакомо всем в башнях, но теперь...

Размышления в мозгу человека строятся по определенным схемам. Если на него посмотрят и увидят нечто знакомое, то автоматически решат,

что это случайное сходство, не больше. Подсознательное всегда толкает сознательное к наиболее логичному заключению. Иногда происходят удивительные совпадения, это естественно — но совершенно неестественно увидеть Сэма Рида на путях таким же, каким он был сорок лет назад. И многие из тех, мимо которых он проходил на путях, родились после фиаско Колонии и видели Сэма равнодушными глазами детства. Те же, кто помнил, были теперь стары, зрение их ослабло, да и множество неизвестных лиц наложились на тусклое воспоминание.

Нет, он в безопасности, если не считать крайних случаев. Он вошел в стеклянную дверь и обратился к служителю с обычным заказом.

— Постоянно или временно?

— Временно, — ответил Сэм после короткой паузы.

— Быстрая смена? — так называлось быстрое изменение наружности, часто необходимое клиентам этого заведения.

— Да.

Художник принялся за работу. Он был специалистом по маскировке. Голову Сэма он оставил лысой, красные веки и брови подкрасил и отбелил. Для бороды они выбрали грязно-белый цвет.

Он переделал нос и уши Сэма так, как их переделало бы время. Искусственными наращениями он проложил несколько морщин в нужных местах. Борода не скрывала лица Сэма, но когда художник закончил, из зеркала на Сэма глядели сорок лишних тяжелых лет жизни.

— Для быстрого изменения, — сказал художник, — снимите бороду и измените выражение лица.

Убрать морщины быстро невозможно, но их можно разгладить правильным выражением лица.

— Попробуйте, пожалуйста, — он повернул кресло Сэма к зеркалу и заставил его попрактиковаться, пока они оба не были удовлетворены.

— Хорошо, — сказал наконец Сэм. — Еще мне нужен костюм.

Они выбрали три вещи — шляпу, плащ и башмаки. Простота и быстрота — вот факторы, определявшие выбор. Каждый предмет был особого устройства. Шляпа легко меняла форму. Плащ был темный, но из такой тонкой ткани, что, сжатый, помещался в кармане. Он мог скрыть то обстоятельство, что под ним не старческое тело. Башмаки — под их тусклыми большими пряжками скрывались пышные голубые банты.

Сэм вышел через черный ход, двигаясь неловко, как под грузом восьмидесяти лет. Он вернулся в библиотеку. Глядя на свое отражение, он решил, что у него хорошая маскировка. Сойдет.

Теперь ему нужно было изучить хронику текущих событий.

В некотором смысле преступные группы напсминают стада — если присмотреться к ним с определенного расстояния, как это сейчас делал Сэм. Они движутся вслед за кормом, с одного пастбища на другое, более

зеленое. Глядя на экран, Сэм видел, что преступления не очень изменились. Основа их была той же самой. Порок менялся меньше, чем добродетель.

Наконец, он **нащупал** современное «зеленое пастбище». Он купил бутылочку с жидкой красной краской и мощную дымовую бомбу. Инstrukция объясняла, как применять бомбу в гидропонных садах для уничтожения вредных насекомых. Сэм не читал ее — он уже использовал такую бомбу раньше.

Теперь ему нужно было выбрать место для ловушки.

Ему нужны были два переулка, находящиеся поблизости и выходящие на не слишком оживленный путь. В одном из переулков, как помнил Сэм, находился подвал. Сейчас, как и раньше, он пустовал. Подобрал у входа несколько кусков металла размером с кулак, Сэм спрятал в подвале дымовую бомбу.

После этого он был готов к следующему шагу. Он не разрешал себе думать, сколько шагов ему еще предстоит сделать. Но когда думал, то вспоминал, что теперь у него много времени — и это погружало его в ликующее, пьянящее настроение, далекое от настоящей необходимости немедленно обеспечить свое будущее. Он вынужден был напомнить себе о наркотике, о необходимости денег и лечения.

Он отправился на современное «зеленое пастбище» и пил самое дешевое виски. И ни на минуту не забывал, что он очень стар. Он не позволял себе полностью заполнять легкие перед тем, как говорить — у стариков не хватает дыхания, и голос их тусклый. Результат был убедителен. К тому же он двигался медленнее и осторожнее, заставлял себя предварительно обдумывать каждое движение. Хромота не обозначает возраста, но действия, возникающие в результате работы старого мозга, обозначают его. Старик вынужден двигаться медленно, чтобы успеть обдумать, смогут ли его неловкие руки и ноги преодолеть препятствие. Мир столь же опасен для старых людей, как и для малышей. Но дети не знают опасностей тяготения.

Поэтому Сэм не хромал, но двигался он очень медленно, и в Джим-о-Венус сидел, пил виски и заметно пьянел настоящий старик.

Это был ресторанчик. Очень колоритный ресторанчик. Один из множества подобных ресторанчиков, которые могли встретиться в императорском Риме, с обрывками костюмов и обычаев, попадавших сюда с более высоких социальных уровней так, что глаз мог уловить тут и там блеск позолоченного пояса, кровавую алость украшенной перьями шляпы, водоворот радужного плаща...

В основном Джим-о-Венус предназначался для выпивки, игры и более грязных способов провести время. В высших классах играли в сложные, усовершенствованные игры древности типа рулетки.

В Джим-о-Венус тоже были механические игры, но основными все же оставались кости и карты. Лица не были знакомы Сэму, но типы он хорошо знал. Некоторые посетители не заботились о том, где сидят, другие всегда сидели лицом к двери. Именно они и интересовали Сэма. Заинтересовала его и игра в карты. Игроки были слишком пьяны, чтобы сохранять осторожность. Сначала Сэм давал непрошенные советы. Спустя некоторое время и он вступил в игру.

Он был удивлен, обнаружив, что карты изменились. Они стали больше, были украшены экзотическими рисунками. Сорок лет назад старые земные карты уже начали входить в моду, но Сэм поразился тому, как они распространились за сорок лет.

Он тщательно подобрал напарников и поэтому мог и выигрывать не очень заметно. Ставки были не слишком высокими, но Сэм и не рассчитывал здесь на наживу. В любом случае, карты слишком ненадежны — ему нужно было лишь произвести впечатление — и ему удалось создать видимость, что в кармане у него припрятано немало денег.

Вскоре он внезапно прервал игру, протестуя тоненьким голосом. Потом вышел из Джим-о-Венус и постоял немного, слегка покачиваясь. Следовавшему за ним человеку он казался совсем пьяным.

— Слушай, дед, хочешь еще сыграть?

Сэм осторожно осмотрел его.

— Сезонник?

— Нет.

Сэм остался доволен осмотром, позволил втянуть себя в разговор, но держался настороже, пока не убедился, что цель — не темный переулочек, а третьеразрядный игорный дом, который он помнил ресторанчиком.

На этот раз игра шла более привычными картами. Играя с трезвыми партнерами, Сэм не мошенничал. В результате он утратил все, что имел, и в добавок наделал долгов. Как обычно, Сэм играл в расчете из трехсот процентов своего капитала.

И вот его отвели к дону Малларду. Так называл себя низкорослый, лишенный шеи человек с красивыми курчавыми волосами и лицом, смазанным коричневым маслом. Дон Маллард холодно взглянул на Сэма.

— В чем дело? Мне не нужны расписки.

Сэм вдруг осознал, что сорок лет назад этот человек был молокососом, изучавшим то, что Сэму уже давно было известно. Все на мгновение уменьшилось перед ним, как будто он смотрел на Малладра с огромной высоты — он — б е с с м е р т е н...

Но уязвим. Он убрал из голоса пьяные интонации, но не смог скрыть возраста и сказал:

— Поговорим наедине.

Маллард проницательно осмотрел его. Сэм едва не улыбнулся. Когда они остались наедине, он сказал:

— Слышали ли вы когда-нибудь о Сэме Риде?

— Рид? Рид? А, этот парень колонии. Конечно. Сонный порошок, так?

— Не совсем. Но на очень долгий срок. Я Сэм Рид.

В первый момент Маллард не среагировал. Очевидно, он рылся в памяти в поисках подробностей давно забытого скандала времен своего детства. Но, поскольку афера с колонией была уникальной в истории башни, он, спустя некоторое время, вспомнил...

— Рид мертв, — заявил он. — Все это знают...

— Я Сэм Рид. Я не мертв. Конечно я спал под воздействием порошка, но это можно излечить. Я долго находился на поверхности. И теперь вернулся.

— Ну и что?

— Ничего особенного. Я упомянул об этом, чтобы доказать, что мои расписки имеют цену.

Маллард фыркнул.

— Вы ничего не доказали. Никто не возвращается с поверхности богачом.

— Я оставил деньги здесь перед уходом.

— Я помню всю историю. Правительство же отыскиало все ваши тайники. После этого у вас не осталось ни пени, — Маллард говорил раздраженно.

Сэм заставил себя говорить хрипло.

— Вы считаете, что семь тысяч кредитов — ничто? — воскликнул он в старческом гнев.

Маллард улыбнулся легкости, с которой он поймал старого дурака.

— Откуда я знаю, что вы Сэм Рид? Можете вы это доказать?

— Отпечатки пальцев...

— Слишком легко подделать. Впрочем, сетчатка глаза. Маллард колебался. По-видимому, он не мог принять решения. Через секунду он позернулся и заговорил в микрофон. Открылась дверь, и вошел человек с громоздким фотоаппаратом. По его требованию Сэм посмотрел в объектив и чуть не ослеп от вспышки. Потом они долго ждали в молчании.

Наконец зазвенел настольный передатчик перед Маллардом. Тонкий голос произнес:

— О'кей, дон. Снимок сверен с материалами картотеки. Это ваш человек.

Маллард щелкнул переключателем и сказал:

— Ладно, парни, заходите.

Двери открылись, и вошли четверо. Маллард бросил через плечо:

— Это Сэм Рид, парни. Он хочет отдать нам семь тысяч кредитов. Поговорите с ним об этом.

Четверо придвинулись к Сэму Риду.

Методы допроса не изменились. Здесь, на Скид Роу, они основывались главным образом на физической боли и обычно действовали. Подействовали они и на Сэма Рида. Он держался столько, сколько может выдержать старик, а потом заговорил.

Был момент, когда он испугался, что его выдаст борода. Но художник из салона знал свое дело — суррогатная ткань держалась прочно, пока Сэм не глотнул из бутылки, которую принес в кармане.

Дыша коротко и тяжело он отвечал на вопросы дона Малларда.

— У меня есть тайник... Открывается он кориумным ключом...

— Сколько кориума?

— Фунт... и три четверти...

— Почему вы до сих пор не взяли эти семь тысяч?

— Я только-только с поверхности. Все остальные тайники нашли... — но не этот. И я не могу открыть его без кориумного ключа. Где мне... взять столько кориума? Я разбит. Семь тысяч кредитов... а я не могу купить ключ, чтобы открыть замок!

Маллард почесал за ухом.

— Порядочно кориума, — заметил он. — Но, впрочем, это самый безопасный замок в мире.

Сэм кивнул со старицовой гордостью.

— Его не открыть без точного количества радиоактивности... сфокусированной на замке. Я был хитер в старые дни. Вы должны знать точное количество...

— Фунт и три четверти, — прервал его Маллард. Он сказал одному из своих людей. — Выясните, сколько это стоит.

Сэм откинулся на спинку стула, скрывая улыбку в бороде. Это была холодная улыбка. Ему не нравился Маллард и его методы. Старый знакомый гнев его, с которым он прожил сорок лет, возвращался к нему — знакомое нетерпение и желание уничтожить все, что стоит на его пути. Теперь Маллард... Сэм сжал пальцы в кулак, думая о том, как приятно было бы сжать ими обмазанную маслом шею Малларда.

И вдруг впервые ему в голову пришла новая мысль. Разве убийство — удовлетворительное мщение для бессмертного? Теперь перед ним открывались и другие возможности. Он мог подождать и наблюдать, как будет медленно умирать его враг. Он мог позволить ему состариться.

Он поиграл этой мыслью. Время... как много его впереди — и как мало! Но он должен сделать все, чтобы иметь возможность использовать свое бессмертие.

Первый шаг — это тайник, куда он пойдет вместе с бандой.

Один неуловимый шаг восьмидесятилетнего...

В подвале Сэм нехотя показал доску, куда следовало поместить кориумный ключ. Кориум — активированный уран 233 — явно не был игрушкой. Он находился в специально изолированном контейнере, слишком большом, чтобы поместиться в кармане. Вместе с ним дон принес и сложный щит — приспособление для защиты от излучения. Он поставил ящик в указанное Сэмом место.

Кроме Сэма, в подвале находилось еще четверо: дон Маллард и трое его подчиненных. И все они были вооружены. Сэм — нет. Снаружи, в переулке, находился еще один человек. Единственное приготовление, которое успел сделать Сэм, заключалось в том, что он налил «открепляющую» жидкость в бороду. Теперь этот придаток легко снимался.

Было так тихо, что хорошо слышались все звуки дыхания. Сэм начал глубоко дышать, накапливая запасы кислорода: он скоро ему понадобится. Он следил за тем, как Маллард тщательно прилаживал щит и контейнер с кориумом. Ящик очень походил на фотоаппарат — и, как фотоаппарат, имел спусковой механизм и устройство типа диафрагмы.

— Здесь? — спросил Маллард, тыча пальцем в пластиковую стену. Сэм кивнул.

Маллард нажал кнопку и отступил за щит. Щелк!

И все.

Сэм торопливо сказал:

— Тайник чуть выше, чем я говорил.

Он, спотыкаясь, двинулся вперед, но один из сопровождающих схватил его за плечо.

— Только покажи нам, — сказал он. — Может, вместе с деньгами там лежит и пистолет.

Сэм показал. Маллард ощупал кирпич пальцами и удовлетворенно хмыкнул.

— Я думаю, — начал он и потянул на себя кирпич.

Сэм сделал глубокий вздох и держал глаза открытыми, пока не увидел, как облако дыма начало выходить из тайника. Но в то же время он не терял из виду ящика с кориумом. Затем он начал двигаться.

Двигался он быстро, слыша звуки удивленных голосов, затем звук выстрела. Луч не тронул его. Он ощутил в руках острые углы ящика с кориумом и, наклонившись, свободной рукой вынул другой кирпич из стены. Кориум исчез в углублении, и кирпич плотно закрыл вход в тайник.

— Не стреляйте! — кричал Маллард. — Всем к двери! Поллард! Не входи сюда! Задержите Рида!

Сэм был уже у двери. Открыв глаза, он ничего не увидел в густом облаке дыма, вытекающим за порог, но услышал чей-то вопросительный возглас: «Поллард!?» Он согнулся, нащупывая кусок металла, который

припас заранее. Его не было. Нет, он коснулся его, пальцы любовно сжали жесткий холодный металл. Сквозь дым он увидел Полларда.

Тот наставил на него пистолет. Сэм спросил:

— Где Рид? Он...

Этого было достаточно. Пальцы Полларда на мгновение отпустили курок, он попытался рассмотреть, что за фигура появилась перед ним в дыму. Оружие Сэма было наготове. Он ударил им Полларда в лицо. Издав приглушенный крик, Поллард начал падать. Прежде, чем он упал, Сэм перепрыгнул через его тело и побежал. Пробежав несколько футов, он завернул за угол и немедленно сбросил плащ и бороду. Они отправились в карманы, не образовав заметных утолщений. Затем он сорвал с головы шляпу, искусно изменил ее форму и снова надел. Сев на тротуар, он быстрым движением сменил пряжки на башмаках, так что открылись яркие банты. Надобности в красной краске не было: руки у него и так были в крови — но не его собственной. Он обмазал кровью лицо.

Потом посмотрел назад и тут же услышал топот.

Дон Маллард и один из его бандитов выбежали из-за угла. Они остановились, оглядываясь, и, увидев Сэма, бросились к нему. Еще один выбежал в переулок и направился к Малларду, размахивая пистолетом.

Сэм оцупал подбородок, помигал и сделал неуверенный жест. Он сказал:

— Ч... что..., — голос его больше не был старческим.

В переулок выбежал четвертый бандит.

— Поллард мертв! — крикнул он.

— Заткнись! — сказал Маллард, скривив рот, и посмотрел на Сэма. — Куда он пошел? Старик...

— Туда..., — сказал Сэм. — Он... налетел на меня из-за угла. Я... у меня кровь идет из носа. — Он посмотрел на свои окровавленные пальцы. — Да. Вон туда.

Маллард не стал ждать. Окликнув своих людей, он вместе с ними кинулся в указанном направлении. Сэм осмотрелся. На пути народу не было, но один из прохожих направлялся к Сэму.

Сэм встал и знаком попросил доброго самаритянина продолжать свой путь.

— Все в порядке. Я не ранен.

Вытерев кровь с лица, Сэм пошел. Он неспеша завернул в тот переулок, откуда появился. Особой необходимости торопиться не было. Маллард гонится за стариком, уверенный, что тот никуда не денется. Сэм решил, что позже он вернется в подвал — но не немедленно. Однако...

Дым все еще валил из двери. Сэм споткнулся о тело Полларда и благодаря этому определил, где дверь. Внутри в подвале он сориентировался в темноте и затем отыскал незакрепленный кирпич. Достав ящик

с кориумом, он положил кирпич на место. Минуту спустя самый быстрый путь уносил его от дона Малларда и его компании.

Кориум можно было продать. Но только не при том условии, если будут задавать вопросы. Ему придется реализовать добычу нелегальными путями. В Сэме больше нельзя было узнать старика, одурачившего Малларда. Тем не менее, опасно было заниматься этой сделкой — до того, как он не укрепит свои позиции. Маллард теперь будет следить за подпольной торговлей кориумом.

Какие каналы сбыта могли остаться неизменными спустя сорок лет?

Те же, но руководимые другими людьми. Не удивительно. В подобных сделках нужно хорошо знать тех людей, с кем имеешь дело. Лучше всего иметь дело с теми, кто сейчас на вершине, и был на ней сорок лет назад. Только не Харкеры, конечно. Сэм улыбнулся и облизнул губы, снова осознав, как сухо у него в горле.

Кто же?

Он три часа разъезжал по Пулям, приходя в ярость от этой простой проблемы.

Он надул дону Малларда на несколько тысяч кредитов. У него в руках кориум. Но он утратил все свои прежние контакты.

Пришел голод, и росла жажда. У него совсем не было денег. Он потерял все у игорного стола. Унизительно отвлекаться из-за такого чувства, как голод. Он бессмертный!

Тем не менее, и бессмертный может умереть с голоду.

Какое издевательство! Перед ним бесконечная дорога, он так много должен сделать — и не может, пока не излечится от влияния сонного порошка.

И вот, размышляя, он наконец вспомнил о человеке, который заменил ему отца много лет назад.

Его не удивило, что Слайдер по-прежнему жил в том же тусклом углу башни. Удивительно было, что он все еще жив.

Сэм не ожидал этого. Подсознательно настолько не ожидал, что не замаскировался снова.

Слайдер лежал в постели, его чудовищно дородное тело погрузилось в матрацы, опухшее лицо посинело. Он болезненно чихал.

Его маленькие злобные глазки оглядели Сэма.

— Хорошо, — сказал он. — Входи, сынок.

Комната была грязной. Старик в постели пыхтел, ворочался и старался приподняться. В конце концов он отказался от этой невозможной затеи и снова лег, глядя на Сэма.

— Дай выпить, — попросил он.

Сэм нашел на столе бутылку и откупорил ее. Старик пил с жадностью. На обвисших щеках появился румянец.

— Женщина никогда не делает, как я велю, — пробормотал он. — Что тебе нужно?

Сэм удивленно рассматривал его. Чудовищное существо казалось таким же бессмертным, как и сами бессмертные. Но это был особый тип бессмертия, которого не пожелает ни один здравомыслящий человек. Сэм с уважением подумал, что старику должно быть уже более ста лет.

Он подошел и отнял у Слайдера бутылку.

— Сначала ответьте на несколько вопросов.

— Бутылка... Дай сюда.

— Когда скажете то, что мне нужно.

Слайдер пошарил руками в грязной постели. В его руке появился игольчатый пистолет. Ствол был нацелен на Сэма.

— Дай мне бутылку, сынок, — негромко повторил Слайдер.

Сэм пожал плечами и отдал бутылку. Старик не потерял своей хватки. Кажется, он все-таки нашел нужное место.

— Слайдер, вы знаете, как давно мы с вами не виделись?

— Очень долго, сынок. Долго. Тридцать... нет, почти сорок лет.

— Но... вы узнали меня. Я не изменился. Я не постарел. А вы даже не удивились. Вы должно быть что-то знаете об мне, Слайдер. Где я был?

Утробный смех потряс громоздкое тело. Кровать заскрипела.

— Думаешь, ты реален? — спросил Слайдер. — Не будь дураком! Я сплю, — он протянул руку и коснулся разноцветного шара размером с мужской кулак. — Вот он, сынок. Зачем испытывать боль, когда есть Оранжевый Дьявол?

Сэм подошел поближе, разглядывая оранжевый порошок в шаре.

— Ана, — сказал он.

Слайдер смотрел на него своими маленькими пронизательными глазками. Взгляд его несколько прояснился.

— Ты реален, — пробормотал он. — Да, должно быть. Что ж, сынок, я удивлен.

Сэм смотрел на оранжевый порошок. Он знал, что это такое. Да. Сильный наркотик, ослабляющий связи между объективным и субъективным, так что образы, созданные воображением, становились почти осязаемыми. Надежда, на мгновение появившаяся у Сэма, исчезла.

Нет, он не сможет узнать у Слайдера, где провел сорок лет.

— Что с тобой случилось, Сэм? — спросил Слайдер. — Ты давно должен быть мертв.

— Последнее мое воспоминание — сонный порошок, брошенный мне в лицо. Это было сорок лет назад. Но я не изменился!

— Сонный порошок не сохраняет молодость.

— А что сохраняет? Что могло меня сохранить — так?

Кровать снова затряслась от громового хохота.

— Родись от правильных родителей — проживешь тысячу лет!

— Что? — неожиданно Сэм понял, что дрожит. До сих пор у него не было возможности подумать как следует. Он проснулся, он молод, в то время как должен быть стар — следовательно, он бессмертен. Но как и... почему, он еще не мог понять. Из какого-то подсознательного источника он черпал уверенность, что ему, подобно длинноногим и длинноруким бессмертным, принадлежат тысячелетия. Но до сих пор все бессмертные были стройны, высоки, красивы...

— Ты всегда был лыс? — неожиданно спросил Слайдер. В ответ на утвердительный кивок Сэма он продолжал: — Должно быть, детская болезнь. А, может, и нет. Когда я тебя впервые увидел, у тебя было несколько маленьких шрамов здесь и здесь. Теперь, я вижу, они почти исчезли. Но Слайдер не дурак, сынок. Я слышал кое-какие разговоры когда-то — но не связывал их с тобой. Была женщина-медик, она сделала операцию ребенку и в награду получила «Плащ счастья».

— Что за операция?

— Главным образом железы. Это дает тебе что-то?

— Да, — сказал Сэм. Голос у него стал хриплым. Горло пересохло, кровь толчками стучала в висках и в горле. Он сделал два шага вперед, подобрал пластиковый стул и ударил им о колено. Прочный пластик разрезал ему руки, оставив синяк на колене, и Сэму стало немного легче. Со страшным усилием он обуздал свой гнев. Сэм осторожно поставил стул и посмотрел Слайдеру в лицо.

— Я бессмертный, — сказал он. — Вот оно что. Я рос бы как они, если... если бы кто-то не пустил в ход медицину. Кто платил ей?

Огромный сейсмический толчок потряс кровать.

— Никогда не слышал, — Слайдер уже ревел. — Дай мне выпить!

— Вы уже выпили всю бутылку, — заметил Сэм. — Забудьте о бессмертии. Мне нужно кое о чем позаботиться. Я пришел к вам по другому поводу. У вас сохранились ваши связи, Слайдер?

— Сохранились, — ответил Слайдер, опрокидывая бутылку.

Сэм показал ему ящик, отнятый им у дон Мэлларда.

— Это кориум. Мне нужно две тысячи кредитов. Все, что сверху — вам. Можете вы его продать так, чтобы не выследили источник?

— Грабеж? — спросил Слайдер. — Лучше назови мне имя, чтобы я мог сориентироваться.

— Дон Мэллард.

Слайдер хихикнул.

— Конечно, сынок, устрою. Включи визор. Вот так.

— Я тороплюсь.

— Возвращайся через час.

— Хорошо. Еще одно. Только вы знаете, что я молод. — Сэм достал из кармана бороду и прицепил ее.

— Понятно. Доверяй Слайдеру, сынок. Мы увидимся через час. Сэм вышел.

В больнице ему придется назваться. Неужели в нем узнают деятеля колонии прежних лет? Кто-нибудь может узнать. Снимок его глазного дна сохранился в архиве, а, может, и другие данные. Средний человек, увидев Сэма и заметив в нем что-то знакомое, может отнести это за счет случайного совпадения. Но в больнице он будет находиться под более тщательным наблюдением. Слишком тщательным, чтобы пытаться сохранить внешность восьмидесятилетнего старика. Это ясно.

Неожиданно Сэму пришло в голову, что может существовать человек очень похожий на него, и в то же время соответствующий по возрасту. Его собственный сын.

Правда, у него нет сыновей. Но он мог бы их иметь. И все знают, что приземистый плебей не может быть бессмертен. Значит, объяснится и его молодой вид. Он сможет сохранить свою драгоценную тайну и с минимальной маскировкой выдать себя за сына Сэма Рида.

Имя? Из глубины своего всепоглощающего чтения, занявшего в свое время годы, теперь казавшиеся ему часом, он извлек воспоминание о пророке Самуиле, старшего сына которого звали Джозель.

Хорошее имя. Не хуже других. Итак, он Джозель Рид.

Два часа спустя он стоял в приемной больницы, окаменевший от удивления, способный только смотреть, а в мозгу шла напряженная работа. Неожиданность была слишком велика. Он мог лишь стоять, тупо повторяя:

— Что? Что вы сказали?

Молодой человек за столом нетерпеливо повторил:

— Мы выписали вас сегодня утром, как вылечившегося.

Сэм открыл рот и снова закрыл. Ни звука не вырвалось оттуда.

Молодой человек задумчиво рассматривал его.

— Амнезия? — предположил он, — Вряд ли, но... хотите повидаться с врачами?

Сэм кивнул.

— Шесть недель назад, — спокойно объяснили ему, — вас доставил сюда человек, назвавшийся Эвансом. Он не оставил своего адреса, сказал, что он приезжий и остановился в одном из отелей. Можете попытаться отыскать его. Плата за лечение была перечислена до вашего появления анонимно. В момент поступления к нам вы находились в хорошем физическом состоянии. — Врач просмотрел лежавшие перед ним записи. — По-видимому, к вам уже применяли соответствующее лечение в период вашего сна. Сегодня утром вас выписали. Вы казались

совершенно нормальным. За вами явился человек — другой, хотя он назвал то же имя. Вот и все, что я могу сказать вам, мистер Рид.

— Но, — Сэм задумчиво потер лоб, — почему я забыл? Что это значит? Я...

— К несчастью, на подпольном рынке существует немало средств, вызывающих амнезию, — сказал врач. — Но вы вышли отсюда в хорошем костюме, с сотней кредитов в кармане. Очнулись вы с ними?

— Нет, я...

— Вероятно, вас ограбили.

— Да, я... Конечно, так оно и было.

Сэм думал о том, как много существует возможностей, чтобы лишить человека сознания — горсть пыли в лицо в каком-нибудь переулке, удар по голове.

Грабители редко заботятся о том, чтобы переодеть жертву в собственные лохмотья, но, за исключением этого, вся история была довольно правдоподобна.

Если не считать того человека, который ждал его пробуждения.

Он встал, все еще ошеломленный.

— Если бы вы дали мне адрес, названный человеком Эванса...

...Он стоял на узкой ленте пути, уносящей его из больницы. Адрес никуда не приведет — он знал это. Тот, кто организовал всю эту цепь чудес, должен был тщательно замести свои следы.

Кто-то кормил его сорок лет, пока он находился под действием сонного порошка. Захария Харкер знал многое. Сигнал подала Кебра Уолтон, но за ней стоял Захария.

Голос Иакова, но рука Исаака.

Неужели Харкер следил за ним сорок лет?

Или Кебра? Кто-то, по словам доктора из больницы, выполнил это дело хорошо. Кто-то заплатил за его окончательное излечение и — ограбил и раздел. Так что, очнувшись, он имеет столько же, сколько имел, когда родился.

Даже меньше — у него было наследство. Впрочем, этого права его окончательно и не лишили. И Сэм с неожиданным приливом гордости осознал, что если бы существовал Джоэль Рид, он стоял бы около отца на длинных стройных ногах, прекрасный и элегантный, как сам Захария — бессмертный не только по праву рождения, но и по внешности.

Он испытывал почти болезненное ощущение, думая о раскинувшихся перед ним годах. Но, вспомнив о Слайдере, он подумал о нем с новой временной перспективой, которая казалось почти пугающей. Подобное отношение он мог испытывать к кошке или собаке. Отныне у него всегда будет сознание кратковременности жизни обычного человека.

Неудивительно, что семьи образовали тесный союз. К кому можно испытывать чувство дружбы и любви без примеси жалости? Только к равному. Это древняя пропасть между богами и людьми.

Впрочем, текущих проблем это не решало. Его здесь терпят благодаря кому-то. Но кому? Если бы он только смог схватить за горло человека, ждавшего его пробуждения! Кто-то намеренно излечил его, вырвал из забвения и выпустил в лохмотьях, без единого пенни... Зачем? Чтобы проследить за тем, что он будет делать? Так мог бы поступить бог.

Захария? Он беспомощно оглядел толпы людей, заполняющих пути. Неужели за безразличием одного из них скрывается интерес к его поведению? Или неизвестный соглядатай устал и отпустил его на свободу?

Что ж, со временем он узнает это. Или не узнает никогда.

Один из великолепных результатов последних нескольких часов находился у него в кармане — две тысячи кредитов. Первый шаг сделан. Теперь нужно решить несколько загадок, выяснить несколько деталей своего бессмертия!

Он запретил себе думать об этом. Мозг его отшатывался от бесконечной сложности, от фантастических перспектив его новой удлинненной жизни.

Он сосредоточился на двух людях, рассказавших ему о человеке по имени Эванс — который доставил его в больницу, а затем забрал оттуда. Надо попросить Слайдера организовать расследование. Здесь Слайдер тоже будет полезен. Остальное придется делать самому.

В горле у него было сухо. Он рассмеялся про себя. Это не псевдожажда, вызываемая сонным порошком. Он обманулся. Вода в любой момент утолила бы его жажду, но он не позволил себе поверить в это. Сойдя с пути, он направился к ближайшему общественному центру помощи и пил холодную свежую воду, пока не мог уже сделать ни глотка.

Он смотрел на сверкающие пути, на громаздящиеся за ними здания, мерцающие огнями, и что-то внутри него начало расширяться, расти и расти, пока, казалось, башня не сможет вместить этой огромной обширности. Он посмотрел на купол из империума, представил над ним мелкое море, облака и свод неба, которое никогда не видел. Так много нужно сделать. И не нужно торопиться. У него есть время. Все время в мире.

Время убивать.

Кости его были полны греха его юности, который будет лежать с ним в пыли. Злоба сладка для его рта...

Иов.

Оторванный от созерцания города, он оказался в руках двух человек в мундирах, сошедших за ним с платформы пути. Мундир не изменился.

Это была особая правительственная полиция, и Сэм раньше, чем было произнесено хоть слово, знал, что спорить бесполезно.

Сэм был даже доволен, когда один из этих двоих показал ему значок и сказал:

— Пройдемте с нами.

Наконец-то сделан хоть один осязаемый шаг. Возможно, сейчас он получит ответы на некоторые из мучивших его вопросов.

По самой быстрой ленте пути они направились к центру башни. На них с любопытством поглядывали. Сэм держался за перила, чтобы сохранить равновесие. Он смотрел вперед, туда, куда они направлялись.

Бессмертные в каждой башне жили в группе высоких разноцветных зданий, построенных в центре города и окруженных кольцом стен и садов. Полиция привела Сэма прямо к помещению семьи Харкеров. Сэм не удивился. Казалось невероятным, чтобы Захария, приказавший убить его сорок лет назад, позволил бы ему находиться без присмотра в следующие сорок лет. С другой стороны, казалось невероятным, чтобы Захария вообще позволил ему жить. Сэм пожал плечами. Он скоро узнает правду.

Его провели через маленькую дверь в задней стене самой высокой башни по прозрачной пластиковой лестнице, под которой к находившимся внизу садам стремился поток серой воды. Красные и золотистые рыбы плавали в воде, тянулись нити водорослей.

У основания лестницы ждал маленький позолоченный лифт.

Полицейские впустили его внутрь и, ни слова не говоря, закрыли за ним дверь. Сквозь стеклянную дверь были видны их скользящие вниз бесстрастные лица — и вот он остался один в слегка покачивающейся кабине, поднимавшейся к верхним этажам резиденции Харкеров.

Стены лифта были покрыты зеркалами. Сэм привык к себе в роли Джозля Рида, и чувствовал себя глуповато, раздумывая, знает ли тот, кто ждет его наверху, что он — Сэм Рид? Маскировка хороша. Он не выглядит точно так же, как его предполагаемый отец, но естественное сходство очень велико...

Давление на подошвы Сэма увеличилось: лифт замедлял движение. Он остановился, дверь открылась, и Сэм оказался в длинном зале, стены и потолок которого представляли собой сплошной шелест листьев. Зал освещался искусственным дневным светом из гидропонных бассейнов, над полом тянулись стволы, образуя непрекращающийся туннель над головой. От легкого ветерка раскачивались цветы и плоды. Для выросшего в башне человека все это было экзотично сверх всякой меры.

Сэм осторожно пошел по молчаливому залу, слегка отшатываясь от листьев, задевавших его лицо. Как и все жители Венеры, он боялся опасной жизни ее поверхности и не доверял ей.

С противоположного конца зала доносилось неприятное журчание и всплескивание падающей воды. На пороге другой комнаты, у решетки, Сэм остановился в изумлении.

Комната тоже была необычна. Растительные стены были сплошь покрыты цветами, от которых исходил тяжелый аромат. Пол комнаты был покрыт водой. Голубоватой водой на глубину примерно в один фут. В ее поверхности отражались цветы; некоторые из них плавали в ней. Крошечные рыбки мелькали среди плавающих листьев.

В голубой воде неподвижно висели несколько медуз, шевеля своей опасной бахромой.

Филигранный стеклянный мостик, необыкновенно хрупкий на вид, шел через бассейн. Один его конец находился у ног Сэма, другой оканчивался у низкой платформы, покрытой подушками. Среди подушек лежала женщина, опершись на руку, другая рука была опущена в воду. Волосы закрывали ее лицо. Их концы завивались. Волосы были бледного зеленовато-золотистого цвета.

Сэм узнал ее. Длинные линии тела Кедры Уолтон, ее ленивые движения, форма головы и рук — все это нельзя было не узнать, хотя лицо и было закрыто.

Почему она здесь, в башне Харкеров, и почему она вызвала его?

— Кедр? — сказал Сэм.

Она подняла голову. На мгновение голова Сэма закружилась. Она одновременно и была Кедрой, и не была ею. То же узкое длинное презрительное лицо с затемненными глазами и таинственным египетским ртом... но другая личность смотрела на него. Злобная, неуравновешенная, — подумал он сразу, уловив в ее глазах блеск.

— Нет, я Сари, — ответила бледноволосая женщина, улыбаясь своей зловещей улыбкой. — Кедр моя бабушка, помните?

Он помнил Сари Уолтон, прижавшуюся к плечу Захария Харкера когда-то давно, когда Захария говорил с ним об убийстве Робина Хейла. Сэм тогда едва заметил ее. Он быстро порылся в памяти — первое, что ему бросилось в глаза — антагонизм. Антагонизм между Сари и Кедрой, скрытый, но мощный. Вот что он понял, когда две прекрасные женщины посмотрели друг на друга.

— И что это значит? — сказал он. Он хорошо знал это. Джоэль Рид не мог помнить сцену, в которой участвовал Сэм Рид. Значит, она знает, кто он. Значит, знает и то, что он бессмертный.

— Идите сюда, — сказала Сари, подзывая его жестом своей белой руки, с которой капала вода. Она села среди подушек, подогнув ноги; Сэм с сомнением посмотрел на стеклянный мостик.

— Он вас выдержит. Идите. — Голос ее звучал насмешливо.

Мостик выдержал, хотя и отвечал слабым звоном на каждый его шаг. По знаку Сари Сэм с сомнением сел рядом с ней на подушку, держась напряженно, всем своим видом отвергая эту экзотическую обстановку.

— Как вы меня нашли?

Она рассмеялась, склонив на бок голову, так что зеленовато-золотистые волосы закрыли ее лицо, как вуаль. Что-то в ее взгляде и ее смехе совсем не понравилось ему.

— Кебра следила за вами все прошедшие сорок лет, — сказала она. — Думаю, вас обнаружили по запросу в архив. Кто-то затребовал снимок вашей сетчатки. Во всяком случае, вас нашли.

— Почему здесь нет Кебры?

Она снова рассмеялась.

— Она не знает. Вот почему. Никто не знает, кроме меня.

Сэм задумчиво рассматривал ее. В глазах ее был вызов, в поведении — непредсказуемая капризность. В прежние дни он знал одно решение таких проблем. Быстрым движением он схватил ее за руку и рванул так, что она утратила равновесие и гибким движением упала на колени; изогнувшись, невероятно гибкая, она рассмеялась.

Какая-то мужская агрессивность и уверенность были в том, как она взяла его голову в руки. Он позволил ей сделать это, но поцеловал свирепо, а затем оттолкнул и посмотрел на нее.

Она снова рассмеялась.

— Кебра вовсе не глупа, — сказала она, проводя пальцем по его губам.

Сэм вскочил, пнул подушку. Ни слова не говоря, он ступил на звенящий мостик и направился к выходу. Краем глаза он видел змеиное движение, с которым встала Сари Уолтон.

— Вернитесь, — сказала она.

Сэм не обманывался и не оборачивался. И тут же услышал слабый свист и почувствовал волну жара от выстрела игольчатого пистолета. Он мгновенно, чтобы не вызвать второго выстрела, остановился, не решаясь шевельнуться. Второй выстрел ожег ему ухо. «Слишком хороший выстрел», — подумал Сэм. Не поворачивая головы, он сказал:

— Ладно, я возвращаюсь. Бросьте оружие.

Послышался тупой стук о подушку, Сари негромко рассмеялась. Сэм повернулся и пошел к ней.

Подойдя, он наклонил голову и взглянул ей в глаза. Она ему не понравилась. Ему ничего в ней не нравилось, и меньше всего — самоуверенная агрессивность, испокон веков скорее присущая мужчине, чем женщине. Она выглядела такой хрупкой — как стеклянный мостик, и такой женственной, но она была бессмертной, и мир принадлежал ей и

ее племени. Многие годы жизни позволили ей утвердиться в самоуверенности и злобности.

Или... возможно ли? Сэм задумчиво прищурился. У него начала формироваться мысль, на мгновение затмившая все остальные. В противоположность Кедре, это прекрасное хрупкое создание казалось удивительно незрелым. Вот оно — незрелость. Вот объяснение ее капризности, ее злобности, которую Сэм ощутил — и понял, что у бессмертных зрелость достигается в очень позднем возрасте. Вероятно, он сам далек от зрелости, но ранние испытания закалили его и придали черты взрослого.

Но Сари — защищенная, имеющая доступ к любым удовольствиям, обладающая почти божественной властью — неудивительно, что она кажется непостоянной, неуравновешенной. Вероятно, она никогда не станет уравновешенной, подумал Сэм. Ей никогда нельзя будет доверять. Но она уязвима, и уязвима больше, чем думает. И тут же в мозгу Сэма начал оформляться план, как использовать слабость противника.

— Садитесь, — сказал ей Сэм.

Она подняла руки над головой и сорвала плод, похожий на виноградную гроздь. Ягоды были почти прозрачны, в крошечных шариках виднелись голубоватые семена.

Сари улыбнулась и опустила с колени с гибкостью кошки, как будто у нее совсем не было костей.

Сэм посмотрел на нее сверху вниз.

— Ладно, — сказал он. — Почему именно вы вызвали меня сюда? Почему не Кедра?

Сари положила в рот бледный прозрачный шарик и раскусила его, выплюнув затем синие семечки.

— Кедра не знает. Я уже говорила вам, — она посмотрела на него из-под густых ресниц. Глаза у нее были несколько светлее, чем у Кедры. — На этой неделе она в башне Невада.

— Вы известили ее?

Сари покачала головой, слегка взмахнув своими роскошными невероятными волосами.

— Никто, кроме меня, не знает. Я хотела вас видеть. Если бы Захария знал — он был бы в ярости. Он...

— Захария приказал усыпить меня сонным порошком, — нетерпеливо прервал ее Сэм, желая прояснить ситуацию. — Была ли Кедра с ним?

— Захария приказал отравить вас, — поправила Сари с улыбкой. — Он думал, что вы умрете. Кедра возражала. У них из-за этого была ужасная ссора. — Казалось, что она наслаждается этим воспоминанием. — Кедра настояла на сонном порошке, — сказала она, спустя мгновение. — Никто

не понял, почему. От вас для нее не было пользы — ни от живого, ни от мертвого, ни от молодого, ни от старого...

Голос ее затих; она сидела, сжимая в руке прозрачный плод и не двигалась. У Сэма возникло ошеломляющее подозрение; он опустился перед ней на колени, поднял ей голову и заглянул в ее глаза.

— Наркотик! — негромко сказал он. — Будь я проклят! Наркотик!

Сари захлебнулась смехом, потерлась о его плечо лбом, в глазах ее появился странный блеск, безошибочно указывавший на ее порок.

Это объясняло многое: ее неуравновешенность, непонятное равнодушие, тот факт, что она еще не осознала удивительной молодости Сэма.

«Как странно, — подумал он. И как знаменательно: оба человека, которые помнили его, жили во власти наркотических иллюзий».

Сари оттолкнула его. Она положила фрукт в рот, выплюнула семечки и улыбнулась ему злорадной усмешкой, за которой ничего не скрывалось. Да, его необъяснимая молодость не удивляла ее. Она привыкла видеть вокруг себя десятилетиями неизменяющиеся лица. И под влиянием наркотиков принимала все окружающее без вопросов. Но в любой момент в ее голове могло проясниться. А Сэму еще нужно было узнать очень многое.

— Кедр заменила яд сонным порошком, — сказал он. — Приказала ли она следить кому-либо за мной после этого?

— Она хотела — и Захария приказал. Но когда ее люди отправились на поиски — вы исчезли. И с тех пор о вас ничего не было известно. Где вы были, Сэм Рид? Я думаю, вы мне нравитесь, Сэм. Мне кажется, я понимаю, почему Кедр хотела отыскать вас и вылечить. Я...

— Что вы делаете здесь, в доме Харкерров?

— Я здесь живу, — рассмеялась Сари, но в смехе ее звучала какая-то неприятная нотка. Она неожиданно сжала гроздь плодов в своей узкой руке. — Я живу здесь с Захарией. Но он хочет Кедру. А когда не может ее иметь, довольствуется мною. Мне кажется, я когда-нибудь убью его. Она вновь улыбнулась, и Сэм подумал, а знает ли Захария о ее чувствах, и о том, что она — наркоманка? Он сомневался в этом. Эта комбинация взрывоопасна.

Он начал осознать, какая возможность открывается перед ним, но позже знакомые сомнения охватили его...

В конце концов, какие это возможности? Что открывается за событиями, происшедшими с ним после пробуждения? Есть ли разумное объяснение появлению наблюдателя в переулке? Тот человек знал, что происходит.

— Почему вы послали за мной? — спросил у женщины Сэм.

Сари опустила руку в воду, чтобы смыть сок. Он дважды задал свой вопрос, прежде чем она его услышала. Посмотрев на него, она улыбнулась своей отсутствующей улыбкой.

— Я любопытна. Все время слежу за частными сыщиками Кедры. Она не знает. Когда я услышала, что они обнаружили вас... я подумала, что смогу вас использовать. Против Кедры и против Захария. Я пока еще не решила. Потом подумаю. Но сейчас я думаю о Захарии. И о Харкерах. Я ненавижу Харкеров, Сэм. Всех Харкеров. Даже себя ненавижу, потому что я наполовину Харкер. Да, думаю, я использую вас против Захария.

Она наклонилась вперед, задев зелено-золотистыми волосами лицо Сэма, и сказала, глядя ему в глаза из-за густых ресниц:

— Вы ведь тоже ненавидите Захария, Сэм. Должны ненавидеть. Он хотел вас отравить. Как вы думаете, что больше всего ранит его? Теперь, когда Кедр знает, что вы живы и молоды... Молоды? — в кратковременном раздумье ее брови сдвинулись. Но эта тема требовала умственных усилий, а она не была способна на них. Мозг ее сейчас мог работать лишь на самом примитивном уровне, автоматически, без сознательных усилий.

Неожиданно она откинула голову и рассмеялась.

— Как замечательно! Я накажу их обоих! Захария будет ждать, пока вы не наскучите Кедре, теперь, когда вы снова живы. А Кедр не сможет получить вас — она не знает, где вы. Вы можете спрятаться, Сэм? Куда-нибудь, где вас не найдут люди Кедры? О, пожалуйста, Сэм, спрячьтесь! Ради Сари. Сари будет так счастлива.

Сэм встал. Мостик музыкально звенел под его ногами в сопровождении смеха Сари. В лицо ему дул ароматный ветерок, когда он шел по решетчатому залу. Лифт ждал там, где он его оставил. Когда он вышел из лифта, внизу никого не было. Он прошел над потоком и вышел на улицу.

Как в тумане, вступил он на ближайший путь и позволил везти себя куда угодно.

Происшествие имело все качества сна, и ему пришлось убеждаться в его реальности. Но сознание счастливой возможности не оставляло его.

У Харкеров есть уязвимое место, о котором они даже не подозревают — Сари. А за нею скрывается еще большая слабость, если Сари действительно Харкер.

Она явно ненормальна. Наркомания и незрелость лишь частично объясняют неуравновешенность, которая составляет самую сущность ее натуры. Это открывало новые горизонты перед мыслями Сэма. Значит, даже бессмертные уязвимы, даже в их наследственности **есть** слабые места.

Есть два возможных пути, на которых он сможет подстеречь Харкеров. Оба пути требуют дополнительного изучения. Этим можно заняться позже.

Самое важное сейчас — скрыться. И чем больше Сэм размышлял, тем больше он склонялся к тому, чтобы посетить колонию, где правит Робин Хейл.

Джозель Рид? Никто не знает о Сэме, кроме Сари. Надо действовать побыстрее.

Так он и поступил.

Самое удивительное в колонии заключалось в том, что она не могла находиться на дне моря.

Ни разу после отъезда из башни над головой Сэма не было открытого неба.

Вначале — империумный купол башни и миля воды над ним. Потом — самолет с его обшивкой из металла и пластика. Затем — большие шлюзы колоний с приспособлениями для борьбы с инфекцией — ультрафиолетовым излучением, распылителями кислоты — и вот он стоит на почве Венеры, над головой его прозрачный империумный купол отбрасывает радужные отражения, когда его освещает выходящее из-под толстого слоя облаков солнце. Воздух был тот же самый. В атмосфере Венеры мало кислорода и много двуокиси углерода; она пригодна для дыхания, но не очень приятна. Здесь, под куполом, ингредиенты атмосферы тщательно сбалансированы. Конечно, это кажется необходимым, как кажется необходимым и купол, для защиты от плодovitого безумия, заполнявшего поверхность Венеры. Флора и фауна тянулись к свету, убийственно пуская корни, рассеивая семена, производя детенышей в окружающей среде, настолько плодотворной, что она сама себя выводила из равновесия. На берегу стоял старый форт — крепость вольного товарищества Думпен. Она была переоборудована. И тоже была покрыта империумом — большим куполом в четверть мили в диаметре. Тут и там располагались небольшие домики без всяких попыток планировки. Дома были всех форм, размеров и цветов. Не было излишеств. На всей колонии лежал чуть заметный отпечаток потертости.

Открытой земли под куполом не было видно. Вся поверхность была покрыта пластиком. Защита от растительности? Возможно. В больших гидропонных бассейнах росли сады, несколько резервуаров содержали стерилизованную воду и почву. Люди неторопливо работали. Похоже на систему.

Сэм пошел по дороге, следуя за знаком с надписью «Администрация». Слабая агрофобия преследовала его. Всю жизнь он провел под прозрачным куполом, зная о лежащей сверху толще воды. Теперь сквозь

прозрачный купол пробивались лучи солнца, и это освещение не было искусственным, хотя казалось плохой имитацией ламп дневного света в башнях.

Мозг Сэма напряженно работал. Он тщательно рассматривал все увиденное, оценивая и классифицируя факты и впечатления в ожидании момента, когда все это понадобится. На время он отодвинул в сторону Сари и Харкеров.

Пусть эти идеи созревают. Самый важный вопрос теперь — кто предстанет перед Робинотом Хейлом? Сэм Рид или же его сын? Он не считал, что чем-то обязан Хейлу. Сэм никогда не мыслил такими категориями. Единственное, что его занимало — это вопрос: а выгодно ли это Сэму Риду? Колония все еще казалась многообещающей.

Девушка в розовом халате, склонившаяся к резервуару с растениями, взглянула на него, когда он проходил мимо. Любопытно было видеть, какое воздействие производит даже рассеянный солнечный свет на жителей поверхности. Кожа ее была кремовой, а не молочно-белой, как у Сари. У девушки были короткие каштановые волосы, глаза карие, отличающиеся от глаз жителей башни. Империйный купол тоже закрывал ее всю жизнь, но через него пробивался свет солнца, а к воротам рвались джунгли — голодные живые джунгли, а не мертвый вес морской зоды. По ее глазам было видно, что она сознает это.

Сэм слегка задержался.

— Где расположена администрация? — спросил он.

— Вам сюда, — у нее был приятный голос.

— Вам здесь нравится?

Она пожала плечами.

— Я здесь родилась. В башнях, должно быть, удивительно. Но я там никогда не была.

— Вы бы даже не заметили разницы — ее нет, — заверил ее Сэм и пошел дальше с беспокойными мыслями в голове. Она родилась здесь. Ей больше двадцати лет. Хорошенькая, но не совсем в его вкусе. И тут в голову ему пришла мысль, что если в ней есть хоть что-то от тех качеств, которые ему нравятся в женщинах, он может подождать ее дочери или внучки — если тщательно выбирать родителей. Бессмертный может выращивать людей, как смертный выращивает породу эlegantных кошек или беговых лошадей. Он подумал над этим, создавая себе гарем не только в пространстве, но и во времени. Должно быть, это прекрасно.

Губернатор колонии должен был быть занят. Однако не был. Через минуту после того, как Сэм сообщил свое вымышленное имя, дверь открылась, и он вошел в кабинет Робина Хейла.

— Джоэль Рид? — медленно произнес Хейл. Взгляд его был про-
ницательным, и Сэму потребовалось вся сила воли, чтобы встретить его
уверенно.

— Да, Сэм Рид был моим отцом.

— Садитесь.

Сэм смотрел на Хейла. Как будто они виделись вчера. Хейл очень
мало изменился, но не настолько мало, чтобы глазу было трудно это
уловить. Голос говорил об этом. Но это был все тот-же худой, загорелый,
спокойный человек, привыкший к терпению из-за лет, оставшихся позади
и столетий, лежащих впереди.

Изменение было временным, но от этого не менее реальным. Не
было спокойного энтузиазма в голосе и манерах, которые помнил Сэм.
То, к чему он стремился с такой надеждой, когда они расстались, теперь
осуществилось, но окончилось неудачей. Впрочем, это такой кратковре-
менный эпизод в жизни Хейла!

Робин Хейл помнил дни вольного товарищества, долгие военные
годы, времена несколько поколений назад, когда последние остатки
человечества были вольны заселять моря, либо смотреть в лицо опасно-
сти. Тогда это было дело, а не разбойничья романтика. Вольные товарищи
начали кочевую жизнь, и они были последними кочевниками перед тем,
как человечество ушло в убежище башен, в подводную оцепенелость.
Башни стали могилой или маткой, — или и тем, и другим для людей
Венеры, которые начали свою жизнь, как дикие кочевники на Земле.

— Вы добровольец? — спросил Робин Хейл.

Сэм пришел в себя:

— Нет.

— Я не знал, что у Сэма был сын. — Хейл по-прежнему смотрел
на него спокойным задумчивым взглядом, который Сэму было трудно
выдержать. Неужели бессмертный знает ответ, умеет увидеть правду,
несмотря на его маскировку? Возможно. Но к нему это не относится.
Он еще не стал бессмертным в том смысле, как эти — он не привык к
взгляду долгоживущего, не узнал еще жизнь так, как они.

— Я сам до последнего времени не знал этого, — сказал он. —
После скандала с колонией моя мать сменила фамилию.

— Понятно, — голос у Хейла был уклончивым.

— Знаете ли вы, что случилось с моим отцом?

Это был опасный поворот. Если Хейл скажет: «Да, вы Сэм Рид»
по крайней мере исчезнет неопределенность. Но Хейл не сказал этого.
Впрочем это не означало, что он не узнал Рида.

Вольный товарищ покачал головой.

— Он был усилен сонным порошком. Думаю, сейчас он мертв. У
него было много врагов — особенно после скандала.

— Я знаю. Вы... вы должны быть одним из них.

Хейл снова покачал головой, слегка улыбнувшись. Невозможно любить или ненавидеть эфемерных короткоживущих. Временное раздражение — вот самое худшее, что они могут вызвать. Тем не менее, Сэм не собирался открываться. У олимпийцев есть божественная прерогатива — быть непредсказуемыми. Зевс бросал свои молнии, повинаясь случайным порывам.

— Это не была вина Сэма Рида, — сказал Хейл. — Он не мог не стать мошенником. Это у него врожденное. И, во всяком случае, он был только орудием. Нет, я не ненавижу Сэма Рида.

Сэм глотнул. Что ж, он сам напрашивался на это. Он решительно перешел к следующему пункту.

— Мне нужен ваш совет, губернатор Хейл. Я лишь недавно узнал, кто я. Я знаю, что мой отец был мошенником и банкротом, но правительство отыскало его следы и оплатило все его долги — верно?

— Верно.

— Он ничего не оставил мне — даже имени. Но я произвел расследование. Существует ценное имущество, которым обладал мой отец перед тем, как уснул, и которое не могло быть отобрано у него. Документы на землю. Сорок лет назад правительство выдало ему патент на центральные области Венеры, и этот патент до сих пор сохраняет силу. Я хочу знать, стоит ли он сейчас хоть что-нибудь?

Хейл постучал пальцем по столу:

— Почему вы пришли ко мне?

— Отец был с вами, когда началась колонизация. Я считал, что вы знаете. Вы должны это помнить — вы ведь бессмертный.

Хейл сказал:

— Я, конечно, знал об этом патенте. И пытался перехватить его. Но он был на имя вашего отца. А такие патенты не подлежат отмене. У правительства есть для этого причины. Колонии на Венере полностью зависят от башен, и в случае необходимости их легко отрезать от источников снабжения. Значит, вы унаследовали этот патент.

— Он чего-нибудь стоит?

— Да. Харкеры немало заплатят вам за сокрытие этой информации.

— Харкеры? Почему?

— Чтобы я не смог основать новую колонию, — сказал Хейл, и руки его, лежавшие на столе, медленно раскрылись. — Вот почему. Я основал эту колонию после того, как ваш отец... после того, как он исчез. Я пошел вперед. Начинали мы с маленькой группой тех, кто верил в меня. Мало кто из них осталось в живых. Жизнь тут вначале была нелегкой.

— Сейчас она не кажется такой, — заметил Сэм.

— Сейчас? — Она и есть не такая. Колония ослабла. Но видите ли... Харкеры пытались мне помешать основать колонию — и не смогли. А после того, как колония появилась, они не посмели дать ей погибнуть. Они ведь тоже хотят со временем колонизировать Венеру и не желают, чтобы психологический эффект от гибели нашей колонии помешал им. Они не хотят, чтобы мы погибли, но и не дают нам двигаться вперед. И вот...

— Вот?

— Истощение. Мы тяжело трудились в первые годы. Мы не победили джунгли, но мы положили начало. Мы расчистили место и построили колонию. Мы сражались за каждый шаг, и джунгли пытались отбросить нас назад. Но мы продолжали идти вперед. И когда мы были готовы основать новую колонию, Харкеры помешали нам.

Они лишили нас снабжения.

Они лишили нас добровольцев.

В соответствии с договором, мы должны давать ежегодную прибыль. Иначе правительство имеет право взять руководство колонией в свои руки. Они не смогли отстранить меня, но зато смогли сделать так, чтобы колония не давала прибыли. Вот что они сделали тридцать лет назад. С тех пор правительство распоряжается здесь, поддерживая статус кво.

Они управляют. Они дают нам ровно столько припасов, чтобы мы не погибли. Но этого недостаточно, чтобы мы смогли пойти вперед. Они не хотят, чтобы мы шли вперед из-за риска неудачи. Они хотят подождать, пока не будет никакого риска. А это время никогда не наступит.

Хейл смотрел на Сэма, и в его глазах разгорался гнев. Говорил ли он с Джоэлем или с Сэмом? Трудно сказать. Но он сказал, несомненно, больше, чем сказал бы случайному посетителю.

— У меня связаны руки, — продолжал Хейл. — Номинально я губернатор. Но здесь все остановилось. Если бы у меня был другой патент... если бы я мог начать другую колонию... — Он замолчал, глядя на Сэма из-под сдвинутых бровей. — Но мне не дадут патент. Понимаете теперь, как важен ваш патент. Харкеры немало заплатят вам за него.

Так вот в чем причина. Вот почему он так много сказал. Хейл кончил, но он не смотрел на Сэма. Он неподвижно сидел за своим столом и ждал. Но не просил и не спорил.

Что он мог предложить стоящему перед ним человеку? Деньги? Но Харкеры дадут больше. Участие в колонии? К тому времени, когда она начнет приносить прибыль, любой короткоживущий будет давно мертв.

Неожиданно Хейл сказал:

— Начну заново. Я не смогу вам много заплатить; могу взять патент взаймы — но прибыли придется ждать долго. Вначале потребуется очень

много денег. На Венере колонии должны расширяться. Это единственный путь. Теперь я знаю.

— А если вы потерпите поражение? Ведь тогда правительство снова приберет руководство к рукам, и все придется начинать сначала?

Хейл молчал.

Сэм задумчиво произнес:

— Вам понадобятся большие средства, чтобы начать новую колонию. Вы...

— Не спорю, — отозвался Хейл. — Я сказал вам, что Харкеры дадут больше.

Настала очередь Сэма помолчать. Десятки возможностей возникали в его мозгу — десятки возможностей раздобыть деньги, перехитрить Харкеров, развернуть пропаганду и сделать следующую колонию успешной, несмотря на противодействие. Он сумеет сделать это. Перед ним теперь все время в мире.

Хейл следил за ним, и через фантастическое усилие, с которым он говорил раньше, начала пробиваться надежда. Сэм снова удивился этому человеку. Со всей своей долгой жизнью, со всей своей зрелостью, которая была результатом жизненного опыта, он однажды обратился к Сэму Риду и готов был обратиться снова, а ведь Сэм Рид для него — короткоживущий, незрелый до степени детскости с точки зрения бессмертного. Хейл признавался, что его любимые детища потерпят неудачу, если ему не поможет этот короткоживущий человек с кошачьим кругозором.

Почему?

Смутная параллель с социальной историей Старой Земли пришла в голову Сэму. Когда-то Сэм вычитал теорию о том, что в давние времена на Земле монгольские орды были настолько обессилены своей быстрой экспансией, что уже больше не могли играть активную роль в истории. Со всеми ресурсами, которыми располагала их территория, народ сам по себе не в силах был что-либо сделать — если не появятся какие-либо люди с инициативой.

Возможно, то же самое произошло и с Робинотом Хейлом. Он был единственным живым человеком, который сражался вместе с вольными товарищами. Растратил ли он за эти суровые годы свою инициативность?.. Он располагал столетиями опыта, знаний, аккумулированной зрелости, но у него не было единственного качества, которое бы позволило все это пустить в ход.

Этим качеством в изобилии обладал Сэм. А вдруг он единственный им обладает?! У Хейла долгая жизнь, но нет воли для ее применения. У остальных бессмертных достаточно инициативы, но...

— Если мы будем ждать согласия семей, то время для действий никогда не наступит, — удивленно сказал вслух Сэм, как будто такая мысль никогда не приходила ему в голову.

— Конечно, нет, — Хейл был спокоен. — И, возможно, и сейчас уже слишком поздно.

Сэм едва слышал его.

— Они думают, что правы, — продолжал он, исследуя новую концепцию. — Но они не хотят перемен. Они будут ждать до тех пор, пока не поймут, что ждали слишком долго, и тогда, может быть, они будут даже слегка рады этому. Они консервативны. Люди у власти всегда консервативны. Любое изменение для них к худшему.

— Это относится и к населению башен, — сказал ему Хейл. — Что мы можем предложить им такого, что сравнилось бы с тем, что они имеют? Комфорт, безопасность, цивилизованная жизнь? А у нас — опасности, тяжелая работа и надежда через столетия создать такие условия, которыми они окружены сейчас под водой без всяких усилий. Никто из них не доживет до плодов своего труда, даже если они поймут необходимость изменений.

— Однажды они отозвались, — задумчиво напомнил Сэм. — Когда мой отец предложил первый план колонии.

— О, да, есть множество недовольных. И они понимают, что теряют. Но одно дело — говорить о романтике и приключениях, и совсем другое — испытывать реальные опасности и тяжесть работы. Этим людям не хватает толчка. Пионеры становятся пионерами потому, что условия дома невыносимы или потому, что условия в другом месте выглядят более обещающими или... если появляется Грааль, Святая Земля или что-нибудь в этом роде. Здесь дело идет о спасении человеческой расы, но не о ясной и видимой цели.

Сэм поднял рыжие брови.

— Спасение человеческой расы? — повторил он.

— Если колонизация не начнется теперь или в ближайшее время, она никогда не начнется. Наши запасы кориума станут слишком незначительными, чтобы поддерживать ее. Я говорил это снова и снова, пока эти слова автоматически не стали вылетать, как только я открываю рот. Через несколько столетий человеческая раса придет к своему концу в своих безопасных матках — башнях. Истощатся ресурсы, и истощится воля к жизни. Но семьи сопротивляются каждому моему ходу и будут сопротивляться, пока не станет совсем поздно. — Хейл пожал плечами — Старая история. Мне говорят, что в башнях даже и думать не хотят об этом.

Сэм искоса смотрел на него. В голосе бессмертного звучала уверенность. Он верил Хейлу. И хотя судьба человеческой расы не слишком

беспокоила Сэма, увеличение продолжительности жизни сделало для него жизненно важными следующие несколько столетий. К тому же у него были свои счета с Харкерами. А в проекте колонизации поверхности таились неисчислимые возможности, если им будет руководить такой человек, как Сэм Рид.

У него начали формироваться блестящие идеи.

— Патент ваш, — резко сказал он. — Теперь слушайте...

...Робин Хейл закрыл за собой избитую дверь административного здания и медленно пошел по пластиковой дорожке. Над головой тусклая серость венерианского дня на короткие мгновения освещалась вспышками синего неба и солнца, проходившими сквозь прозрачный империмный купол. Хейл поднял голову и слегка сморщил лицо от яркого света, вспоминая старые дни.

Немного впереди него человек в коричневом комбинезоне неторопливо копал мотыгой что-то на грядке из сверхплодородной почвы Венеры. Он двигался спокойно, может быть чуть степенно, но было видно, что работать ему нравится. Он поднял худое, с длинными челюстями лицо, когда Хейл задержался у плоского бассейна.

— Есть у вас минутка? — спросил Хейл.

Человек улыбнулся.

— Сколько угодно, — сказал он. — Что вас беспокоит?

Хейл поставил ногу на край бассейна и скрестил руки на колене. Старик удобно облокотился на мотыгу. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, и слабые улыбки на их лицах говорили о чем-то общем. Только они, одни из всех живущих, помнили жизнь под открытым небом, смену дня и ночи, солнца и луны, естественный ритм мира, не руководимого человеком.

Только Логист помнил день, когда почва под открытым небом была смертельным врагом человека. Только он мог спокойно ковырять почву мотыгой, зная, что она не враг ему. Для всех остальных сам вид почвы представлял опасность; видимую и невидимую, известную и неизвестную — ядовитые грибы, бактерии с неизвестными возможностями, удивительные насекомые и крошечные зверьки, которые вырывались из своих нор под ударами мотыги. Конечно, эта почва была обеззаражена, но условности умирают с трудом. Никто, кроме Логиста, не любил эти грядки с открытой почвой.

Хейл не очень удивился, когда подумал, что узнает эту тощую фигуру, работающую мотыгой. Было это несколько недель назад. Он остановился у грядки, отослав своих подчиненных, а старик распрямился и бросил на Хейла острый иронический взгляд.

— Вы не.., — с колебанием начал Хейл.

— Конечно, — Логист улыбнулся. — Мне давно нужно было явиться на поверхность, но хотелось закончить работу. Здравствуйте, Хейл. Как поживаете?

Хейл сказал что-то колкое. Логист засмеялся.

— Я привык к фермерской работе на Земле, — объяснил он. — Все время хотелось поработать. Сейчас я доброволец. Использовал собственное имя. Вы не заметили?

Хейл не заметил. Многое произошло с тех пор, как он побывал в Храме Истины и слушал голос, доносившийся из шара оракула. Глаз его не остановился на имени Бена Кроувелла, хотя списки добровольцев стали настолько редки в эти дни, что он мог процитировать их по памяти.

— Почему-то я не очень удивлен, — сказал он.

— И не должны. Мы с вами, Хейл, единственные оставшиеся в живых, кто помнит открытый воздух, — он принялся и неодобрительно взглянул на империумный купол. — Мы — единственные, кто знает, что это такое. Вам встречались другие товарищи?

Хейл покачал головой.

— Я последний.

— Ну., — Кроувелл ударил мотыгой случайный росток. — Я в любом случае должен был оказаться здесь. Но неофициально. На вопросы не отвечаю.

— Вы не отвечали и в замке, — с обидой напомнил Хейл. — За последние сорок лет я был у вас не менее десятка раз. Вы не дали мне ни одной аудиенции. — Он посмотрел на Логиста, и неожиданная надежда зазвучала в его голосе. — Что заставило вас явиться сюда сейчас? Что-то должно случиться?

— Может быть. Может быть, — Кроувелл вернулся к мотыге. — Всегда что-нибудь случается — раньше или позже. Если ждать достаточно долго.

И это было все, чего Хейл смог от него добиться.

Сейчас, рассказывая Логисту о случившемся, Хейл вспомнил этот разговор.

— Поэтому вы явились сюда? — спросил он, закончив рассказ. — Вы знали?

— Хейл, я не могу ответить на ваш вопрос.

— Вы знали?

— Ничего не выйдет. Вы забываете: каждое достоинство имеет свои отрицательные стороны. Я обладаю не непогрешимостью, а предвидением — да и оно подвержено ошибкам, — Кроувелл казался слегка раздраженным. — Я не бог. Перестаньте думать, как жители башен. Они готовы снять с себя всякую ответственность. Это самое плохое в сегодняшней жизни Венеры. Даже сам бог не может изменить будущее — и по-прежнему

знать, что происходит. В то мгновение, как он вмешивается, он вводит в уравнение новый случайный фактор.

— Но...

— О, я вмешивался один или два раза, — сказал Логист. — Даже убил однажды человека, потому, что знал — если он останется в живых, это принесет большие бедствия. И я был прав в том случае. Но я не вмешиваюсь, если не могу помочь. Когда я вмешиваюсь, я сам становлюсь случайным фактором, и, поскольку сам включаюсь в уравнение, мне уже невозможно представить его и себя целиком и со стороны. Я не могу предсказывать свои реакции — понимаете?

— Более или менее, — задумчиво сказал Хейл. — Но вы говорите, что вмешиваетесь, когда должны это сделать.

— Только в крайних случаях. И потом, старайтесь, чтобы события развивались естественно. Главное — сохранять равновесие. Если я делаю шаг вправо, равновесие сдвигается в этом же направлении. Поэтому я затем стараюсь сделать шаг в противоположном направлении — и икс остается равным иксу. Если я добавляю игрек с одной стороны — то стараюсь вычесть игрек с другой. Я согласен, что с того места, где вы сидите, это не кажется очень разумным, но с моего насеста — это совсем другое дело. Еще раз повторяю — я не бог.

Он помолчал, вздохнул и посмотрел на империумный купол, где виднелась полоска голубого неба, освещенного солнцем.

— Чего хочет Рид? — спросил он. — У него есть какие-то замыслы? Какие?

— Не знаю, зачем говорить вам, — раздраженно заметил Хейл. — Вы, вероятно, знаете об этом больше меня.

Логист слегка ударил кулаком по рукоятке своей мотыги.

— Я не могу сказать вам, что знаю — и по очень важным причинам. Однажды, может быть, я вам объясню. А сейчас мне бы хотелось знать, чего хочет молодой Рид.

— Мы посмотрели карты. Его патент охватывает территорию почти в триста миль, причем около ста миль приходится на морской берег. Я прежде всего проверил это, потому что там, на берегу, стоит один из фортов вольного товарищества. Это прекрасная база. Я помню, что это место выбрали из-за гавани. Цепь островов покрывает ее петлей, изгибаясь к западу.

Несмотря на самообладание, Хейл заговорил быстрее.

— Там не будет империумного купола над колонией. При колонизации мы будем адаптироваться. Невозможно иметь сбалансированную экологию, когда внутри одна атмосфера, а снаружи — другая. Но нам, конечно, будет нужна защита от поверхностной жизни. Я думаю, лучше всего нас защитит вода. Острова представляют собой естественные

каменные ступени. Мы, один за другим, будем брать их под контроль и переходить к следующим.

— Гм., — Логист задумчиво сморщил длинный нос. — Ну а что остановит семьи от тех же фокусов, при помощи которых они убили эту колонию?

Хейл закашлялся.

— Посмотрим, — сказал он.

...Даже наступление ночи имеет странное экзотическое очарование для выросшего в башне человека... Сэм сжимал ручки сиденья в самолете, несущем его обратно в башню Делавэр, и зачарованно смотрел на собиравшуюся над морем тьму. Атмосфера Венеры изменчива и коварна, самолеты летают здесь только по необходимости, да и то полеты их коротки. Поле зрения Сэма было ограничено, но он видел в надвигающейся тьме далекое сияние подводной башни. Этот свет появился из-под воды, и он ощутил необъяснимое эмоциональное тяготение; этот свет внизу был домом — безопасностью, удобством, музыкой, смехом. Колония, оставшаяся позади, казалась по контрасту безжизненным местом опасностей и поражений.

Так нельзя. Нужно подумать о чем-нибудь хорошем, чтобы противостоять унаследованным эмоциям, воспитанным жизнью в башнях. Пioneра должны окружать плохие условия, а впереди должен маячить святой Грааль или Золотой Город. Толчок плюс тяга, — подумал Сэм.

Успех потребует кориума, добровольцев-энтузиастов и согласия Харкеров, даже их поддержки. Пока ничего этого не было, а действовать нужно быстро. В любой момент к нему может вломиться частная полиция, и из тьмы небытия явится вдруг Захария Харкер. У него мало денег, нет друзей, кроме старика, умирающего от наркотиков и старости, — и даже его дружбу ему надо покупать.

Сэм негромко рассмеялся про себя. Он почувствовал удивительную уверенность. Он верил в успех...

— ...Первое, что я должен сделать, — сказал он Слайдеру, — это появиться перед публикой. Быстро. Так быстро, чтобы семьи не успели схватить меня. После этого станет ясно, что если я исчезну, то они ответственны за это дело.

Слайдер кряхтел и чихал. В маленькой комнатке было душно, но сравнительно безопасно. Пока Сэм остается здесь, в хорошо известном ему подпольном мире, ему не грозит опасность оказаться в крепости Харкеров. Но на этот раз мотивы его выступления должны быть совершенно другими.

— Дай мне выпить, — сказал в ответ Слайдер.

— У меня есть две тысячи кредитов, — заметил Сэм, пододвигая бутылку поближе. — И Хейл, возможно, наберет две тысячи. Вот с этого

и начнем. Подскажите, как их лучше истратить. Мне понадобится телевизионное время и хороший специалист по семантике. Когда начнем, деньги к нам пойдут. И на этот раз я не собираюсь прятать их в какой-нибудь крысиной норе. Я вложу их туда, где они принесут максимальные прибыли.

— Куда? — спросил Слайдер, протягивая к бутылке руку.

— Во флот, — угрюмо ответил Сэм. — Новая колония будет островной. Нам нужна подвижность. Придется сражаться с морскими животными, укреплять и заселять острова. Потребуется хорошие корабли, оснащенные мощным оружием. Вот на что пойдут деньги.

Слайдер присосался к бутылке и ничего не сказал.

Сэм не стал ждать, пока его пропаганда начнет действовать — не было ни времени, ни денег для осторожного начала, что предпочел бы Сэм. Продолжительная кампания искусно созданных песен: восхваляющих славу наземной жизни, открытое небо, звезды, смену дня и ночи — это конечно было бы лучше; модная пьеса и новая книга с умело подчеркнутыми мотивами облегчили бы дело. Но на это не было времени.

Робин Хейл в выступлении по телевидению объявил о создании новой колонии на основе частного патента. И смело, открыто, потому, что не было возможности скрыть что-либо, было объявлено о связи с этим планом Джозеля Рида.

Джозель с экрана открыто говорил об обмане своего отца:

— Я никогда не знал его, — сказал он, вкладывая в свои слова всю присущую ему убедительность. — Вероятно, многие из вас не поверят мне из-за моего имени. Я не хочу скрывать его. Я верю в свою колонию и не позволю ей потерпеть поражение. Думаю, большинство из вас поймет меня. Я не посмел бы явиться сюда под своим именем со всем его бесчестьем, если бы не верил в успех. Ни один человек по имени Рид не посмел бы испробовать одно и то же дело дважды. Если колония потерпит поражение, это будет означать и мое собственное крушение, но я знаю, что попытка будет успешной!

В его голосе звучало спокойное убеждение, а его энтузиазм передавался слушателям. Он назвал свое подлинное имя. Многие поверили ему. Поверило достаточное для его целей число слушателей.

Те же побудительные мотивы, которые сделали успешным план первой колонии, действовали по-прежнему. Люди чувствовали, как смыкаются над ними башни. Они стремились к утраченному наследию, и их стремление давало Хейлу и Сэму достаточно средств для удовлетворения их первоочередных потребностей. Остальные ждали, пока их не убедят.

Сэм действовал, чтобы убедить и их.

Харкеры, конечно, не бездействовали. И после первых часов изумления они тоже начали действовать, и очень быстро. Но преимущество

было не на их стороне. Они не могли открыто противостоять плану колонизации. Ведь считалось, что они за колонизацию. Они не могли позволить колонии исчезнуть на самом деле. Поэтому они могли лишь развернуть контрпропаганду.

Распространялись слухи о мутировавшей вирусной чуме, появившейся на поверхности; самолет, управляемый роботом, потерпел крушение на виду у телезрителей, разорванный на куски мощным атмосферным потоком. Все более усиливались толки об опасностях поверхности. Там слишком опасно!

И тут Сэм сделал следующий смелый шаг. Почти открыто напал на Харкеров. Он обвинил их в неудаче первой колонии.

— Действуют влиятельные круги, — заявил Сэм. — Которые хотят предотвратить колонизацию поверхности. Вы сами поймете почему. Все могут понять. Поставьте себя на место влиятельного человека, на место влиятельной группы. Если вы правите башней, разве вы не захотите, чтобы такое положение сохранилось? Неужели вы захотите изменений? Разве вы не будете предпринимать все, чтобы помешать людям, которые, подобно нам, предлагают освоение новых земель? — Сэм на экране наклонился, устремив на зрителей напряженный взгляд. — Разве вы не попытаетесь выбить из рук такого человека любой шанс? — Спросил он, уже ожидая, что его отключат, не дав договорить.

Но ничего не случилось. Возможно, техники были слишком ошеломлены. Возможно, даже Харкеры не решились открыто бросить вызов общественному мнению. Сэм продолжал, пока это было возможно:

— Я надеюсь, что продолжу работу на пользу новой колонии. Я работаю для себя, — да, но и для всех нас, кто не правит башнями. Пока я жив, я буду работать. Если завтра я вновь не выступлю с сообщением о наших новых планах, что ж, люди башен, вы поймете, почему.

Когда Сэм отключился, произнеся последние слова, на улицах башни Делавэр началось глухое гудение. Впервые за много десятилетий толпы вновь стали собираться у больших общественных экранов, и впервые в человеческой истории Вены слышался голос толпы с башенных путей. Этот звук внушал благоговейный страх — слабейший гул, гул скорее удивления, чем угрозы, но гул, который нельзя было игнорировать.

Харкеры слышали его. И ждали своего времени. У них было так много времени, они могли позволить себе ждать.

Итак, пока что частная полиция не угрожала Сэму. Он делал быстрые шаги в укреплении своей позиции. Ему нужно было найти более прочную поддержку против Харкеров, чем эта паутина, основанная на непредсказуемом поведении масс. Его единственным ключом была Сарн, Сарн

Уолтон, наполовину Харкер по крови и, несомненно, ненормальная психически. Почему? Сэм усиленно старался найти ответ на этот вопрос.

В архивах было очень мало материалов о бессмертных — только статистические данные, имена и краткие биографии. Конечно, благодаря своей долгой жизни, бессмертные избегали множества стрессов, которые приводили короткоживущих к неврозам. Но, может быть, их длительная жизнь вызывает новые стрессы, которые не может себе представить нормальный человек.

Сэм искал и думал, думал и искал. Он исследовал множество нитечек, но все они вели в тупик. Наконец, он обнаружил малоизвестный фактор, который выглядел многообещающим. Он не был окончательным, он лишь на что-то указывал. Но указывал на нечто любопытное.

Цикл воспроизводства бессмертных был очень любопытен. У них были периоды плодовитости, обычно разделенные интервалом от пятидесяти до семидесяти лет и охватывающие короткое время. Ребенок двух бессмертных всегда оказывался бессмертным. Но дети эти были очень слабыми. У них был очень высок уровень смертности, и большинство из них почти всю жизнь росли «под стеклом».

Сэм с интересом обнаружил, что во время рождения Сари Уолтон в семье Харкеров родился сын, мальчик по имени Блейз. Эти два ребенка были единственными выжившими потомками бессмертных башни Дела-вэр этого периода. И Блейз Харкер со временем исчез.

С увеличивающимся интересом Сэм изучал записи, отыскивая объяснения того, что случилось с ним. Даты смерти не было. Обычные записи об образовании, о различных обязанностях и предприятиях неожиданно обрывались примерно семьдесят лет назад. После этого ничего не было.

Сэм запомнил эти сведения с чувством глубокого возбуждения...

— ...Вот что нужно сделать, — сказал вольный товарищ, отступая на шаг прибора. — Вот, смотрите.

Сэм неуверенно пересек падающую палубу и склонился к окуляру. Он чувствовал себя полупьяным в необычной атмосфере, в движущемся корабле, ощущая на лице влажный ветер. Так много открытого пространства вокруг, — даже легкий ветерок вызывал тревогу; в башне ветер не то, что на поверхности.

Молочно-белая вода расстилалась вокруг них под молочным небом. На берегу большой остов разрушенного форта, казалось, пошатнулся под тяжестью овладевших им джунглей. Из зарослей доносился постоянный гул, сквозь который различались отдельные крики, свист, визг, рев невидимых животных. Морс шумно лынуло к бортам корабля. Ветер странно звучал в ушах Сэма. Для рожденного в башне поверхность — труднопереносимое место...

Все прошло. Джунгли поглотили большие форты, а морские гиганты затонули у своих причалов. Но они не раскололись — теперь это стало ясно. Они просто заросли водорослями, к бортам их прилипли ракушки, но прочный металл оставался невредимым.

Хейл и Сэм осматривали берега Венеры, где раньше находились форты. Хейл знал эти форты, когда они еще жили. Он знал гавани, он и сейчас мог перечислить порты враждующих сторон и их суда. Два первых корабля, поднятые ими, были вполне пригодны для плавания. И в голосе, и в глазах Хейла появился энтузиазм.

— На этот раз нас не загонят под империум, — говорил он Сэму, хватаясь за перила и морщась, когда брызги ударяли ему в лицо. — На этот раз мы будем подвижны, чего бы нам это ни стоило.

— Дорого обойдется, — напомнил ему Сэм. — Больше, чем у нас есть. Больше, чем мы сможем получить, если только не предпримем чего-нибудь чрезвычайного.

— Чего именно?

Сэм задумчиво посмотрел на него, размышляя, пришло ли время открывать свои замыслы. Он уже несколько недель скрытно действовал, шаг за шагом ведя Хейла к решению, которое тот немедленно отверг бы при их первом знакомстве.

Сэм применял к текущим проблемам точно такие же методы, какие он применял — и почти инстинктивно — когда очнулся в переулке, ощущая запах сонного порошка. В предшествующие недели он быстрыми шагами прошел карьеру, параллельную его карьере в предыдущей жизни.

Вспоминая метод, примененный им к дону Малларду, Сэм тщетно пытался найти какую-нибудь хитрость, годную для Харкеров. Существовала параллель между оружием, которое находилось в руках Сэма, и тем, которое люди могли использовать против поверхности Венеры. В обоих случаях единственно пригодное оружие было либо слишком слабо, либо слишком сильно. Полное уничтожение не голилось, но единственная альтернатива оставляла соперника по существу не тронутым.

Сэм знал, что он должен либо отказаться от своих замыслов, либо предпринять такой решительный шаг, который будет означать или полный успех, или полное поражение.

— Хейл, — резко сказал он. — Чтобы получить достаточно кориума для колонизации поверхности, мы должны сделать что-нибудь такое, что никогда не делалось. Мы должны сбросить бомбы на башни.

Хейл искоса взглянул на него, затем рассмеялся.

— Вы шутите.

— Может быть, — Сэм пожал плечами и взглянул на форт на берегу. — Вы знаете что-нибудь получше?

— Я не знаю ничего хуже, — голос Хейла звучал резко. — Я не убийца, Рид.

— Вы были вольным товарищем.

— Это совсем другое дело. Мы...

— Вы сражались по приказам башен. При тех обстоятельствах вы участвовали в убийствах и грабежах. Проигрывая, башни откупались кориумом — перед угрозой бомбардировки. Вероятно, бомбардировка была блефом. Ни одна башня в действительности ей не подвергалась. Я тоже предлагаю блеф. Семьи будут знать это. Мы тоже будем знать, но мы их перехитрим.

— Каким образом?

— Что мы теряем? Преимущество на нашей стороне — они могут потерять все. Мы можем все выиграть.

— Но они знают, что мы не осмелимся на это. Население даже не воспримет нашу угрозу серьезно. Вы знаете жителей башен. Они... инертны. Они не поймут угрозу. Их невозможно убедить, что мы собираемся их бомбить. Они будут смеяться над нами. Раса пережила страх перед опасностью. Мы должны будем разбомбить одну башню и убить тысячи людей, прежде чем сумеем их убедить, что говорим серьезно. Я...

Смех Сэма прервал его.

— Я не уверен в этом. Мы все еще человеческие существа. Правда, уже много поколений не было ни войн, ни настоящей опасности, но люди по-прежнему просыпаются в страхе нападения, как первая обезьяна, решившая оторваться от ветки дерева. И ноздри людей по-прежнему раздуваются в гневе, потому что раньше им нужно было дышать — рот их был полон вражьей плотью. Не думаю, что мы совершенно изжили свои страхи.

— Я не сделаю этого, — коротко сказал ему Хейл. — Это заходит слишком далеко. Тут нет вопроса...

...Угроза, впервые прозвучавшая с экрана, была так же поразительна, как сама бомба. На всех башнях на мгновение наступила мертвая тишина. Потом ропот. Потом смех.

Хейл был прав — частично. Никто не поверил в угрозу возобновления флота. Само существование колоний зависело от поддержки башен. Кто же осмелится бомбардировать свой источник снабжения? И даже если они окажутся такими безумцами, в первые минуты каждый житель решит, что угрозе подвергнется какая-нибудь другая башня, но не его собственная.

И тогда Сэм с общественных экранов назвал башню — Делауэр. Назвал время — сейчас! И цену — корнум.

И борьба началась вновь.

У Сэма было оружие, которое он запас до начала своего блефа — и которое придавало ему уверенность. Это было очень сильное оружие, но **это** просто означало, что он должен более искусно использовать его. Оно должно было принести успех. Это был пункт, после которого поворот назад становился невозможен.

Он отыскал Блейза Харкера.

При конечном анализе вся борьба сводилась к конфликту двух человек — Захария и Сэм. Семьи бессмертных правили башнями. Харкеры показали пример всем семьям — а Захария был главой клана Харкеров.

Захария мог отдавать, а мог и не отдавать себе отчет, где концентрируется главное напряжение, — но Сэм это знал. Он поставил все в надежде, что выиграет с помощью этого, и тщательно разработав свои планы, он перехитрил Захария.

Он создавал, конечно, что семьи, вероятно, составляют свои планы. В прошлый раз они не действовали до самого последнего момента, и в результате Сэм и все его намерения были отброшены, как ненужные обломки. На этот раз будет по-другому.

Блейза для Сэма отыскал Слайдер.

Получив это сообщение, Сэм как можно быстрее добрался до маленькой дурно пахнущей берлоги; когда он вошел, Слайдер покоился в объятиях сна рыжего дьявола. В течении нескольких минут он обращался к Сэму, называя его Клану, и говорил о старых преступлениях, которых Сэм даже не помнил.

Сэм дал Слайдеру выпить, и вскоре, когда наркотический туман рассеялся, огромное тело приподнялось на постели, хихикая и фыркая.

— По поводу этого Харкера, сынок, я достал тебе адрес. — Он передал Сэму бумажку с адресом.

Сэм устремился к двери.

— Минутку, сынок, подожди! Куда ты направлялся?

— К Блейзу.

— Ты никогда не попадешь к нему. Место охраняется.

— Попроюсь!

— Тебе понадобится для этого несколько недель. Придется отыскать кого-нибудь, кто берет взятки. Только тогда ты сможешь проникнуть в этот квартал. Тебе понадобятся первоклассные помощники. И нужно будет подумать об организации выхода. И еще...

— Ладно, ладно! Тогда выкладывай. Ты можешь мне помочь?

— Может быть. Попроюсь.

— Начинай. Сколько времени потребуется? Я не могу ждать. Уложись в три недели? — Он замолчал, прерванный громовым, все

усиливающимся хихиканьем, распространявшим волны землетрясения по огромному туловищу под одеялом.

— Забудь, это малыш. Дело сделано, — Сэм удивленно посмотрел на него. Слайдер захлебывался собственным смехом. — Старые руки еще не потеряли мастерства, сынок. Не думай, что работа была легкой — но она сделана. Закрой ставни, выключи свет. Теперь жди.

Тусклый освещенный квадрат появился на дальней стене. По нему двигались тени, искаженные неровностями поверхности. Они смотрели фильм, снятый шпионской камерой, очевидно, укрепленной на уровне пояса человека, двигавшегося с непостоянной скоростью.

В первые секунды камера смотрела на железную решетку, очень близкую к объективу. Появились ноги в белых брюках, решетка открылась на несколько мгновений, и развернулся вид сада с многочисленными фонтанами. Очевидно, одна из крепостей бессмертных.

Вдруг скорость неожиданно увеличилась — человек побежал.

Остановка еще перед одной решеткой. Прутья решетки увеличились, стали туманными, растаяли — объектив прижался к двери и сквозь решетку смотрел внутрь. Там находился человек. К нему склонились еще двое. Человек боролся с двумя другими.

Неожиданно картина резко покачнулась, все предметы на ней размазались. Быстрый взгляд вперед, вдоль стен, мелькнул потолок, нахмуренное лицо, приближающееся к объективу. Поднятая рука, в которой что-то сверкнуло.

Изображение исчезло. Объектив вновь приближался к расплывающимся прутьям решетки, на этот раз очень медленно. Очень медленно в фокусе возникла комната. Все в комнате было мягким. Ковер глубоко проседал под ногами троих человек. Двое пытались надеть на молотящие их руки третьего смиренную рубашку.

Мало-помалу они побеждали. Все происходило в таких медленных движениях, что создавалось впечатление ритмичности странного балета, заранее отрепетированной сцены. Высокий человек со связанными руками бил себя по бокам, откидывая голову, дико и беззвучно хохотал.

— Это был Блейз Харкер, — произнес в наступившем молчании Слайдер. — Дай-ка мне выпить, сынок. Ты тоже выпей — тебе это необходимо...

...Так и подошло к этому, — говорил Сэм тысячам слушателей. — Дайте мне корпум, на который мы имеем право — или получайте последствия.

Под всеми морями, под всеми имперпумными куполами толпы, застав дыхание, смотрели на лицо Сэма, размноженное экранами.

Башня Делавэр. Здесь на улицах не слышалось ни звука — впервые, быть может, с момента сооружения башни, стало слышно глухое, мягкое гудение путей.

— Рид, вы глупец, — голос Захария звучал спокойно и медленно. Мы все знаем, что это блеф.

— Я ожидал такого ответа. Вероятно, вы не верите в мои слова. Времени мало — смотрите.

Его место заняло изображение сверкающего моря. Корабли были небольшими, но построенными со знанием дела. Выглядели они угрюмо. Ни один человек не показывался на палубах. Это были машины для разрушения, движущиеся вперед, чтобы выполнять **свое** предназначение.

Камера следовала за темным цилиндрическим предметом, выпавшим из последнего в линии корабля. Корпус бомбы находился в фокусе телекамеры. Бомба медленно и бесшумно скользнула в глубины венерианского моря. Она ударилась о дно, и тут же фокусировка изображения изменилась, **чтобы** можно было видеть весь взрыв. Далеко наверху, на флагманском корабле, Сэм поставил на место звукопоглощающие панели и повернулся к вспомогательному экрану.

— Кедр Уолтон отбыла из башни Монтана час назад. Она направляется в башню Делавэр.

Сэм инстинктивно посмотрел вниз.

— Она знает, что происходит?

— Вряд ли. Она узнает из общественных экранов в Делавэре.

— Получила ли Сари снадобье?

— Как только стало известно об отъезде Кедры из Монтаны. Сейчас она его принимает.

— Рид, вы уладили дело?

— Да, — ответил Сэм.

Сейчас Сари держит в руках наркотик, который в подходящий момент подсунил ей Сэм через свои подпольные связи. Но только к этому порошку было примешано еще одно снадобье.

Сейчас нервы Сари испытывали удар за ударом. Те узы, которые еще сдерживали ее мозг в рамках нормальности, порваны. Она готова к взрыву и ждет только события, которое предопределено условиями и окружением.

— Рид, — спокойно сказал Захария, — нас невозможно обмануть. Вы не разрушите Делавэр.

— Это была первая бомба, — сказал Сэм. — Мы направляемся к Делавэру. Каждые пять минут мы будем сбрасывать бомбу, пока не остановимся над вами, но и тогда мы не прекратим бомбардировку.

— Вы подумали о последствиях?

— Да, — сказал Сэм. — У нас есть радары и средства противовоздушной обороны.

Теперь Кедр должна направляться к крепости Харкеров. Она уже знает, что случилось. Она торопится помочь Захарии, которого она любила в течение столетий, и в этом кризисе она захочет быть рядом с ним.

— Еще бомбу, — приказал Сэм...

Снова послышался гул толпы.

Сэм сказал:

— Допустим, вы сдадитесь. Семьи кое-что потеряют — но не простые люди. Вы боитесь отпустить короткоживущих на поверхность? Боитесь, что там не сможете ими управлять?

— Любой человек, пожелавший отправиться в вашу колонию, ~~в~~олен сделать это, — сказал Захария. — Любой человек в башнях свободен.

— Время отвлеченных споров миновало, — произнес Сэм, понимая, что его голос звучит во всех башнях Венеры. Слушайте!

— Заплатите нам коринумом, или мы разбомбим башню Делавэр!!!

— Вы не будете бомбить башню. При этом погибнет полмиллиона людей.

— Для вас это небольшая цена, чтобы помешать колонии, не так ли? Возможно, вы предпочтете погибнуть вместе с башней, но как остальные бессмертные Делавэра?

На экране появились другие комнаты советов — святыни больших семей башни Делавэр. Среди всех, кто там присутствовал, Сэм искал Сари и увидел ее. Он хотел бы рассмотреть ее внимательней. Приняла ли она наркотик?

Она сидела неподвижно, но неожиданно ее руки, лежавшие на столе, яростно сжались — Сэм узнал то, что хотел.

— Ваш обман не подействует, — процедил Захария. — Ни один бессмертный не покинет башню.

— Значит, вы согласны скорее умереть, чем отдать немного коринума? — Осведомился Сэм. — Это ваше дело, оно касается лишь ваших семей, ваших жизней.

В комнате совета появилась Кедр Уолтон. Краем глаза Сэм уловил всплеск зеленовато-золотистых волос, когда Сари подняла голову, увидел, как напряглись ее плечи под сверкающим ливнем. Но глаза его были устремлены на Кедру.

Он был уверен, что так и произойдет. Между Кедрой и Захарией было слишком много десятилетий близости в прошлом, чтобы она не явилась сейчас.

Сэм перевел взгляд на Сари. Захария тоже — но слишком поздно. Он слишком поздно понял, что происходит, и не смог остановить ее.

Расчет времени оказался верным. Удар за ударом обрушивались на Сари, усиливая действия наркотика, подброшенного Сэмом.

Действия Сари были предопределены. Она ненавидела Захарию и Кедру. Наступило критическое мгновение.

Через секунду собрание бессмертных превратилось в сцену схватки, в попытках оторвать Сари от горла Кедры.

Сэм нажал кнопку и увидел, как его лицо появилось на экранах общественных телевизоров далеко внизу, в башнях.

Он крикнул:

— Харкер! Харкер! Я не могу связаться с вами! Включитесь!

Ответят ли бессмертные?

— Харкер! Харкер! Вы покинули башню?

Взорвалась еще одна глубинная бомба.

— Харкер, где вы? Если Харкеры бежали, кто остался у власти?

Отвечайте мне!

Внезапно на экране появилось лицо Захарии. Он тяжело дышал, из длинной царапины на лице текла кровь. Но лицо его выражало ледяное спокойствие.

Он произнес:

— Мы не бежали из башни. Мы...

Он не закончил — его голос потонул в реве толпы.

Купол над ними по-прежнему дрожал от ударов бомб, и даже невозмутимые бессмертные казались испуганными.

Ужас заставил толпу взречься. Люди требовали сдачи.

И тут Сэм сделал свою первую ошибку.

Он должен был отступить и позволить событиям идти своим путем. Но вид Захарии, даже в такой обстановке сохранившего ледяное спокойствие, принуждал его к желанию разбить это ровное, лишенное возраста лицо кулаком, вырвать признание поражения у этого нестигаемого бессмертного.

— Сдавайтесь немедленно! — ревел на экране Сэм. — Ни один Харкер не должен управлять! Дайте нам то, что мы просим, и покажите, что происходит в комнате совета.

Захария стал ясно виден, он наклонился вперед, глядя в бок на охваченную паникой толпу.

— У меня есть для вас новости, люди башен, — спокойно сказал он. — Вы в безопасности. Ни одна бомба не упала на башни — и не упадет. Джозель Рид сказал, что никогда не видел своего отца. Он поклялся смыть позор со своего имени и дать нам еще одну возможность колонизировать поверхность, возможностью, которой вас лишил Сэм Рид. Но этот человек и есть Сэм Рид! Мы нашли неоспоримые доказательства: отпечатки пальцев и снимки сетчатки глаза. Наши следователи не ошиб-

лись. Сэм Рид, говорите с башнями. Говорите с людьми, которых вы обманули.

Снова на экране появилось лицо Сэма Рида. Он должен был ответить. Он знал, что. Он уже почти нащупал это.

И тут до него дошло! Захария сделал одну фатальную ошибку. Харкеры не привыкли к быстрому мышлению. Много столетий им не приходилось смотреть в глаза угрожающей опасности, оценивать ее и тут же инстинктивно выбирать наиболее безопасный путь: Захария был бессмертным. Он не мог думать так же, как короткоживущий.

Сэм рассмеялся:

— Нет, — сказал он. — Я не стану отрицать этого. Я сам приведу доказательства. — Харкер прав — я — бессмертный!

Сэм сделал паузу, чтобы все усвоили сказанное.

— Мне было сорок лет, когда мне в лицо бросили сонный порошок, — продолжал он. — В течение сорока лет я отсутствовал. Похож я на восьмидесятилетнего? А ведь мне восемьдесят лет!

Смотрите на меня!!! — крикнул Сэм. — Вы же видите, что я не бессмертный. Я такой же человек, как и вы все. Ни у одного бессмертного нет такого телосложения, как у меня. Но я прожил восемьдесят лет.

Он помолчал, обратив на них свой острый гневный взгляд.

— Я был обычным человеком! Человеком, подобным вам.

Но я жил на поверхности, и я совершил великое открытие. Я узнал, почему бессмертные не хотят колонизации поверхности. Вы все знаете, как они старались помешать нам.

Теперь я скажу, почему.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*Когда Израиль вышел
Из Египта,
Безопасно прошел он
По дну моря;
Днем под облаками,
Ночью в огне...
...А перед ним шел
Господь...
Я вижу далекую страну,
Где я никогда не буду.
Сердце стремится туда,
Где не ступит нога,
В обетованную Землю.*
*Хаусман, прибл.
1900 год.*

Стена была раскрашена фресками, на которых фантастически зеленые моря омывали подошвы бархатисто-коричневых холмов. Давным-давно в раскаленном мире существовали такие берега. Художник, расписывавший стены, никогда не видел обнаженных холмов или разноцветных морей. Вымышленность рисунка становилась особенно ясной при взгляде на центр фрески, где виднелся квадрат настоящего моря и настоящего берега, поглощавшегося джунглями. По морю плыл корабль, от которого расходились У-образные лучи.

Два человека спокойно сидели в раскрашенной комнате и смотрели на экран, отражавший события, происходящие далеко наверху. Кедр Уолтон, полулежа на подушке в своем глубоком кресле, играла большим бриллиантом, не отрывая глаз от плывущего корабля.

— Вот они, бедные глупцы, — сказал очень тихо Захария Харкер. В одной руке он держал курильницу с тлеющей лозой и изредка проводил ею перед носом. Лоза, растущая на поверхности, капала смертельным ядом на всякое проходящее под ней существо. Высушенная и сожженная, она издавала слабый наркотический запах, который смягчал чувства и успокаивал мозг. Захария глубоко вдохнул дым и выпустил его на экран.

— На этот раз, — сказал он, — Сэм Рид откусил больше, чем сможет проглотить.

— Как вульгарно, — пробормотала Кедр, сверкнув улыбкой. Улыбка ее сверкнула буквально, поскольку она верно следовала моде. Ее тяжелые черные локоны были раззолочены, каждый волосок был покрыт тонким слоем золота и уложен в большую корону, которая, подобно шлему, возвышалась над ее узким египетским лицом. Даже брови ее представляли тонкие нити золота, и капелька золота свисала с каждой реснички.

— Вы выглядите отвратительно, — заверил ее, мигая, Захария.

— Конечно, отвратительно, но я должна была проверить, как далеко могу зайти. Каждая женщина...

— Смотрите, — Захария неожиданно выпрямился в кресле, глядя на экран. Кедр обернулась. На низком столике были расстелены карты. Она ненадолго задержала взгляд на них. Картина на экране казалась нереальной.

Корабль поворачивал к причалу внутри длинной дуги волнореза, белой линией выдававшегося в бледное море. На корабле было десять пассажиров, десять молодых мужчин и женщин, стремившихся к обещанному им бессмертию. Они быстрыми нервными движениями поворачивали головы, рассматривая странный верхний мир, который для жителей башен всегда означал опасность и романтику. Подобно юношам и девушкам, приносимым в жертву Минерве, они с возбуждением и восхищением смотрели на могучую стену джунглей, подходящую все ближе и ближе, и на низкие полированные белые стены колонии Плимут, окружавшие первый намеченный к покорению остров.

Из воды перед ними поднялся минотавр, но на этот раз он должен был быть принесен в жертву. В морях жило множество чудовищных ящеров; немногие из них имели названия, а тот, что поднялся из молочной воды перед кораблем, не был знаком ни одному зрителю. С огромной скоростью из воды на двадцать футов взметнулась темная блестящая шея. Вода, как рванный шелк, скатывалась с боков грандиозной арки. Чудовище раскрыло пасть, способную вместить человека, и засветило. Пасть была усеяна рядами клыков, они торчали по бокам, сверху и с краев.

Над водой поднялся хор криков и воплей. Корабль накренился, а испуганные пассажиры устремились к заднему борту. Голова чудовища кинулась за ними, шея вилась за ней, как длинная веревка. Длинное гибкое тело было невероятно и грандиозно. Животное, по-видимому, выбрало в качестве жертвы девушку, стоявшую у борта. У девушки были желтые волосы, платье ее было красно-розовым, ярким пятном выделяясь на фоне бледного моря.

На мгновение на маленьком корабле воцарился настоящий ад. И тут рулевой с небрежной и презрительной точностью наклонился и нажал кнопку. С обеих сторон корабля поднялся прозрачный импернумный купол, его половинки со звоном сошлись наверху, надежно защитив пассажиров и экипаж.

Ныряющая голова тяжело ударилась о купол. Корабль накренился, глубоко погрузив импернумную защиту в воду, люди покатались по палубе, сцепившись в клубок. Острие килля сверкнуло в дневном свете, и шея чудовища ударилась о него.

Пронзительный рев пронесся над водой, и усаженная клыками пасть чудовища повернулась к облакам. Его изогнутая шея резко распрямилась, и из горла фонтаном хлынула ярко-красная кровь, такая же по цвету, как и платье девушки.

Крик повторился из еще разинутой пасти. Темная шея дважды ударилась о поверхность воды и погрузилась. На месте ее погружения остался алый круг.

Корабль выпрямился и направился к пирсу.

Кедра рассмеялась, расправляя карты.

— Этот рулевой! — сказала она. — Как все это ему наскучило! Я не удивилась бы, узнав, что Сэм Рид нарочно пригнал его сюда, чтобы поразить своих новых добровольцев. У них теперь будет, о чем рассказать.

— Не следует недооценивать Сэма Рида, моя дорогая, — сказал **Захария**, снова поднося к носу кадильницу. — Он так и сделает, если увидит в этом выгоду. Он очень опасен, Кедра... И не из-за этой своей изобретательности, а из-за безответственности.

Кедра качнула своими сверкающими золотистыми волосами.

— Вы правы, конечно. В сущности, нам не до смеха. Кто мог подумать, что он зайдет так далеко? Я думаю, что если что-нибудь помешает ему, и он не найдет законного выхода, то пойдет на любое беззаконие. Перед нами сложная проблема, Захария.

— Значит, ваше отношение к нему изменилось, дорогая?

Она не подняла головы, услышав его вопрос. Наоборот, она смеялась и отыскивала в них повешенного человека. Эта карта, как и все остальные, была прекрасно сделана. Повешенный человек свисал с Т-образного дерева на фоне расшитого занавеса. Золотой нимб окружал его голову с рыжими волосами и строгим лицом. Кедра подняла карту и задумчиво посмотрела на рисунок.

— Не спрашивайте меня об этом, Захария.

— Но нам придется искать ответ, моя хорошая. И сейчас это уже не мимолетный каприз. Этот человек — бессмертный.

— Я знаю.

— Вы знаете, кто он?

Она быстро подняла голову.

— А вы?

Захария кивнул, вдохнул дым и развеял облачко перед лицом. Потом он сказал:

— Он Харкер, Кедра. Вы знаете историю Блейза?

— Теперь — да. Вероятно, все знают. Сэм оставил немного места для воображения, когда решил уничтожить престиж Харкеров. А он сам знает об этом, Захария?

Бессмертный негромко рассмеялся.

— Прекрасный парадокс. Нет, он не знает. Он вкладывает огромную энергию, стараясь дискредитировать нас так, чтобы никто больше не верил Харкерам. Когда же он поймет, что его собственное имя будет уничтожено, мне приятно будет взглянуть в его лицо.

— Уничтожено? Можно ли это так назвать?

— О, это не такой уж непоправимый вред. Мы можем снова завоевать авторитет. У нас могут быть ошибки — я начинаю думать, что такой ошибкой было сопротивление колонизации, например, но наши долговременные мотивы всегда остаются надежными, и, я думаю, все осознают это. Пока я просто склонен смотреть и ждать. Сейчас колонии будут иметь успех. Хотя мне и не нравится эта мысль, но сейчас нам придется действовать вместе с Ридом.

Кедра начала укладывать карту на место, но потом остановилась, глядя на нее со слабой улыбкой. По-прежнему глядя на рисунок, она сказала:

— На некоторое время — да. Он плохой человек, Захария. Но пока он не достиг вершины, он будет идти своим путем. До тех пор он будет делать свое дело лучше, чем кто-либо из нас. Руководствуясь самыми хорошими мотивами, он совершит героические поступки, чтобы основать под собой прочную пирамиду, что-то такое, что он смог бы использовать, как базу для своей власти. Он создает основание для хорошо действующей социальной системы. Но только основание. Дальше он идти не сможет. У него нет созидательной концепции. Нам придется остановить его.

— Я знаю. Как это сделать?

— Боюсь, придется использовать его методы. Воспользоваться его слабостью, обратив его сильные стороны против него самого. Искушать его, чем-то раздражать, а затем... — она улыбнулась и щелкнула по карте изящным пальцем.

Захария ждал.

— У меня еще нет плана, — сказала Кедрa, — но мне кажется, он начнет складываться. Мне нужно еще немного подождать, подумать. Возможно существует оружие, против которого он беззащитен.

— Оружие?

Она подняла позолоченную бровь и посмотрела на него сквозь тяжелый золотой занавес, слегка улыбнувшись своей египетской улыбкой, больше похожей на гримасу боли. Золотые брови придавали ее лицу внешность маски. Она снова щелкнула пальцами по карте. Как ни знал ее Захария, он не мог догадаться, какие картины мелькают перед ее полужакрытыми глазами. Он никогда не видел такого выражения. Он молча потянулся и взглянул на карту. Это была десятка мечей. Она изображала серый, аморфный морской берег, закатное темное небо, на

фоне которого вырисовывались четкие рукоятки десяти мечей. Лезвия их пронзали тело мертвого человека...

...Наступил день, когда колония Плимут впервые полностью получила набор добровольцев. Сэм ждал этого дня с нетерпением. Он предпочитал сразу браться за решение задачи — возможно, потому, что в прошлом многие его враги оказывались раздражающе уклончивыми. Ему придется произнести речь, и он должен сказать то, чего от него с нетерпением ждут тысячи искателей бессмертия.

Глядя на ряд экранов, он глубоко вздохнул, изучая свою аудиторию. Потом начал:

— Вы — специально подобранная группа. Все вы тщательно изучены, все прошли основные тесты, а они были тяжелыми. Нам нужны самые здоровые, умные, сильные жители башен, достойные бессмертия.

Он помолчал, переводя взгляд с экрана на экран, глядя на тысячи людей, смотревших ему в лицо.

— Не каждый может получить бессмертие... После определенного срока биологической жизни начинается старение. Оно проявляется не сразу, к некоторым оно приходит раньше, чем к другим. Мы еще не знаем, что вызывает старение, хотя уже знаем, как остановить его. Может быть, старость — это просто вирус. Рано или поздно мы узнаем об этом. А пока мы знаем, что есть такие средства, которые останавливают старение. Но они редко действуют после сорока лет, возможно, поскольку тогда уже равновесие сил нарушено в пользу старости.

Он снова оглядел экраны. Эти ожидавшие тысячи представляли скрытую опасность. Он держал в руках гранату. Но ее придется держать до последней возможности.

— Вы все проверены физически и психологически. Вы — цвет башен. Вы первыми получите бессмертие. Позже его обретут и остальные, но вы — авангард. Вы сделаете бессмертие безопасным для остальных, и они получат его, а вы будете наслаждаться плодами своего труда. Но труд предстоит тяжелый. Вам придется прожить на поверхности несколько лет, прежде чем вы получите бессмертие.

Пять лет, — подумал он. — Может быть, и больше. Но пять лет — это максимум, который он может позволить себе. Зная об этом сроке, он снова обдумывал испытание.

Проверка тысяч — позже это будут миллионы — представляет собой тяжелую работу, если только на помощь Сэму не придет техника. Бюро жизненной статистики хранило разнообразные данные о населении, включающие информацию по психологии, наследственности, вероятной продолжительности жизни; очень важные данные — о патологических наклонностях. Сэму нужны были крепкие и сообразительные мужчины и

женщины. Но был один наиболее важный фактор — и от него зависел успех всего плана.

Ему нужна была молодежь, достигшая зрелого возраста. Именно в этом возрасте старческие изменения за пять лет незаметны.

Он сказал:

— Вы должны жить на поверхности. Помните, я прожил здесь почти сорок лет. Среднему взрослому человеку требуется шесть факторов, несущих бессмертие. Поскольку же возможно, что старость вызывается вирусами, то чем старше человек, тем больше времени требуется, чтобы уничтожить вирус. В новорожденных его нет. В таком случае ребенок растет, достигает зрелого возраста и останавливается. Прожив сотни лет, он не стареет.

Отныне дети, родившиеся в башнях, получают такую возможность. Со взрослыми же дело обстоит по-другому, У вас тоже есть эта возможность, но вам предстоит бороться за нее. Вы должны постоянно подвергаться действию радиации в течение шести или семи лет, а в башнях это невозможно.

Мы пока еще мало что знаем об этой радиации. Радиоактивные элементы присутствуют в почве и в атмосфере Венеры, но в микроскопических количествах. По неясным пока причинам необходимо подвергнуться радиации солнца и космических лучей. Пока я знаю только одно: мы можем получать бессмертие, но для этого нужно находиться на поверхности все эти годы, чтобы действие радиации было кумулятивным.

Процесс этот слишком сложен, чтобы объяснить подробности.

Радиация действует лишь на людей — это мы твердо знаем. Подобно древней бацилле проказы, она воздействует на человека, но не на животных. Морских свинок невозможно заразить проказой. Именно поэтому медики долго не могли найти средство против этой болезни.

Бессмертие — для людей — для вас. Для всех башен. Всякий, кто не слишком стар, может получить бессмертие. Но для этого нужно жить на поверхности. В колонии Плимут для них нет места.

Они должны создать новые колонии.

Это единственный выход. Мы думали о смене групп населения через семилетний интервал. В таком случае можно было бы брать и более старых. Но для них потребуется больше времени, а молодые в это время будут стареть. Мы предпочитаем людей в расцвете сил, чтобы они сохранили свои возможности на сотни лет. К тому же, остальным не нужно ждать семь или четырнадцать лет своей очереди. Как только вы укрепитесь в своей колонии, из башен прибудет следующая партия — и продвинет колонию дальше. Так все получают равные возможности.

Сэм изучал экраны. Проглотят. Возможно, через пять лет и будут неприятности, но до тех пор изменений в их внешности не будет, а если

и будут, то их можно будет объяснить влиянием другого окружения. Колонизация поверхности Венеры, разумеется, должна изменить внешность человека.

— Вы должны заслужить бессмертие, — говорил Сэм, обращаясь к слушателям. — Возможно, вначале вас смутит переход от обычной жизни башен к здешним условиям. Мы постараемся помочь вам приспособиться. Но помните, что вы должны прожить на поверхности шесть и более лет, и, только подчиняясь традициям колонии, вы сможете это сделать.

Руководить будут те, кто уже сталкивался с местными проблемами, и вы должны повиноваться им. У нас есть свои законы — иные, чем в башнях. Это поверхность. Поверхность будет стараться убить вас каждую минуту дня и ночи. Теперь вы — колонисты, а не жители башен, и вы должны подчиняться законам колонии. В соответствии с подписанным вами контрактом, вы не можете вернуться в башни без согласия властей колонии. Это согласие вы получите, когда станете бессмертными.

Вообще-то приспособиться не так уж трудно. Изучайте свои обязанности. Будьте готовы заменить работающего рядом. Изучайте обязанности своего начальника. В колонии продвигаются быстро, будьте готовы к этому.

Бессмертие нужно заслужить. Последующие несколько лет будут для вас всех трудными. Но не существует такой тяжелой работы, которую человек бы не вынес в течение месяца. Но вы отдадите этим трудностям не десятую часть жизни, а менее, чем сотую. Помните об этом. Семь лет в колонии эквивалентны месяцу бессмертного.

Помните об этом!!!

Каждый раз, почувствовав разочарование, вспомните об этом! Вы будете бессмертными.

Сэм выключил передатчик. Он был один в комнате. Секунду или две он сидел молча, следя за толпами, которые больше не могли ни видеть, ни слышать его.

Затем негромко сказал:

— Позолоченная пилюля, но подействует. Всегда действует.

Толпы продолжали смотреть на экраны, получив приказание от своих непосредственных начальников — первопоселенцев колонии Плимут, крепких, тренированных людей, давно работавших с Хейлом и Сэмом. Они выстроились в ряды в буквальном и переносном смысле.

Расширение колонии. Как малина размножается корнями и отростками, так же будет расширяться и колония — эти пять лет. Но колонизация требует гораздо большего времени. Новые и новые поселения вытянутся вдоль берега, поддерживаемые колонией Плимут, пока не смогут перейти на самообеспечение. А Плимут должен остаться единым и сильным.

Другие колонии, те, что только появятся сейчас...

В этом проблема. Они должны стать неуязвимыми, иначе ярость континента поглотит их. Но Сэм знал, что для него они должны быть уязвимыми.

А вот колония Плимут должна стать совершенно неуязвимой.

У него есть по крайней мере пять лет, прежде чем толпа может наброситься на него.

Звено за звеном ковали они островную цепь. Для отдыха времени не было.

Сэм решил, что Хейл избегает его.

Обнаружив кабинет вольного товарища в очередной раз пустым, он гневно фыркнул и нажал кнопку связи.

— Где губернатор?

— Руководит операцией очищения на Шестом острове.

— Соедините меня с ним.

Экран потемнел. По-видимому, в том месте, где находился Хейл, не было телепередатчика. Послышался голос губернатора:

— Хейл слушает.

— Сэм Рид. У нас назначена встреча.

— Ох, — тон Хейла изменился, — простите. Положение меняется так быстро. Мы получили новое оборудование, его нужно испытать. Я хочу сделать это на острове Шесть. Увидимся позже.

Сэм хмыкнул и отключился. Выйдя наружу, он вызвал вертолет. На этот раз он был уверен, что Хейл избегает его.

Пилот был одним из первых колонистов Плимута. Он коротко отсалютовал Сэму и направил машину к морю. Они сделали быстрый полукруг и повернули к острову Шесть. Острова, мимо которых они пролетали, были уже колонизированы. Чудовищные леса исчезли; внизу появились культурные растения. Тут и там виднелись дома. Причалы, охраняемые частоколами, протянулись через ровные промежутки. Острова с Первого по Пятый представляли собой странную комбинацию аграрности и милитаризма.

Пять островов, только пять, противостояли огромным континентам Венеры, кишевшим свирепой жизнью. Но они были только началом. Шаг за шагом наступление будет продолжаться.

Сэм изучал лицо пилота. Он ничего не мог прочесть на нем. Если и придет опасность — то только не со стороны первых поселенцев Плимута. Недовольными будут поздние переселенцы из башен. Но это время не пришло. И не придет в ближайшие годы — надеялся Сэм. А к тому времени он установит надежный контроль.

А Хейл?

На чью сторону станет Хейл? С кем будет он через пять лет? Это начинало основательно беспокоить Сэма. С семьями башен он справится: они — открытые враги. Но у Робина Хейла были не только возможности бессмертного, но и позиции, которые становились крайне опасными для Сэма. Внешне они действовали как товарищи, действовали бок о бок. Но истинную позицию Хейла Сэм не мог определить. В этом и заключалась главная трудность.

Что знает и о чем догадывается вольный товарищ? Знал ли Хейл с самого начала, что Джозель Рид и есть Сэм Рид? Догадывался ли Хейл о том, что обещание бессмертия — обман?

Сэм мог говорить и правду — если дети бессмертных сразу после рождения подвергались действию радиации — никто не знал этого. Но вольный товарищ не был легковверным. Даже его готовность идти за Сэмом казалась подозрительной. Пассивность Хейла, конечно, могла быть следствием усталости от предыдущих тяжелых лет. Но даже в этом случае Сэма настораживала параллель: металл устает, но не может восстанавливаться. Меч сделан из металла.

...Металл, металл... Новая мысль появилась у Сэма. Добровольцы из башен, крепкие, сильные, но пока такие податливые в его руках. Им придется пройти через жестокие битвы с поверхностью. Когда металл закаляется...

Опять меч...

«Моя спина тоже должна быть защищена», — подумал Сэм.

Вертолет направился к острову Шесть. Его покрывали джунгли, за исключением высокого холма в одном его конце.

На вершине стоял вертолет, и на фоне бледного неба вырисовывалась фигура человека. У временных причалов на берегу двигались барки и легкие корабли.

Сэм указал место, пилот кивнул: и легко повернул вертолет, пробираясь почти на уровне кораблей. Брызги воды покрыли защитный колпак кабины.

«Сегодня дождя не будет, — подумал Сэм, взглянув на облачное одеяло. — Это хорошо». Метеорология играла важную роль в Плимуте — условия на поверхности и так достаточно плохие, даже без яростных проливных дождей. И всю работу приходилось планировать в соответствии с показаниями метеорологов. А для того, чтобы основать базу на Шестом острове, нужно было несколько ясных дней. Гораздо позже будет построен мост к Пятому острову, и цепь вытянется еще на одно звено.

Сэм встал, когда вертолет опустился у причала. Он легко спрыгнул на помост, оказавшись в самом центре торопливой, не слишком организованной деятельности. С баржи на гусеницах съехала огромная дробилка, и берег, казалось, прогнулся под ее чудовищной тяжестью. За ней

последовали различные легкие машины на высоких колесах. Люди ходили в легких защитных костюмах и респираторах. Тяжелое вооружение на берегу было только помехой.

Фигура в маске протянула Сэму сверток.

— Лучше наденьте это, сэр. Могут еще встретится насекомые... а ядовитые растения на берегу очень живучи.

— Хорошо, — согласился Сэм, надевая костюм и респиратор. — Мне нужен губернатор. Это он там на холме?

— Да, сэр. Туда еще нет дороги. Он добрался на вертолете.

Спустя четыре минуты Сэм спрыгнул на вершину холма с летящего вертолета и махнул пилоту, чтобы тот улетал.

На Хейле не было ни защитного костюма, ни респиратора, так что Сэм тоже снял их. Здесь, высоко над джунглями, опасность инфекции была меньше. К тому же за последние месяцы Хейл и Сэм приобрели немалый иммунитет.

Хейл кивнул Сэму. Он держал бинокль и портативный микрофон, провод от которого уходил в сторону вертолета. Другого оборудования у него не было, только на походном столе была растелена карта.

— Как дела? — спросил Сэм.

— Прекрасно, — ответил Хейл. — Опрыскивание уничтожило большинство насекомых, но, к сожалению, пока не всех.

Все, что находилось под ногами, классифицировалось, как насекомые. Помимо них существовала фауна — животные — и флора — зеленая растительность. Опрыскивание на них особого впечатления не произвело, так как звери были огромны, а растительность крайне агрессивна.

Но все же опрыскивание очень помогло. Они многому научились при колонизации пяти островов. Первый шаг — опрыскивание всего острова растворами, которые очень не любят насекомые. Один из этих растворов поражал лишайники, другой приносил значительный ущерб флоре. Животные в лучшем случае лишь слегка болели. Они набрасывались на людей, но их можно было подстрелить, если действовать быстро. Зато у них не было неприятной привычки проникать к вам в легкие и быстро прорасти там комковатой массой, которая парализует дыхательный аппарат.

Шестой остров не казался еще колонизованным. Он выглядел больным.

Джунгли больше не были сверкающим зеленым кипением. Они обвисли, и изредка по ним проходило медленное летаргическое движение. Сэм хотел получше разглядеть их.

— В кабинете есть еще один бинокль, — предложил Хейл.

Сэм взял бинокль. Он изучал остров внизу. Рассматривал людей. Что-то в их движениях заинтересовало его — живость, необычная в

первой колонии и определенно неизвестная в башнях. Интерес Сэма к джунглям был поверхностным и побочным. Единственное, что его интересовало действительно — это люди, и он проводил много времени, размышляя над мотивами их поступков и разыскивая в их действиях то, что может пригодиться ему, Сэму Риду.

Эти люди были счастливы своей работой. Это было необычно для Венеры. Сэм знал, что мышцы их должны болеть от непривычного труда, пот покрывал их тело под защитными костюмами. Каждый их вдох и каждое их движение несли опасность. Но они были счастливы. Работа была новой и всепоглощающей. Они могли увидеть свое продвижение, просто оглянувшись назад. Это было достойное занятие для человеческой расы — вносить порядок в хаос в поте лица своего. Человечество слишком долго было лишено счастья физической работы. И Сэм подумал, что нужно подождать, пока удовольствие от работы сменится скукой.

Он искоса взглянул на Хейла, который держал бинокль у глаз, чтобы скрыть, что он рассматривает своего партнера.

Сэм резко сказал:

— Хейл, что мы будем делать с Харкерами?

Хейл сказал несколько слов в микрофон, сделал жест в сторону невидимой дробилки, потом повернулся к Сэму.

— А что вы хотите сделать? — спокойно и неторопливо спросил он.

— Они слишком спокойны — позволили нам выиграть — может быть, слишком легко. В прошлый раз они тоже заставили нас думать, что мы выиграли, пока готовили удар. Я знаю — это была моя ошибка. Тогда я был моложе. На этот раз я на уровне — я знаю, что нужно делать. И по-прежнему я не доверяю Харкерам.

Хейл смотрел на него со спокойной, ничего не говорящей улыбкой.

— Может быть, — загадочно сказал он. — Вы что-нибудь запланировали заранее?

Наступила очередь Сэма уклониться от ответа.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду то, что через несколько лет — пять или десять — у нас будут неприятности. Вы и это предусмотрели?

Сэм вздохнул с облегчением. Итак, дело вышло на поверхность. Со времен своего триумфа, когда он вырвал победу у бессмертных, обещав толпам бессмертие, они не разговаривали с Хейлом открыто.

Виноват в этом был Хейл. Он заботился, чтобы при их встречах всегда были посторонние. И постепенно для Сэма сделалось невозможным открыто спросить его, догадывается ли вольный товарищ о его новом обмане. Сэм распознал определенное психологическое давление, и оно

ему не понравилось. В Хейле оказалось больше скрытой мощи, чем думал Сэм.

Но сейчас, по крайней мере, прояснялся вопрос о бессмертии. Хейл знал правду. И пока молчаливо соглашался с обманом. Использовал добровольцев, которых другими путями нельзя было заполучить. Он связал свое имя с обманом, по сравнению с которым первоначальное мошенничество Сэма было пустяком.

Впервые осознав это, Сэм почувствовал себя увереннее.

— Да, я предусмотрел это, — сказал он. — Мне хотелось бы не делать этого. Но цель оправдывает средства — иным способом мы бы ничего не добились.

Услышав местоимение «мы» Хейл слегка приподнял брови. Но возразить он ничего не мог. Он принял выгоды обмана, и теперь не мог отказаться от ответственности.

— Да, не добились бы, — признал он. — Позже мы увидим, оправданы ли наши действия. Да, посмотрим, Рид. Вы думаете, как встретить кризис?

Конечно, Сэм думал. Но он быстро воспринял предупреждение. Значит, Хейл не до конца пойдет с ним. Что ж, тогда не до конца он узнает и о планах Хейла.

— Я думал о нескольких возможностях, — осторожно начал он. — Обсудим их позже, когда будет время..

Будет лишь один выход, а Хейл, глупец, не понимает этого. Когда обещание бессмертия окажется обманом, возникнет сильнейшее негодование против тех, кто давал обещание — и не только против Сэма, но и против Хейла. В результате произойдет взрыв насилия. Сэм собирался подготовиться к этому дню. Если Хейл разочаруется в своем решении — что ж, пусть он останется в одиночестве и получает все последствия. Сэм будет действовать только в пользу Сэма Рида. И если Хейл попробует вмешаться, в колонии Плимут возникнет конфликт.

Сэм чувствовал неприятную уверенность, что Хейл может оказаться более трудным человеком, чем кажется.

Благоразумнее сменить тему. Сэм узнал то, что хотел узнать, и тот предлог, который привел его сюда, оставался нерассмотренным, а он тоже был важен.

— Относительно Харкеров, — сказал он. — На этот раз, я думаю, будет лучше поддерживать с ними связь. В таком случае у нас будет больше возможностей следить за ними. Как раз сейчас они, по моим планам, не могут противостоять нам. Они знают, что если колонизация удастся, то именно здесь, в колонии Плимут. Если же здесь нас постигнет неудача, то другой попытки не будет.

— Конечно, вы правы. Я верю, что все бессмертные теперь понимают это.

— Тогда они должны будут действовать с нами вместе. И, мне кажется, — первый шаг навстречу должны сделать мы.

— Да?

Сэм колебался.

— Я сам не могу этого сделать, — признался он наконец в порыве откровенности. — Захария Харкер и я... мы не выносим друг друга. Когда я его вижу, у меня возникает желание его ударить. Вы лучший дипломат, чем я. Вы бессмертный. Вы давно знаете их всех. Сделаете это, Хейл?

Хейл в свою очередь заколебался. Затем уклончиво сказал:

— Вы тоже бессмертный, Рид.

— Может быть. Я предполагаю, что да. Но не в том смысле. Когда у меня будет время для расследования, я займусь этим. Сейчас это невозможно. Вы пойдете?

Хейл колебался. Он стоял, обдумывая ответ, и в это время в его руках зажужжал передатчик. Он вложил прибор в ухо, обрадовавшись помехе.

Некоторое время он слушал, глядя на отдаленные джунгли, где тут и там были видны раскачивающиеся вершины деревьев. Там действовала невидимая дробилка.

— Возьмите бинокль, — сказал он Сэму, — и смотрите влево. Там есть просека, в которую можно увидеть. Вы должны видеть это — они наткнулись на паутину сирены.

Заинтересованный Сэм повиновался.

Бинокль, казалось, подбросил джунгли вверх и вперед. Дробилка разделила остров на четыре части, прорубив четыре широкие полосы, между которыми по-прежнему стояли клинообразные участки джунглей, брызгая ядовитым соком, сверкая бриллиантовой росой. Ближайший участок джунглей был почти уничтожен, и Сэм сквозь него видел отдельный клин, где дробилка методично продвигалась вперед, круша деревья. Это была чудовищная машина, покрытая тяжелой броней, ровно и неумолимо двигавшаяся на гусеницах, такая неуместная в диких джунглях. Гигантские ящеры венерианской поверхности двигались так же быстро и хищно, пробираясь меж деревьев, не менее могущественные, чем это чудовище, явившееся уничтожить их. Лланы цеплялись за машину, петлями и узлами свисали с ее боков. Некоторые все еще слабо извивались, пытаясь всадить в металл свои похожие на клыки шипы.

Сэм слышал отдаленный гул и грохот дробилки, пробивавшей себе дорогу. Треск ломающихся деревьев отчетливо раздавался в воздухе. Слышались слабые крики людей, в них чувствовалось возбуждение.

Затем глаза Сэма уловили разноцветный всплеск перед дробилкой, и на мгновение ему показалось, что все его чувства перестали действовать. Он не слышал звуков далекой сцены внизу, не чувствовал бинокля, прижатого к лицу, не ощущал тяжелого запаха атмосферы, к которой никак не мог привыкнуть. Осталось только ощущение цветного пятна, сверкавшего прямо перед лицом, потом оно поблекло и вспыхнуло другим цветом, более изысканным, чем первый.

Сэм стоял неподвижно, а эти два цвета слились вместе, образовали новый цвет, третий — тот раскинулся вокруг бледными полосами, и полосы эти слабо, гипнотически двигались. При взгляде на все это чувствовалась почти физическая боль.

Сэм резко опустил бинокль и взглянул на Хейла. Вольный товарищ слабо улыбался, на лице его было восхищение.

— Вы сильный человек, — неохотно сказал он. — Впервые вижу, чтобы так быстро можно было освободиться от сирены. Большинство не может. Вы плохой объект для гипнотизера.

— Да, — угрюмо ответил Сэм, — уже испытано. Что это за штука там внизу?

— Отдаленный родич плаща счастья. Помните это подводное существо, которое вступает в невроконтакт с жертвой и поедает ее живьем? При этом жертва не хочет избегать хищника, она разделяет удовольствие с плащом. Сирена действует так же. Это наземный вариант. Смотрите.

Сэм снова посмотрел. На этот раз он тщательно подогнал окуляры, и существо оказалось совсем близко. Вначале невозможно было рассмотреть, что же это за паутина сирены, потому что Сэм снова испытал оцепенение и мог только смотреть на смену цветов.

Потом он напряг волю, освобождаясь от гипноза сирены, и взглянул на нее как бы со стороны. Вероятно, эта большая паутина была очень старой — насколько можно было дожить до старости в этих хищных джунглях. Судя по количеству людей, бежавших к ней за дробилкой, он решил, что она не менее десяти футов в диаметре. Паутина протянулась между двумя деревьями на небольшой поляне, прикрепившись прочными нитями к ветвям.

В центре находилось туловище, чуть вибрировавшее, посылавшее волны цвета и вызывавшее нервную дрожь.

Слабый звенящий звук донесся до ушей Сэма. Звуки запаздывали по сравнению с движением сети. Каждая вибрация паутины спустя несколько секунд сопровождалась звоном. Звуки эти не были музыкальными, но в них заключался какой-то глубокий ритм, их тонкая резкость затрагивала нервы, заставляла их дрожать.

Сирена напрягала всю свою гипнотическую силу, чтобы подействовать на дробилку. Она все более возбужденно вспыхивала перед тупой

мордой машины, пытаясь проникнуть в проволочные нервы и парализовать металлического гиганта.

На мгновение показалось возможным, что даже создание из стали и империума не выстоит против этого жуткого существа.

Если машина не сможет сопротивляться воздействию сирены, то люди, бегущие за ней, погибли. Сэм улавливал лишь отдельные звуки, но и от них мозг работал с перебоями, и в перерывах вспышки света почти парализовали его сознание. Он знал, что если бы оказался вместе с этими людьми за дробилкой, то слепо бежал бы навстречу зловещим объятиям сирены.

«Так случалось и раньше, — смутно подумал он. — Давным-давно, в Греции — Гомер рассказывал об этом».

Все произошло за несколько секунд. В последний раз сирена вспыхнула и, резко вскрикнув, широко раскинула свою сеть. Затем нос дробилки придвинулся вплотную и коснулся центра сети.

Мембрана мгновенно напряглась, прыгнула вперед, обвинившись вокруг носа машины. Нити паутины натянулись и дрогнули последней вибрацией торжества. Вероятно, это был слабый электрический импульс, который должен был парализовать добычу. Даже дробилка, казалось, заколебалась, когда сверкающие нити опутали ее корпус. Казалось, что даже плиты машины задрожали в нервном экстазе от соприкосновения с сиреной.

Затем чудовище двинулось дальше. Нити паутины, натягиваясь, делались все тоньше и тоньше. По мере увеличения напряжения цвет их менялся, становясь все бледнее. Раздавались такие резкие звуки, что ухо не могло их вынести, но нервы продолжали дрожать от неслышимых высоких частот.

Нити щелкнули. Паутина конвульсивно сжалась в последней попытке уничтожить металлического врага, цвета вспыхнули немыслимым беспорядком. Затем нити ослабли и вяло повисли, скользя по бронированной морде. Движущиеся гусеницы подхватили их, безжалостно прижали к земле, разрывая на части.

И прекрасная, очаровательная сирена под гусеницами машины превратилась в отвратительный губчатый серый комок, конвульсивно дергавшийся.

Сэм облегченно вздохнул и опустил бинокль. Некоторое время помолчал, затем сделал шаг вперед, положил бинокль на походный столик Хейла, снова доказав, что он — трудный объект для гипнотизера.

— Насчет свидания с Харкером, — сказал он. — Когда вы сможете отправиться в дорогу?

Хейл выдохнул:

— Я не могу.

Сэм нахмурился.

— Это очень важно. Кроме вас, не справится никто. Я хочу, чтобы вы занялись этим делом, Хейл.

— Есть только одно место, где я действительно необходим — это здесь, Рид. Никто лучше меня не знает поверхности. Я не дипломат. А вы — наш человек для контактов, так что извините.

В его словах было нечто большее. Сэм был уверен, что Хейл решительно отмежевывается от него, не желая принимать участие в обмане. Он хотел получить лишь результат обмана — выгоду. Власть над людьми. Это он принимал. А остальное предоставлял Сэму. И Сэм ничего не мог с этим поделать.

Впервые ему в голову пришла эта неприятная мысль — до того он считал себя движущей силой колонизации. Он натягивал ниточки и приводил в движение марионетку, Робина Хейла. Но вдруг ему пришла в голову мысль, что еще неизвестно, кто кукольник, а кто марионетка.

Он пожал плечами.

— Хорошо... Я сделаю это. Но не обижайся, если будут неприятности.

— Не буду.

Сэм сжал челюсти. Спор еще не окончен. И он теперь знал, кто его истинный соперник, и что конфликт только начинается...

...Свет был холодным и чистым, как хрусталь. Это была комната для работы, для мысли, для панирования. Она была создана бессмертными и для бессмертных. Все детали ее были функциональными, но не навязчивыми: они гладко переходили друг в друга, и движущиеся картины на стенах были частью общего спокойного рисунка. Здесь ни на чем нельзя было задержать глаз дольше, чем на одну-две секунды.

В этом холодном, спокойном месте, залитом ярким светом из невидимых источников, за длинным столом сидели рядом Захария и Кедра. Кедра своими тонкими пальцами с позолоченными ногтями перелистывала лежавшее перед ней досье.

— Вам лучше увидаться с Ридом, — сказал Захария.

Кедра слегка пожалала плечами:

— На поверхности? — спросила она.

— О, только не это!

— Разве не вам лучше всего вступить с ним в переговоры?

— А нужно ли вообще иметь с ним дело? — Захария кивком указал на стол.

— У вас есть план, но Рид не дурак. Он сам не раз использовал такие трюки. У нас должен быть один источник и один истинный план, а другой — для отвлечения Рида. Вы знаете, что я имею в виду.

— Представляю себе. Вы основываетесь на положении, что сейчас Рид необходим, но позже будет опасен.

Она кивнула.

Захария взял ее за руку и легко провел пальцем по позолоченным ногтям.

— Но когда? Этого мы не знаем. А до того времени Сэм будет все укреплять свою позицию. Сейчас он, возможно, уязвим, но позже станет неуязвимым. Но сейчас мы не можем ударить по нему. Не можем, если хотим, чтобы поверхность Венеры была колонизована.

— Хейл прав, — мелодично произнесла она. — Мы слишком долго ждали.

— Не совсем так... Впрочем, одна ошибка еще не означает поражения. Вопрос в том, кто пешка, а кто игрок. Рид думает, что игрок он. Пусть продолжает верить в это, пока...

— Пока?

Захария посмотрел на хрустальное растение на стене и не отвечал, пока растение не выпустило бутон и не расцвело.

— Пока он служит безопасности поверхности. Точное время назвать невозможно. Но нам потребуется бомба. Заложить ее нужно сейчас, пусть лежит, а потом, когда нам потребуется, взорвется.

— Таков мой план, — подтвердила Кедра. — Единственно возможная бомба замедленного действия — это бомба, которую бессмертный может использовать против бессмертного.

— Что же это?

— То, что мы можем поместить рядом с ним. Оно должно всегда оставаться рядом с ним, постоянно угрожать взрывом и действовать в течение по крайней мере двадцати лет. Этого времени будет достаточно. Сэм должен хотеть, чтобы эта бомба была рядом. Это должно быть что-то такое, в чем он нуждается. Что-то привычное, удовлетворяющее потребности Сэма, — главное, Сэм ничего не должен подозревать.

Бомба должна казаться совершенной безвредной и пройти через все проверки, которым подвергнет ее Сэм. Даже если он проследит за... конструированием.

Захария усмехнулся.

— Конструирование?

— Рождение.

— Конечно. Человеческая бомба замедленного действия. Как вы говорите, единственное оружие, которое бессмертный может применить против бессмертного в данных обстоятельствах. Каковы же затруднения?

— Теперь мне нужна ваша помощь, Захария. Мы должны начать до рождения. Мы должны вырастить бомбу с самого гена, предусмотрительно отнестись к каждому ее шагу и очень тщательно скрыть следы. Думаю, что знаю, как это сделать. Но вначале... вначале дедукция, затем индукция. Вот резюме информации о Сэме Риде.

— Но не из общественных...

— Я использовала и наши данные. О, мы знаем о Сэме Риде больше, чем он подозревает. Психологически он нами вполне изучен.

— Он может измениться через пять лет. Или же через пятьдесят.

— Мы можем построить предсказывающие графики. Основные элементы не меняются. Я знаю, он всегда будет испытывать слабость к голубому цвету. У нашей бомбы будут голубые глаза.

Захария начал смеяться. Но Кедрa не смеялась. Она сделала раздраженный жест и взяла в руки фотографию.

Захария стал серьезным. Он проницательно взглянул на нее.

— Интересно, какими методами вы руководствуетесь, Кедрa? — спросил он. — Знаете ли вы это сами?

Она спокойно ответила:

— Я выделила множество факторов и составила описание человека, которого Сэм может иметь рядом с собой, скажем, через восемнадцать лет. В своем предсказании я, естественно, исхожу из успеха колонизации. В этом вопросе мы с Сэмом должны работать вместе. Наша бомба должна быть специально подготовлена, чтобы ее таланты и способности оказались необходимы ему. Внешность и другие физические данные тоже очень важны. Сэм предпочитает определенные типы голосов и лиц. Он не любит другие. Ну... я подготовила изображение человека, который ему нужен.

Она перебрала фотографии.

— Затем я исследовала жизненную статистику в поисках необходимой женщины и мужчины. Я проверила наследственность, и вообще абсолютно все. Я могу точно предсказать, каким будет их ребенок, особенно если он родится в определенных условиях, которые мы организуем, нелегально, конечно.

Харкер взял фотографии юноши и девушки.

— Они знают друг друга?

— Еще нет. Но узнают. Мужчина болел. Я заразила его — он хотел уехать в колонию. Мы удержим его здесь и устроим встречу с девушкой. Но наши руки должны быть абсолютно скрыты.

Захария неожиданно заинтересовался. Он наклонился, рассматривая многочисленные таблицы.

— Чем он занимается? А... вижу. Ему нужно дать что-нибудь интересное. И надо быть уверенным, что он останется в Делавэре. Думаю, что мы сможем потянуть за нужные ниточки. Да, я уверен в этом. Мы можем организовать их встречу и брак, но ребенок?

— Очень просто. Нам хорошо известен период ее плодородия.

— Я имею в виду, если будет не мальчик, а девочка?

— Она будет еще привлекательнее для Сэма Рида, — прошептала Кедра и замолчала на некоторое время. Неожиданно она отбросила фотографии девушки в сторону.

— Психодинамика — вот ответ на все вопросы, — резко сказала она. — Ребенок — мальчик это или девочка, с самого рождения подвергнется психодинамической обработке. В тайне, разумеется. Даже родители не будут этого знать. После каждого сеанса воспоминание о нем будет стираться, и ребенок будет находиться под постоянным глубоким гипнозом. К восемнадцати годам в его сознании закрепятся приказы, которым он не сможет сопротивляться.

— Убивать?

Кедра пожала плечами.

— Разрушать. Пока невозможно знать и сказать, что будет эффективнее. Конечно, гипнозом невозможно заставить человека совершить действие, которое он не может совершить сознательно. Мальчика нужно будет подготовить так, чтобы у него не было угрызений совести по поводу Сэма Рида. Должен существовать некий спусковой крючок — мы введем его гипнотически. Этот спусковой крючок должен действовать лишь тогда, когда это нам понадобится.

Захария задумчиво кивнул.

— Хорошо. Немного сложно, конечно. А вы уверены, что мы не переоцениваем этого человека?

— Я знаю Сэма Рида. Не забывайте о его прошлом. В годы, когда формируется личность, он считал себя короткоживущим. А жизнь в башнях выработала у него чрезвычайно сильный инстинкт самосохранения. Он, подобно дикому животному, всегда настороже. Вероятно, мы могли бы убить его сейчас, но мы не хотим этого. Он нам нужен. Вся наша цивилизация нуждается в нем. Позже, когда он станет слишком опасен, мы захотим его уничтожить. Тогда...

Захария, следя за медленно распускавшимся каменным цветком, произнес:

— Да, таков общий замысел. Каждый автократ знает, как опасна его позиция. Мы лучше правили бы башнями, если б всегда помнили об этом. А Сэм, чтобы выжить, должен стать автократом.

— Даже сейчас было бы очень трудно напасть на него, — сказала Кедра, — а через девять-двенадцать лет, двадцать... пятьдесят... он станет по-настоящему неуязвим. Каждый год и каждый час этого времени он будет сражаться. Сражаться с Венерой, с нами, с собственными людьми, со всем окружающим. Он даже не станет жить в колонии Плимут. Здесь, в башнях, ничего не меняется, поэтому нам трудно приспособиться к постоянным изменениям, происходящим на поверхности. Наша собственная технология сделает его неуязвимым — защитные средства, психоло-

гические барьеры, экраны... да, я думаю, нам понадобится что-то вроде такой бомбы, чтобы добраться до него тогда.

— Путь сложный, и в то же время простой. Сэм будет ожидать какого-нибудь хитроумного нападения. Он и не подумает, что наше оружие — это пистолет в руках мальчишки.

— Может потребоваться пятьдесят лет, — сказала Кедр. — В первый раз может не получиться. И во второй тоже. План, возможно, придется изменить, но начать нужно сейчас.

— А вы отправитесь на поверхность, чтобы повидаться с ним?

Она покачала головой.

— Я не хочу на поверхность, Захария. Почему вы настаиваете?

— Он гадает, что мы предпримем. Что ж, дадим ему ответ. Не совсем верный. Сэм не дурак. Но если мы заставим его подозревать нас в меньших подвохах, то голова его будет слишком занята, и он не сможет уследить за нашим главным проектом.

— Отправляйтесь вы.

Захария улыбнулся.

— У меня тоже есть личные причины, дорогая. Я хочу, чтобы вы увиделись с Сэмом Ридом. Он больше не побежденная сторона. Он начал изменяться. Я хочу, чтобы вы общались с Сэмом Ридом, как с бессмертным.

Она бросила на него быстрый взгляд из-под золотых ресниц.

— Хорошо. Я поеду, но, возможно, вы об этом пожалеете...

...Хейл рассматривал центр острова Шесть: расчищенное место, где поднимается здание местной администрации. Колония прогрессировала. В отдаленных джунглях, ближе к берегу, все еще слышался рокот дробилок, но здесь уже царила созидательная, а не разрушительная активность. На площади в четыре акра древесные стволы были убраны, земля вспахана. Напряженно трудились топографы.

Неподалеку работал старик. Узнав Логиста, Хейл направился к нему. Бен Кроувелл распрямился, его морщинистое лицо было задумчиво.

— Привет, губернатор, — сказал он. — Тут как будто добрая почва, — он растер комок земли своими загрубевшими пальцами.

— Вам не следует здесь находиться, — заметил Хейл. — Впрочем, думаю, вам бесполезно приказывать.

Кроувелл улыбнулся.

— Не стоит. Я всегда могу зайти достаточно далеко, — он вновь принялся рассматривать растертый комок.

— Сейчас он отравлен, но это пройдет, когда начнут работать анаэробные бактерии...

— Вначале мы начинили почву бактериофагами, — заметил Хейл.

Отряд землекопов и топографов находился на некотором расстоянии, и они могли говорить, не боясь, что их подслушивают. Хейл добавил:

— В почве сейчас еще слишком много опасных насекомых.

— Но все же она хороша. Даже слишком богата. К западу почва несколько кисловата: понадобится известкование. На этом острове можно выращивать добрый урожай.

Человек с бачком на спине, снабженным рукавом и приспособлением, похожим на огромный шприц для подкожных инъекций, подошел к разровненной площадке и начал втыкивать телескопическую иглу шприца в землю.

— Один из них? — спросил Кроувелл.

— Корни растений достигают двадцати футов в длину и уходят на глубину десяти футов. Единственный способ уничтожить их — накачать ядом.

— Что-то подобное было и на Земле. Имелось и научное название. Но мы использовали керосин, чтобы убивать их. Растения на Земле никогда не росли так быстро, как на Венере. Сейчас это плохо, но когда мы посадим культурные растения, это станет преимуществом. Может быть, за двадцать дней получим урожай, — он покачал головой, одобрительно посмеиваясь.

— Если сумеем уничтожить дикие растения.

— Есть лишь один путь — выдергивать их. Хотя можно испытать дику яблоню, — Кроувелл пожал плечами. — Дикая яблоня устоит даже против венерианской растительности. Послушайте, почему бы вместо того, чтобы начинать почву ядами, не испытать дику яблоню? Братец, она прорастет!

— Проверю, — пробормотал Хейл. — Спасибо. Нет ли еще идей? Или это против ваших правил?

Логист рассмеялся.

— Чепуха, я могу делать предположения. Они не изменят будущего — кто-нибудь все равно догадается посадить дику яблоню, раньше или позже. Лишь в большие проблемы я не должен вмешиваться. Они могут в данный момент казаться незначительными, но я знаю.

Он посмотрел через груды сваленных стволов в сторону берега. Далеко за заливом находился материк, где стоял похожий на утес старый форт Думен. Сейчас на его изъеденных, одетых лишайником стенах наблюдалась необычная активность. Яркие вспышки появлялись тут и там. От материка к острову, туда и обратно, спешили многочисленные корабли.

— Что происходит? — спросил Кроувелл. — Восстанавливаете форт?

— Это идея Сэма, — ответил Хейл. — Думаю, он боится, что я начинаю перехватывать инициативу. Я начал работы на островах без предварительного обсуждения с ним. И он сделал то же самое.

Кроувелл призадумался.

— Да? И что же он делает?

— Начал расчищать старый форт. Мы еще не готовы браться за второй материк. Впрочем, я думаю, что все в порядке. Думен построен прочно. Я помню..., — он тоже посмотрел на берег, лицо его слегка изменилось. — Там всегда находится дежурный гарнизон. Джунгли все время готовы поглотить нас, если представится случай. Растения... и животные. Но тогда башня снабжала нас оборудованием: ультрафиолетовые батареи, тепловые лучи, кислота. Вольные товарищи всегда вели войну на два фронта. Один — постоянная война с другими компаниями. Да и борьба с джунглями не прекращалась.

— Может, Сэм откусил слишком большой кусок и не в состоянии его проглотить? — спросил Логист.

— Нет, у него есть оборудование и люди. Очистив форт, он сможет двинуться дальше, в глубь материка, но пока он этого не хочет. Он говорит, что использует форт, как вспомогательную базу, и двинется к архипелагу навстречу мне. Это сэкономит время — работа будет вестись с обоих концов островной цепи. Неплохая идея!

— У него достаточно людей?

— Пять тысяч, — сказал Хейл. — Достаточно... но не очень много. У нас здесь есть немного лишних людей, но нам надо держать их на непредвиденный случай. Никогда не знаешь, куда понадобится бросить дополнительные силы против джунглей. А каждая расчищенная миля означает дополнительных людей на ней.

Еще пять тысяч придут, когда у нас будет достаточно места для их размещения.

— Ссор еще нет? — спросил Кроувелл.

Хейл пристально взглянул на него.

— Ожидаете неприятностей?

— Не думай, что это мое предсказание, сынок. Пять тысяч людей, занимающихся тяжелой работой, и еще новые прибывающие. И все ждут обещанного бессмертия. Их нельзя вечно держать в ожидании. Может начаться ад.

— Что вы знаете об этом деле с бессмертием? — спросил Хейл, оглядываясь.

Логист только улыбнулся.

Хейл смотрел на берег, где яркие вспышки очищали стены старого форта. Он сказал:

— Вы знаете, и я знаю. Но никто не может знать точно — кроме Сэма. Он утверждает, что можно получить бессмертие, подвергаясь воздействию радиации на Венере. Мы же родились на Земле.

— О, на Земле было немало радиации, как раз перед взрывом, — согласился Кроуелл.

— Будут неприятности. Вы знаете. Это может случиться и здесь. Людям пришлось оставить Землю и перебраться на Венеру. Но если это случится снова...

— Похоже на рака-отшельника. Когда он перерастает свою раковину, то выползает из нее и находит другую. Многие могут сделать раковину тесной. Быстрый рост населения — как это случилось на Земле. Эти люди... — Кроуелл нахмурился и махнул рукой в сторону рабочих. — Возможно, они и переросли башни, хотя и не знают этого — человеку нужно многое.

— Вы останетесь в колонии? — спросил его Хейл.

— Да, на время. В глубине души я все же фермер. А что?

— О, вовсе не потому, что вы Логист. Вы бессмертный. И я тоже. Короткоживущие... нельзя слишком тесно связываться с ними, если вы бессмертный. Семьи башен... Сэм... Вы — единственный близкий мне человек на Венере.

— Мы оба провели лучшую часть своей жизни под открытым небом, сынок, — сказал Кроуелл. — И теперь ноги наши снова ходят по доброй коричневой почве. Не самую долгую, но лучшую часть жизни. У меня была Земля, у вас — Венера, но это одно и то же. Я знаю, что вы имеете в виду. Я чувствую себя рядом с вами, как дома, хотя вы иногда поступаете по-дурачки.

Они снова посмотрели на рабочих. Потом, следуя своей мысли, Хейл сказал:

— Нам придется милитаризироваться. Это предложил Сэм, но я и сам подумывал об этом.

— Они не выглядят очень опасными, — ответил Кроуелл, рассматривая ближайший ряд.

— Дело не только в них. Нам вообще нужна военная организация. Военная дисциплина. Как в старых компаниях, но по-другому; и нужны мундиры и все прочее.

— Вы так думаете?

— Если вы отбираете у человека свободу, ему нужно дать что-то взамен. Пусть это даже будет взятка. Должен быть выход для индивидуальности. Если он не может носить непрочный целлофлекс, а здесь это невозможно, нужны прочные защитные ткани, — так дайте ему красивый мундир, знаки отличия, приспособления для отдыха, — но все это — организовано и под контролем; обещания бессмертия недостаточно, как

недостаточно и одной милитаризации, но вместе они немного отдалят взрыв. С вольными товарищами было по-другому: мы знали, чего ожидать, когда объединялись — и мы объединились, потому что хотели этого. Мы не ждали никакого вознаграждения, кроме самой жизни, именно такой образ жизни нам был нужен. А эти «добровольцы»... — я думаю, милитаризация вызовет сильный психологический эффект. — Хейл внимательно смотрел на Логиста. — Я думаю, почему Сэм высказал эту мысль? Хотелось бы знать все его мотивы. Его планы на будущее.

Кроувелл хихикнул.

— Узнаете, сынок, узнаете.

Хейл пнул хрупкое, длиной в фут, тело жука и следил, как оно, переворачиваясь, полетело через площадку к груде других блестящих мертвых насекомых, приготовленных к уничтожению. Одним из первых результатов опрыскивания острова был шуршащий дождь жуков, подобно радужному граду, падавших с неба, с листвы. Некоторые из них были способны оглушить человека.

— Вы должны мне сказать, — упрямо заявил Хейл. — Это спасает так много...

— Ошибаешься, сынок, — голос Кроувелла внезапно стал резким. — Кажется, я уже говорил, что предвидение будущего не означает способности его изменить. Позвольте прочесть вам небольшую лекцию о предвидении.

Кроувелл подтянул пояс и углубил мотыгу в дерн, переворачивая плодородную темную почву и внимательно рассматривая ее. Тон его изменился.

— Правда заключается в том, что поверхностные течения событий ничего не обозначают. Вспомни большие приливы — их можно заметить лишь спустя долгое время, и они слишком велики, чтобы их можно было изменить. Сѣна в море не остановит прилива. То, что его производит, будет продолжать действовать.

В XX веке на Земле многие понимали то, что происходит. Они говорили об этом. Говорили громко и часто. И это были люди, заслуживающие общего уважения. Им верили. Но этого оказалось недостаточно. Умы людей продолжали действовать в прежнем направлении. Так мы потеряли Землю.

Если вы предвидите будущее, вы должны оставаться свидетелем, и не больше. Помните Кассандру? Она знала будущее, но заплатила за это дорогой ценой, и никто ей не поверил. Предвидение автоматически аннулирует ваше участие. Вы видите определенное уравнение. Добавьте еще один фактор, ваше участие — и уравнение изменится. А фактор этот не поддается учету.

Понимаете, почему оракулы говорили загадками? Многие в прошлом умели предсказывать, но предсказания не сбывались.

Теперь послушайте. Допустим, перед вами две возможности. Вы можете завтра отправиться в башню Невада и заключить там сделку, которая принесет вам миллион кредитов. Или вы останетесь дома и будете убиты. Вы приходите ко мне и спрашиваете — как поступить: ехать или оставаться. Я знаю об этих двух возможностях, но руки мои связаны.

Потому что оба результата зависят исключительно от ваших личных мотивов и реакций. В ситуации «А» вы отправляетесь в башню Невада, не посоветовавшись со мной, отправляетесь в определенном настроении, с определенными реакциями, зафиксированными в вашем мозгу. Действуя в соответствии с ними, вы получаете миллион кредитов. Но вы советовались со мной. Я сказал вам, — ну, допустим, — поезжайте в Неваду.

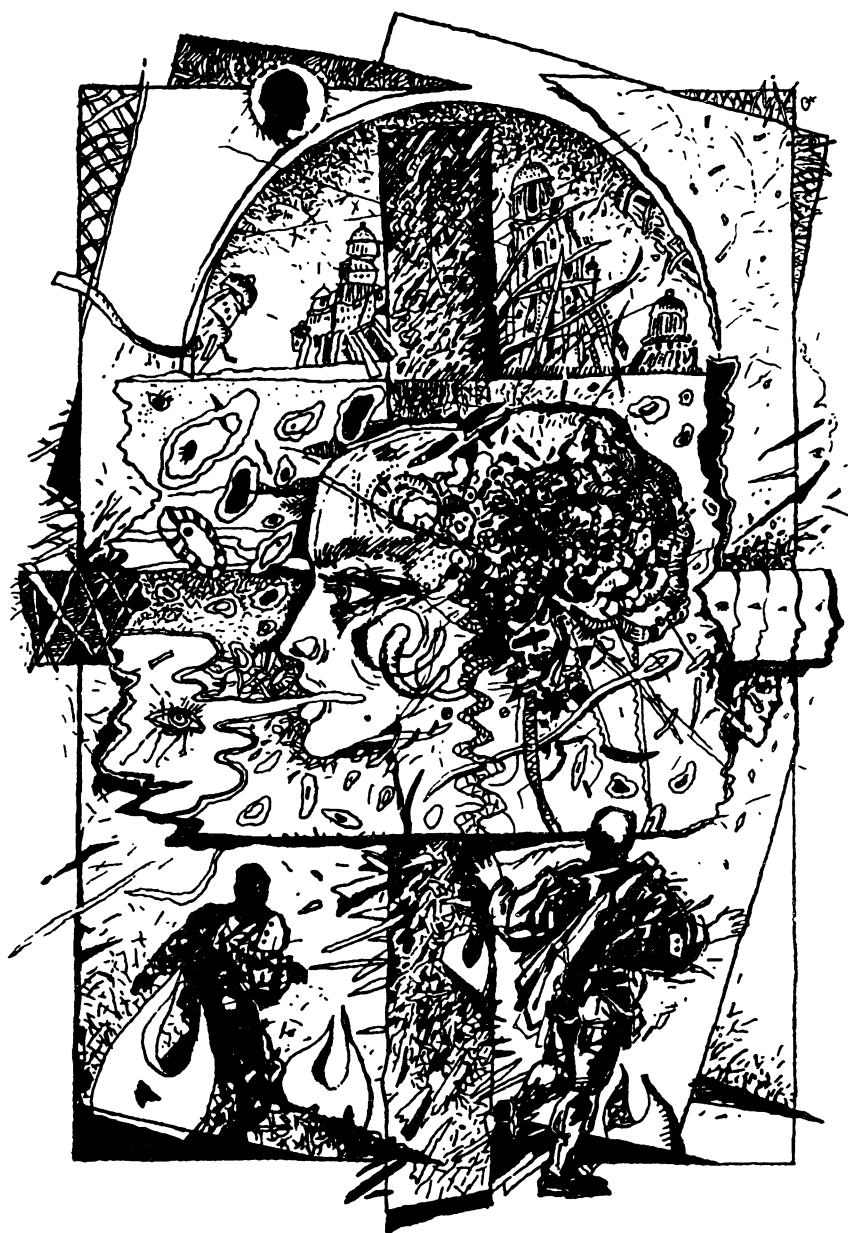
И вы поехали, но уже с иными психологическими возможностями — вы решили, что вас ждет что-то приятное, и отправляетесь с более пассивной настроенностью, ожидая мешка с золотом, в то время, как возможность получить миллион кредитов зависит от вашей настороженности и активности. Понятно?

Рассмотрим другую ситуацию. Вы не хотите ехать. Вы обдумываете и мой совет, желая остаться дома — и решаете, что я лжец, и мой совет в действительности — остаться. Вы остаетесь, и вас убивают.

Поэтому моя задача — сохранить все неизменным, не вмешивая дополнительный фактор — мое предсказание. Я должен учитывать вашу психологию. А это сложно: у меня ведь очень ограниченная информация. А предсказания главным образом основываются на законах логики. Это не колдовство. Зная вас, я так должен оформить свое предсказание, чтобы оно повлияло на ваше решение без изменения первоначального эмоционального состояния. Ибо это состояние является одним из тех факторов, на которых основывается предсказание.

Поэтому я не могу сказать: «Отправляйтесь в башню Невада!» — Это будет означать, что вы отправитесь пассивно. Я должен облечь мой совет в загадочную форму используя то, что я знаю о вас. Я мог бы сказать: «У дерева Кефт голубые листья», — это напомнит вам некоторые события, причем воспоминание будет совершенно естественным, а это, в свою очередь, вызовет у вас желание на некоторое время уехать из дома. Так я окольным путем — в этом я достаточно искусен — ввожу новый элемент в ваше эмоциональное состояние. Вы отправляетесь в башню Невада, но в то же время вы готовы действовать в соответствии со своим первоначальным состоянием.

И вы получите свой миллион кредитов.

Теперь вы знаете, почему оракулы говорят загадками. Будущее зависит от многих факторов, не поддающихся учету, поэтому оно может быть легко изменено словом.

В МОМЕНТ УЧАСТИЯ ПРЕДСКАЗАТЕЛЯ ПРЕДСКАЗАНИЕ СТАНОВИТСЯ ОШИБОЧНЫМ.

Логист затоптал вывернутый дерн. Затем посмотрел вверх и сухо улыбнулся.

— К тому же, — добавил он, — с точки зрения больших промежутков времени, вполне может быть, что для вас лучше было бы остаться дома и быть убитым.

Хейл смотрел на пламя, очищающее стены форта Думен. Некоторое время он молчал.

— Кажется, я понимаю, что вы имеете в виду, — произнес он наконец. — Только... очень трудно находиться так близко к ответам и не получить их.

— Я мог бы отвечать на каждый вопрос, с которым вы сталкиваетесь, и записывать эти ответы в маленькую книжечку, — сказал Логист. — Вы смогли бы отыскать в ней нужную страницу и прочесть ответ. Но что хорошего это даст? Я предсказываю только в определенных пределах. Я не могу дать ответы на все вопросы — только на те, по которым имею полную информацию. Если брать какой-то неизвестный фактор — фактор «икс», я не смогу дать точное предсказание.

А такой фактор есть. Я не знаю, каков он. И никогда не узнаю.

Будущее — это разум человека. Не атомная энергия уничтожила Землю...

...Изгиб за изгибом, большие белые стены форта Думен возвышались над джунглями. Сэму, глядевшему на них с радостью с расчищенной площадки в центре двора, они казались невероятно мощными.

Гладкие закругленные стены поднимались в три этажа. Время от времени в них попадались окна, перекрытые экранами.

В форте кипела жизнь. У большой дуги стен во дворе стояли бараки и склады. В больших высоких зданиях размещался госпиталь, лаборатории и квартиры офицеров.

На пристани началась суматоха, хотя Сэм еще не заметил этого. Мужчины и женщины прекращали работу и откровенно глазели на вновь прибывшую, проявляя, однако, унаследованное от прошлых поколений уважение к бессмертным.

Кедра безмятежно спускалась во двор, окликая кого-то по имени. Ее способности были феноменальными. В наряде, принятом в башнях, она выглядела бы кричаще показной в дневном свете, но она была слишком умна, чтобы не понимать этого.

Она спокойно сказала:

— Привет, Сэм.

Он сжал перед собой руки и слегка наклонил голову в полупоклоне, который давно уже заменили рукопожатием. Впервые он приветствовал ее, как равный.

Она засмеялась и положила свою узкую руку на его.

— Я представляю всех наших внизу, — сказала она. — Мы надеемся, что отныне мы сможем мирно работать вместе. Я... боже, Сэм, как вы можете дышать этим воздухом?

Наступила очередь Сэма рассмеяться. Он свистнул, и юноша, следивший за ним с блокнотом и авторучкой, приблизился со своего почтительного расстояния.

— Принесите ароматический шарик, — распорядился Сэм.

Юноша вернулся бегом, и Сэм вложил в руки Кедры шар с отверстиями. Он был наполнен свежими лепестками цветов, и теплота ее ладоней высвободила густой аромат, который сделал воздух более пригодным для дыхания.

— Привыкнете, — заверил ее Сэм, улыбаясь. — Мы все привыкли. Я не ожидал такой чести. Думал сам навестить вас.

— Вы были заняты, — она произнесла это грациозно и слегка нажала на руку, о которую оперлась. — Покажите мне все. Я так любопытна.

— Подождите немного! Подождите двадцать лет. Джунгли еще слишком густы и выделяют слишком много двуокиси углерода. Но подождите, будет лучше.

Она медленно шла рядом с ним, края ее плаща волочились по белой мостовой.

— Я верю вам, Сэм, — сказала она. — Я уверена, что вы согласитесь работать вместе с нами.

— Не так говорили вы сорок лет назад. Я еще не поблагодарил вас за сонный порошок, Кедр. Или за то, что вы присматривали за мной, пока я... спал, — говоря это, он не смотрел на нее, но по внезапной дрожи пальцев, по тому, как она подняла голову, он понял, что его догадка неверна.

— Нет, Сэм, не я. Я пыталась, но вы исчезли. Вы хотите сказать что не знаете, где находились все это время? Я прикажу своим людям поработать. Может быть, вместе мы доберемся до истины.

— Как хотите. Сомневаюсь, что они могут узнать что-либо помимо того, что узнали мои люди.

— Но Сэм, это... это страшно! Ведь кто-то же заботился о вас. Вы не могли просто исчезнуть на сорок лет. Кто это, Сэм?

— Когда-нибудь узнаю. Забудьте об этом. Смотрите, вот джунгли Настоящие, а не на экране.

Они поднимались по белым ступеням наружной лестницы, ведущей на укрепление. Сэм остановился и, облокотившись о парапет, посмотрел на полосу чистой серой земли, окружавшую форт, и на сплошную зеленую стену за ней.

Кедра бросила взгляд и отвернулась.

— Я вообще не думаю о джунглях. Вы проделали огромную работу, Сэм. Я знаю, Робин Хейл участвовал в ней, но ведь это так немного. Мы накопили большой опыт руководства людьми...

Сэм рассмеялся.

— Я поговорю с вами, но неужели вы думаете, что я доверяю хоть кому-нибудь из вас?

— Конечно, нет. Мы тоже не доверяем вам. Но, работая вместе, мы не спустим друг с друга глаз. Вам нужна поддержка, а нам необходим толчок. Так как, Сэм?

Он молча посмотрел на нее. Ему вспомнился момент, когда сонный порошок отрезал его от мира. Слишком горек был полученный Сэмом урок.

— Не выйдет. Наши мотивы слишком различны.

— Мы работаем ради одной цели.

— Нет. Я всегда действовал в одиночку. Так и будет впредь. Я не верю вам, Кедра.

— Я и не надеялась. Идите своим путем, но помните: мы хотим одного и того же. И если через несколько лет вы убедитесь, что наши цели совпадают, вспомните, Сэм, что это вы, а не мы отказались от сотрудничества...

— Итак, прошло пять лет, — сказал Бен Кроувелл. — Я так и рассчитывал.

— Вы хотите сказать — мы?

Кроувелл пожал плечами и неопределенно махнул рукой. Возможно, он указал на тьму за стеной, по которой они шли — расчищенные, усеянные прямоугольниками зданий земли, по которым человек мог безопасно идти три дня.

Нельзя было ничего рассмотреть. Проектора освещали заградительные проволочные сети от насекомых и часть территории за стеной, но дальше все тонуло во мгле.

Форт тоже изменился. Он вырос и сейчас возвышался на берегу, как чудовищно вооруженный зверь, такой огромный, что будучи живым, не смог бы двигаться по земле Венеры.

Любопытно — земля Венеры. Парадокс. Человечество всегда будет носить в себе свое земное наследство. Старый мир, старые мысли.

Старые мотивы.

Командир взвода Френч коснулся руки Кроувелла, и они повернули к наклонной рампе, мимо замаскированных стволов страшных пушек. Френч указал на них.

— Видите?

— Что это?

— Узнаете. Пошли.

Как всегда, на дворе, залитом ярким светом, кипела работа. Кроувелл и Френч пробирались сквозь толчею — только вкрадчивость подзрительна — а их открытые действия были лучшей маскировкой. Они вошли во флигель, Френч шел впереди.

Форт представлял собой лабиринт. Комната, в которую они вскоре вошли, была кладовой, но в данный момент служила другим целям. Здесь собрались почти пятьдесят человек — представители всех групп колоний. Кто-то негромко произнес пароль.

Френч сказал:

— Привет, Курт. Это Бен Кроувелл. Я за него ручаюсь. Садитесь сюда, Кроувелл, и слушайте.

Сам он двинулся в середину комнаты, то и дело поднимая руку для приветствия.

— Все в сборе? Закройте дверь. Охрана на месте.

Кто-то сказал:

— Побыстрее, Френч. Некоторым скоро на дежурство.

— Много времени не потребуется. Слушайте. Сегодня с нами с десяток новеньких, верно? Поднимите руки.

Кроувелл был одним из поднявших руки.

— Хорошо, — сказал Френч, — мы говорим сейчас для вас. Вы все уже убеждены, иначе вас бы сейчас не было здесь. И после выхода из этой комнаты вы не поведете неосторожных разговоров: мы тщательно проверили вас.

Он поколебался, осматриваясь.

— Главное — верит ли здесь еще кто-то в блеф Рида о бессмертии? В этот обман вечной юности?

Послышался голос:

— Однако, доказательств нет, командир.

Френч ответил:

— Я прибыл сюда пять лет назад. Мне было двадцать. Тогда только что расчистили остров Пять. Все строили большие планы на будущее. Предполагалось, что облучение должно продолжаться шесть — семь лет.

— Но ведь прошло только пять!

— Не нужно ждать сто лет, чтобы убедиться. Некоторых из нас осматривали доктора башен. Мы стареем. Все мы. Есть возможность

проверить. Например, количество кальция в кровеносных сосудах. Пять лет я потею здесь, а мог бы куда лучше провести это время в башнях.

— Мне нравится на поверхности, — сказал Бен Кроувелл, набивая трубку.

— Возможно, — сказал Френч, — но не в таких условиях. Мы знаем только работу. И ради чего? Ради Сэма Рида и Робина Хейла — строить, строить, строить! Мне не нужна такая прибыль.

Послышался новый голос:

— Вы правы. Я согласен. Но Рид сильно укрепил форт. Вы были здесь пять лет назад и знаете, каким он был раньше.

— Он слишком торопится. Дисциплина — ее здесь слишком много. Но зачем все эти тайные работы по вооружению? Предполагается, что никто не знает об этих новых орудиях, об электробластерах, о газовых установках. Но все они уже смонтированы.

— Джунгли?

— Семьдесят пять миль отсюда! — хмыкнул Френч. — А некоторые из этих новых орудий — они просто не имеют смысла! Календар, скажите им!

Встал Календар, приземистый, низкорослый человек в аккуратном синем мундире.

— Они полезны для обороны от людей. Могут уничтожать, например, атакующие танки. Но они слишком сильны даже для самых больших ящеров. К тому же, установлены дальнобойные орудия с самой сложной техникой, от радаров до видеокорректоров. Они способны поразить цель на расстоянии в пятьсот миль. Против кого они могут быть использованы? Какая другая батарея направлена на форт? А наш план строительства самолета? Колонизация на самолетах невозможна!

— Верно! Чего ожидает Рид? — спросил Френч. — Нападения из башен? Башни не будут сражаться! Их жители пользуются всеми удобствами, пока мы работаем здесь до полусмерти.

Послышался гул возмущения. Собравшиеся здесь люди не любили жителей башен. Этот гул говорил о чем-то новом на Венере. Такого результата Сэм Рид не ожидал. Сэм привык иметь дело с людьми башен, а это были люди нового типа.

Бен Кроувелл пускал дым и внимательно слушал.

Разгорелся яростный и гневный спор. Люди горячились. Естественно! Это была реакция на дисциплину. В горячем споре, а не в действии, они расходовали свои эмоции; когда они перестанут говорить — вулкан, вероятно, взорвется.

Бен Кроувелл уселся поудобнее, опираясь спиной на упаковочный ящик.

— ...что бы ни планировал Рид...

- ...пусть и люди башен работают...
- ...сколько еще времени мы дадим Риду...
- ...долго ли еще будем ждать?..

Френч постучал, требуя тишины.

— Есть несколько путей, но все нужно как следует рассчитать. Допустим, мы уьем Рида...

— Это нелегко. Он не допустит такой возможности.

— Он ничего не сможет сделать, если большинство колонии будет против него. А так и будет. Мы расширим нашу организацию. Избавившись от Рида и Хейла, мы захватим власть и сможем оставаться здесь. Нам будет принадлежать форт. А на Венере ничто не может уничтожить его.

— Хейл не дурак, и Рид тоже. Если они что-нибудь узнают о нас...

Френч сказал:

— Каждый уходящий с наших встреч проходит проверку на детекторе лжи. Ни один изменник не останется в живых...

...Я не зря прожил тысячу лет, — сказал Логист Хейлу. — Уж детектор лжи я обмануть могу.

Хейл отвернулся от решетчатого окна, смотревшего вниз, на стены, которые когда-то казались всем такими высокими. Он холодно сказал:

— Я знаю, что вы были на встрече. У меня есть свои шпионы.

— Ваш шпион узнал меня?

— Он никого не узнал. Он побывал в комнате позже и, учуяв табачный дым, определил ваш сорт табака. Во всяком случае, я кое-что знаю о происходящем.

— Что, например?

— Я знаю, что дисциплина начала падать. Люди небрежно салютуют. Не полируют пряжки. Я научился дисциплине в вольных компаниях. Я видел, как началось падение дисциплины в компании Мендеса, прежде чем его люди убили его. Тревожные признаки я заметил уже несколько месяцев назад.

Тогда я и нанял своих шпионов. Я знал, чего ожидать, и оказался прав. Началось...

— Что?

— Мятеж. Я знаю некоторых предводителей — но не всех.

— Сэм Рид?

— Я обсуждал этот вопрос с ним. Но, мне кажется, Сэм недооценивает опасность. Он так охраняет себя, будто его личная безопасность — это безопасность всей колонии.

Я хочу, чтобы вы рассказали мне, что происходит. Я знаю — вы можете это. Я могу получить информацию и другим путем, но мне хотелось бы обсудить ее с вами.

— Я знаю, что вы можете получить информацию о них, — сказал Кроувелл. — Буду рад поговорить с вами. Я знал, что вы подозреваете меня, но сам не хотел навязываться, чтобы не изменять хода событий. Я предпочитаю пассивность. Вероятно, я кажусь недовольным. Бог знает, почему... Нет, я знаю. А вы? — он посмотрел на Хейла поверх руки, державшей трубку.

Хейл покачал головой.

— Нет, я... погодите. Может, я знаю, — он снова подошел к окну и посмотрел на кипевший деятельностью двор. В колонии Плимут было гораздо больше активности, чем пять лет назад. Дисциплина превратилась в железную нестигаемость. Но людям казалось, что по мере завоевания поверхности дисциплина становится бессмысленной.

— У Сэма есть свои причины, — проговорил Хейл, глядя вниз. — Не знаю, каковы они, но могу догадаться. Его время кончается. Равновесие рушится слишком быстро. Люди начинают утрачивать веру в бессмертие — и начинают задавать вопросы. Сэм знает, что равновесие нарушено, но, думаю, он не понимает, что его нарушило. Эти люди — не жители башен.

— Верно, — Кроувелл улыбнулся, — люди башен предпочитают, чтобы за них думали их лидеры. А на поверхности люди вынуждены быстро действовать, иначе они просто не выживут. Возвращается время пионеров, и мне это нравится. Скоро начнутся волнения.

— Да, волнения, и серьезные, если мы вовремя не примем мер.

— Сейчас? — Кроувелл проницательно посмотрел на вольного товарища.

— Еще нет, — ответил Хейл. — Отчасти мне хочется посмотреть, как далеко они зайдут. А отчасти — я не знаю точно. У меня такое чувство, будто в заговорах и мятежах есть нечто такое, что не должно быть уничтожено.

Пионеский дух. Я понимаю, о чем вы говорите. Мятеж — не ответ, но он — добрый знак.

— Вы позволите им победить?

— Нет. Я не могу этого сделать. Пока они еще нуждаются и в Сэме и во мне, что бы они не думали. Если мятежники возьмут верх, они вернутся в башни и погрязнут в прежней апатии. Это критический период. И у Сэма есть определенный план, которого я еще не знаю, но готов поручиться, что Сэм будет на высоте. Он умеет позаботиться о себе. Его реакция на мятеж, если он воспримет его серьезно, будет заключаться в том, чтобы растоптать его. Но это означает растоптать дух независимости. Мне нужно подумать, Кроувелл. Бесполезно просить вас о совете, не так ли?

Кроувелл внимательно изучал свою погасшую трубку. Он покопался в ней заскорузлым пальцем.

— Что ж, — сказал он медленно, — не думаю, чтобы вы нуждались в моем совете, мой мальчик. Вы на правильном пути. Время идет. Вокруг все проснулось. Нет, на вашем месте я предоставил бы действовать естественным силам. Как вы говорите, Сэм Рид сумеет позаботиться о себе.

— Я предоставляю ему эту возможность, — пробормотал Хейл. — Значит, вы присмотрите за этими встречами? Я знаю, они обсуждают много планов, но у них нет ничего, близкого к завершению.

— Пока они выпускают пар. Действовать начнут еще не скоро.

— Следите за ними. Я пока ничего не буду делать. Подожду. Пусть Сэм начнет первым.

И Сэм начал первым.

Как обычно, он тщательно рассчитал время, учел каждую мелочь, и его действия были великолепны. Гамбит на арене дней и ночей был исключительно эффективен. Но противник — второй невидимый игрок? Кто был он?

Харкеры? Венера? Часть самого Сэма?

Он был готов.

Пробил час. Тайная подготовка была завершена. Он сидел в своем кабинете в большой башне, предназначенной им лично для себя. В этой башне находились его главные тайны. Но не в этом кабинете. Окна выходили на море. За ними виднелся архипелаг, теперь покрытый «фа-рами» — небольшими поселками под защитными куполами.

Избегая взгляда Хейла, он рассматривал небольшой плоский ящик на столе. Он был похож на картинную раму. В нем находилась сирена, медленно вспыхивающая от розового к темно-красному цвету. Сэм достал из серебряной коробочки насекомое и через небольшую дверцу отдал его сирене. В воздухе разнесся слабый аромат, и донеслось резкое электрическое гудение.

— Уберите, — попросил Хейл. — Я слишком часто вдыхал этот запах! Так что же насчет Кроувелла?

Сэм отодвинул клетку с сиреной в сторону.

— Я не знал, что он работает на вас. Он один из мятежников, вот и все. Поэтому я и арестовал его вместе с остальными.

— Почему вы ничего не сказали мне? Почему ждали, пока я уеду из форта?

— Вы явились через полчаса, — отпаривал Сэм. — Мне пришлось действовать быстро. Я знаю о заговоре больше, чем вы, судя по вашим словам. Возможно, Кроувелл ваш человек, но он плохой шпион.

— Я хочу, чтобы вы его освободили.

Сэм пожал плечами:

— Конечно. Но он теперь для вас бесполезен.

— Не совсем.

— Мы могли бы поговорить по визору. Совсем не нужно было вам возвращаться.

— Я хочу, чтобы никаких ошибок не было. Кроувелл должен быть освобожден. Разное случается. Неточный приказ, неправильно понятый охранником...

— Я никогда не видел, чтобы вы о ком-нибудь так заботились.

Почему вам так важен Кроувелл?

Хейл колебался. Наконец, он сказал:

— Я... верю ему.

Настала очередь Сэма помолчать. Потом он мягко сказал:

— Верите? И поверили бы с пистолетом за спиной?

Хейл кивнул.

— Может быть, когда-нибудь и я найду такого человека, — сухо сказал Сэм, — пока не нашел. Что ж, освободим Кроувелла.

— Уже наступило время суда? — Вы его проведете сегодня?

— Да. Я неожиданно обнаружил большую опасность. Наши враги вооружены лучше, чем мы думали. Возможно, их поддерживают башни. Не знаю. У меня еще не было времени рассказать вам об этом. Я организовал передачу суда для башен, они включатся с минуты на минуту. Идемте. Вы поймете, в чем дело.

Но он задержался, чтобы скормить сирене еще одно насекомое. Хейл спросил с явным нетерпением:

— Где вы раздобыли ее?

— О, это трофей.

— Еще молодая. Хотите держать ее? Она вырастет...

— Я знаю.

— ...И станет опасной. Это сирена, Сэм.

Сэм улыбнулся:

— Представьте ее диаметром в двадцать футов. На этой стене.

— И вы идете ей в пасть.

— Я не подвержен гипнозу, помните? И, во всяком случае, я приму меры предосторожности, когда она вырастет. Поляризованное стекло или стробоскопическое устройство, специальный фильтрующий тонометр для ее песни, приспособление для того, чтобы удерживать ее запах на безопасном уровне. Идемте же. Суд начинается.

Они вышли вместе.

Хейл спросил:

— Сколько мятежников вы задержали?

— Около семидесяти. Некоторые из них пригодятся в других местах. Других слишком опасно оставлять в живых...

Сэм неожиданно умолк. Он и так сказал слишком много.

Вначале они освободили Кроувелла, а потом отправились в помещение, где должен был проходить суд. Там были установлены ряды видеокранов. Всюду виднелось множество охранников. Свыше семидесяти пленников без наручников были загнаны в отгороженную часть.

Сэм начал резко. Он говорил, обращаясь не только к пленным, но и ко всей колонии, и к башням. Начал он с описания деятельности недовольных, рассказал о своих растущих подозрениях, о том, что колонии с каждым часом увеличивают свою территорию, успешно завоевывая новые земли — и тут появляется подпольная организация. Она могла бы помешать всем людям Венеры когда-нибудь жить под открытым небом.

Он арестовал заговорщиков. Но ответвления заговора — множество похищений; похищали оборудование, материалы, оружие. Зачем?

Объективы телекамер нацелились на пленных.

— У нас цепкие когти, — заявил им Сэм. — Внешне вы начинали готовить мятеж, но за вами кто-то стоит. Кто-то, скрывающийся в абсолютной тайне. Либо вы его не знаете, либо не хотите говорить. Вас уже допрашивали. Кто ваш предводитель?

Молчание.

— У нас есть доказательства. Оборудование куда-то исчезло. Есть и другие обстоятельства. Мы найдем его, и оставшуюся часть вашей организации. Она представляет собой угрозу не только колонии, но и башням. И если такие люди захватят власть...

Невысказанная угроза повисла над Венерой.

— Со временем мы их найдем, и просим в этом содействия башен. А теперь — вы обвиняетесь в измене. Вы хотели свергнуть правительство колонии и захватить власть. После этого вы намеревались установить контроль над башнями. Кто у вас старший?

Из толпы пленников выступил вперед человек. Голос его резко прозвучал с экрана.

— Я старший... Мы все старшие! Где обещанное бессмертие?

Сэм презрительно сказал:

— Я не дурак. Зачем мне было давать вам бессмертие? Чтобы вы и дальше организовывали заговоры? Ни один из вас не подвергся радиационному облучению уже много месяцев. Минимальную дозу вы получили уже давно — чтобы у вас раньше времени не возникли подозрения; но бессмертие — не для вас, не для предателей! — лицо Сэма затвердело. — Губернатор Хейл и я ждали, надеялись выявить руководителей вашей организации. Определенные события вынудили нас дейст-

зовать. Мы по-прежнему намерены найти руководителя и обезвредить его, а пока нужно решить вопрос, что делать с предателями.

Я приговариваю вас к смерти!

Наступившее молчание было ему ответом. Оно было более напряженным на поверхности, чем в башнях. Люди колонии знали теперь, что такое время.

Сэм сделал легкий жест.

— Вас под охраной отвезут в любую выбранную вами башню. Никто из вас больше не вернется на поверхность. Колония для вас закрыта. Бессмертие — не для вас. У вас была возможность прожить тысячу лет, но вы сами лишили себя ее.

Вам не причинят вреда. Вас отведут в башни и отпустят. Там вы умрете, но не через тысячу лет, а через тридцать, сорок, а, может быть, и пятьдесят. Я лишаю вас благ бессмертия и таким образом приговариваю к смерти по естественным причинам.

Возвращайтесь в башни. Вы нам больше не нужны.

Суд был окончен...

...Суд: испытание способности...

— Ко всем башням: Вы больше не должны платить дань кориумом колонии Плимут. Вы должны платить ее правительству Венеры. Мы берем в свои руки контроль над планетой. У нас есть средства подкрепить свои требования...

— Колонии Плимут: возвращайте все ваши самолеты, иначе они будут немедленно уничтожены...

Триангуляция не смогла установить источник сообщения — он все время перемещался. Передача велась из различных пунктов, возможно, с самолетов, хотя радары не смогли обнаружить ни одного.

Ответ Сэма на вызов был краток:

— Сдавайтесь!

— У нас есть средство подкрепить наши требования...

На всех экранах башен и колоний появилось лицо Сэма.

— Колония Плимут организовала прочную оборону. Впервые мятежники выступили открыто. Теперь мы можем их найти и уничтожить. И мы их найдем! Смотрите наши телевизионные репортажи.

Нами отправлены специальные корабли для охраны башен. Мы принимаем все возможные меры предосторожности. Неопознанный самолет, приблизившийся к колонии Плимут, был обстрелян и отступил на юг.

Я вынужден заняться своими обязанностями. Один из наших офицеров будет постоянно информировать вас.

Сэм был один в своей башне. Вот уже несколько месяцев он в одиночестве управлял аппаратурой. Дальнейшее решение задачи будет нелегким.

С моря пришло очередное послание:

— Колония Плимут! Отзывайте свои самолеты! Вы не выдержите атомного нападения!

В сознании всех слушателей в башнях возник один и тот же образ: черный пластиковый шар, символизирующий погибшую Землю. Атомная энергия, война на Венере?! Ведь атомная энергия так легко выходит из-под контроля...

На экране виднелись джунгли. Самолеты Сэма отыскивали убийц, назвавших себя «Правительством Венеры».

— Это ультиматум. Вам дается сорок восемь часов. После этого одна из башен будет уничтожена.

Атомная бомба.

Это был старый, жуткий кошмар. Ужас, постигший расу семьсот лет назад.

Сорок восемь часов?

Время снова вернулось в башни.

Два самолета, подлетевшие слишком близко, были сбиты. Взрыва не последовало. Но угроза атомной бомбардировки оставалась реальной. Сэм объявил:

— Мы отзываем своих людей, занятых расширением колонии.

Его усталое напряженное лицо исчезло с экрана, сменившись изображением обширного расчищенного пространства на морском берегу со знакомой стеной джунглей на заднем плане. Виднелось несколько незнакомых строений.

— Мятежники еще не найдены, наши самолеты продолжают поиск...

На экране появились синие джунгли — съемка велась сверху.

— У вас осталось сорок семь часов. Колония Плимут, посадите свои самолеты.

Время...

— У вас осталось сорок шесть часов...

Страх охватил башни. Толпы заполнили все пути, собирались на перекрестках, где стояли большие общественные экраны.

Захария Харкер сказал Кедре:

— Политика похожа на организм. Пути — кровеносная система. Когда собираются слишком большие толпы — возникает опасность... гм... аневризма...

— Захария, — прошептала Кедра.

Он взял ее за руку.

— Не знаю, не знаю, моя дорогая. Что-нибудь придумаем. У нас еще сорок пять часов.

— У вас сорок четыре часа...

— Еще один нападающий самолет был сбит в тридцати милях от колонии Плимут. Атомного взрыва не было. Самолет управлялся с движущегося в море корабля по радио.

Хейл посмотрел на Логиста.

— Наладится, — Бен Кроувелл сосал свою трубку.

— Вам хорошо говорить. Вы знаете ответы, а я — нет.

— Время для настоящего беспокойства еще не пришло, — изрек Кроувелл.

— Вы видите безвредные самолеты и не думаете о подземном человеке, с корнями в двадцать футов длиной, ждущем своего часа. — Он взглянул на ближайший экран. — Ведь я не вмешиваюсь.

— Да. И вы выглядели бы иначе при угрозе атомной войны. Даже вольные компании поставили атомное оружие вне закона.

— У вас сорок три часа, — послышалось с экрана.

— У вас двадцать четыре часа...

— У вас двадцать часов...

— У вас шестнадцать часов...

— Говорит Сэм Рид. Мы нашли негодяев.

На экране появилось передаваемое сверху изображение джунглей. И тут началась бомбардировка. Кислота, огонь, лучи — вся ярость человечества столкнулась с яростью Венеры.

— Прекратите нападение! Мы уничтожим башни! Мы не колеблемся!

На месте джунглей теперь была черная и обожженная земля.

Почва крошилась и текла, как лава. Начало образовываться горячее белое озеро. Сверху обрушились фугасные бомбы, разбивая скалы, разбрызгивая озеро сверкающей радугой. И из опухших парящих глубин начала подниматься какая-то серая полукруглая поверхность.

На экранах появилось лицо Сэма.

— Вы видите тайную штаб-квартиру мятежников, — сказал он. — Сейчас вы увидите, как она будет разрушена.

Голос прокричал:

— Мы уничтожим башни! Прекратите нападение!!!

Взорвалась бомба. Серый купол был крепок, упала еще одна. И еще.

Шесть часов спустя Захария Харкер обратился к башням:

— Мятежники уничтожены Сэмом Ридом. Но у них был флот самоубийц. Умирая, они решили отомстить и заразили империумные купола всех башен радиоактивностью. Минутку...

Он исчез, но через несколько секунд появился снова.

— Мне только что передали новое сообщение. Уничтожены не все мятежники. Очевидно, несколько из них выжило. В настоящий момент они обезврежены, но будут представлять собой постоянную угрозу до тех пор, пока не будет полностью искоренена вся их организация.

Появилось лицо Сэма. Он почти небрежно сказал:

— Мы сделали все, для того, чтобы спасти положение, но последнее слово осталось за негодяями... Теперь всем вам придется покинуть башни или умереть. Я уже говорил, что мы планировали расширение колонии. В процессе подготовки мы расчистили большие территории и завезли туда оборудование. Все это — к вашим услугам. В час опасности мы должны действовать все вместе. Мы одна раса.

Вы можете эвакуировать башни за неделю?

— Придется.

— Хорошо. Будем работать вместе. Кедра предложила мне это, но я отказался. Теперь предлагаю сам. Мы пошлем к вам специалистов, чтобы помочь в отборе необходимого оборудования.

— Жизнь на поверхности будет трудна для стариков и больных.

— Тем больше работы выпадет на долю здоровых. Но есть много такого труда, который не требует физической силы. Отдайте его хилым старикам, тем самым вы освободите сильных для более важных задач. Придется много расчищать и строить.

— Наши специалисты расценивают период полураспада тория в двенадцать лет. Через это время мы сможем вернуться в башни. Но до тех пор нужно еще дожить. И не забывайте о выживших мятежниках. Они смогут реактивировать купола башен, если мы их не схватим, двенадцать лет — долгий срок.

— Да, — сказал Захария, глядя на лицо своего внука., — да, я думаю, срок будет очень долгим.

*И Господь сказал:
«Идите в землю, кото-
рую дал я Аврааму...
в землю, текущую моло-
ком и медом... И сыны
Израиля прошли по дну
моря, как по сухой
земле, и вода стеной
стояла справа и слева
от них».*

ИСХОД

Семьсот лет назад происходил последний исход человеческой расы. Сегодня он начался вновь. Перемещение огромных масс было слишком сложным, чтобы им мог руководить один человек, и впоследствии люди, оглядываясь назад, могли вспомнить лишь страшное смятение, истерию, близкую к панике, слепой протест против судьбы, и в то же время — сосредоточенное движение, подчиненное общему замыслу. Люди башен научились послушанию. Теперь они делали то, что им приказывали, неохотно, испуганно, но повиновались приказам тех, кто приказывал достаточно властно.

Кедра в последний раз осмотрела свою прекрасную комнату. Взгляд ее был долгим и спокойным, как сама комната.

— Мы не вернемся, — сказала она. Захария Харкер, ожидавший ее у выхода торопливо спросил:

— Почему?

— Вы знаете, что мы не вернемся. И это хорошо. Я ненавижу Сэма Рида. Он всегда заставлял меня глядеть в лицо неприятной правде.

— Интересно, сможем ли мы доказать, что он лжет?

Кедра покачала головой:

— Сейчас это уже не имеет значения. Мы знаем методы Сэма.

— Вы готовы, моя дорогая? Лифт ждет.

— Да, — она вздохнула, поворачиваясь к двери. — Я не чувствую, что отправляюсь на смерть. Я отстаю свое право на существование.

Он засмеялся.

— Я чувствую то же самое. Человечество снова выходит из моря на сушу, но даже Сэм Рид не может заставить нас полюбить этот переход.

— Он еще пожалеет об этом. — Она заколола плащ у горла и пересекла комнату, ступая по мягко пружинящему полу, по которому никогда не пройдет больше, разве что из любопытства лет через сто.

Захария промолчал, глядя на ее лицо...

— Я знал, что вы что-то задумали, когда позволили уйти мятежникам, — сказал Хейл. — Не в вашем характере отпускать кого-либо просто так, если вы можете его использовать.

Сэм взглянул на него из-под сдвинутых бровей.

— Вы хотели колонизировать поверхность — и теперь она колонизирована..., — сказал он.

— Подводные лодки без экипажей, самолеты с автопилотами, управляемые на расстоянии — все это было заготовлено заранее, — сказал Хейл, покачивая головой. — Ну что ж, вы это сделали.

— Через двенадцать лет, — спокойно ответил Сэм, — люди хорошо акклиматизируются... А еще через двенадцать им здесь так понравится, что невозможно будет их выгнать.

Хейл с минуту смотрел на Сэма своим пристальным взглядом, который уже так много видел на Венере. Наконец, он заговорил:

— Помните, что случилось с Моисеем, Сэм Рид? — спросил он негромко, и как классический прототип, не дожидаясь ответа, повернулся и вышел...

Толстые стены дрожали от грохота. Стол качнулся, и перо в руках Сэма вздрогнуло, он нахмурился. Шел уже третий день бомбардировки, и ему хотелось отвлечься от всех внешних раздражителей.

Молодая женщина в строгом коричневом костюме наклонилась вперед, глядя, как он пишет. От этого движения черные короткие волосы прямыми прядями упали по обе стороны лица. Она взяла лист, как только перо кончило писать, и пошла с ним по дрожавшему полу к собственному столу. На столе она включила телевизор и произнесла в передатчик несколько слов ясным чистым голосом.

— Хорошо, — сказал Сэм усталым голосом, когда она закончила, — хорошо, Сигна, пришлите теперь ко мне Захарию.

Она встала, двигаясь с совершенной грацией, и быстро пошла к двери. Двери открывались не в соседнюю комнату, а в небольшое контрольное помещение, пронизанное лучами, которые должны были обнаружить у входящего оружие. Сэм не хотел никаких неожиданностей. Впрочем, сейчас это не имело особого значения. По сигналу Сигны появились два охранника и остановились вместе с пленными, подвергаясь действию проверочных лучей. За ними вошли еще двое охранников.

— Захария, я хочу, чтобы вы отозвали своих людей.

Захария без особой симпатии взглянул на него, стараясь, как он часто это делал, найти сходство с Харкерами, чья кровь текла в них обоих.

— Почему я должен это сделать, Сэм? — спросил он.

— Ваше положение не подходит для вопросов. Я вас расстреляю, если до полудня атака не прекратится. Идите сюда, можете использовать мой передатчик.

— Нет, Сэм. Вам конец. На этот раз вы не можете выиграть.

— Раньше я всегда выигрывал. Выиграю и на этот раз.

— Нет, — сказал Захария и остановился в раздумьи, сколько выигрывал Сэм — легко, презрительно, из-за своей неуязвимости, сооруженной в годы мира.

— Мы не повстанцы, — спокойно сказал Захария. — Мы готовили это нападение с того самого дня, как вы выиграли у нас кориум с угрозой применения глубинных бомб. Помните, Сэм? Вы не делали ошибок в стратегии, но вам следовало бы быть повнимательней, когда вы увозили с собой оборудование из башен. Сейчас мы его используем...

— Вы кое-что забыли, — голова Сэма болела от непрерывной вибрации. Это затрудняло разговор. — Вы забыли о себе.

Вы ведь предпочтете прекратить нападение, чем быть расстрелянным, не так ли?

— Вам этого не понять.

Сэм нетерпеливо покачал головой.

— Вы бы напали на меня двадцать лет назад, если бы были так сильны. Вам не удастся меня одурачить, Харкер.

— Мы нуждались в вас тогда. Мы жили по молчаливому согласию, Сэм. Теперь оно кончилось. Бомбардировка — это не только пушки. Это... давление человеческих эмоций, которые вы так долго угнетали.

Сэм гневно ударил кулаком по дрожащему столу.

— Заткнитесь! — сказал он, — у меня болит голова от взрывов. Даю вам минуту на принятие решения, Харкер. После этого вы — конченный человек.

Но, говоря это, он ощущал в мозгу какую-то легкую неуверенность, источник которой он не мог определить.

Подсознательно он знал ответ. Слишком уж легко удалось захватить Захарию.

Он нервно осмотрел комнату, глаза его на мгновение, как и тысячу раз до этого, остановились на голубоглазой девушке за столом в противоположном углу. Она внимательно следила за всем происходящим и старалась ничего не упустить. Сэм знал, что может доверять ей. Эта уверенность согревала ему сердце.

Когда она впервые появилась в форте как секретарь, ей было восемнадцать лет. Родилась она в башне, но выросла на поверхности. Все вновь поступившие, разумеется, тщательно проверялись. Всех их подвергали внушению со стороны лучших психологов. Но Сигна росла быстрее остальных. Через год она была помощником секретаря в адми-

нистративном управлении. Еще через шесть месяцев она стала секретарем с собственным кабинетом. И вот однажды Сэм, подбирая свой личный персонал, обнаружил среди прошедших самый строгий отбор женское имя. При первой же встрече он выбрал именно ее.

Теперь ей было двадцать пять лет. Она не была наложницей Сэма, хотя мало кто в форте поверил бы в это.

Он видел, что ее что-то беспокоит. Он знал ее лицо так хорошо, что мог замечать на нем мельчайшую деталь. Когда она смотрела на Захарию, на лбу ее пролегалла складка, а лицо приобретало слегка неуверенное выражение.

Сэм взглянул на часы.

— Сорок секунд, — сказал он и оттолкнул кресло. Все находившиеся в комнате следили за ним.

Сэм потянулся к крышке ящичка, установленного в стене рядом с экраном, но его остановило гудение телевизора Сигны.

— Это вас, Сэм, — сказала она. — Хейл.

Он снова нажал кнопку, закрыв экран и пошел через комнату.

— Вы один, Сэм?

— Нет. Подождите, я переключусь на наушники.

Лицо на экране дернулось. Затем, по сигналу Сэма, оно исчезло, и в ушах его зазвучал голос Хейла, который больше никто не мог услышать

— Прорыв, — резко сказал Хейл.

— Большой?

— Очень. Они уже захватили несколько наших орудий и направляют их на нас. Через пять минут будет захвачен верхний двор. Сэм, я думаю, что нас кто-то предал. Они не могли знать, как действуют игольчатые орудия. Но они знают.

— У меня здесь Захария, — сказал он в передатчик. — Приходите. — Он снял наушники и сказал пленнику:

— Ваша минута истекла.

Захария колебался. Потом сказал:

— Я буду говорить с вами наедине, Сэм, и здесь никого не должно быть.

Сэм открыл ящик стола, достал плоский пистолет и положил его на дрожащий стол.

— Вы будете говорить сейчас, Захария Харкер, или я застрелю вас. — Он поднял пистолет и прицелился в лицо бессмертного.

Захария молчал. Издалека, приглушенный стенами, донесся пронзительный вопль игольчатой пушки. Удар, гром, долгий треск.

Захария сказал:

— Лучше позвольте мне поговорить с вами наедине, Сэм.

Колебание Сэма было недолгим. Он знал, что потрясен больше, чем подозревал, иначе он никогда не поддался бы на блеф. Но вот он медленно опустил пистолет и кивнул.

Сигна встала.

— Вы свободны, — сказала она охранникам.

Те повернулись и вышли. Сигна вопросительно взглянула на Сэма:

— Мне тоже уйти?

— Нет, — твердо ответил Сэм.

— Сэм... я лучше пойду, — голос ее звучал несколько неуверенно.

Но тут заговорил Захария.

— Оставайтесь, пожалуйста, — сказал он. Она бросила на него неуверенный взгляд.

Сэм следил за ними, опираясь руками на стол. Бомбардировка продолжалась. Время от времени воздух раздирали вопли снарядов игольчатых орудий.

— Хорошо, — сказал он. — Так что же, Харкер? Говорите быстрее, я тороплюсь.

Захария, руки которого были по-прежнему в наручниках, пересек комнату и посмотрел в окно на отдаленное море.

— Идите сюда, — сказал он. — Я вам хочу кое-что показать.

Сэм прошел по дрожащему полу и нетерпеливо спросил:

— Что? Что покажете? — Он остановился рядом с бессмертным на безопасном расстоянии — осторожность стала его второй натурой — и посмотрел в окно.

— Я ничего не вижу.

Захария просвистел начальные такты «Лили Булеро».

В комнате раздался грохот.

Сэм, чувствуя головокружение и задыхаясь, не мог понять, что происходит. «Игольчатый луч, — подумал он. — Но тогда вся комната должна была расколоться». Между тем, только он один стоял, тяжело дыша, прислонившись плечом к стене.

Он поднял голову. Захария по-прежнему стоял у окна, глядя на него со сдержанной жалостью. Комната не изменилась. Но что-то произошло с плечом Сэма. Теперь он вспомнил — в него пришелся удар. Протянув руку к окаменевшему плечу, он недоумевающе взглянул на ладонь. Она была красной. Что-то текло по его груди. Наклонив голову, он увидел кровь. Пуля попала в район ключицы.

Прозвучал мягкий, чистый голос Сигны:

— Сэм... Сэм!

— Все в порядке., — он успокаивал ее, не поднимая головы. Потом увидел ее и вздрогнул. Она стояла, держа пистолет двумя трясущимися руками. Большими глазами, в которых был испуг, она смотрела на него,

напряженно сжав губы и переводя взгляд с Сэма на Захарию. Выражение ее глаз было близко к безумию.

— Я... я сделала это, Сэм, — сказала она хриплым шепотом. — Не знаю почему, должна быть причина. Я не понимаю...

Харкер мягко прервал ее:

— Этого недостаточно, Сигна. Вы знаете, что нужно попытаться снова. Быстро, прежде чем он остановит вас.

— Я знаю... я знаю..., — голос ее дрожал.

Обычно она стреляла очень быстро и хорошо, но тут она поднимала пистолет двумя руками — робко, как школьница. Сэм видел, как ее палец притронулся к курку.

Он не стал больше ждать. Опустив руку, через ткань костюма он нащупал в кармане игольчатый пистолет — и выстрелил.

И не промахнулся.

Еще какое-то мгновение ее широко раскрытые глаза удивленно смотрели на него. Сэм едва услышал звук упавшего пистолета. Он смотрел ей в глаза, и вспомнил другую девушку с голубыми глазами, которая когда-то давно бросила ему в лицо сонный порошок.

— Розита, — как будто впервые вспомнил он ее имя и повернулся к Захарии. Все тот же треугольник: Захария, Розита, Сэм Рид — шестьдесят лет назад — и сейчас. Разницы нет. Но на этот раз...

Пальцы его вновь сомкнулись на игольчатом пистолете. Прозвучал выстрел. Когда луч коснулся груди Захарии, он как будто взорвался. Послышался гул высвободившейся энергии, вспыхнуло пламя, подобное маленькой звезде. Захария стоял невредимый и улыбался Сэму в лицо.

То, что он сказал, не имело смысла, но в словах его был вызов. У Сэма не было времени удивляться. Достав пистолет из сожженного кармана, он направил его в лицо Захарии. Здесь у бессмертного не может быть защиты.

Но курок нажать он не успел. Откуда-то послышался громкий голос:

— Вы выиграли, Харкер.

В глаза Сэму ослепительно сверкнула молния. Он знал, что это такое. Они с Хейлом носили с собой мощные вспышки, наводящие дисциплину лучше любого оружия. Они не ослепляли навсегда, но очень долго после вспышки человек не мог видеть.

В неожиданной тьме, проглотившей комнату, Сэм услышал голос Захарии:

— Спасибо, Хейл. Я был уверен в вас, но все же... Смерть была совсем близко.

Вольный товарищ произнес:

— Простите, Сэм.

Это было последнее, что услышал Сэм.

*И Моисей ушел на
равнины Моава...
И Господь сказал ему:
«Вот земля... ты
увидишь ее своими
глазами, но не уйдешь
из нее...» И Моисей
умер в земле Моав, и
ни один человек не
знает, где его могила.*
ВТОРОЗАКОНИЕ

Полутьма, рев ветра. Светлое пятно постепенно превратилось в пронизательное морщинистое лицо. Сэм узнал его. За ним была голая металлическая стена. Откуда-то пробивался тусклый свет.

Сэм попытался сесть, но не смог даже пошевелиться. Паника охватила его. Старик улыбнулся...

— Полегче, сынок, так должно быть. — Говоря это, он набивал трубку табаком. Поднес огонь, закурил, выпустил дым. Его взгляд сосредоточился на Сэме.

— Я кое-что расскажу тебе, сынок, — сказал он. — Теперь как раз время. Сейчас ты вполне здоров, пробыл здесь несколько недель, лечился, отдохнул. Никто, кроме меня, не знает...

— Где? Сэм попытался повернуть голову, чтобы рассмотреть источник света, форму комнаты, но не смог.

— ..Я уже давно подготовил это убежище, — продолжал Кроувелл, попыхивая трубкой. Решил, что оно может понадобиться для чего-нибудь такого. Оно под моим картофельным полем. Я уже много лет выращивал картошку.

Да, я бессмертный. Не похоже, а? — Я родился на Земле.

Он выпустил облако голубого дыма.

— На Земле было много хорошего. Но даже и тогда я видел, что приближается. Я видел вас, Сэм. О, не ваше имя и не ваше лицо, но я знал, что вы будете. Человек, подобный тебе, всегда появляется в нужное время. Я могу предсказать тебе будущее, Сэм. У меня есть такая редкая способность. Но я не могу вмешиваться, иначе я изменю будущее на что-нибудь непредсказуемое... да, о чем это я?

Сэм сделал огромное усилие, пытаясь пошевелить пальцами. Цветные пятна висели у него перед глазами. Он едва слышал бормотание старика.

— Легче, легче, — спокойно попросил Кроувелл. — Постарайся меня выслушать. Я Логист, Сэм. Помнишь замок Истины? Ты вначале не

поверил оракулу, не правда ли? А я был прав. Я был этой машиной, не делающей ошибок.

Вы были в замке в течении сорока лет, Сэм. Но ничего не помните. Вы спали под действием сонного порошка.

Сонный порошок? Сознание полностью вернулось к Сэму Риду. Он напряженно слушал. Неужели это ответ на вопрос, который он так долго искал? Кроувелл — его неизвестный хранитель? Но почему... почему?

— Захария хотел убить тебя. Я видел это. И я знал, что ему это не удастся, если вмешаюсь я. И я вмешался — а это значительно спутало карты. После этого я уже не могу точно предсказать будущее, пока линия событий не выровняется. Поэтому я разбудил тебя в переулке, без денег и без памяти, чтобы выровнять ход событий.

У тебя были свои затруднения, чтобы снова вырваться на поверхность, но когда тебе это удалось, все снова пошло правильно. Я смог видеть будущее.

Сэма это не интересовало. Если бы он только мог избавиться от паралича. Он должен... должен! Раньше у него всегда находились глубокие источники силы, которыми не обладает ни один человек. И сейчас у него должно получиться. Но не получалось.

— Ты не Сэм Рид, — произнес Логист. — Помнишь Блейза Харкера? У него был сын. Уже тогда Блейз начинал сходиться с ума, иначе бы он никогда не возненавидел своего ребенка настолько, чтобы так поступить с ним.

Ты вырос похожим на короткоживущего, но твоя настоящая фамилия — не Рид.

Блейз Харкер, Блейз Харкер, с искаженным лицом, бьющийся в смиренной рубашке... Блейз Харкер! Харкер!

Сэм — Харкер!

— Я не мог сказать тебе этого раньше, — говорил Кроувелл. — Это изменило бы будущее, а я этого не хотел. До сих пор мы нуждались в тебе, Сэм. Время от времени должен появляться сильный человек, подобный тебе, чтобы двигать мир вперед. Другие люди гораздо менее подготовлены. Например, Роб Хейл не смог бы. Он сделал часть, но не все.

Тебя бы ничто не смогло остановить. Ничто, если бы ты только сам этого не захотел.

Если бы ты не родился, если бы Блейз не сделал того, что он сделал, то все люди жили бы до сих пор в башнях. И через несколько столетий или через тысячу лет человечество могло бы исчезнуть. Я ясно видел это. Но теперь мы вышли на поверхность. Мы закончили колонизацию Венеры. А после этого мы сможем колонизировать Вселенную.

Только ты мог это сделать, Сэм. И мы тебе очень обязаны. Ты — великий человек. Но твои дни кончились. Ты действовал силой, ты сам — разрушительная сила. Ты — борьба и ярость. Но мы больше не можем использовать тебя, Сэм.

Ярость? Ослепительно-белым пламенем горела она в Сэме, она была настолько сильна, что пути его паралича едва не лопнули. Казалось странным, что такой накал ярости не бросает его на Кроувелла. Выбраться наружу, уничтожить Хейла, уничтожить Харкеров...

Харкеры. Но ведь он тоже Харкер!

Кроувелл сказал:

— Люди, подобные тебе, исключительно редки, Сэм. В нужное время и при нужных обстоятельствах они — спасение для человечества. Но этому должно прийти свое время — время уничтожения. В вас никогда не затухнет ярость. Вы должны находиться наверху. Либо ты выберешься туда, либо умрешь.

Если у тебя не будет врагов, ты начнешь бороться с друзьями. До сих пор твоим врагом была Венера, и ты победил ее. С кем же ты будешь сражаться сейчас?

— С людьми.

— Теперь наступает долгое время мира. Бессмертные берут руководство на себя. Они надежно правят людьми. Ты создал им для этого хороший фундамент. Но теперь тебе пора уходить.

Неожиданно Кроувелл захихикал.

— Ты думал, что обманывал, когда говорил, что на поверхности люди приобретут бессмертие? Но это оказалось правдой! Они получают бессмертие. Понимаешь?

Человечество умирало в башнях. Здесь, наверху, оно будет жить не вечно, но все же долго... очень долго. Раса получит бессмертие — ты дал его человечеству.

Он снова затянулся, выпустил дым и сквозь него задумчиво посмотрел на Сэма.

— Я редко вмешиваюсь в ход событий, — сказал он. — Только один раз мне пришлось убить человека. Я достаточно ясно видел, что произойдет, если этот человек останется жить. Это было так плохо, что хуже некуда.

Теперь я вмешиваюсь снова, потому что знаю, каким будет будущее. После этого я долго не смогу заглядывать вперед, но потом ход событий выровняется, и у меня снова появится эта способность.

На этот раз я не буду убивать. Став старше, я многое узнал. К тому же ты — бессмертный. И ты сможешь без вреда для себя спать долгое время. Все, что тебе придется делать, сынок, — это спать.

Надеюсь, ты умрешь во сне. Надеюсь, мне не придется тебя будить. Потому что, если я сделаю это — это будет означать, что дела опять очень плохи. Мы с тобой долгожители, мы проживем долго, а за это время может случиться многое.

Я кое-что вижу. Смутно, но я вижу, что джунгли могут вернуться. Могут появиться новые мутированные формы жизни — создания Венеры коварны. И мы ведь не останемся на Венере навсегда. Это только первая колония. Мы отправимся к звездам и другим планетам. Там тоже могут быть опасности. Может, кто-нибудь попытается колонизировать наш мир — так было всегда, и так будет.

Может быть, нам еще понадобится такой человек, как ты, Сэм. Тогда я разбужу тебя.

Мудрое коричневое лицо смотрело на Сэма сквозь облако дыма.

— Отныне, — сказал Кроувелл, — ты будешь спать. Ты сделал свою работу. Спи спокойно, сынок, и спокойной ночи.

Сэм лежал неподвижно. Свет потускнел, и он не был уверен, так ли это. Похоже, у него просто потемнело в глазах.

Ему о многом нужно было подумать, а времени мало. Он бессмертный. Он должен жить.

Сэм Харкер бессмертный. Харкер. Харкер.

В голове его звучала музыка карнавала в башне Делавэр, он видел яркие ленты на движущихся путях, вдыхал плывущие запахи, улыбнулся лицу Кедров...

Какую-то секунду он отчаянно цеплялся за край обламывающегося утеса, а жизнь и сознание раскалывались на куски под его руками.

Тьма и тишина заполнили погребенную комнату. Подземный Человек, глубоко погрузив корни, наконец уснул.

ЭПИЛОГ

Сэм проснулся...

ЗДЕСЬ БЫЛ ГНОМ

Рассказ

© *Henry Kuttner. A Gnome There Was.*

N. Y. : Simon & Schuster, 1950

© Перевод. О. С. Ладыженский, Д. Е. Громов, 1992

Никто не заставлял Тима Крокетта совать свой нос в шахты Дорнсетских гор. То, что обещает удачу в Калифорнии, может привести к самым отвратительным результатам в угольных копаниях Пенсильвании. Особенно, если в дело вмешиваются гномы.

Нельзя сказать, чтобы Тим Крокетт занимался специально гномами. Отнюдь, он входил в состав той южнокалифорнийской группы, члены которой изучали условия жизни угнетенного пролетариата, так и не выяснив окончательно, кто кому больше нужен — они пролетариату или пролетариат им.

Крокетт, подобно своим коллегам, считал рабочего помесью Гориллы и Человека Копающего, что не мешало ему произносить пламенные речи о поработанном меньшинстве, писать передовицы в печатном органе «Возрождение» и ловко уклоняться от любой конкретной работы. Он утверждал, что на него возложена миссия. К сожалению, объекты миссии питали к Тиму Крокетту минимум симпатии.

Сам Крокетт был длинным тощим молодым человеком с крохотными паучьими глазками, прекрасно разбирающимся в дешевых галстуках. Если ему что-то и требовалось — так это энергичный пинок пониже брюшного ремня.

Но уж никак не пинок от гномов!..

На средства папаши Тим рыскал по стране, активно исследуя жизнь рабочих, к великой досаде исследуемых. Именно эта идея и привела его в Дорнсетские шахты — переодетого под шахтера, и с лицом, тщательно вымазанным угольной пылью. Спускаясь на лифте, Крокетт чувствовал себя несколько неуверенно среди чистых людей с гладко выбритыми мытыми лицами. Он не учел, что шахтеры становились грязными лишь после рабочего дня.

До начала работы Тим шлялся туда-сюда, но вскоре по рельсам покатались груженные вагонетки, и прогуливаться стало затруднительно. Крокетт поколебался и направился к рослому субъекту, чье лицо хранило следы великой печали.

— Эй, приятель, — лихо начал коммуникабельный миссионер, — я хотел бы поговорить с тобой!

— Инглишский? — вопросительно отозвался абориген. — Знаю. Вишки. Вино. Много. Ад.

Истощив запас английских слов, собеседник удовлетворенно рассмеялся и вернулся к работе, оставив сбитого с толку Крокетта стоять в стороне. За неимением новой жертвы пришедшему в себя Тиму пришлось отправиться по следам последней груженной вагонетки, что он и сделал, периодически вынуждаемый ползти на животе, больно стукаясь затылком о низкий потолок.

Рельсы уходили в пролом стены, куда и хотел последовать Крокетт, но его остановил хриплый вопль. В крайне непечатных выражениях Тима приглашали подойти поближе для сворачивания шеи и других проявлений членовредительства. Внешний вид кричавшего наводил на мысль о наемном убийце, и неудачливый исследователь кинулся прочь, лихорадочно высматривая боковой туннель. Вослед ему несли неразборчивый рык, посылавший бегущего в различные неуютные места — и внезапно Крокетт остановился, уловив смысл последней реплики:

— ...пока не взорвался динамит!!!

Вот в этот самый момент динамит и взорвался.

Сначала Крокетт обнаружил, что летит, потом способность соображать была на некоторое время утрачена, а когда она вернулась к владельцу, то первым ощущением Крокетта было то, что на него смотрит чья-то голова.

Вид этой головы не приносил утешения — вряд ли бы вы выбрали себе в друзья ее обладателя. Странная голова, весьма странная — чтобы не сказать «отталкивающая».

Крокетт настолько увлекся созерцанием, что даже не обратил внимания на неожиданное умение видеть в темноте.

Ваялся Тим в заброшенной неиспользуемой шахте, и эта информация в ряде случаев толкала заваленных шахтеров на необдуманные поступки. Крокетт судорожно моргнул — и, когда он снова открыл глаза, то обнаружил, что голова исчезла. Первый случай после взрыва, который поднял Тиму настроение. Увы, и последний.

Конечно же, видение было галлюцинацией! Собственно, Крокетт не мог даже толком вспомнить, как она выглядела. Остались лишь смутные воспоминания о контурах огромной луковицы, блестящих круглых глаз и неправдоподобно широкой щели рта.

Застонав, Крокетт сел и попытался определить происхождение серебряного сияния, заполнявшего туннель. Оно напоминало дневной свет в туманный день, не давало тени и не имело источника. «Радий» — подумал Крокетт, ничего не смысливший в минералогии.

Шахта уходила резко вперед, и так же резко упиралась в обломки рухнувшего свода. Тиму мгновенно стало трудно дышать. Издавая нечленораздельные вхохлущие звуки, он кинулся вперед и принялся лихорадочно разбрасывать обломки.

Но когда он увидел собственные руки, его движения замедлились и продолжали замедляться до перехода к полной неподвижности.

Замерев в неудобной позе, он уставился на два шишковатых удивительных предмета, росших из его кистей. Может быть, будучи без сознания, он успел надеть рукавицы?

Но никакие рукавицы никогда и ни под каким видом не будут похожи на то, что Крокетт имел полное основание считать своими руками. Руки были изменены. Они превратились в два массивных шишковатых коричневых клубня, похожих на узловатые корни дуба. Тыльная сторона новых конечностей обросла густой черной шерстью, ногти явно требовали маникюра — причем в качестве инструмента лучше всего подходило зубило.

Крокетт с трудом повернул голову и оглядел себя с ног до макушки. Из груди его вырвался тоненький цыплячий писк. Короткие кривые ноги, толстые и мощные, ступни длиной в два фута, и это еще не все...

Рост немногим более четырех футов, ширина... ширина почти такая же, плюс-минус полфута. Наличие выгнутой груди и косолапости полностью искупалось отсутствием шеи, а одежду составляли красные сандалии, голубые шорты и пурпурная блуза с коротенькими рукавами. Ну, а из рукавов и торчало то, что Крокетт обнаружил в первую очередь.

Его голова! Контуры огромной луковицы, широченная щель рта...

Крокетт лег на землю и скрестил руки на груди. Он умирает от кислородной недостаточности, и перед смертью его посещают видения.

— Я умираю, — трагически произнес Крокетт. — Мне нечем дышать.

— Ну и дурак, — заявил совсем рядом чей-то презрительный голос.

Тим вздрогнул. Теперь еще и слуховые галлюцинации!..

— На редкость вшивый образчик гнома, — продолжал наглый голос. — Но, согласно закону Нида, выбирать не приходится. Копать твердые металлы тебе все равно не позволят, а антрацит — примерно твоей скорости. Что ты пялишься, дубина? Ты куда уродливее, чем я.

Крокетт собрался было облизать пересохшие губы и с ужасом обнаружил, что кончик его влажного языка достает примерно до середины лба. Он засунул язык обратно, громко причмокнув, и принял сидячее положение. После чего застыл в неподвижности.

Снова появилась голова. На этот раз с ней было и тело.

— Я Гру Магру, — заявила голова. — Ты тоже получишь гномье имя, если только твое не слишком противное. Как оно звучит?

— Крокетт, — ответ прозвучал автоматически.

— Довольно-таки гнусно, но пока сойдет. А теперь, Крокетт, вставай и следуй за мной, иначе получишь хорошего пинка.

Но Крокетт встал не сразу. Он разглядывал Гру, который явно был гномом.

Короткий, приземистый и плотный, он напоминал маленький раздутый баллончик, покрытый луковицей с огромной щелью рта, пуговицей носа и двумя крайне большими глазами.

— Вставай, — раздраженно повторил Гру Магру.

«Если меня вынудят сделать хоть шаг, — подумал несчастный Крокетт, — я сойду с ума. И это будет как раз то, что надо. Гномы...»

Гру Магру выставил вперед свою большую косолапую ногу, придирчиво оценил позицию — и Крокетт, описав дугу, слетел со своего валуна.

— Вставай, — в третий раз сказал гном; его настроение опять ухудшилось, — иначе я тебе так напощадам... Мне по уши хватает перспективы патрулирования с возможностью в любой момент налететь на человека.

— Уже, уже... — Крокетт встал.

Гру Магру схватил его за руку и поволок в глубины туннелей.

— Ну, теперь ты почти настоящий гном, — бубнил он себе под нос, — таков закон Нида. Хотя такая овчинка может и не стоить выделки. Но что поделать, если гномы не в состоянии воспроизводиться, а плотность населения обязана поддерживаться... Ты хочешь поддерживать плотность населения?

— Я хочу сдохнуть, — яростно бросил Крокетт.

Гру Магру расхохотался.

— Гномы не дохнут. Они бессмертны до самого Дня. Я имею в виду Судный День.

— Нелогично, — заметил Крокетт, как будто одно несоответствие могло исправить бредовость ситуации. — Или вы состоите из плоти и крови, и тогда смертны, — или вы бестелесны, и тогда нереальны.

— Есть третий вариант, — наставительно сказал Гру Магру. — Мы состоим из плоти и крови, и мы бессмертны. Врубился? Правда, против смертных я ничего не имею, совы там или нетопыри... Но человек!

Гном содрогнулся.

— Никто из нас не выдержит вида человека!

— Я — человек! — ухватился за соломинку Крокетт.

— Был, — возразил Гру, — был человек. Такой же дерьмовый, как и нынешний гном. Но выбирать не приходится, ибо таков закон Нида.

— Ты объяснишь мне наконец ваш закон Нида? — возмутился оскорбленный Крокетт.

— Естественно, — покровительственно заявил Гру Магру. — Его установил первый Император гномов Подгран Третий. Каждый десятый человек, оставшийся под землей, преобразуется в гнома и остается с нами. Для поддержания плотности населения. Как и произошло в твоём случае. Усек?

— Нет, — слабым голосом ответил Крокетт, — не могу... Этот ваш Подгран был первым императором гномов... Почему он тогда Подгран Третий?

— Дурацкий вопрос, — сказал Гру Магру. — Поторопись.

Теперь он почти бежал, таща за собой совершенно ошалевшего Крокетта. Новоявленный гном еще не научился управляться со своим телом, и все время норовил наступить широченными сандалиями на мешающие руки.

Крайне нескоро верхние конечности согнулись в локтях и прижались к туловищу, позволив оглядеться по сторонам. Мимо проплывали однообразные стены, освещенные странным серебряным светом.

— Откуда здесь свет? — удалось выдавить Крокетту.

— Свет? — переспросил Гру Магру. — Это не свет.

— Но ведь вокруг не так уж темно...

— Не темно? А как бы мы смогли видеть, если бы вокруг не было темно?

Привыкнуть к логике гномов было невозможно. Крокетт еле успел перевести дыхание. Зачем, зачем он позволил увести себя из знакомой пещеры?!. Теперь никогда не удастся найти обратного пути... О Боже!

— Торопись, идиот!

— Зачем?..

— Мы опаздываем на битву.

Но они не опоздали. Следующий туннель просто кишел гномами, и все присутствующие яростно дрались. Мелькали красно-голубые блузы и шорты, луковичные головы крутились в воящем водовороте, и, по мнению Крокетта, тут явногодились любые приемы.

— Ура! — ликующе заорал Гру Магру. — Да здравствует драка! Я гений! Я учуял ее за шесть туннелей!..

Он немедленно пригнулся, и здоровенный камень, брошенный незнакомым злобным гномом, пролетел над его макушкой. Гру забыл о своем пленнике, бросился на агрессора, сбил его с ног и принялся методично стучать вражьи затылком об пол пещеры. Предельная громкость их голосов терялась в общем реве, сотрясающем стены.

Крокетт решил придерживаться нейтралитета, и это было его ошибкой. Вынырнувший из-за груды камней огромный лысый гном ухватил миролюбивого Крокетта за ноги, и Тим полетел во второй раз за сегодняшний жуткий день. С трудом вставая, он обнаружил под собой придавленного огненно-рыжего гнома с четырьмя большими бриллиантовыми пуговицами на блузе. Распластавшийся по полу поверженный противник выглядел весьма отталкивающе. Оглядев себя, Крокетт не обнаружил ни одной царапины.

По крайней мере, его тело было достаточно крепким.

Спасибо. Вы спасли меня, — слышался незнакомый голос

Крокетт оглянулся и понял, что если в природе и существует нечто уродливее гномов-мужчин, то это несомненно гном женского пола. Особенно сжимающий (сжимающая?) в руке внушительных размеров булыжник.

— Я не причиню вам вреда, — закричала гномка, стараясь перекрыть гул сражения. — Мугза пытался оторвать мне уши, а вы... Ой! Он встает!

Действительно, рыжий Мугза уже пришел в чувство и пытался с помощью поднятой толстой ноги переправить Крокетта на другой конец туннеля. Гномка тут же уселась коварному Мугзе на грудь и с помощью любимого булыжника вернула его в первоначальное состояние. Только тогда она встала и вернулась к остоленевшему Крокетту.

— Вы не ушиблись? Меня зовут Броки Бун. А вы новенький, вас притащил Гру Магру, я права?..

— Очень приятно, — соврал Крокетт. — Вы не знаете, из-за чего началась эта драка?

— Ее начала я, — охотно разъяснила Броки Бун. — Просто так. А потом подключились остальные.

— Просто так?

— Ах, ну да, ты же новенький... Слушай, ты был человеком, может быть, ты мне кое-что объяснишь? — Ее выпуклые глаза зажглись странным светом. — Как тебя зовут?

— Крокетт.

— Слушай, Крокетт, что такое поцелуй?

— ..?

— Ты понимаешь, однажды я сидела внутри холма, а снаружи трепались два человека мужского и женского пола. Сначала мужчина просил у женщины поцелуй, а потом раздался чмокающий звук, и женщина сказала, что это восхитительно.

— Очень интересно, — довольно тупо поддержал беседу Крокетт.

— И с тех пор меня терзают сомнения, потому что если какой-нибудь гном попросит у меня поцелуй, я не буду знать, что это за штука.

— Гномы не целуются, — наставительно заметил Крокетт.

— Зато гномы копают, — ответила Броки Бун. — А также гномы едят. Я люблю есть и не люблю копать. Поцелуй случайно не похож на похлебку из тины?

Кое-как Крокетту удалось объяснить любопытной Броки механику интересующего ее явления.

Гномка несколько минут молчала. Потом, с видом крайнего одолжения, она приблизилась к Тиму вплотную:

— Я дам тебе поцелуй.

Перед глазами Крокетта промелькнуло кошмарное видение: вся его голова исчезла без остатка в бездонном провале ее рта.

— Не стоит, — сказал он. — Я не хочу.

— Тогда я дам тебе по шее, — предложила Броки Бун компромиссный вариант, безо всякого перехода давая Крокетту в ухо узловатым кулаком.

— Ой, не надо!..

Броки с сожалением опустила руку и оглянулась вокруг.

— Драка кончилась... Жалко, правда?

Крокетт потер ушибленное ухо и обнаружил гномов, давно забывших о последних событиях и торопливо разбегающихся по своим делам. В туннеле снова царила тишина, нарушаемая лишь топотом гномьих ног. Сияющий и счастливый, к ним подошел Гру Магру.

— Хэлло, Броки, — сказал он. — Хорошая драка. Кого это ты?

— Мугзу, — ответила Броки, глядя на распростертого рыжего гнома. — Он до сих пор без сознания. Давай-ка пнем его напоследок.

Идея Броки претворилась в жизнь с большим энтузиазмом, и Крокетт подумал, что не хотел бы он быть на месте пинаемого Мугзы, даже в состоянии полного беспамятства.

Наконец Гру Магру утомился

— Пошли, — сказал он, беря Крокетта под руку.

Они двинулись вдоль туннеля, оставив Броки Бун прыгать на животе бесчувственного Мугзы.

— Вы, кажется, не имеете ничего против избиения людей, когда они без сознания? — заметил потрясенный Крокетт.

— Не людей, а гномов, — поправил его Гру. — А кроме того, так гораздо забавнее. Можно бить именно туда, куда хочется. И хватит трепаться. Новый день, новый гном. Идем, тебя нужно посвятить.

Гру принялся напевать какую-то гномовскую песню.

— Послушай, — перебил его вокальные упражнения Крокетт, мне пришла в голову одна мысль. Ты говоришь, что люди превращаются в гномов для поддержания стабильности вашего населения. Но если гномы не умирают, а новые продолжают прибывать — следовательно, гномов сейчас гораздо больше, чем ранее!.. И население растет.

— Заткни фонтан, — посоветовал Гру Магру. — Я пою.

Начисто лишенная мелодии песня вызвала у Крокетта сомнения в наличии у гномов национального гимна. А уж о колыбельных и говорить...

— Быстрее, — прервал размышления Тима Гру Магру. — Мы должны увидаться с императором. Он всегда видится с новыми гномами. И советую тебе произвести на него хорошее впечатление, или я суну тебя в лаву под приисками.

Крокетт оглядел испачканную одежду.

— Может, мне лучше привести себя в порядок? Я из-за этой драки весь перепачкался...

— Не оскорбляй священных принципов драки, — обиженно заявил Гру. — Кроме того, ты все видишь как-то не так.

— Но моя одежда грязна до отвращения!

— Ты себе льстишь! — сказал Гру, набирая под ногами пригоршню грязного песка и натирая им одежду, лицо и волосы Крокетта. — Вот теперь совсем другое дело!..

— Я... Тьфу! Спасибо... Тьфу! — раскashiлся новенький гном. — Надеюсь, я все же сплю, потому что...

Крокетту было явно не по себе.

Через некоторое время Гру втащил своего спутника в огромную каменную пещеру с тронном в дальнем углу, вытесанным из цельного валуна. На троне, поджав ножки, сидел маленький гном, погруженный в созерцание собственных ногтей.

— Пусть твой день будет вечен! — поклонился Гру. — Где Император?

— Ванну принимает, — грустно ответил маленький. — Надеюсь, он утонул. Утром тина, днем тина, вечером опять та же тина... Сначала слишком горячо, потом слишком прохладно, после слишком густо!.. Я себе пальцы стер до костей, намешивая тинные ванны. А благодарность? Одни пинки.

С каждой минутой голос маленького гнома звучал все жалобнее.

— Наверное, должно существовать понятие «быть чересчур грязным»? Три грязевые ванны, две тинные, и все в один день! Ну да, кто я такой, чтобы возражать... Я — грязевая кукла, так он называл меня сегодня. Дескать, в особо вонючей грязи попался ком... Так это я! Впрочем, почему бы и нет... Проклятая мешанина, в которой он валяется, даже червю испортит пищеварение. Идите, идите, Его Величество там, — гном ткнул ногой в направлении полукруглого свода.

Крокетта потащили в соседнее помещение, где в ванной, полной жирной, коричнево-черной грязи, сидел сонный обрюзгший гном. Лишь глаза сверкали через покрывавшую его плотную корку. Он зачерпывал из ванны пригоршни ее содержимого и

бросал на плешь, стараясь, чтобы грязь стекала равномерными каплями. Когда ему это удавалось, гном был очень доволен.

— Грязь... — утомленно прорычал он. — Что может сравниться со старой доброй грязью?.. Ничего.

Гру бухнулся лбом в пол, увлекая растерявшегося Крокетта за собой.

— Встаньте, — милостиво сказал Император. — Зачем церемонии... И кто этот новый гном?

— Закон Нида, — объяснил Гру. — Я нашел его наверху.

— Ну да, конечно... Давайте его сюда. Я — Подгран Второй, Император гномов. Что ты можешь на это сказать?

Ну что мог Крокетт сказать на это?

— Как же вы можете быть Подграном Вторым, если первый Император был Подграном Третьим?..

— Идиот, — прокомментировал вопрос Император, внезапно исчезая под поверхностью грязи. — Позаботься о нем, Гру, — донеслось оттуда, — вначале антрацит, и никакой еды во время работы. Первая грязевая ванна через сто лет добросовестного труда...

Львиный рык императора стер в мозгу Крокетта ужас предстоящих перспектив добросовестного труда и грязевых ванн.

— Друк!!!

Поспешно приковывал перепуганный маленький гном.

— Ваше Величество, неужели грязь недостаточно теплая?

— Ты — нуль, разделенный на нуль! — зарокотал Подгран. — Ты — слюнявый ублюдок шести тысяч различных зловоний! Ты — крысоухий, вислошей, извивающийся гнойный прыщ на добром имени гномов! Ты — ошибка геодезии! Ты...

Друк аккуратно влез во временный перерыв обвинительной речи Императора.

— Это лучшая из лучших ароматических грязей, Ваше Величество! Я лично отбирал ее...

— В ней червяк!!!

В ванне поднялась буря, и бушующее величество исчезло окончательно в коричневых волнах. У Крокетта заложило уши. Он съежился и позволил Гру Магру утащить себя прочь.

— Хотел бы я встретиться со стариком в драке, — заметил Гру в безопасных глубинах переходов. — Но он наверняка прибежал бы к колдовству. Самый лучший император из всех, бывших ранее. Ни одной чистой клеточки на всем грязном теле!

— А что будет со мной? — заикаясь, спросил Крокетт.

— Ты что, оглох? Будешь копать антрацит. И если посмеешь съесть хоть крошку, я вобью ее в тебя вместе с зубами!

Размышляя над особенностями явно дурного характера гномов, Крокетт послушно отправился в галерею, где несколько дюжин разнополых гномов остервенело тыкали в стены кирками и мотыгами.

— Здесь, — сказал Гру. — Давай. Двадцать часов будешь работать. Шесть часов спать.

— А потом?

— Потом двадцать часов работать. И шесть спать. Повторить? И не смей прерывать работу, разве что ради драки.

— А как я выясню местонахождение антрацита?

— А как я нашел тебя? — нетерпеливо перебил Гру. — Гномы связаны с металлами, и у нас есть некоторые особенности. Подумай об антраците.

Крокетт повиновался и с удивлением обнаружил, что его развернуло лицом к ближайшей стене.

— Полагаю, это результат функциональной эволюции, — усмехнулся Гру. — Подумай о золоте или других подземных месторождениях, и ты их сразу почувствуешь. Это так же сильно, как отвращение к дневному свету. Когда мы приближаемся к свету, он нас отталкивает. Но я однажды видел дневной свет. И человека.

Гру Магру содрогнулся.

— Гномы не выдерживают вида человека. Все-таки есть предел уродливости! Так что и ты старайся держаться подальше от света и людей. Здоровье того стоит.

Крокетт погрузился в размышления. Повинуясь своим новым ощущениям, он сможет выбраться из путаницы туннелей?.. Ну что ж, потом он хотя бы окажется на поверхности.

Раздумья были прерваны всунутой в руки киркой.

— Вот здесь. Приступай.

— Спасибо... — начал было Крокетт, но Гру неожиданно пнул его и отправился восвояси, довольно напевая себе под нос.

Появившийся гном-надсмотрщик; увидев бездействующего Крокетта, он ткнул бедного работника в уже распухшее ухо и подтвердил приказ работать.

Волей-неволей пришлось Крокетту брать кирку в руки.

— Эй, Крокетт! — знакомый голос оторвал Тима от унылого отколупывания кусков антрацита.

Это была Броки Бун, работавшая вместе с остальными и теперь весело улыбавшаяся новому приятелю.

— Не волнуйся, ты долго здесь не пробудешь, — утешила она Крокетта, — лет десять, не больше, пока не попадешь в переделку, а уж потом тебя поставят на действительно тяжелую работу.

Кирка выпала из ослабевших рук Крокетта.

— О Господи! Да у меня и так уже руки отваливаются... А ты давно тут вкалываешь?

— А я на антраците редко бываю. Обычно меня наказывают и переводят на металлы. Дело в том, что антрацит я ем.

Она с громким треском продемонстрировала свои способности. Крокетт содрогнулся. И к ним тут же подошел надсмотрщик.

— Что это за перекур? — рявкнул он. — А ну, живо!..

— А мы как раз собрались драться, — сообщила Броки в качестве оправдательного аргумента.

— Драться? Только вдвоем? Или мне тоже можно присоединиться?

— Можно, — согласилась неженственная гномка и ударила киркой по затылку ничего не подозревавшего Крокетта. Он угас в одно мгновение.

Очнувшись через некоторое время от жестких толчков под ребра, Крокетт обнаружил себя в том же туннеле, в окружении гномов, складывающих нарубленный антрацит.

— Очнулся? Давай принимайся за работу!

Окрик надсмотрщика вынудил Крокетта автоматически повиноваться.

— Слабенький ты какой-то... — не унывающая Броки Бун уже стояла рядом. — Ты пропустил самое интересное. Я получила в челюсть. Видишь?

Она продемонстрировала свой синяк. Крокетт торопливо защитился киркой. Теперь он был опытнее.

...Копать... копать... Двадцать часов работы, шесть — сна... двадцать — работы, шесть... копать... копать...

— Я думаю, из тебя получится хороший гном, — комплимент Броки вывел его из ступора. — Ты здорово привык. Кем ты был? Шахтером?..

— Я?..

Внезапно Крокетт замолчал. В его глазах зажегся странный свет.

— Я был профсоюзным рабочим организатором.

— Кем?!

— Ты что-нибудь знаешь о профсоюзах, — пристально глянул на нее Крокетт, — или об условиях труда?

— Ты задаешь непонятные вопросы... Объясни.

Крокетт объяснил. Такого объяснения не напечатал бы даже профсоюзный орган «Возрождение». Оно было, как бы это сказать, несколько упрощенным. У Броки Бун был озадаченный вид.

— Я не понимаю тебя до конца, но, по-моему, это здорово.

— Еще как здорово! — поддержал Крокетт. — Неужели ты никогда не устаешь от двадцатичасового рабочего дня?

— Разумеется, устаю...

— Тогда зачем так работать?

— Мы все так работаем, — не поняла опять Броки.

— А если остановиться?

— Меня накажут. Побьют сталактитами.

— Ну, а если остановятся все? — настаивал Крокетт. — Каждый распроклятый гном! Если устроить сидячую забастовку?

— Ты ненормальный, — заявила Броки. — Под землей никогда не бывало сидячих забастовок.

— Поцелуев под землей тоже никогда не бывало — возразил Крокетт. — Нет, нет, он мне не нужен!.. И драться я тоже не хочу. Да дослушай ты до конца! И пойми, что рабский труд угнетенных гномов служит поддержкой привилегированным классам и Императору лично.

— При чем тут классы? Мы просто работаем. Так хочет Император.

— А сам Император когда-нибудь работает? — торжествующе заорал Крокетт. — Нет! Он только ванны грязевые принимает! Почему он один? Каждому гному по грязевой ванне! Каждому гному по..!

Политически неграмотная Броки Бун клюнула на приманку, схватила ее и проглотила. Через час она уже согласно кивала.

— Каждому гному!..

— Правильно, Крокетт. Я сообщу остальным сразу после работы, в Ревущей пещере.

— Сколько мы сможем собрать гномов?

— Вначале не очень много... Тридцать, или около того.

— Нам необходим твердый план. И жесткая организация. Мы... Броки Бун начала терять интерес.

— Давай драться.

— Замолчи и слушай. Нужно избрать совет. Кто у вас главный нарушитель спокойствия?

— Я думаю, Мугза. Ну, тот рыжий, которого ты сбил с ног, а я добавила. Булыжником. Булыжник — оружие гномов.

Крокетт задумался. Злитесь ли на него Мугза? Вряд ли. Тем более, что Мугза с его бриллиантовыми пуговицами был эквива-

лентен местному герцогу, и его поддержка могла оказаться весьма ценной.

— Хорошо. Пусть будет Мугза.

— И Гру Магру. Он обожает все новое, особенно если оно приводит к неприятностям.

Сам Крокетт не одобрил бы этих кандидатур, но предложить другие он не мог.

— Было бы неплохо заполучить особу, приближенную к Императору... Как насчет месителя грязевых ванн? Как там его, Друк, что ли?

— Договорились. Это я устрою.

Броки все-таки остыла к идее профсоюза и принялась поедать близлежащий антрацит. Возник надсмотрщик, и дело кончилось традиционной дракой, из которой Крокетт вышел с подбитым глазом. Чертыхаясь про себя, он вернулся к процессу копания.

Но этой ночью должно было произойти небывалое — собрание заговорщиков.

И как ни хотелось Крокетту спать, он не мог позволить себе упустить такую возможность.

В противном случае бессмертное будущее превращалось в непрерывное ковыряние антрацита. Может быть, организовав гномскую забастовку, он сумел бы оказать давление и на Подгрانا Второго? Гру Магру говорил, что император — колдун... Не способен ли он превратить Крокетта в человека?

— Он никогда такого не делал, — возразила Броки Бун.

Крокетт обнаружил, что говорит вслух. Но удержаться он уже не мог.

— А если бы захотел?

Броки пожала плечами. Но крохотный огонек надежды уже зажегся перед Крокеттом.

Копать... копать... копать... спать.

Чувство опасности выбросило его из кошмарных сновидений.

Крокетт сел, инстинктивно уворачиваясь от удара Гру Магру, направленного в голову спавшего.

— Извините, что я так невовремя проснулся, — язвительно заметил Крокетт, — иначе вы могли бы пнуть меня еще раз.

— Успеется, — ответил Гру. — Что тут у вас затевается? Я собрался лечь, но Броки сказала, что намечается большая драка. Когда?

— Сначала надо поесть, — решительно сказала Броки. — Я пойду готовить грязевой суп.

Она отошла в угол и занялась стряпней, а Крокетт принялся излагать собравшимся свою точку зрения.

Идея профсоюза была принята довольно сносно — в основном из-за перспектив крупного побоища. Мирное сопротивление не укладывалось в задубевшие гномьи мозги.

— Как же это я откажусь работать, — не понимал ортодоксальный Друк. — Этот старый болотный слизняк Подгран не может без тинных ванн. Откажусь я или нет, он все равно погонит меня за тиной.

— А кто тебя поведет? — спросил Крокетт.

— Охрана.

— Так охрана тоже будет бастовать, олух!

— Не знаю, как охрана, а меня он точно заколдует, — продолжал сомневаться упрямец.

— Ну не станет же он всех заколдовывать! — продолжал доказывать Крокетт.

— Станет. Он очень нехороший. Хуже Гру. Он всех дорнсетских гномов превратит в сталактиты. Или во что-то еще. А меня — первого.

Но Крокетт не мог поверить подобному утверждению. Оно в корне расходилось с пониманием классовой психологии и экономических мер борьбы.

— А ты что скажешь? — переключился он на хмурого Мугзу.

— Я хочу драться, — злобно заявил тот. — Я хочу кого-нибудь пнуть. Лучше сейчас.

— А три грязевые ванны в день ты не хочешь?

— Хочу. Но Император мне не позволит. Он любит, когда я копаю.

— Идиоты! — в отчаянии завопил Крокетт. — Неужели копанье важнее всего на свете?!

— Нет, — хором ответили гномы. — Драка важнее.

И тут Крокетта посетило вдохновение.

— Так в этом же все и дело! Ваш вшивый император собирается издать закон о запрещении ДРАК!!!

Он и не подозревал об эффективности своего хода.

— Ни за что! Мы всегда дрались! — это был разъяренный Гру.

— А теперь не будете! — подлил масла в огонь Крокетт.

— Не будем?

— Не будете! Всякий оставшийся в живых гном будет тихим и покладистым!

— Пошли дадим Подграну в морду! — предложил Мугза, вскакивая и опрокидывая на Крокетта горшок с горячим супом.

— Ни за что! — подпрыгнул обожженный лидер. — Это не наши методы! Забастовка — вот то, что нам нужно. Что будет делать Подгран, если мы все сядем и откажемся работать?

Маленький Друк задумался.

— Он будет ругаться. Меня двинет.

— А потом?

— Потом двинет еще раз.

— Ну а дальше, дальше?!

— Дальше пойдет заколдовывать всех. Туннель за туннелем.

— Не пойдет. Солидарность — вот в чем наше спасение. Когда будет объявлено о забастовке, мы должны собраться все вместе, в самой большой пещере. Не захочет же Император стать правителем без подданных!

— Годится Пещера Совета, — поддержал идею Гру. — За тронной комнатой.

— А сколько гномов к нам присоединятся? — спросил Крокетт.

— Все, — пробурчал Мугза, запуская пустым горшком в голову Друка.

— А какое оружие может использовать Подгран?

— Яйца Кокатрис, — с дрожью в голосе сказал Друк, выискивая самый острый обломок горшка.

— Яйца?..

— Это не настоящие яйца, — объяснил Друк, — а волшебные, для заклинаний. Зеленые, как мне кажется, для превращения гномов в дождевых червей. Работают примерно на двадцать футов. Красные... по-моему, для превращения в людей... А голубые...

У Крокетта расширились глаза.

— А где он прячет яйца?

— Кончайте базар, — встрял в беседу утомленный Мугза. — Давайте драться.

Он прыгнул на Друка, нашедшего все-таки самый острый обломок горшка. Броки Бун и Гру Магру с радостью поддержали инициативу, и пещера загудела от возбужденных воплей. Пытавшийся вмешаться Крокетт волей-неволей был втянут в самую гущу свалки.

После Крокетт долго вспоминал чувство удовольствия, которое он испытал, хватая Мугзу за волосы. Да и раскопки антрацита уже не вызывали в нем прежнего отвращения. Возможно, и Гру Магру, и Броки когда-то были людьми? Тогда надо поторопиться, пока гномовская извращенная психология не завладела Крокеттом окончательно. Он даже начинал чувствовать отвращение к дневному свету. Скорее, скорее добраться до Подграня; хотя тот и не был

гномом с высоким коэффициентом интеллекта, но колдуном он был наверняка. Яйца Кокатрис. Красные... Забастовка.

Утром Броки накормила его супом. Видимо, сказывался ее давнишний интерес к поцелуям. Время от времени она предлагала Крокетту один, но он неизменно отказывался. Тогда она стала кормить его завтраками.

Доедая заржавленный обломок, Крокетт утешал себя тем, что уж железа он вводит в организм достаточно. Вначале он задумался о своих внутренних органах, но они представлялись в виде отвратительной зубчатой передачи и доставили Крокетту немало неприятных минут. Может быть, подсыпать Императору наждака? Хотя вряд ли это выведет его из строя...

— Как насчет забастовки, Броки?

— Отлично, — она улыбнулась, и Крокетт содрогнулся. — Сегодня все гномы соберутся в Пещере Совета. Пошли копать.

Копать... копать... а тут еще этот проклятый надсмотрщик... Копать... драться... Через пять столетий закончился бесконечный рабочий день...

Поток гномов вливался в Пещеру Совета, полную зеленых блестящих сталактитов. Головы-луковицы, огромные рты, глаза... Драки завязывались дюжинами.

Гру Магру, Мугза и Друк заняли места возле Крокетта. На полу пристроилась Броки Бун.

— Давай, — шепнула она. — Скажи им про все.

Крокетт взобрался на выступ, оглядел ряды гномов, залитые сверхъестественным серебристым сиянием.

— Товарищи гномы!

Слабый голос его усилился акустикой пещеры и громом прокатился под сводами. Это придало Крокетту бодрости.

— Товарищи гномы! Почему мы должны трудиться по двадцать часов в день? Почему мы не смеем есть антрацит, выкопанный нашими же натруженными руками?! И в это же самое время кровосос Подгран сидит в своей ванне и потешается над вами! Над нами, товарищи гномы, ибо я теперь один из вас! И я знаю, что Император один, а нас много! И нам тоже нравится грязевой суп! Три раза в день! И если мы все, как один, сплотив ряды, откажемся работать, то никакая сила не заставит нас повернуть!

Крокетт выдержал внушительную паузу. Теперь пора тронуть самую чувствительную струну гномьих сердец.

— Знайте же, что кровосос (нет, кровосос уже был...) захребетник Подгран! — он будет отнекиваться, он будет отрещиваться от идеи закона, запрещающего драки! Но поверим ли мы Императору? Нет, нет и еще раз нет! Тысячи гномов встанут на защиту

своих прав и властям придется капитулировать перед единством наших сердец!

— Я не знаю насчет капитуляции, но заколдует он нас наверняка, — печально пробормотал пессимист Друк.

— Не посмеет! Не всегда императорский бутерброд будет падать грязью вверх! И это будет наше последнее слово!..

Последнее слово выразилось в грандиозной свалке. Но Крокетт был доволен. Завтра гномы не выйдут на работу. Завтра все они соберутся в Пещере и будут ждать развития событий.

Этой ночью он спал хорошо.

Утром Крокетт отправился в Пещеру Совета, прихватив с собой непривычно тихую Броки Бун. Величие происходящего наложило отпечаток на ее бурную натуру.

Пещера, вмещавшая с легкостью тысячи красно-голубых гномов, выглядела весьма красиво. «Да, — подумал Крокетт, — так оно и должно быть. Или сегодня, или никогда...»

Вошел унылый Друк.

— Из-за вас я не приготовил Императору грязевой ванны, — дрожащим фальцетом произнес он. — Он в ярости. Слышите?

Действительно, из-за одной стены доносились отдаленные скрипящие звуки непонятного происхождения. Впрочем, теперь понятно.

Подошли Мугза и Гру Магру.

— Он придет совсем один, — радостно сказал Гру. — Вот это будет драка!

— Будет... — проворчал Мугза. — Я уже не могу терпеть... Давайте драться сейчас!

— Вон в углу спит какой-то гном, — поспешно сказал Крокетт. — Если ты до него доберешься, то получишь полное удовлетворение.

Мугза собрался было отправиться на поиски, но как раз в это время в пещеру вошел Подгран Второй, Император Дорнсетских гномов.

Крокетт впервые увидел его без грязевого покрытия и сразу пришел к мысли, что император соединяет в своей особе самые отвратительные черты каждого ранее виденного Крокеттом гнома. Полученный результат не поддавался описанию.

Подгран остановился, покачиваясь на коротких кривых ногах.

— У меня гости, — прорычал он. — Ага! Друк!.. Где, во имя девяти испаряющихся геенн, моя утренняя ванна?!

Друк моментально исчез из императорского поля зрения.

С кровли сорвался сталактит и упал перед замолчавшим Подграном. Крокетт шагнул вперед и попытался использовать обрзовавшуюся паузу.

— Мы бастуем, — несколько неуверенно объяснил он. — Это сидячая забастовка. И мы не пойдем в шахты до тех пор, пока...

Стены содрогнулись от Подграньего рева.

— А-а-а!.. Что я слышу?! Ах ты лупоглазый, плоскязычный ублюдок кастрированного нетопыря! Пятно проказы на брюхе земляного червя! Паразит и потомок пара...

Бурный эмоциональный монолог был прерван нетерпеливым Мугзой, так и не добравшимся до спящего гнома.

— Драться! — завопил он и ринулся на Императора, но был сбит с ног весьма умелым тычком.

Крокетт повысил голос, пытаясь преодолеть сухость в горле.

— Ваше Величество, если вы сооблаговолите выслушать...

— Ты злокачественный нарост в подкрыльях дегенеративной летучей мыши! — продолжил Подгран Второй описание Крокетта. — Я вас всех заколдую! Забастовка, тридцать три кирки тебе и пять мотыг! Я остался без грязевой ванны! Клянусь Кроносом, Пидсом и Локки, вы пожалеете об этом!..

— Яйца Кокатрис! — прошептал Крокетт Гру Магру и Броки Бун. Не дайте ему добраться до них!

— Как же!.. — на этот раз пессимизм вынырнувшего Друка был вполне оправдан. — Они не в тронной зале. Подгран вытаскивает их прямо из воздуха.

В наступивший стратегический момент худшие инстинкты Броки Бун проявились со всей полнотой. С воплем восторга она сбила ошеломленного Крокетта с ног и кинулась к Императору.

Пурпурный от бешенства Подгран вдавил свой узловатый грязный кулак в ее макушку и взмахнул свободной рукой.

На его широкой ладони засверкало желтое яйцо.

Яйцо Кокатрис.

Рева, как раненый слон, Подгран швырнул его в толпу, и среди гномов мгновенно очистился круг двадцати футов в диаметре.

Вместо исчезнувших забастовщиков в воздухе захлопали крыльями дюжины летучих мышей, увеличивая суматоху и панику.

Хаос охватил Пещеру Совета. С криками ярости и восхищения гномы бросились на Императора.

— Бей! — отдавался стократным эхом боевой клич от замесших стен.

Подгран выхватил из ниоткуда следующий кристалл — на этот раз зеленый! — и двадцать семь земляных червей, еще секунду назад бывших гномами, были растоптаны наступающими. Образовавшаяся брешь мгновенно заполнилась новыми бойцами.

Крокетт присел за сталагмитом и погрузился в созерцание побоища. Оно заслуживало всяческого увековечивания, но нервным и детям не стоило бы рекомендовать подобные зрелища.

Яйца Кокатрис взрывались нескончаемым потоком. Те, кто оказались на границе двадцатифутового кольца, превращались частично. Крокетт видел гномов с головой ночной бабочки, червей до середины туловища... Остальные не находили аналогов даже в самой изощренной мифологии.

Все новые порции гномов ныряли в жуткий грохот и осыпающиеся сталактиты — и все новые мыши, моли, нетопыри и прочие уроды наполняли пещеру.

Крокетт зажмурил глаза и стал молиться.

Когда он снова осмелился взглянуть на поле боя, Подгран как раз выхватил из воздуха красный кристалл.

Император помедлил и положил его рядом с собой на пол. На свет появилось бирюзовое яйцо, и тридцать гномов растворились в его сиянии, превратившись в жаб.

Ряды нападавших редели, поток яиц Кокатрис был неисчерпаем, и лишь Подгран имел явный иммунитет против своего волшебства. Крокетт понял, что конец близок. Рано или поздно, но очередь дойдет и до него.

Красный кристалл... Что-то знакомое вертелось в памяти и никак не хотело оформляться. Ах, да! Подгран не пользуется им, потому что красное яйцо превращает гнома в человека, а сам вид человека ненавистен Императору! И если бы Крокетт смог добраться до кристалла...

Крокетт прокрался вдоль стены и, минуя волну гномов, превратившихся в сов, дополз до вожака яйца. Оно было гладким и холодным. Все получилось на удивление легко.

Крокетт собрался было бросить яйцо у своих ног, но ему вдруг стало зябко и неуютно. Ни один человек не сумел бы выбраться из лабиринта Дорнсетских гор. Но гном... Гном бы выбрался наверняка!

У самого носа Крокетта пролетела летучая мышь, что-то восторженно вереща голосом Броки Бун. Прежде чем бежать, обладатель красного яйца окинул Пещеру Совета прощальным взглядом.

В ней царила полная неразбериха. Нетопыри, черви, утки, мокрицы и уж совсем непонятные создания бегали, летали, кусались, гадили и кричали повсюду. Оставшиеся гномы постепенно присоединялись к порождениям императорских кристаллов, разбегаясь в поисках укрытия.

— Бастовать?! — ревел Подгран. — Я вам покажу! Вы у меня узнаете, почему фунт угля!..

Крокетт решил не дожидаться обещанного и нырнул в ближайший туннель. Там он сосредоточился на дневном свете, и его левое ухо ощутило давление. Он бросился вперед, не упуская новых ощущений и сжимая в руке драгоценный кристалл.

Шум битвы затихал в отдалении.

Мерзкий, злобный и тупой старикашка! Он, наверное, не остановится, пока не уничтожит всех своих подданных! Еще ни разу на поверхности бастующие не сталкивались с такими тотальными ответными мерами. Хорошо хоть толстые ноги Крокетта оказались достаточно проворными...

Размышления о достоинствах гномьих ног были прерваны синхронным топанием позади.

Поток диких ругательств, достигший ушей Крокетта, ясно указал имя преследователя, и Тим не стал оборачиваться. Вне всякого сомнения, озверевший Подгран очистил Пещеру Совета до последнего гнома и теперь намеревался исполнить свои многочисленные обещания по поводу удравшего возмутителя спокойствия.

Ведомый реакцией на свет, Крокетт пулей мчался по коридорам. Если бы он не знал преследователя слишком хорошо, то вопли Подгрانا вполне способны были сойти за крики целой армии гномов.

Быстрее! Еще быстрее!.. Увы, Подгран стал не только слышен, но и виден.

Крокетт подпрыгнул, свернул за угол и увидел вдали поток света, каким он кажется глазам гнома. Поздно! Корявая рука Подграна через несколько секунд вцепится в тощее Крокеттово горло...

Завизжав, Крокетт замахнулся яйцом Кокатрис. Если он успеет превратиться в человека, Подгран не сможет до него дотронуться!..

Император, видя ускользающую от наказания жертву, выхватил из воздуха целую обойму разноцветных кристаллов и запустил всю радугу в Крокетта. Они разорвались одновременно с красным яйцом — и крыша туннеля, не выдержав взрыва, задрожала и обвалилась.

Спустя некоторое время Крокетт с трудом выкарабкался из-под обломков. В нескольких шагах от него стоял невредимый Подгран. Император посмотрел на задыхающегося Крокетта, потом издал леденящий душу вопль ужаса и растаял в темноте туннеля. Звук его шагов быстро удалялся.

Крокетт с трудом выпрямился. Гномы боятся людей... Вот оно что! Слава богу!..

Он почувствовал даже большее облегчение, чем думал. Подействовало ли колдовство? — его смущала брошенная Подграном вереница яиц Кокатрис. Но все-таки первым разбился красный кристалл! Глубины пещер теперь были привычно черными и молчаливыми.

Выбравшись наружу, счастливый Крокетт улыбнулся навстречу теплomu вечернему солнцу, спускающемуся за такой родной горизонт. Он стоял у подножья Дорнсетских гор, среди зарослей ежевики. Сотней футов ниже по крохотному полю ходил фермер с плугом.

Крокетт заковылял к пашущему. При его приближении человек обернулся.

Некоторое время фермер стоял неподвижно, с выражением лица, напоминавшим Подграново, потом дико заорал и кинулся наутек.

Заколебавшийся Крокетт, вспомнив о разноцветных яйцах Кокатрис, с трудом повернул шею и осмотрел собственное тело.

Крик, вырвавшийся из груди многострадального Крокетта, ничем не напоминал звуки, которые способно издавать человеческое существо.

И все же он был вполне естественен при данных обстоятельствах.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ГЕНРИ КАТТНЕР 1914 — 1958. Известный американский писатель-фантаст; родился в Лос-Анжелесе. Заинтересовался фантастикой, читая журнал «Рассказы о духах», и его первый рассказ «Могильная крыса» был опубликован в мартовском выпуске этого журнала за 1936 год. В рассказе заметно сильное влияние Лавкрафта. За исключением периода военной службы, Каттнер всю свою самостоятельную жизнь был писателем. Депрессия помешала ему получить образование, поэтому в конце жизни он снова начал учиться. Во время войны он становится главным автором журнала «Поразительная научная фантастика», используя различные псевдонимы. Наиболее известный из них — Льюис Пэджетт. В 1940 году он женился на Кэтрин Л. Мур, и с тех пор они писали преимущественно в соавторстве под псевдонимом Лоуренс О' Доннел.

Каттнер известен, прежде всего, как автор научно-фантастических рассказов. Ему принадлежат следующие сборники:

«Жил-был гном», 1950, под псевдонимом Льюис Пэджетт — 11 НФ рассказов.

«У роботов нет хвостов», 1952, под псевдонимом Льюис Пэджетт — 5 рассказов об изобретателе Галлахере.

«Впереди времени», 1953 — 10 рассказов.

«Дорога в завтра», 1954 — 7 рассказов.

«Мутант», 1953, под псевдонимом Л. Пэджетт. Цикл из 5 НФ рассказов.

«Обходной путь в непохожесть», 1961 — 8 рассказов.

«Возврат к непохожести», 1962 — 8 рассказов.

Каттнеру принадлежат также несколько романов:

«За воротами земли», 1949 — в соавторстве с К. Мур. Роман о злом демократическом обществе, по сравнению с которым наша Земля — рай.

«Темный мир», 1946 — красочный мистический роман в духе Меррита.

«Последняя крепость земли», 1943 — в соавторстве с К. Мур — борьба с могущественными пришельцами за существование человеческой расы.

«Ярость» (вариантное название «Место назначения — бесконечность»), 1947 — под псевдонимом Л. О'Доннел.

«Долина пламени», 1946 — под псевдонимом К. Хэммонд — в джунглях Амазонки затерянная раса, происходящая от ягуаров, погибает, когда гаснет «пламя».

«Ось времени», 1949 — борьба за господство во времени.

«Источник миров», 1952, под псевдонимом Л. Пэджетт — роман об альтернативных вселенных.

СОДЕРЖАНИЕ

Темный мир	7
Источник миров	111
Ярость	225
Здесь был гном	375
Сведения об авторе	398

Каттнер Генри

Темный мир. Источник миров. Ярость: Романы; Здесь был гном: Рассказ. — Т.2 — Ростов н/Д.: Гермес, 1992. — 400 с., ил. — (Библиотека фантастики).

ISBN 5—87022—001—7

В настоящую книгу включены три романа и рассказ, входящие в число наиболее значимых произведений одного из крупнейших американских писателей Генри Каттнера, также известного под псевдонимами Льюис Пэджетт, К. Хэммонд, Лоуренс О'Доннел и др.

Для широкого круга читателей.

К 4703040000 — Без объявл. ББК 84.7США-4

Литературно-художественное издание
Серия «Библиотека фантастики»

Каттнер Генри

Темный мир. Источник миров. Ярость: Романы; Здесь был гном: Рассказ.

Редактор *Д. Е. Громов*
Художественный редактор *О. С. Ладыженский*
Технический редактор *А. Г. Бобита*
Корректор *Б. Л. Громова*

Подписано в печать 20.01.92. Формат 84х108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 21. Тираж 100 000. Заказ 18.

Подготовка оригинал-макета МП «Информатика и техника». Издательство «Гермес». 344092, Ростов-на-Дону, ул. Комарова, 11. Отпечатано в ИПК «Царицын». 400066, Волгоград, Привокзальная площадь.

В
следующей книге
серии
«Библиотека фантастики»
Вы познакомитесь
с эпопеей А. Азимова
«Основатели»,
получившей в свое время
премию «Хьюго»
«За лучшую серию всех времен».

